

ТЗ(4/9)
Д/10

Т.А. ДЖЕКСОН

БОРЬБА
ИРЛАНДИИ
ЗА
НЕЗАВИСИМОСТЬ

И*Л

Издательство
иностранной
литературы

T. A. JAKSON

IRELAND HER OWN

AN OUTLINE HISTORY OF
THE IRISH STRUGGLE FOR NATIONAL
FREEDOM AND INDEPEDENCE

LONDON

1946

Т. А. ДЖЕКСОН

БОРЬБА ИРЛАНДИИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Р. А. РОЗЕНТАЛЬ и Г. В. КОНЮШКОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ
В. ГРИГОРЬЕВА

1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

После окончания второй мировой войны, после поражения фашизма, решающая роль в разгроме которого принадлежит Советскому Союзу, борьба колониальных народов против империалистического гнета приняла особенно широкий размах. Мощный подъем национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах поставил под угрозу тылы капиталистической системы. Особенно серьезный удар это демократическое движение нанесло британскому империализму, вся история которого представляет собой цепь непрерывных и жестоких колониальных войн. В результате этих войн народы многих стран почти во всех частях земного шара постигла жестокая участь — стать колониальными рабами Британской империи. Но в дни, когда существует Советский Союз — оплот мира, справедливости и демократии, когда в странах Восточной Европы установлена подлинная народная демократия, когда народы остальных стран ведут ожесточенную борьбу против судорожных усилий англо-американского империализма утвердить свое господство над миром. — в эти дни колониальные народы под руководством коммунистических партий поднялись на борьбу за свою свободу, за государственную независимость. Они не желают больше жить по-старому, а империализм, и в частности британский империализм, не может больше по-старому управлять. Поэтому все попытки подавить антиимпериалистическое движение военной силой наталкиваются на все возрастающее вооруженное сопротивление народов колоний, примером чего в данный момент является героическая борьба народов Индонезии, Вьетнама и др.

Чтобы ослабить национально-освободительное движение и тем самым укрепить свои сильно подорванные позиции в колониях и зависимых странах, английские империалисты прибегают к различным демагогическим приемам, к некоторым конституционным уступкам вроде «предоставления» Индии и Пакистану статута доминиона, «дарования независимости» Бирме и др.

Особое место в арсенале этих тактических средств английских монополистов занимает использование предательской политики английских лейбористов, «стремящихся скрыть подлинную

разбойничью сущность империалистической политики под маской демократии и социалистической фразеологии, а на деле во всем являющихся верными пособниками империалистов» *.

В этих условиях выход в свет книги, раскрывающей преступный, агрессивный характер английского колониального империализма и разоблачающей лживые легенды его буржуазных апологетов о мнимо «цивилизаторской» роли британского империализма в колониях, является весьма актуальным и своевременным.

Именно такой является книга английского историка-коммуниста Т. Джексона «Борьба Ирландии за независимость», в которой автор разоблачает зверства британского империализма в Ирландии и те методы национального угнетения, к которым на протяжении почти восьми веков английские правящие круги прибегали для сохранения в Ирландии колониального режима. Ирландия была первой страной, попавшей под британское господство. Она же первая подняла знамя борьбы против жестоких колонизаторов. Поэтому так называемый «ирландский вопрос» давно уже привлекал внимание передового человечества, доказательством чего служит тот факт, что классики марксизма-ленинизма всегда проявляли большой интерес к борьбе ирландского народа за свою независимость, и нет ни одного более или менее крупного события в истории Ирландии, которое не нашло бы отражения в произведениях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Уже в своей работе «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс много места уделяет положению ирландских рабочих, причинам ирландской эмиграции и ее влиянию на английское рабочее движение, а Карл Маркс посвятил многие страницы «Капитала» ирландскому вопросу.

Анализируя ирландский вопрос, Маркс и Энгельс разоблачали колониальную политику английского правительства — политику «разделяй и властвуй», и призывали английский и ирландский рабочий класс к совместной борьбе за свое освобождение. Маркс и Энгельс показали, что Ирландия является наиболее уязвимым местом английского капитализма и что именно здесь, в Ирландии, ему должен быть нанесен первый удар. При этом К. Маркс и Ф. Энгельс боролись со всякого рода националистическими предрассудками английских рабочих, воспитывая английский и ирландский пролетариат в духе интернационализма и социализма. «Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе, — писал В. И. Ленин в начале 1914 г., — дала величайший, донныне сохранивший громадное *практическое* значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям» **.

* Декларация Совещания представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., М., 1948 г., стр. 8.

** В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 412.

К. Маркс и Ф. Энгельс не только посвятили ряд статей Ирландии, но принимали практическое участие в ирландском освободительном движении и систематически разрабатывали ирландский национальный вопрос в духе принципов пролетарской национальной политики. Не случайно поэтому создатели большевистской национальной политики Ленин и Сталин неоднократно обращались к статьям и письмам Маркса и Энгельса, посвященным основным проблемам Ирландии.

В своей книге «Борьба Ирландии за независимость» Джексон показывает участие К. Маркса и Ф. Энгельса в борьбе ирландского народа за свое освобождение. Однако автор книги весь успех практической деятельности Маркса сводит лишь к организации выступлений I Интернационала за амнистию для фениев. Действительно, составленная К. Марксом и единогласно принятая Генеральным советом I Интернационала резолюция, а также резкие статьи К. Маркса о положении ирландских политических заключенных вызвали широкое общественное движение в пользу амнистии, вынудившее английское правительство объявить эту амнистию. Но это только часть успешной практической деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса.

Под руководством К. Маркса секции I Интернационала в ряде стран активно выступили в поддержку Ирландии. Активность I Интернационала в ирландском вопросе помогла созданию секций I Интернационала в Дублине, Корке и в самой Англии. При этом ирландские секции поддерживали Маркса в его борьбе против Бакунина и других оппортунистов. Выдающаяся роль Маркса и Энгельса в борьбе ирландского народа за независимость заключается в том, что они теоретически и практически заложили основу будущего пролетарского движения в Ирландии.

Произведения Маркса и Энгельса по ирландскому вопросу помогают разоблачать многочисленные извращения, допускаемые английскими буржуазными историками, которые в изложении событий придерживались не исторической истины, а известных слов графа Эссекса, сказанных им королеве Елизавете: «Для нас полезно излагать историю наших споров самим, не дожидаясь, чтобы это сделали ирландцы» (см. текст, стр. 39).

Энгельс дает следующую характеристику буржуазной историографии: «Буржуазия все превращает в товар, а следовательно, также и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар; фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»*.

* Архив Маркса и Энгельса, Соч., т. X, стр. 104.

В свете этого высказывания Энгельса, его рукописи, посвященные истории закабаления Ирландии, которые в полном виде были опубликованы в 1948 г. в X томе «Архива Маркса и Энгельса», представляют огромную ценность для изучения истории Англии и Ирландии.

На основе всестороннего и глубокого изучения природных условий Ирландии Энгельс разоблачает попытки некоторых буржуазных историков оправдать порабощение Ирландии Англией особыми географическими условиями Ирландии и приходит к тому выводу, что «никакими географическими ссылками нельзя будет доказать, что Англия призвана покорить Ирландию»*.

В наше время, когда американские империалисты пытаются оправдать свою политику порабощения латино-американских стран ссылками на их географическую близость, этот вывод приобретает особый интерес.

Далее Энгельс вскрывает пагубное влияние английской колониальной политики на экономику Ирландии. Он показывает, как крупные английские землевладельцы и промышленники во имя своих прибылей препятствовали развитию ирландской внешней торговли и промышленности, превращая тем самым Ирландию в аграрный придаток английской экономики. При этом Энгельс указывает, что процесс подчинения ирландской экономики интересам английских правящих классов сопровождался пауперизацией ирландского населения и обрекал народные массы на голод и вымирание.

«Сегодня Англия, — пишет Энгельс, — нуждается в быстром и надежном привозе хлеба — и Ирландия как будто непосредственно создана для возделывания пшеницы; завтра Англии нужно мясо — и Ирландия годится только для скотоводства: пять миллионов ирландцев одним фактом своего существования попирают все законы политической экономии, их нужно выгнать, пускай убираются, куда глаза глядят!»**. Так разоблачает Энгельс призванные оправдать господство британского империализма выдумки буржуазной историографии, будто бы географические условия Ирландии должны были задержать ее историческое развитие.

Другой важный вывод, к которому пришел Энгельс в результате изучения истории Ирландии, заключается в том, что политика английских колонизаторов, направленная на уничтожение ирландского народа, как нации, закончилась позорным провалом. Энгельс показывает, что вместо ассимиляции ирландцев английской нацией имела место ассимиляция англо-саксонских колонизаторов в Ирландии. «С ирландцами же, — пишет Энгельс, — англичане не справились. Виню тому огромная

* Архив Маркса и Энгельса, Соч., т. X, стр. 61.

** Там же, стр. 80—81.

гибкость ирландской расы. После свирепейшего усмирения, после каждой попытки истребления ирландцы, спустя короткий срок, снова, бывало, поднимутся на восстание, более мощное, чем все предыдущие; они как бы черпали свою главную силу в чужеземном гарнизоне, который сажали им на шею для их же угнетения. Во втором, а часто и в первом поколении, чужеземцы превращались в больших ирландцев, чем сами ирландцы» *. Факт ассимиляции английских колонизаторов ирландской нацией представляет особый интерес в наше время, ибо он является убедительным доказательством абсурдности неофашистских расовых теорий апологетов англо-американского империализма, особенно из числа английских лейбористов, о превосходстве англо-саксов над всеми другими народами. Теории эти, так же как и фашистские расовые теории, используются в наше время англо-американским империализмом для оправдания человеконенавистнических планов установления своего господства над миром.

В XX веке великие продолжатели дела Маркса и Энгельса — Ленин и Сталин в своих работах неоднократно анализировали и обобщали опыт ирландского национально-освободительного движения. В. И. Ленин в своих статьях, посвященных анализу событий в Ирландии осенью 1913 г. и ирландского восстания 1916 г., показал, что национально-освободительное движение в Ирландии в XX веке перешло в новое качественное состояние, поднялось на более высокую ступень: теперь уже ирландский рабочий класс и трудящееся крестьянство ведут борьбу не только против колониального господства английского империализма, но и против «своей собственной», ирландской буржуазии и ирландских лендлордов, причем руководящей силой в этой борьбе является ирландский пролетариат.

В статье «Классовая война в Дублине» В. И. Ленин писал: «Дублинские события составят поворотный пункт в истории рабочего движения и социализма в Ирландии. Марфи (крупнейший ирландский капиталист. — В. Г.) грозил разрушить ирландские рабочие союзы. Он разрушил только последние остатки влияния националистической ирландской буржуазии на пролетариат Ирландии. Он помог закалить самостоятельное, чуждое националистических предрассудков и революционное рабочее движение в Ирландии» **.

Огромное теоретическое и практическое значение для революционной борьбы пролетариата имеют работы И. В. Сталина по ирландскому вопросу. В своей классической работе «Марксизм и национальный вопрос», опубликованной весной 1913 г., И. В. Сталин впервые в исторической науке дал марксистскую

* Архив Маркса и Энгельса, Соч., т. X, стр. 104.

** В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 301.

теорию образования ирландской нации и ирландского государства. И. В. Сталин показал, что процесс образования ирландской нации являлся исключением из общего правила исторического развития в Западной Европе, где «образование наций означало...превращение их в самостоятельные национальные государства. Английская, французская и прочие нации являются в то же время английским и пр. государствами»*. Пробудившаяся к самостоятельной жизни ирландская нация встретила на пути образования независимого государства сильное противодействие правящих классов Англии. На свое особое положение Ирландия ответила национальным движением. На примере возникновения и развития национального движения в Ирландии и странах Восточной Европы И. В. Сталин раскрыл законы возникновения и развития национального движения, определил характер этого движения и его место в борьбе пролетариата за свое освобождение. «Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттесненных наций, — пишет И. В. Сталин. — Стесненная со всех сторон буржуазия угнетенной нации естественно приходит в движение. Она апеллирует к «родным низам» и начинает кричать об «отечестве», выдавая свое собственное дело за дело общенародное. Она вербует себе армию из «соотечественников» в интересах... «родины». И «низы» не всегда остаются безучастными к призывам, собираясь вокруг ее знамени: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство»**. «Если репрессии затрагивают интересы «земли», как это имело место в Ирландии, то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения...»***. «В Ирландии, — отмечает И. В. Сталин, — движение имеет аграрный характер»****. И. В. Сталин разоблачает лживые утверждения националистов всех мастей, которые разговорами об «общенародном» характере национального движения пытаются усыпить революционную бдительность пролетариата.

И. В. Сталин указывает, что какой бы «общенародный» характер ни принимала национальная борьба, «в существе своем она всегда остается буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии». «Из этого вовсе не следует, — продолжает И. В. Сталин, — что пролетариат не должен бороться против политики угнетения национальностей»*****. Напротив, борясь за право наций на самоопределение, пролетариат ставит себе целью положить конец политике угнетения наций, в то время, как буржуазия старается «углубить и раздуть национальную борьбу,

* И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303.

** Там же, стр. 306.

*** Там же, стр. 307.

**** Там же.

***** Там же, стр. 308.

продолжить и обострить национальное движение» * с целью не допустить объединения трудящихся угнетаемой и угнетающей наций и, тем самым, упрочить свое классовое господство. Только руководимый коммунистической партией пролетариат может, после захвата власти, действительно разрешить национальный вопрос и осуществить право наций на самоопределение. «Окончательное падение национального движения, — указывает И. В. Сталин, — возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир» **.

Таков гениальный вывод, который сделал И. В. Сталин в 1913 г. и который был полностью подтвержден всем опытом Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР.

Ленин и Сталин в своих работах не только дали анализ происхождения и сущности ирландского национально-освободительного движения, но и вскрыли его прогрессивную роль и показали, что борьба Ирландии за свое освобождение расшатывает устой империализма и тем самым помогает классовой борьбе пролетариата. На партийной конференции в апреле 1917 г., на которой среди других вопросов рассматривался и вопрос об отношении к Ирландии, товарищ Сталин выступил за оказание поддержки ирландскому движению. И. В. Сталин говорил: «Имеется движение за независимость Ирландии. За кого мы, товарищи? Либо мы за Ирландию, либо мы за английский империализм. И я спрашиваю, — за те ли мы народы, которые борются против угнетения, или за те классы, которые их угнетают? Мы говорим: социал-демократия, поскольку она держит курс на социалистическую революцию, должна поддерживать революционное движение народов, направленное против империализма» ***.

Во вступительной статье не представляется возможным полностью изложить взгляды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, которые были изложены ими в многочисленных статьях, корреспонденциях и фундаментальных работах, составляющих золотой фонд историографии по ирландскому вопросу. Но и приведенные выше высказывания позволяют определить характер ирландского национально-освободительного движения и его место и роль в общей борьбе рабочего класса против гнета империализма.

Английская буржуазная историография прилагает все усилия к тому, чтобы замолчать данный Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным классический анализ истории Ирландии и скрыть

* И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 311.

** Там же, стр. 312.

*** Там же, т. 3, стр. 56.

от английского и ирландского народа сделанные классиками марксизма-ленинизма на основе этого анализа практические выводы о путях борьбы ирландского народа за свою независимость, которые должны привести его к действительному освобождению. Особый вред исторической науке и демократическому движению приносят лейбористские историки, начиная от Веббов и кончая Ласки, которые под тем предлогом, что марксизм будто бы «устарел» и что он нуждается в «улучшении», извращают произведения великих учителей марксизма-ленинизма, фальсифицируют историю, излагая факты в выгодном для английских империалистов свете.

Наиболее известными фальсификаторами истории англо-ирландских отношений из числа английских буржуазных историков прошлого века являются, пожалуй, Томас Маколей (1800—1859) и Голдвин Смит (1823—1910).

Подобно другим апологетам английского колониального гнета в Ирландии, Голдвин Смит в своей книге «История Ирландии и характерные черты ирландцев» проводит ту «концепцию», что почвенно-климатические условия Ирландии будто бы вынуждают ее быть сельскохозяйственным придатком английской экономики и заниматься производством мяса и молока для англичан; с необыкновенным цинизмом Голдвин Смит пытается «обосновать» буржуазную легенду о том, что конфискация крестьянских земель в Ирландии, разорение и ограбление крестьян и эмиграция представляют собой естественные явления, ибо Ирландия для своего же процветания нуждается в пастбищах для скота! «Для Ирландии, — пишет Смит, — естественный путь к торговому процветанию состоит, повидимому, в том, чтобы снабжать население Англии продукцией своих пастбищ — скотом, маслом и т. д.»*. В своей рукописи о природных условиях Ирландии Ф. Энгельс подвергает уничтожающей критике эту человеконенавистническую ересь Голдвина Смита. Сравнивая природные условия Англии и Франции, Ф. Энгельс показывает, что по своим географическим условиям Англия больше, чем Франция, пригодна для скотоводства. «Но разве отсюда следует, — пишет Ф. Энгельс, — что всю Англию нужно превратить в пастбища, что все ее земледельческое население, за исключением нескольких пастухов, должно быть выселено в фабричные города или в Америку, чтобы освободить место для скота, который будет затем переправляться во Францию в уплату за шелковые материи и вина?»**

Ф. Энгельс указывает, что превращение всей пахотной земли Ирландии в пастбища означало бы «изгнание с насиженных

* Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, Соч., т. X, стр. 74.

** Там же, стр. 80.

мест четырех миллионов людей, искоренение всего ирландского народа» *.

Другой характерной чертой работ английских буржуазных историков является моральное оправдание преступлений и зверств, совершенных английским разбойничьим империализмом в Ирландии. Весьма показательной в этом отношении является характеристика, даваемая Смитом известному английскому колонизатору Джеймсу Ормонду, который, будучи главнокомандующим английской армией в Ирландии, жестоко подавил ирландское восстание 1641 г.

О преступлениях Ормонда можно судить по приказу английских властей от 23 февраля 1641 г., проводившемуся Ормондом в жизнь с беспредельной жестокостью. По этому приказу главнокомандующему предписывалось «наносить вред, убивать, сдирать кожу и уничтожать всеми средствами и способами, какие только он сможет применить, всех упомянутых мятежников (восставших ирландцев. — В. Г.), их приверженцев и пособников; сжигать, разорять, опустошать, разрушать, срывать и уничтожать все селения, города и дома, в которых находятся или находились эти мятежники и где они получали помощь и приют, а также все хлебные поля и луга в этих местностях, убивая и истребляя всех живущих там людей, способных носить оружие» **. Но вопреки свидетельству документов Голдвин Смит характеризует Ормонда как «одного из почтенных старых роялистов конституционного типа» ***. При этом Смит стремится скрыть, предать забвению преступления как самого Ормонда, так и других английских колонизаторов. Ф. Энгельс замечает в своей рукописи по этому поводу, что «в голове этого профессора (Голдвина Смита. — В. Г.) самые осязаемые факты довольно часто приобретают «призрачный» характер» ****.

Что же касается писаний Томаса Маколей, то в них встречаются подобные же извращения ирландской истории. Но Маколей облакал их в форму более туманную и запутанную, почему Ф. Энгельс и говорил о Маколее как о недостижимом идеале для менее ловкого Голдвина Смита *****. Ф. Энгельс указывает, что все лживые выдумки Маколей предназначались для такой фальсификации истории, которая наиболее соответствует интересам английской буржуазии.

Из современных английских буржуазных историков можно было бы указать на Хью Шермана, автора вышедшей в Англии в 1948 г. книги «Англо-ирландские отношения». В апреле 1949 г. в журнале «World Affairs» была опубликована статья Шермана,

* Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, Соч., т. X, стр. 80.

** Carte «Life of James Duc of Ormonde».

*** Smith Goldwin, Irish History and Irish Character, p. 117.

**** Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, Соч., т. X, стр. 98.

***** Там же, стр. 104.

в которой излагаются в концентрированном виде основные положения его книги. Как и другие современные английские буржуазные историки, Шерман пытается скрыть полностью или, где это не представляется возможным, извратить и преуменьшить национально-освободительную борьбу ирландского народа против английского господства.

Такое выдающееся событие в истории Ирландии, как вооруженное восстание 1916 г., во время которого была провозглашена Ирландская республика, Шерман характеризует как «небольшое восстание».

Тщательно скрывая зверства английских властей, жестоко подавивших это восстание, Шерман в своих извращениях исторической правды доходит до заявления, будто бы дальнейшему развитию национально-освободительного движения в Ирландии «способствовала готовность английского правительства распространять свободу слова на всех и вся»*. Здесь что ни слово, то ложь. Известно, что после расправы над участниками восстания английское правительство ввело в Ирландии военное положение и ни о какой «свободе слова» не могло быть и речи. Но режим английской военной диктатуры не сломил воли ирландского народа к борьбе за независимость. Революционное движение в Ирландии заставляет английское правительство искать новых путей для сохранения своего господства в Ирландии.

Преследуя именно эти цели, английское правительство искусственно разделило Ирландию на две части: Северную Ирландию и Южную, причем для маскировки был создан Общий совет, который якобы должен был рассматривать общие для всей Ирландии вопросы, что еще более подчеркивает искусственный характер раздела Ирландии. Скрывая это и оправдывая известный принцип английской колониальной политики «разделяй и властвуй», Шерман лицемерно пишет: «Надеялись, что этот Общий совет сыграет роль посредника, с помощью которого удастся постепенно создать более гармонические отношения между обеими группами населения и наметить сферу общей деятельности, в процессе которой они могли бы узнать друг друга»**.

Выдавая интересы крупной буржуазии Северной Ирландии за интересы ирландского народа, Шерман в своей книге, подобно его предшественникам, оправдывает экономическое подчинение Ирландии английскому капиталу ссылками на «географические причины», и отстаивает необходимость сохранения искусственного разделения Ирландии на две части, в чем английская и ирландская буржуазия черпает силы для проведения своей реакционной внешней политики.

* World Affairs, April 1949.

** Там же.

«Глубокого разрыва, — пишет Шерман, — между Эйре и Соединенным Королевством быть не может по совершенно очевидным географическим причинам» *. Не случайно поэтому такое одобрение Шермана вызывает голитика английского лейбористского правительства в ирландском, вопросе которая ничем не отличается от реакционной политики предшествующих правительств.

Против извращений английской буржуазной историографии и фальсификации истории англо-ирландских отношений выступает марксистская историческая наука.

Непосредственным предшественником Т. Джексона в области изучения истории Ирландии является выдающийся борец за свободу ирландского народа Джеймс Конноли. Этот талантливый и смелый вождь ирландских рабочих, яркий публицист и пламенный пролетарский революционер был расстрелян по приговору английского военного суда как руководитель Дублинского восстания 1916 г. Джеймс Конноли является автором книги «Рабочий класс в ирландской истории», впервые опубликованной в 1907 г. Ее автор, открыто признавая себя учеником К. Маркса и Ф. Энгельса, показал с марксистских позиций огромную роль рабочего класса в истории Ирландии.

К числу английских марксистов-историков необходимо отнести другого пролетарского революционера, писателя и историка — английского коммуниста Ральфа Фокса, отдавшего свою жизнь за дело свободы в качестве бойца Интернациональной бригады в Испании. Ральф Фокс подготовил на основе документов книгу: «Маркс и Энгельс об Ирландии», которая вышла на английском языке в 1933 г. В этой книге Фокс выступил в качестве популяризатора и пропагандиста взглядов основоположников марксизма.

Особое внимание Ральф Фокс уделял в своей книге учению К. Маркса и Ф. Энгельса об интернационализме, о необходимости братской солидарности английских и ирландских рабочих в борьбе за свое освобождение.

К плеяде передовых английских историков принадлежит и Т. Джексон — автор книги «Борьба Ирландии за независимость». Т. Джексон предпринял попытку осветить с марксистских позиций историю Ирландии с древнейших времен до образования так называемого «Ирландского свободного государства» (1922 г.). Для советского читателя большой интерес представляют те страницы книги Джексона, на протяжении которых автор разоблачает методы насилия и грабежа, сопутствовавшие английской колонизации Ирландии. На основе многочисленных неопровержимых фактов Джексон показывает, как плодородная Ирландия неоднократно превращалась в «безжизненный остров» в результате карательных экспедиций английских колонизаторов.

* World Affairs, April 1949.

Английский поэт Эдмунд Спенсер, посетивший Ирландию в конце XVI века, после одной из таких карательных экспедиций следующим образом описывает виденное им: «За полтора года они (ирландцы-«мятежники») были доведены до такого отчаянного положения, что даже каменное сердце сжалось бы. Из всех углов, из лесов и долин они выползали на руках, так как ноги уже отказывались служить им; это были живые скелеты; они говорили так, что, казалось, мертвецы дают о себе знать стоном из своих могил; они пожирали падаль, радуясь, когда могли найти ее... Если они находили лужайку, поросшую салатом или трилистником, то собирались толпой, как на праздник, но не в состоянии были долго пировать; таким образом, за короткое время из них почти никого не осталось и густо населенная, обильная страна внезапно опустела, лишившись и людей, и скота» (стр. 62).

Такими варварскими методами, приводившими к физическому истреблению большей части коренного ирландского населения, английский империализм устанавливал свое господство в Ирландии, превращая свободный «Зеленый остров» в первую английскую колонию.

Разоблачая империалистический, захватнический характер английской колонизации Ирландии, автор вскрывает всю беспочвенность и лицемерие претензий правящих классов Англии на «законность» их пребывания на «Зеленом острове». Джексон показывает, что в результате земельных «конфискаций», которые осуществлялись или путем открытого грабежа, или по приговору английских судов, в силу королевских указов, а также вследствие земельных спекуляций английских авантюристов, ирландское крестьянство было ограблено и в Ирландии установлено господство британских лендлордов, захвативших самые плодородные и пригодные для сельского хозяйства земли. «В ту пору, — замечает Джексон, — было сколочено немало «фамильных» поместий нынешних английских «аристократов» (стр. 81). Те же крестьяне, которым удалось удержаться на земле, подвергались беспощадной эксплуатации со стороны иностранных поработителей, они не только должны были платить большую арендную плату за каждый жалкий клочок земли, но их заставляли еще платить ренту в виде десятины чужеземцу — попу. Среди многих преступлений, совершенных английским правительством за период почти восьмисотлетнего колониального угнетения Ирландии, разоблачаемых Джексоном в его книге, одним из самых гнусных преступлений, безусловно, является продажа ирландских детей в рабство. Автор книги «Борьба Ирландии за независимость» показывает, что в результате конфискации крестьянских земель в Ирландии оказалось много бездомных сирот, чьи родители погибли в борьбе с английскими колонизаторами. «Хозяева, — пишет Джексон, — выбросили детей на улицу... Чтобы избавиться от них, правитель-

ство согнало детей и продало агентам, которые отправили их в Вест-Индию и в Каролину (Северная Америка), где за них была получена хорошая цена; они были проданы как «кабальные рабочие» (стр. 81—82).

Джексон ярко показывает разнообразные коварные приемы, включая подлоги и провокации, которые использовались английским правительством для ослабления и деморализации лагеря борцов за национальную независимость Ирландии. Можно указать на следующий пример вероломства (один из многих фактов, приводимых Джексонем), весьма характерный для практики английского правительства. Это произошло в 30-е годы XVI века. Лорд-наместник Ирландии Гаррет-Ог, своим независимым поведением вызвавший неудовольствие английского двора, был вызван в Лондон. Оставив своего сына Томаса «Шелкового» в качестве заместителя, Гаррет-Ог отправился в Лондон, ничего не подозревая о готовящейся провокации. По прибытии в Лондон он был арестован и заключен в тюрьму. Томаса «Шелкового» обманули, послав ему подложное письмо, в котором сообщалось, будто его отец казнен. Томас нарушил клятву верности королю и, призвав своих приверженцев, стал готовиться к войне. Именно такого оборота событий и добивались в Лондоне. В Ирландию была направлена карательная экспедиция, которая сгнем и мечом восстановила пошатнувшуюся было власть английского двора.

Особенно ярко автор вскрывает основной принцип английской империалистической политики — «разделяй и властвуй», сыгравший столь важную роль в порабощении Ирландии. Джексон на протяжении многих страниц показывает, как англичане натравливали одних вождей на других, протестантов на католиков и т. д., как становились в позу защитников крестьян, возбуждая их против ирландских крупных землевладельцев, а затем грабили и тех и других.

Автор правильно показывает глубокую связь ирландского вопроса с судьбами самой Англии. На протяжении всей истории борьбы Ирландии за независимость правящие классы Великобритании стремились разжечь вражду между ирландским и английским народами, чтобы не допустить их совместного выступления за свое экономическое и политическое освобождение. Эксплоатация и ограбление Ирландии, показывает Джексон, служит не только источником существования английской земельной аристократии, но и дает ей большую моральную силу, так как она «воплощает господство Англии над Ирландией» *.

Джексон в своей книге призывает английских рабочих и ирландский пролетариат отбросить национальные и религиозные предрассудки, так усердно и так искусно разжигаемые англий-

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 49.

скими аристократами и капиталистами, ибо в этом антагонизме кроется тайна сохранения власти капитализма. Подчеркивая значение борьбы ирландского народа против английского империализма, Джексон требует от английского пролетариата участия в этой борьбе на стороне ирландского народа против «своего», т. е. британского, империализма. На основе многочисленных исторических примеров книга «Борьба Ирландии за независимость» подводит читателя к выводу о необходимости укрепления интернациональных связей рабочих всех стран.

К числу несомненных достоинств книги «Борьба Ирландии за независимость» следует отнести и исторический анализ аграрного вопроса в Ирландии, которому Коннолли не уделил достаточно внимания. Автор на протяжении всей книги показывает, что аграрный вопрос в Ирландии является *«исключительной формой социального вопроса»**, что он затрагивает интересы основных масс ирландского народа и что от разрешения аграрного вопроса зависит вопрос жизни и смерти для громадного большинства ирландского народа. Джексон отмечает далее тот интересный факт, что аграрная борьба в Ирландии составляет главное содержание национальной борьбы и от нее неотделима, ибо борьба против лендлордов — тех же англичан, смертельно ненавидимых ирландцами, — является одновременно борьбой за освобождение от иноземного ига.

Большой интерес для читателя представляет исследование автором того пагубного влияния, которое оказывала система лендлордизма на развитие производительных сил Ирландии. Всячески противясь установлению твердой фиксированной арендной платы, лендлорды выжимали все соки из эксплуатируемого крестьянства и препятствовали развитию сельскохозяйственного производства. Стоило только арендатору ввести какие-либо новшества или усовершенствования в методы обработки земли, говорит Джексон, как лендлорд немедленно повышал арендную плату, и если арендатор отказывался платить повышенную аренду или, как часто случалось, был просто не в состоянии ее заплатить, его безжалостно гоняли с земли, обрекая и его самого и его семью на бродяжничество и голодную смерть. Оскудение ирландской деревни, массовая эмиграция и уменьшение численности населения в самой Ирландии, а также обнищание основной массы сельского населения — таковы тяжелые последствия сохранения системы лендлордизма в Ирландии.

Позиции лендлордизма в Ирландии значительно усилились в результате «унии 1800 года», закрепившей колониальное подчинение Ирландии. Джексон правильно раскрывает реакционное влияние унии не только на экономику Ирландии, но и на общественно-политическую жизнь Англии, так как благодаря унии ирландские лендлорды получили возможность осущест-

* К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. XXVI, стр. 49.

влять свое реакционное воздействие не только на судьбы Ирландии, но и на судьбы метрополии — Англии.

Что же касается проведенных английским правительством земельных реформ в Ирландии, то Джексон совершенно правильно показывает, что, во-первых, эти реформы, осуществлявшиеся, главным образом, за счет ирландского народа, никогда не были полными и всеохватывающими и, во-вторых, каждая из этих реформ была вырвана у метрополии ценой крови и упорной борьбы с чужеземными поработителями.

Характерно, что аграрная программа Земельной лиги (в конце XIX века), которая когда-то считалась революционной, была проведена впоследствии в жизнь консерваторами, ибо, во-первых, она не затрагивала капиталистических отношений и, во-вторых, она вполне устраивала помещиков, получавших возможность выгодно продать землю в условиях непрерывного падения цен на сельскохозяйственные продукты.

Джексон отмечает ту значительную роль, которую сыграло возрождение ирландской национальной культуры в борьбе ирландского народа за свою независимость и самостоятельное государственное существование. Английские колонизаторы, вторгшиеся в Ирландию, запретили обучение ирландских детей на родном языке и жестоко преследовали всякое распространение ирландской национальной культуры, усматривая в этих гонениях средство подрыва национально-освободительного движения в Ирландии. В эти суровые времена, пишет Джексон, подпольные учителя и странствующие поэты и музыканты поддерживали искру гэльского огня в среде бедных землепашцев. «..народ, обитавший в крытых соломой хижинах, получал лишь одну бесценную награду за свои страдания. Собравшись вокруг очага, в котором пылал торф, крестьяне слушали гостя, рассказывавшего и снова пересказывавшего им предания о гэлах; они наслаждались поэмами, песнями и музыкой, фольклором, дошедшими до них от тех далеких дней, когда еще не существовало ни одной из их невзгод... Так в этих хижинах сберегалось семя, которое со временем должно было прорасти и дать пышный цвет — возрожденную ирландскую нацию» (стр. 93—94). Джексон, таким образом, подчеркивает, что только народ, трудящиеся массы, является подлинным носителем и хранителем национальной культуры, в то время как правящие классы, аристократы и капиталисты, являются душителями национальной культуры. Отсюда логически вытекает и следующее: все те, кто борется за прогрессивное развитие национальной культуры (которая ничего общего не имеет с культурой националистической), отстаивают тем самым жизненные интересы своего государства, его суверенитет и независимость; те же, кто ведет подкуп под национальную культуру, кто ее отрицает, кто стоит за культуру «без роду и племени», за «мировую» культуру, наносят вред своему

государству, подрывают его суверенитет и объективно служат интересам буржуазии.

Серьезная заслуга Джексона состоит, наконец, в том, что он систематически изложил историю формирования ирландского народа как нации и собрал богатейший материал по истории ирландского общественного движения. При этом Джексон показал не только возникновение и развитие того или иного общественного движения, но и вскрыл социальные условия, обусловившие его появление. Автор книги «Борьба Ирландии за независимость» подробно описывает разнообразные формы борьбы, выработанные ирландцами в продолжение их долгого и упорного сопротивления, которые нашли широкое применение в революционной борьбе народов других стран; так, например, парламентская борьба ирландцев породила применение системы обструкций, а движение ирландских арендаторов выработало тактику бойкота. Ирландия была первой колониальной страной, поднявшей знамя восстания в годы первой империалистической войны.

Таковы главные достоинства книги Джексона «Борьба Ирландии за независимость», которые делают ее интересной для советского читателя и с точки зрения освещения истории борьбы Ирландии за независимость, и с точки зрения тех весьма актуальных для нашего времени выводов, которые могут быть сделаны читателем на основании содержащихся в ней материалов.

Но вместе с тем автор допускает ряд ошибочных положений, которые следует иметь в виду при чтении данной книги.

Основная ошибка Джексона состоит в том, что, излагая историю развития национальной борьбы в Ирландии как историю общенационального движения, автор не вскрывает того факта, что различные классы, участвовавшие в ирландском движении, преследовали различные классовые цели. К. Маркс в письме Ф. Энгельсу от 10 декабря 1869 г., анализируя ход ирландского восстания в конце XVIII в., писал, что «в самом ирландском движении легко можно доказать наличие движения классов»*. Это важнейшее указание Маркса, к сожалению, не нашло достаточно яркого отражения в книге «Борьба Ирландии за независимость».

Серьезнейшее упущение Джексона состоит в том, что правильно указывая на аграрный характер национального движения в Ирландии, Джексон по существу снимает вопрос об участии в национально-освободительном движении ирландского пролетариата, который только и придал в XIX веке такой революционный, боевой характер борьбе ирландского народа за свою независимость. По Джексону, главной руководящей силой

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 270.

организованного национального движения в Ирландии до самых последних дней является ирландская буржуазия. Это не соответствует исторической истине. Вначале, при возникновении национального движения, буржуазия действительно играла в нем руководящую роль. Но как только в борьбу включились широкие трудящиеся массы города и деревни, которые в своих требованиях шли значительно дальше требований отдельных мелких реформ, как только движение стало угрожать интересам «собственной» ирландской буржуазии и крупных землевладельцев, буржуазия и ее вожди предали национально-освободительное движение и вступили в сделку с английским империализмом за счет ирландского народа. Руководящей, наиболее революционной силой национально-освободительного движения в Ирландии был и остается ирландский пролетариат. И только он, ирландский пролетариат, в союзе с беднейшим крестьянством может полностью разрешить национальный вопрос, освободить ирландский народ от гнета как иноземного, так и «своего», национального, капитала.

Неверная трактовка Джексоном этого вопроса приводит его к недооценке роли народных вождей национально-освободительного движения и к переоценке значения буржуазных реформаторов. Излагая события периода подъема национального движения в 40-е годы XIX века, Джексон, например, совершенно незаслуженно преуменьшает роль революционеров-демократов Джона Митчела и Лалора. Джон Митчел, выдающийся деятель ирландского национально-освободительного движения, является одним из творцов новой, революционной тактики борьбы за независимость Ирландии. В своих страстных выступлениях он призывал ирландский народ к вооруженной борьбе против капитализма, олицетворением чего была английская политика господства в Ирландии. Джон Митчел основал боевую газету «Объединенные ирландцы», на страницах которой он резко разоблачал сторонников мирной, реформистской тактики борьбы за отмену унии 1800 г. — тактики О'Коннела и его приверженцев, — и вел широкую агитацию за всенародное вооруженное восстание. «Легальная и конституционная агитация — одно заблуждение, — писал он, — каждый человек должен иметь оружие и научиться владеть им» *. Призывы Митчела имели огромное влияние на ирландский народ, и автор «Борьбы Ирландии за независимость» признает в своей книге, что руководители реформистской тактики «убеждались, что вся масса их приверженцев почти сплошь переходит на сторону Митчела» (стр. 219). Огромный успех деятельности Митчела испугал английское правительство. Газета «Объединенные ирландцы» была закрыта, а ее редактор Джон Митчел арестован, судим и приговорен к каторжным работам на долгие годы. Так английская и ирланд-

* «Объединенный ирландец», № 1, стр. 8.

ская реакция расправилась с народным вождем, революционером-демократом Джоном Митчелом. А Джексон, вопреки исторической правде, пишет в своей книге, что «пожалуй, вернее всего будет охарактеризовать Митчела как республиканца-аристократа в согласии с пресвитерианской традицией» (стр. 216). (Джексон имеет в виду шотландскую традицию борьбы против английских королей во имя пресвитерианской церкви и господства своей местной олигархии.)

Совершенно неправильное представление дает Джексон о взглядах и деятельности другого ирландского революционера-демократа — Лалора. Если в 40-е годы XIX века Митчел выражал, главным образом, интересы рабочих, то в это же время Лалор был выразителем интересов ирландского фермерства, изнывавшего под гнетом помещичьей эксплуатации. «Я, конечно, не буду участвовать в организации, — писал Лалор, — которая ставит себе целью лишь одно — уничтожение унии с Англией, и не буду помогать ей. Самый важный вопрос — земля... И я никогда не присоединюсь к организации, которая будет проповедовать лишь «моральную силу» и легальные средства» *. Лалор является, пожалуй, первым ирландским революционером, который призывал к крестьянской революции, выставив лозунги национализации земли и полной независимости Ирландии. «Земля этой страны по праву принадлежит народу этой страны, — писал Лалор, — земля Ирландии — ирландскому народу...» «Народ имеет право создавать для себя законы», «Народ должен владеть всей землей» — таковы боевые лозунги революционной программы Лалора. А Джексон, искажая историю, пишет, что Лалор выдвигал всего-навсего «идею морального восстания» (стр. 217). Джексон уделяет много внимания фенианскому движению, характеризуя его как полностью демократическое и республиканское. Но подчеркивая национальный характер этого движения, Джексон ошибочно отрицает его классовый характер. Он забывает о том, что фенин, выражавшие интересы ирландского крестьянства, были безусловно представителями движения низших классов. В. И. Ленин именно подчеркивал мелкобуржуазный характер фенианского движения **, и с этой точки зрения нельзя отрицать классовую направленность фенианских выступлений.

Некритически следуя за буржуазной историографией, Джексон переоценивает роль буржуазных деятелей в борьбе Ирландии за независимость, которые рассматривали борьбу ирландского народа за свое освобождение только как средство воздействия на английское правительство для получения уступок в пользу имущих классов Ирландии. Таким был, например, бур-

* J. O'Leary The Writings of James Fintan Lalor, Dublin, 1895, pp. 3—7.

** В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 412.

жуазный деятель середины XIX века — вождь «репилеров» О'Коннел, которого ирландские революционеры (Митчел и др.) ставили рядом с членами английского правительства и называли «величайшим врагом Ирландии».

Таким же был и Парнелл, хорошо известный националист конца XIX века.

Следуя буржуазной историографии, Джексон переоценивает роль Парнелла в ирландском движении. Джексон ошибочно приписывает Парнеллу изобретение тактики бойкота, которую еще до Парнелла разработали такие революционные деятели земельной Лиги, как сапожник Гордон, и которую беднейшее ирландское крестьянство с успехом применяло в борьбе с лендлордами. Еще 20 июня 1880 г. Гордон выступил на митинге фермеров с призывом к тактике бойкота. Обращаясь к фермерам, он говорил: «Я прошу вас обещать мне, что вы не будете брать землю, с которой согнан фермер. Именем Ирландии прошу вас обращаться с людьми [снявшими ферму, откуда прежний хозяин согнан.— В. Г.] с презрением, обходить их, не разговаривать с ними на ярмарках. С презрением избегайте их. Не прощайте их. Они продали свою родину, и ну их к чорту...» *. Кстати заметим, что о Гордоне Джексон не упоминает ни слова. Парнелл же коснулся тактики бойкота только 19 сентября 1880 г. в речи, произнесенной в Эннисе, хотя нельзя не отметить, что как раз имя Парнелла и придало большой авторитет идее бойкота.

Джексон склонен изобразить Парнелла сторонником революционного выступления масс, борцом за народные интересы, в то время как в действительности Парнелл был заинтересован в массовом революционном движении только до тех пор и постольку, поскольку это движение можно было использовать для подъема авторитета ирландской буржуазной партии в английском парламенте и оказания давления на правящие классы Англии с целью получения реформ, выгодных ирландской городской и сельской буржуазии. Увидев же, что революционное движение ирландского народа идет значительно дальше требования отдельных буржуазных реформ, националистические буржуазные круги Ирландии во главе с Парнеллом отступились от народно-го движения и пошли на уступки английскому правительству, заключив весной 1882 г. так называемое Килменхеймское соглашение, согласно которому Парнелл обещал взять назад манифест о неплатеже аренды, побудить арендаторов уладить свои дела с помещиками мирным путем и содействовать уменьшению аграрных «преступлений». Неудивительно, что такой матерый английский империалист, как Джозеф Чемберлен, который вел переговоры с Парнеллом от имени английского правительства, говорил впоследствии о Парнелле: «С ним было приятно иметь

* Queen v. Parnell and others, 1880, v. I, pp. 235—236.

дело. С ним хорошо было заключать сделки: у него был для этого верный взгляд... Во время заключения Килменхеймского договора он даже не поднимал вопроса о гомруле» *.

Революционные элементы ирландского движения рассматривали Килменхеймское соглашение как предательство интересов народа, а ирландцы в Америке говорили о нем не иначе, как о «продаже Земельной лиги».

Килменхеймское соглашение было бесспорно победой английского правительства и нанесло огромный вред ирландскому национально-освободительному движению. А Джексон вразрез с исторической истиной, рассматривает это соглашение как победу Парнелла. «Парнелл явно одержал крупную победу,— пишет Джексон,— и обеспечил путь для дальнейших успехов» (стр. 282). Эта «победа» Парнелла состояла в том, что ему и его последователям на некоторое время удалось ослабить ирландское национально-освободительное движение, направив его в русло легальности. После Килменхеймского договора Парнелл начал открытую и резкую борьбу против всех революционных методов и против массового революционного движения. В своих выступлениях он неоднократно заявлял, что рабочего движения в Ирландии он «не допустит» и что после гомруля «для социалистической пропаганды в Ирландии не будет места». Что же касается профсоюзов, то Парнелл предлагал подавлять их не менее жестоко, чем подавлял их Бисмарк в Германии. Так Парнелл и ирландская парламентская партия предали интересы национально-освободительного движения в Ирландии и превратились в надежное орудие английской и ирландской буржуазии.

В книге «Борьба Ирландии за независимость» недостаточно показана реакционная роль католического духовенства как орудия английской политики в Ирландии. Автор книги правильно раскрывает предательскую позицию католической церковной иерархии в вопросе об отношении к «унии 1800 года», в результате которой Ирландия была объявлена частью Англии и лишена даже той символической политической самостоятельности, которой она располагала до восстания 1798 г., жестоко подавленного англичанами. Он показал, что католическое духовенство активно выступало за унию с Англией, надеясь на возврат Англии в лоно католицизма, и склонило к поддержке ее большинство католиков. «Ирландская церковь неизменно старалась, по мере возможности, угодить правителям Англии»,— пишет Джексон (стр. 176). Однако в последующих главах книги Джексон не показал, какую активную роль играло католическое духовенство в борьбе против всякого революционного движения в Ирландии. Католические священники выступали с проповедями

* П. Керженцев, «Ирландия в борьбе за независимость», 1935 г., стр. 132.

против участия в революционной борьбе, они грозили отлучением от церкви и использовали исповедь в целях шпионажа и доноса. Так, например, епископ Дублина в одной из своих проповедей в 1864 г. говорил:

«Общества вроде фенианского могут лишь сеять раздоры на нашей родине, ослабить ее, отвратить мысль народа от всех полезных начинаний и направить ее к проектам вооруженной борьбы и насилия и к утопическим проектам, которые никогда не могут быть осуществлены. Организаторы таких обществ — ложные друзья, посланцы дьявола, являющиеся в овечьих шкурах» *. Не случайно поэтому орган фениев «Ирландский народ» вел ожесточенную борьбу против католического духовенства.

Предательская деятельность духовенства особенно усилилась в наш век, когда классовая борьба в Ирландии приняла особенно ожесточенный характер. Этого, к сожалению, автор книги не заметил. А между тем, например, достоверно известно, что проповеди священников против восстания, их угрозы об отлучении от церкви и доносы содействовали поражению восстания 1916 г. в ирландских графствах.

В книге Джексона «Борьба Ирландии за независимость» не нашло должного отражения влияние Великой Октябрьской социалистической революции на национально-освободительное движение в Ирландии. Победа социалистической революции в России, превращение царской России — «тюрьмы народов» — в действительно свободное и независимое социалистическое государство рабочих и крестьян оказали огромное влияние на характер национально-освободительного движения в Ирландии и на методы и формы борьбы ирландского пролетариата и беднейшего крестьянства за свое освобождение. «В критический период освободительного движения ирландского народа, — говорилось в обращении Ирландской рабочей партии к ирландскому пролетариату, — вы отказывались от ваших классовых требований во имя национальных интересов... Теперь вам придется бороться с капитализмом как таковым, и вы должны бороться за свои интересы... Наша цель — рабочая республика» **.

Под влиянием Октябрьской революции в Ирландии распространяется идея создания Советов. Орган Ирландской рабочей партии «Рабочая республика» призывал в период гражданской войны в Ирландии (1922—1923 гг.) к борьбе против буржуазного ирландского правительства Коллинза — Косгрэйва и к образованию советов рабочих и солдатских депутатов, которые должны были занять место ирландского парламента и местного самоуправления. И действительно, во многих городах и графствах Ирландии были созданы Советы.

* «Rome and Fenianism», London, 1883, p. 14.

** П. Керженцев, Ирландия в борьбе за независимость, 1935, стр. 236—237.

Перенимая опыт борьбы пролетариата в России, ирландские рабочие начали захватывать фабрики, копи (например, в Литриме), маслобойни и т. д. и устанавливать над ними свой контроль. Раздел помещичьих земель в России вызвал по всей Ирландии широкое движение батрачества и мелкого фермерства за землю. Мелкие фермеры и батраки сгоняли стада, принадлежащие лендлордам, с лугов и распахивали луга, причем разграничительные знаки и изгороди крупных фермеров уничтожались, а земля их делилась.

Ирландское буржуазное правительство жестоко расправлялось с восставшими рабочими и крестьянами. Советы разгонялись войсками, земли и фабрики возвращались их прежним владельцам. Десятки тысяч борцов за независимость Ирландии находились в тюрьмах и концентрационных лагерях. Революционное движение ирландского пролетариата и беднейшего крестьянства было потоплено в крови пришедшей к власти ирландской буржуазией. Так националистическая ирландская буржуазия отпраздновала свою «национальную» победу, достижение своей «государственной зрелости».

Революционное движение ирландского пролетариата и беднейшего крестьянства в 20-е годы нашего столетия потерпело поражение главным образом потому, что у ирландского рабочего класса не было в то время закаленной в боях, революционной коммунистической партии, которая могла бы возглавить и организовать борьбу рабочего класса и беднейшего крестьянства Ирландии за свое освобождение. Отрицательную роль сыграло также и то, что среди лидеров этого движения были и такие злейшие враги рабочего класса, как Де Валера, которые предали это движение.

Автор, к сожалению, не дал правильной политической оценки предательству Де Валера. Он не понял и того, что, несмотря на неудачу, революционная борьба ирландского пролетариата имела огромное влияние на дальнейшее развитие рабочего движения в Ирландии. «Когда Де Валера перенес борьбу в плоскость политического спора,— наивно пишет Джексон,— она принесла гораздо больший успех» (стр. 352).

Таковы главные ошибки Джексона, автора книги «Борьба Ирландии за независимость».

Кроме этих крупных недостатков, в книге Джексона имеются некоторые другие неправильные положения, которые противоречат самому богатейшему фактическому материалу, приведенному автором в книге.

На стр. 335 автор, описывая события в Ирландии во время первой империалистической войны, заявляет, например, что в это время «английское правительство стало по существу контрреволюционным и готовилось к новому покорению Ирландии». В действительности — и сам Джексон показывает это весьма

убедительно в своей книге — английское правительство не только никогда не было «революционным», но и всегда применяло самые отратительные методы и способы, начиная от грубого насилия и кончая подкупом, для подавления ирландского национально-освободительного движения, для сохранения колониального режима в Ирландии.

Джексон, находясь в плену у буржуазной терминологии, механически, вслед за буржуазными писателями называет справедливую борьбу крестьян против лендлордов за землю и свои права «преступной». Так, например, на стр. 228 он пишет: «Постоянным фактором в ирландской истории с 1760 по 1922 г. является наличие аграрных *преступлений* (курсив мой — В. Г.) — террористических нападений на лендлордов, их агентов, сборщиков церковной десятины...»

В другом месте (стр. 164) автор наивно повторяет поповские сказки о том, будто бы священники «принадлежали к тому же роду и тому же классу, что и крестьяне...»

Английского колонизатора Томаса Друммонда, главного секретаря при вице-короле в 1835—1839 гг., Джексон называет «защитником» интересов ирландских крестьян, т. е. дает ему ту же характеристику, что и буржуазные авторы.

Читателю следует иметь в виду эти недостатки книги Джексона, чтобы при чтении не получить ложного представления об отдельных моментах борьбы Ирландии за независимость — борьбы, которая еще далеко не закончена.

* *

Автор книги «Борьба Ирландии за независимость» доводит подробное изложение событий до провозглашения так называемого «Ирландского свободного государства» в декабре 1921 г. и последовавшей затем гражданской войны в Ирландии (1922—1923 гг.), которая была вызвана предательством ирландской националистической буржуазии, заключившей сделку с английским империализмом. В отношении последующего периода Джексон ограничивается лишь беглыми замечаниями. Поэтому мы считаем необходимым несколько пополнить этот пробел.

Вновь созданное ирландское буржуазное государство не было ни свободным, ни независимым. Англо-ирландское соглашение от 26 декабря 1921 г. не затронуло основ английского империалистического угнетения Ирландии — господства английских монополий в экономике Ирландии. На территории Ирландии были сохранены английские военно-морские базы и военные склады, существующие якобы для «охраны» ирландского побережья. Ирландия обязывалась платить ежегодные взносы в английскую казну за «приобретенное» по различным актам о выкупе земли

(1880—1909 гг.) право ирландских арендаторов обрабатывать свою собственную землю. Английский король оставался главою ирландского государства и имел в Ирландии своего представителя. Ирландия была искусственно разделена на две части — Северную Ирландию, находящуюся в унии с Великобританией, и «Свободное ирландское государство» (Эйре). Сохранение колониальной зависимости Северной Ирландии от Англии, как и раньше, продолжало оставаться тем фактором, который обуславливал силу реакции как в Британии, так и в самой Ирландии. По соглашению 1921 г. Ирландия получила право самостоятельно управлять всеми своими внутренними делами, руководить своей внешней торговлей, иметь собственную армию и полицию и т. д. Но все эти права были присвоены и использованы буржуазией. Иными словами, по соглашению 1921 г. ирландская буржуазия и кулачество получили большие возможности эксплуатировать и грабить вместе с английскими лендлордами и монополистами ирландский народ, они получили возможность организовать свою армию и полицию для подавления малейшего недовольства в среде ирландского пролетариата и беднейшего крестьянства.

После кровавого подавления революционного движения 1922—1923 гг. правительство Косгрэйва установило в стране полицейский режим, жестоко преследуя стачки рабочих и выступления безработных и фермеров. В октябре 1931 г. правительство Косгрэйва объявило незаконными двенадцать массовых организаций и потребовало их роспуска. В числе запрещенных организаций были революционные рабочие группы, руководившие стачками, движением фермеров и движением безработных, а также Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Ирландская республиканская армия (ИРА) и др. Были созданы военные трибуналы, чтобы судить за участие в этих организациях.

В феврале 1932 г. происходили выборы в ирландский парламент. Период избирательной борьбы совпал с периодом общего кризиса, безработицы, падения цен на сельскохозяйственные продукты, что вызывало сильное недовольство во всех слоях рабочего класса и фермерства. Широкие слои ирландского народа резко отрицательно относились и к установлению правительством Косгрэйва режима полицейской диктатуры. Используя глубокое недовольство народных масс и прибегая к демагогии, на выборах 1932 г. одержала победу партия Де Валера.

В первые месяцы прихода к власти правительство Де Валера старалось привлечь к себе симпатии широких слоев народа проведением ряда мероприятий, носивших сугубо демагогический характер. Многие деятели, арестованные по политическим мотивам, были освобождены (но только лишь для того, чтобы через некоторое время вновь подвергнуться еще более жестоким пре-

следованиям — на этот раз со стороны правительства Де Валера). Парламент принял предложение правительства об отмене присяги английскому королю. Правительство добилось снятия английского генерал-губернатора и назначения на этот пост кандидата, выдвинутого Де Валера, и т. д.

Однако это отнюдь не означало превращения Ирландии в независимую республику. Ирландия попрежнему оставалась частью Британской империи. В интересах ирландской буржуазии и кулачества правительство де Валера повысило пошлины на английские товары. Английское правительство ответило на мероприятия правительства Де Валера объявлением таможенной «войны». В 1933 г. правительство Де Валера отказалось платить английскому правительству ежегодные взносы по земельным обязательствам, но это ни в коей мере не означало, что Де Валера отказался собирать соответствующие суммы с ирландских бедняков. Напротив, правительство Де Валера, применяя самые суровые меры, гродолжало взимать деньги в пользу ирландской казны, не останавливаясь перед конфискацией инвентаря, выселением с участков и другими методами, заимствованными у английских колонизаторов.

Политика дальнейшего усиления эксплуатации, проводившаяся правительством Де Валера в интересах ирландских капиталистов, сближение народных масс и снижение жизненного уровня вызвали ряд крупных выступлений ирландского пролетариата как, например, упорная забастовка железнодорожников в 1933 г., объединенная борьба рабочих в Белфасте и Дублине и т. д.

В том же 1933 году на базе имевшихся в стране революционных рабочих групп оформилась Ирландская коммунистическая партия, ставшая во главе революционного движения пролетариата Ирландии. В Ирландском государстве развернулась ожесточенная борьба между рабочими и капиталистами, борьба батраков и мелких фермеров против кулаков.

В условиях обострения классовой борьбы в Ирландии произошла консолидация сил ирландской и английской буржуазии для борьбы с нарастающим революционным движением ирландского пролетариата. Распри между английскими и ирландскими монополистами по вопросу о таможенных пошлинах были отодвинуты на задний план. В 1935 г. делаются первые важные взаимные уступки; пошлины изменяются в пользу английских экспортеров угля и ирландских экспортеров скота. Правительство Де Валера и английские империалисты совместно изыскивают средства для борьбы с революционным движением ирландских рабочих и фермеров. Это средство они находят в фашизме. При прямом поощрении со стороны правительства Де Валера в стране быстро создаются фашистские отряды «синерубашечников» по типу гитлеровских отрядов СС. Во главе фашистской организа-

ции стал генерал О'Даффи. В Ирландии проводится реакционнейшее антирабочее законодательство, резко ограничивается свобода слова и печати.

Правительство Де Валера активно содействовало отправке фашистских отрядов в Испанию на помощь мятежнику Франко, а затем одно из первых установило и до сих пор поддерживает «особо ласковые отношения» с фашистской Испанией. Именно тот факт, что накануне второй мировой войны в Ирландии у власти находилось профашистское правительство Де Валера, определило место и позицию Ирландии во второй мировой войне. С самого начала второй мировой войны правительство Де Валера оказывало всевозможную помощь фашистским государствам, прикрываясь флагом объявленного им «нейтралитета». Ирландия также закрыла свои порты для морских вооруженных сил союзных держав и неоднократно угрожала допустить высадку немецких десантов на своей территории. На предложения союзных держав порвать отношения с Германией, Италией и Японией правительство Де Валера отвечало категорическим отказом. Правительство Де Валера поддерживало настолько дружественные отношения с фашистской Германией, что де Валера ухитрился передать «соболезнование» германскому правительству в связи с сообщением о смерти Гитлера накануне безоговорочной капитуляции фашистской Германии. В течение второй мировой войны ирландское государство Эйре фактически являлось пособником фашизма в борьбе против Объединенных Наций, пособником фашизма в борьбе против мира. Поэтому советский читатель никоим образом не может согласиться с Джексоном, оправдывающим враждебную свободолюбивым народам мира позицию Эйре во время второй мировой войны ссылками на то, что Англия не признала ирландской конституции 1937 г.

4 февраля 1948 г. в Эйре состоялись выборы в парламент. На этих выборах партия Де Валера («Фианна Файл»), находившаяся у власти с 1932 г., потерпела поражение. Победу на выборах одержал блок оппозиционных партий, в который вместе с фашистской партией («Фине Гал») входили также и лейбористы. Оппозиционные партии сформировали коалиционное правительство во главе с известным ирландским фашистом — «синерубашечником» Костелло, который еще в 1933 г. принимал активное участие в фашистском путче в Ирландии, организованном отрядами «синерубашечников» генерала О'Даффи. «Так же, как чернорубашечники победили в Италии, — заявил тогда Костелло, — а гитлеровские коричневые рубашки — в Германии, так и синие рубашки одержат победу в Ирландии» *. В фашистское правительство Костелло вошли два представителя от лейбористской партии, что является ярким доказательством того, как в

* «The Daily Herald», 19 Febr. 1948.

настоящее время ирландские лейбористы идут на прямое сотрудничество с фашистами.

Приход Костелло к власти ознаменовался активным втягиванием Эйре в орбиту агрессивной политики американского империализма. С первых дней прихода к власти правительство Костелло активно включилось в англо-американскую кампанию по сколачиванию по «плану Маршалла» антисоветского блока западно-европейских стран. При этом ирландское правительство в соответствии с желаниями монополистов с Уолл-стрита стремилось прежде всего протасовать в этот союз фашистскую Испанию и Западную Германию. «Мы заключили в прошлом году торговый договор с Испанией, — заявил 14 марта 1948 г. министр иностранных дел Эйре Макбрайд, — и таким образом было бы нелогично с нашей стороны возражать против включения Испании в экономическом плане в группу европейских стран. Ирландия точно так же считала бы желательным, чтобы Германия была представлена на совещании 16 стран»*.

Играя на национальных чувствах ирландского народа, правительство Костелло пыталось прикрыть свою политику предательства национальных интересов Ирландии видимостью борьбы за воссоединение Северной Ирландии с Эйре. 17 марта 1948 г. Костелло выступил по радио с речью, в которой заявил, «что вряд ли можно ожидать, чтобы ирландцы... полностью участвовали в помощи восстановлению Европы, если раздел между Эйре и Северной Ирландией все еще существует»**. Однако подобные заявления нисколько не помешали правительству Эйре первым подписать с американским правительством двустороннее соглашение об условиях выполнения «программы европейского восстановления» (по «плану Маршалла»). Это соглашение, как и все соглашения западно-европейских стран, заключенные с американским правительством по «плану Маршалла», является лишь средством политического и экономического подчинения этих стран интересам американского капитала. Даже премьер-министр Костелло должен был признать в своем заявлении 27 августа 1948 г., что «Эйре закупает в Соединенных Штатах ежегодно товаров на 120 млн. долларов, однако продает Соединенным Штатам товаров всего лишь на 7,5 млн. долларов». Пагубное влияние «плана Маршалла» на экономику Эйре и тяжелое финансовое положение ирландского государства было особенно подчеркнуто в отчете председателя Центрального государственного банка Эйре Бреннана за 1947/48 финансовый год; в этом отчете Бреннан фактически призывает Эйре остерегаться «помощи», предоставляемой по «плану Маршалла». Из отчета следует, что в 1947/48 финансовом году Эйре существовало на капитал в размере 30 млн. фунтов стерлингов, тогда как дефи-

* Сообщение парижского агентства Франс Пресс 14. III. 1948 г.

** Сообщение английского агентства Рейтер 18. III. 1948 г.

цит платежного баланса только в результате долларовых сделок в 1947 г. превысил 30 млн. фунтов стерлингов. К этому нужно прибавить еще дефицит в 12 млн. фунтов стерлингов за счет торговли с европейскими странами в соответствии с «планом Маршалла». В заключение Бреннан указывает, что ценность «помощи», предоставленной согласно «плану Маршалла» в виде займов, серьезно снижается в связи с кабальными условиями займов. Постоянный большой дефицит в платежном балансе с Соединенными Штатами исключает надежду на то, что Эйре удастся легко найти доллары для погашения процентов по займам.

В 1948 г. экономическое положение Эйре еще более ухудшилось. За этот год дефицит торгового баланса, по официальным данным, опубликованным в Дублине, составил более 89 млн. фунтов стерлингов. Закабаление Эйре американским капиталом ведет также к снижению жизненного уровня трудящихся масс. Индекс прожиточного минимума возрос более чем на 100%, тогда как номинальная заработная плата осталась почти на довоенном уровне. Налоги возросли на 80% по сравнению с 1938 г.

Занимая резко враждебную по отношению к Советскому Союзу и странам народной демократии позицию, правительство Костелло неоднократно выражало желание и готовность присоединиться к различным антисоветским военным блокам. С этой целью ирландский премьер-министр посетил в августе—сентябре 1948 г. Соединенные Штаты и Канаду. Прибыв в США, Костелло сделал 27 августа следующее заявление представителям американской печати: «Эйре готовится вступить в соглашение с Соединенными Штатами и западно-европейскими странами, в частности с Англией, о проведении стратегических мероприятий для поддержания мира».

То, что Костелло пытается выдавать агрессивные приготовления за мероприятия для «поддержания мира», никого уже не введет в заблуждение: к этому приему прибегают часто его хозяева — англо-американские поджигатели новой войны, а еще раньше прибегали германские фашисты. Но в этом заявлении Костелло отметил также, что Эйре якобы и не будет обсуждать этого вопроса до тех пор, «пока Ирландия разделена».

В феврале 1949 г. министр иностранных дел Эйре Макбрайд сделал в Лондоне аналогичное заявление в отношении участия Эйре в Северо-атлантическом пакте. «Хотя мы сочувствуем целям Атлантического пакта, — сказал он, — для нас невозможно принять в нем участие, если мы не будем иметь полного контроля над обороной Ирландии. Никакое ирландское правительство не может вступить в военный союз с Англией в то время, когда часть страны оккупирована вопреки воле подавляющего большинства ирландского народа». Делая подобные демагогические заявления, правительство Костелло пытается предстать в глазах ирландского народа в качестве «защитника» суверенитета и един-

ства Ирландии. Но о какой «защите» суверенитета может идти речь, если ирландское правительство согласилось подвергнуться «маршаллизации» по так называемой «Программе европейского восстановления» и готово присоединиться к Северо-атлантическому договору? До какой степени эта линия поведения ирландского правительства несовместима с интересами охраны суверенитета страны, показывает, например, тот факт, что в декабре прошлого года по договоренности с правительством Костелло в Ирландию прибыла группа английских офицеров (армии, морского и воздушного флота) с целью проведения топографического обследования и съемки береговых районов страны. К этому же времени относится и заявление министра по координации «оборонных» мероприятий Эйре О'Хиггинса о том, что оборудование радарных установок уже давно заказано и в скором времени придет из Англии.

Эти военные приготовления Эйре могут означать лишь то, что фактически Ирландия уже примкнула к англо-американскому агрессивному блоку и что сейчас речь идет главным образом о той цене, которую правительство Костелло выторговывает за предательство интересов ирландского народа.

18 апреля 1949 г. вступил в силу закон об учреждении Ирландской республики, принятый ирландским парламентом в конце 1948 г. По этому закону отменяется акт о внешних сношениях от 1937 г., в силу которого английский король подписывал все международные договоры Эйре и санкционировал назначение представителей Эйре за границу. Теперь эти полномочия переходят к президенту Ирландской республики. Этим самым были разорваны последние конституционные связи Эйре с английской короной. Опасаясь, что формальный разрыв с английской короной может поставить Эйре в положение иностранного государства в отношении торговли с Англией и британскими доминионами, правительство Костелло решило заручиться «поддержкой» Соединенных Штатов, возобновив переговоры с американским правительством о заключении договора «о дружбе, судоходстве и мореплавании». В заявлении министерства иностранных дел Эйре относительно этого договора указывалось, что «это будет самый всеобъемлющий договор подобного типа, о заключении которого правительство Эйре когда-либо вело переговоры» *.

Политика закабаления Эйре американским капиталом вызвала резкое недовольство среди монополистических кругов Англии, чьи капиталы помещены в промышленность и сельское хозяйство Ирландии (приток английских капиталов в Эйре особенно усилился во время второй мировой войны, так как в Эйре не было налога на сверхприбыль) и прибылям которых стала

* Заявление министерства иностранных дел Эйре от 15.X. 1948 г.

угрожать деятельность американских финансистов. Отражая эти настроения, английская газета «Дейли телеграф энд морнинг пост» писала в октябре 1948 г.: «Особую заинтересованность в крушении Британской империи проявляют США по той простой причине, что они рассчитывают унаследовать ее здоровую часть, способную еще приносить плоды. Знаменательно, что в момент, когда ирландское правительство готовится порвать с империей, в Дублине находится американская делегация, прибывшая для заключения договора о дружбе и торговле между США и Эйре. Повидимому, США пообещали Эйре намного больше, чем могла обещать этой стране Англия» *.

Однако первоначальный испуг английских капиталистов за судьбу своих капиталов в Ирландии в связи с предполагаемым обсуждением законопроекта о разрыве связей между Эйре и британской короной продолжался недолго. Очень скоро они убедились в том, что правительство Костелло даже и не помышляет посягнуть на их капиталы и что сам по себе этот законопроект является не более, чем политическим маневром, который должен создать у ирландского народа ложное представление, что Ирландия якобы достигла свободы. Более того, они увидели, что ирландская буржуазия в действительности стремится усилить фактическую связь с Англией, будучи заинтересована как в совместной эксплуатации британских колоний, так и в консолидации реакционных сил и в Англии и в Ирландии для борьбы с возрастающим недовольством народа, и использует при этом прежде всего предательскую политику английских лейбористов, стремящихся не допустить единства ирландского рабочего класса. Согласно четырехлетнему «плану» Эйре, экспорт ирландских товаров в Англию, составляющий в настоящее время почти 90% общей цифры экспорта, достигнет в 1953 г. более 93%¹ всего ирландского экспорта. Да и сами ирландские министры неоднократно заявляли, что этот законопроект никоим образом не затронет интересов Англии и ее доминионов.

Возвратившись из Парижа, где во время III сессии Генеральной Ассамблеи ООН велись переговоры между представителями стран Британского содружества наций о решении Эйре прекратить действие закона о внешних сношениях от 1937 г., министр иностранных дел Эйре Макбрайд с похвалой отзывался о дружеском отношении и помощи представителей Британской империи. «Государственные деятели Австралии, Канады и Новой Зеландии поняли, — сказал он, — что решение правительства Эйре не было продиктовано побуждениями недоброжелательства к ним или к Британскому содружеству наций в целом».

В ноябре 1948 г. вопрос об отмене Эйре закона о внешних сношениях обсуждался в английском парламенте. Выразив сожа-

* «The Daily Telegraph and Morning Post», 27 Oct., 1948.

ление, что Эйре больше не будет членом Британского содружества наций, английский премьер-министр Эттли указал, что «правительство Эйре признает наличие особо близких отношений между Эйре и странами содружества и стремится сохранить эти отношения»*. Английское правительство, заявил Эттли, признает наличие «фактических связей» между Эйре и Англией и не будет считать, что введение этого закона оставит население Эйре в положении иностранцев. Аналогичные заявления были сделаны и представителями английских доминионов.

Таким образом, принятие закона об учреждении Ирландской республики нисколько не нарушило фактическую зависимость Ирландии от англо-американского империализма и преследовало главным образом цели обмана народных масс Ирландии.

Этот закон не ликвидировал и существующее искусственное разделение Ирландии на две части, одна из которых — Северная Ирландия — продолжает оставаться за пределами страны.

Проводя предвыборную кампанию летом 1945 г., английская лейбористская партия обещала избирателям, что она «не потерпит свободы эксплуатации одних людей другими»**. Два миллиона ирландцев, проживающих в Англии, поверили обещаниям лейбористов и отдали им свои голоса. Они надеялись, что, придя к власти, лейбористская партия воссоединит Северную и Южную Ирландию в единое государство. Но этого не произошло, хотя лейбористское правительство стоит у власти уже 4 года. Лидеры лейбористской партии, находясь на содержании у английских империалистов, кровно заинтересованы в сохранении и укреплении британского империализма. И именно потому, что поражение Ирландии укрепляет и питает реакцию в самой Англии, лейбористское правительство Эттли — Бевина всеми силами стремится сохранить колониальный режим в Северной Ирландии.

Для сохранения колониального режима в Северной Ирландии лейбористское правительство прибегает к использованию самых разнообразных форм и методов, выработанных английским империализмом в течение многовекового порабощения Ирландии, которые достаточно полно разоблачены в книге Джексона «Борьба Ирландии за независимость». При этом особое место лейбористы уделяют методам раскола рядов рабочего класса и отравления его сознания. Продолжая политику консерваторов в ирландском вопросе, лейбористская партия в настоящее время открыто выступает против объединения Ирландии. В конце ноября 1948 г. секретарь исполкома лейбористской партии Морган Филлипс разослал письмо лейбористским членам парламента, кандидатуры которых намечаются к выдвижению на следующих всеобщих выборах в парламент. В письме эти члены

* Parliamentary Debates, v. 458 № 23, p. 1414 (25 November, 1948).

** «Let us Face the Future», April, 1945, p. 4.

парламента предупреждаются, чтобы они не брали на себя никаких публичных обязательств поддерживать какие-либо мероприятия в целях создания объединенной Ирландии. Таково логическое завершение предательской политики английских социалистов в ирландском вопросе. Говоря о социалистах угнетающих наций, которые не ведут пропаганды и не отстаивают свободы отделения угнетенных стран, В. И. Ленин писал: «Мы вправе и обязаны третировать всякого социал-демократа угнетающей нации, который *не* ведет такой пропаганды, как империалиста и как негодяя» *. К сожалению, Джексон не уделил в своей работе должного внимания разоблачению политики, проводимой лейбористскими лидерами в отношении Ирландии.

К. Маркс не раз указывал, что освобождение самого английского пролетариата невозможно без освобождения Ирландии, так как угнетение Ирландии является одной из причин угнетения самого английского пролетариата. «Каждое народное движение в самой Англии, — писал К. Маркс, — парализуется разладом с ирландцами, которые и в самой Англии составляют очень значительную часть рабочего класса» **.

В целом книга Джексона «Борьба Ирландии за независимость» заслуживает, несмотря на отмеченные выше недостатки, положительной оценки, ибо автор собрал в ней богатый фактический материал и предпринял в основном успешную попытку проанализировать его с марксистских позиций. Появление книги Джексона в Англии — факт весьма отрадный, так как она наносит удар по писаниям английских буржуазных историков, восхваляющих «цивилизаторскую» миссию английских колонизаторов в Ирландии, и помогает ирландскому народу в его борьбе за действительное освобождение от английских империалистов. Перевод книги «Борьба Ирландии за независимость» на русский язык и издание ее в Советском Союзе будет встречено одобрительно советской общественностью, которая таким образом получит интересное исследование по одному из важных, но до сих пор еще слабо освещенных в исторической литературе вопросов — вопросу о борьбе ирландского народа за свою независимость.

В. Григорьев.

* В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 331.

** К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 33.

Т. А. ДЖЕКСОН

БОРЬБА
ИРЛАНДИИ
ЗА
НЕЗАВИСИМОСТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В моей книге я сделал попытку рассказать сначала о том, как Ирландия стала частью Британской империи, а затем о том, как боролся ирландский народ, стараясь сбросить иго завоевателей, вернуть себе обладание землей и восстановить национальный суверенитет в Ирландии.

Рассказать об этом следует, ибо, вопреки распространенному взгляду, борьба эта еще не закончена. Мне казалось необходимым вскрыть причины англо-ирландского конфликта, ибо лишь изучив эти причины, простые люди Англии, т. е. те, кому принадлежит решающее слово, в состоянии будут взяться за разрешение векового «ирландского вопроса», правильно понимая его подлинную сущность.

Наибольшее значение я придаю тем частям книги, где показано, как усердно и заботливо правители Англии избегали того, чтобы не оказаться зажатými в клещи между двумя различными, но сочетающимися между собой движениями за свободу — движениями английского и ирландского народов. Отношения между покорителями — англичанами и покоренными — ирландцами были на протяжении всего периода основаны на империалистском господстве, и потому история 800 лет англо-ирландского конфликта, изобилующая примерами всех видов агрессии и всех форм сопротивления ей, является незаменимым введением к критическому анализу империализма как такового.

Когда читаешь то, что написано англичанами об англо-ирландских отношениях, то очень часто приходят на ум неоднократно приводившиеся в истории слова графа Эссекса, сказанные им королеве Елизавете:

«Для нас полезно излагать историю наших споров самим, не дожидаясь, чтобы это сделали ирландцы».

Ирландские писатели обычно удовлетворяются только тем, что устраняют всякий след того выгодного для англичан освещения предмета, которое удавалось создать английским историкам. Ирландские авторы зачастую не замечают глубокой трагедии, скрытой в истории Ирландии, — того, что английский и ирландский народы, боровшиеся за свою свободу, вновь и вновь попадались в ловушку, расставленную эксплуататорами, и позволяли использовать себя как орудие порабощения одним народом другого.

Ярким исключением из числа ирландских авторов был Джеймс Конноли; его книгу «Труд в истории Ирландии» можно считать гениальной. Я руководствовался его книгой как путеводной звездой, но Конноли, писавший как ирландец для ирландцев, мог рассчитывать, что его читатели знают многое, о чем вовсе неизвестно рядовому англичанину. Мне, автору, пишущему в качестве англичанина в первую очередь для англичан, пришлось подробнее остановиться на ряде неосвещенных вопросов и продолжить изложение с того места, где остановился Конноли. Если я успешно выполнил поставленную перед собой задачу, то мой очерк послужит для английского читателя введением к книге Конноли и других писателей-специалистов, посвятивших себя изучению истории Ирландии. В то же время он будет для ирландского читателя своего рода введением к истории английского демократического и рабочего движения.

Народы Англии и Ирландии известные каждый своей традицией неукротимого сопротивления угнетателям, должны были бы понимать друг друга лучше, чем это было раньше, и быть более подготовлены к совместным действиям. Вместе должны они найти основания к солидарности с демократическим и рабочим движением других стран.

Случилось так, что нацистская Германия напала на Советский Союз в «воскресенье Уолфа Тона» (22 июня 1941 г.). Дух Уолфа Тона и «Объединенных ирландцев» настолько неотъемлем от ирландской национальной традиции, что можно с уверенностью ожидать от ирландцев проявления такого же энтузиазма в пользу Советского Союза, какой проявлял Тон по отношению к революционному народу Франции. Те слова, которыми ирландцы в 1791 г. приветствовали французов, с еще большим основанием могут быть отнесены сегодня к народу Советского Союза:

«Иди же вперед, великий и доблестный народ! Ты воистину надежда всего человечества, за исключением кучки людей, засевших в очень немногих министерствах, тех, кто воображал, что человеческий род принадлежит им одним. Но, наученные страшным примером, они трепещут теперь и не смеют полагаться на армии, выставленные ими против тебя и твоего дела».

Тон погиб в борьбе за Права человека в Ирландии. Потомки могут всего лучше почтить его память, содействуя тому, чтобы Ирландия заняла принадлежащее ей по справедливости место в ряду тех, кто сражается за Права человека во всем мире.

Я не скрываю, кому я как автор сочувствую. Я стараюсь излагать события правдиво; но беспартийность не входит в мои намерения. Моя цель — способствовать делу, которое я защищаю. Если настоящая книга окажется скромным вкладом в это дело, — цель моя будет достигнута.

Т. А. Джексон.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАВОЕВАНИЕ ИРЛАНДИИ АНГЛИЧАНАМИ

Глава I

ДРЕВНЯЯ ИРЛАНДИЯ

Англо-норманны, вторгшись в Ирландию в 1169 г., застали здесь в корне чуждый им социальный уклад, сломать который не удавалось в продолжение многих веков, несмотря на все усилия завоевателей.

В настоящей главе мы изучим характер этого гэльского социального уклада.

Особенности географической среды

В сравнении со Средиземноморским бассейном, где возникла современная цивилизация, и Англия и Ирландия находились на краю света. Обе страны были защищены морем от массовых переселений; но они не были недоступны влиянию других культур или гарантированы от захвата решительным завоевателем.

Каждая из них сохраняла ту первобытную социальную организацию, которая давно уже была пройденным этапом для стран западного Средиземноморья. В Англии первобытный строй начал распадаться уже под влиянием римской оккупации, а несколько столетий спустя после вторжений варваров, пришедших на смену римлянам, он подвергся дальнейшему распаду. Развитие Ирландии в это время ничем не нарушалось; когда варвары вторглись в Римскую империю, «святые и ученые», бежавшие от опустошений и грабежей, нашли приют в Ирландии.

Именно из Ирландии затем вернулись в Западную Европу цивилизация и христианство¹. Вследствие того, что Ирландия не входила в состав Римской империи и не пострадала при ее крушении, ее история рано обособилась от истории Англии, а особь

¹ Здесь Джексон допускает неточность: цивилизация и христианство были в Западной Европе сохранены по большей части не ирландцами. Ирландия долгое время оставалась изолированной от западного и восточного центров тогдашней цивилизации (т. е. от Рима и от Константинополя). — *Прим. ред.*

нуть развития в свою очередь был причиной того, что Ирландия иначе перенесла события, пережитые обоими островами.

Англия была выгоднее расположена для сообщения со Средиземноморским бассейном через страны европейского континента, а Ирландия — для сообщения с ним морским путем. Христианские влияния проникли в Ирландию из Греции и Александрии задолго до того, как они проникли в Англию из Рима, а в более позднее время Ирландия имела возможность поддерживать через свои южные и западные порты торговые связи с Францией, Испанией и Италией, но была совершенно отрезана Англией от сухопутных торговых связей.

География внутренних районов Ирландии отличается той особенностью, что горные массивы ее большей частью или выходят непосредственно к береговой линии или проходят параллельно ей. Такое расположение горных массивов сыграло немаловажную роль в истории Ирландии. Берега здесь везде скалистые, за исключением полосы на востоке, где к морю примыкает большая центральная равнина, пересеченная реками и местами сильно заболоченная. В древние времена центральная равнина была сплошь покрыта лесами, а поселения рассеяны по холмистой части страны, в обособленных друг от друга районах, что в значительной мере замедлило процесс развития централизованного государства. Впоследствии эти изолированные горные районы служили убежищем от англо-норманских завоевателей и препятствовали их усилиям добиться объединения.

Гэльское общество

О расовом происхождении гэльской Ирландии точных сведений у нас имеется мало, хотя многое может быть установлено косвенным путем. Гэлы, проникшие в Ирландию относительно не большими группами в различные времена, явились из разных стран — Испании, Западной Франции и Бельгии — после продолжительного периода скитаний по европейским степям. Отдельные группы их проникли в Грецию, Малую Азию, а также в Италию. Совершенно невероятно, чтобы они сохраняли свою «расовую чистоту» в течение всего этого времени — возможно, в течение тысячелетий, и очень сомнительно, чтобы такая «расовая чистота» вообще когда-либо существовала. Федерация племенных групп смешанного характера, которые благодаря продолжительной близости вырабатывали общий язык, — вот наиболее правдоподобная отправная точка в истории гэлов.

В Ирландии они нашли местное население, по всей вероятности, смешанного характера. Гэлы не истребили местных жителей, а со временем слились с ними. Всякая историческая теория, будь то теория романтическая или фашистская, — утверждающая, будто «чистая гэльская кровь» была решающим фактором ирландской истории, не имеет под собой решительно никаких осно-

ваний. Ирландский народ не только находится в той или иной мере в «расовом родстве» с большинством наций Южной и Западной Европы, но можно доказать, что якобы «единственные» в своем роде черты гэло-ирландского общества характерны для родового строя, который повсюду в Европе предшествовал рождению территориального государства с присущим ему разделением на классы.

Гэльское общество имеет лишь тот специфический интерес, что оно сохранило до нового времени архаическую социальную организацию, которая не изменилась в основных своих чертах со времен бронзового века, но тем не менее оказалась совместимой с высокой степенью культурного развития, или «цивилизацией».

Хозяйство, на котором покоилось гэльское общество, было по преимуществу «натуральным» хозяйством, т. е. дающим продукты для непосредственного потребления производящего коллектива. Главной отраслью хозяйства было скотоводство, дополняемое земледелием и ремеслами. Здесь существовали, как правило, излишки производства, остававшиеся после удовлетворения насущных потребностей; они поглощались в некоторой степени обменом и в еще большей степени личным «потреблением» вождей родов (септов) и кланов и их окружения.

Единицей меновой стоимости была кюмаль (cual), что в буквальном переводе означало «рабыня», а на практике равнялась трем коровам. Богатство исчислялось количеством скота¹, и аристократия богатства постепенно вытесняла — там, где еще не окончательно вытеснила, — родовую аристократию. Главную пищу составляли молоко и молочные продукты, овсяная каша и ячменный хлеб, дополнявшиеся дичью, которой изобиловала страна.

По своей структуре гэльское общество как в экономическом, так и в политическом отношении было иерархическим. Хозяйственной ячейкой была «финна», напоминавшая римскую «фамилию», но превосходившая ее размерами. Политической единицей являлся «клан», соответствовавший римской трибе. Промежуточным звеном между кланом и финной был род, выполнявший как политические, так и хозяйственные функции.

Территория, занятая кланом, считалась его коллективной собственностью; она могла увеличиваться и уменьшаться, так как владения соседних кланов неизменно отделялись друг от друга полосой «ничей земли». Пределом расширения территории клана за счет «ничей земли» для каждого клана была линия, откуда дальнейшее продвижение рассматривалось бы соседями как вторжение. Сокращаться территория клана могла лишь до той границы, за которой начинались неизменные по своему размеру владения родов, входивших в состав клана.

¹ Ср. лат. «rescupia» — богатство, деньги, от «rescus» — скот. — *Прим. ред.*

Размеры принадлежащей каждому роду земли, согласно неизменной практике, были установлены раз и навсегда. Эта территория в целом была неотчуждаемым коллективным владением рода. Участки, отведенные под луга и пахоту, и в том числе наделы каждой финны могли меняться и по величине и по местоположению. Таким образом, в то время как территория клана могла уменьшаться и увеличиваться в размере, а наделы финны — менять свое местоположение, земля, принадлежавшая роду, оставалась неизменной и в том и в другом отношениях. И это придавало гэльскому обществу устойчивость, которую оно сохраняло, невзирая на все превратности судьбы. В процессе постепенного разложения гэльского общества под натиском завоевателей род оставался той единицей, которая уступила этому натиску позже всех.

В своей наиболее законченной форме финна состояла из «семнадцати мужчин», распределенных по четырем группам. Гейль-финна (или «истинная семья») состояла из флаха (flah) и его четырех сыновей или других ближайших родичей. Они представляли вместе со своими близкими и рабами одну производственную единицу и имели право на полную долю при распределении земель рода. Четверо мужчин, ближайших по родству предыдущей группе, составляли дейрб-финну, четверо следующих — иар-финну и четверо последних — инн-финну. Эти располагавшиеся ступенями группы объединялись в «семью» с двоякой целью. Они участвовали в разделе движимого имущества флаха после его смерти в пропорции, которая уменьшалась для каждой последующей ступени. В общих чертах известно, что «истинная семья» получала две трети, вторая ступень — две трети остатка и т. д. Точно так же, если флах участвовал в какой-нибудь распре, если он подлежал наказанию штрафом (эрик) или другой каре, наложенной судебными властями, ответственность была коллективной, но в пропорции, которая спять-таки уменьшалась в зависимости от степени родства.

Основной особенностью финны и ключом к пониманию ее функций является правило, что сыновья флаха по достижении зрелости вступают в гейль-финну. Новый член гейль-финны, если последняя уже имела полную норму членов, автоматически вытеснял старшего члена гейль-финны (после флаха). В хозяйственном отношении этот вытесненный старший член гейль-финны получал право на долю земель рода в качестве его полноправного члена. В смысле других отношений он входил в ближайшую по родству группу, вытеснял из нее старшего члена, который проделывал такой же процесс, так что в полной группе «семнадцати» появление нового члена финны на одном конце освобождало одного из сородичей от семейных обязательств на другом конце.

Таким образом, финна служит наглядным образцом исторически сложившейся переходной стадии между коллективной и частной собственностью и ответственностью. Она замечательна тем, что сочетает в себе максимальную устойчивость с максимальной текучестью.

Земля, принадлежавшая роду, разделялась на три категории:

1. Каждой финне отводилась земля в постоянное владение. На этой земле (*mensal land*) ¹ возводились жилища для семей, хижины родственников и т. д. Только в том случае, если финна вымирала, эта земля возвращалась роду.

2. Часть земли отводилась под большие открытые поля и луга, и в каждом поле финна имела свою долю в установленной пропорции. Остальная земля оставалась невозделанной, но обычай ограничивал ее использование каждой финной в соответствии с положением последней. Общие дела решались советом флахов, который выделял из своей среды вождя рода. В одном старом гэльском юридическом трактате говорится: «Одна из обязанностей рода — поддерживать каждого своего члена, и род делает это в меру своих возможностей».

Политическая структура

Гэльское общество в политическом отношении не достигло полного единства, характеризующего территориальное государство. Оно приближалось к единству и все же скорей оставалось множественным по своему строению, несмотря на то, что так называемый «верховный король» (ард-риаг) существовал здесь уже за целое столетие до норманнского вторжения, точно так же как и множество подчиненных, но независимых «провинциальных королей».

Единицей этой сложной структуры был туат (*too-ha*), т. е. маленькое государство, объединившее под общей властью короля несколько смежных кланов ². Титул короля — риага (*Ri*) напоминает латинское «гех» и, возможно, от него и происходит. Эта должность до известной степени носила выборный характер; риага мог смещать совет вождей, санкция которого была необходима и при избрании риага. Даже когда на более поздней стадии должность риага фактически стала наследственной, эта санкция была необходима и, случалось, совет вождей в ней отказывал.

Право низлагать риага ревниво охранялось до конца. Осуществление этого права послужило предлогом для вторжения норманнов; позднее, в елизаветинскую эпоху, оно вызвало в Ирландии одну из кровопролитнейших войн того времени. Тот факт, что риаг лишался права на сан, если у него обнаруживали

¹ От латинского слова *mansus* — участок; ср. терминологию таких исторических памятников Франции, как, например, Полиптик аббата Гермона. — *Прим. ред.*

² Клань объединялись также в родовые группы, носившие названия «кинель», иногда совпадавшие с туатом, но обычно рассеянные между различными туатами. Здесь опять-таки наблюдается в зародышевой форме переход от родовой организации к территориальной.

физический недостаток, прирожденный или приобретенный, доказывает, что его функции в основном носили «магический» характер: предполагалось, что он приносит счастье. Это подтверждается тем фактом, что обязанности военачальника «тишок» (Tee-shock, или Toiseach — ирланд.) выполняло другое лицо. Следствием выборного характера должности короля является назначение «таниста», преемника, который мог в экстренном случае взять на себя функции короля.

Роль ард-риага (ard-Ri) и «провинциальных королей» определена менее ясно. Первоначально они отличались от различных риагов главенством в областном или всеирландском масштабе, основанном на владении определенным местом — обычно холмом, которому приписывалась особая «святость» (тапа). Так в течение долгого времени ард-риагом считался риаг, обладавший холмом Тара. Термин «провинциальный король» является очень неудачным. Это не был «король», и к тому же он не управлял «провинцией». Привычное для нас территориальное разделение Ирландии на четыре провинции первоначально было проведено церковью, и притом в целях чисто церковного управления. Этим провинциям присвоили названия местных федераций, «кинелей» или «туатов», имевшие в трех случаях датское окончание («стер» — стэнд, т. е. место постоянного жительства), которое было присоединено к гэльскому названию племени. Так, Улайд (Ulla), Лайгин (Lay-in), Мумен (Moo-an) и Коннаут (Connachta) были первоначально названиями федераций племен, размеры территорий которых могли колебаться вследствие изменения рубежей, на которых эти племена соприкасались друг с другом.

Ри-мор (Ri-mor), считавшийся главой федерации, облакался властью скорее чисто церемониального характера, чем фактической. Здесь снова перед нами явно переходная форма между родовым обществом и территориальным государством.

По традиции Ирландия всегда была разделена между пятью такими федерациями. В исторические времена создана была новая «провинция» — Лайгин распался на Северный и Южный. Впоследствии часть территории Северного Лайгина вместе с частью Улайда и Коннаута составила «провинцию» Мит, центром которой была Тара.

Единство и противоречия в гэльском обществе

То обстоятельство, что в этом обществе существовало сознание всеирландской общности, составлявшее резкий контраст с политическим раздроблением Ирландии на множество независимых туатов, доказывается древним происхождением и важной ролью периодических празднеств, в которых, по крайней мере теоретически, участвовали каждый свободный мужчина и каждая женщина по всей Ирландии. Эти празднества сильно напоминают аналогичные торжества у греков в Элладе и, подобно им, ведут

свое происхождение от коллективных ритуальных обрядов, которым приписывалось магическое значение. Ими также пользовались, чтобы устраивать периодические ярмарки; эти празднества свидетельствуют о том, что ученые профессии (брегоны, барды и пр.) составляли своего рода «гильдии» с определенными правилами, твердо установленным порядком старшинства и с правом допускать или не допускать в эту профессию новых кандидатов.

Единственной долго сохранявшейся функцией ард-риага было руководство «магической», т. е. религиозной, частью праздничной церемонии и вынесение приговоров по тем судебным делам, которые поступали на его окончательное разрешение.

Основным социальным различием было различие между «свободными» и «несвободными», причем признаком «свободы» в данном случае было право на долю земли рода. Первоначально оно соответствовало различию между кланом — завоевателем и завоеванными коренными жителями, которым разрешали жить на земле септа, за что от них требовали выполнения обязанностей рабов. Когда на территорию септа стали допускать «чужаков», иногда торговцев-ремесленников, иногда людей, изгнанных по какой-нибудь причине из других родов, — это различие стало более широким. Если «чужаки» владели каким-либо имуществом, их допускали на землю рода за определенную плату, которую они выплачивали вождю. Обычно они занимали часть никому не принадлежавшей земли; но порой им разрешали арендовать часть земли (*mensal land*) вождя или другого флага.

В отличие от домашних рабов и рабынь, которых обыкновенно покупали в молодом возрасте у торговцев-англичан, фуидбир (Fuidbir), стоявшие на низшей ступени рабства, выполняли большую часть тяжелой физической работы в финне, к которой они были прикреплены. Им платили продовольствием, отпускавшимся на них и на их семьи, и давали небольшой надел общинной земли финны. Более высокая категория «старых слуг», или клиентэлы (*old retainers*), получала надел из пахотной и пастбищной земли, отведенной финне; обычно четыре человека этой группы получали такой же надел, какой предоставлялся одному члену финны.

По установленным правилам фуидбир мог перейти в группу «старых слуг», а «старый слуга» допускался в род, если финна принимала его в число своих членов. С другой стороны, член рода мог потерять свои права и стать «несвободным» иногда в виде кары за совершенное им преступление. Чаще всего это вызывалось невыполнением обязательств по оплате «ссуды скотом» — своего рода покупки в рассрочку, при которой должник обязан был ежегодно в течение семи лет выплачивать одну треть стоимости скота. Если должник не выполнял своих обязательств, то он отвечал своим имуществом и в некоторых случаях изгонялся из рода.

Любопытно, что к такого рода «ссуде» прибегали лишь в тех случаях, когда никто из ближайших родственников не мог или не желал дарить скот нуждающемуся в нем члену рода. Тогда его ссужал скотом один из богатых «чужаков», которым вождь или клан позволял селиться на земле клана, не принадлежавшей роду. Если член рода терял свои права, то это часто бывало следствием невыполнения им своих обязательств по отношению к такому «чужаку», на которого переходили права должника и который, таким путем, получал доступ в число членов рода.

Таким образом, внутри гэльской общины возникли: 1) неравенство происхождения; 2) имущественное неравенство; 3) разделение на классы, развивавшееся из зародышевых форм отношений между имущими и неимущими, землевладельцами и арендаторами, должниками и кредиторами; все эти отношения существовали в гэльском обществе, как и в обществе Греции и Рима, накануне перехода к территориальному государству. Эти тенденции усилились благодаря двум важным историческим факторам: появлению христианской церкви и вторжению датчан (данов).

Церковь в гэльской Ирландии

Христианская церковь была основана в Ирландии св. Патриком; она создавалась им в течение 33 лет, вплоть до самой его смерти в 465 г.

Отдельные христиане встречались в Ирландии уже задолго до миссии Патрика. Подобно Августину в Англии Патрик организовал церковь при поддержке и с одобрения ард-риага и «провинциальных» римов. Поддержка со стороны церкви и ее авторитет имели для них неоценимое значение в их борьбе за подчинение ри-туатов. Подобный же процесс происходил в Англии, да и по всей Европе.

Любопытно, что создание государства на Западе совпало с торжеством религии нового типа, главной и характерной особенностью которой был универсализм. С первого взгляда может показаться смешным связывать «кроткую духом» религию Христа с таким агрессивным военным учреждением, как государство; тем не менее можно с уверенностью сказать, что христианство сыграло большую роль в искоренении племенных предрассудков и создании больших политических коллективов. Хотя христианство в раннюю пору своего развития взывало к бедным и униженным, однако своими крупными успехами в Северной и Западной Европе оно обязано было обращению королей и принцев. Обращение Этельберта Кентского было сигналом к принятию христианства всей Англией. Христианство завоевало один

королевский двор за другим. И оно щедро платило а милость королей. Под влиянием клича «одна церковь и один король» старые перегородки между племенами окончательно рушились, и Англия стала единой нацией, где церковь и государство находились в тесном союзе¹.

В Ирландии успешно развивался подобный же процесс, но в результате датского и норманнского вторжений он был прерван и искажен. Интересной особенностью этого процесса является форма приспособления церкви к клановому обществу, которое в свою очередь оказало влияние на церковь:

Каждый клан имел собственного епископа и собственных священников; епархия попросту совпадала с территорией, занятой кланом. Разумеется, епископов было много. И лишь в XII столетии была введена нынешняя система точно ограниченных епархий, объединенных в масштабе провинции. С целью поддержки своего духовенства клан отводил ему некоторое количество земли, за которою надзирал чиновник, обычно светское лицо. Духовенство клана большей частью жило в общинах, подчинявшихся своему епископу, так что церковь одновременно носила родовой и монастырский характер².

Эти общины выполняли важную функцию: они стали центрами развития искусств и ремесел, развития промышленности как формы хозяйства, отличной от земледелия, развития торговых отношений. Периодические вторжения датчан в продолжение двух столетий способствовали завершению этого процесса.

Вторжение датчан (795—1014)

Набеги скандинавских пиратов, которых обычно именовали в Ирландии «датчанами» наложили неизгладимый отпечаток на историю Ирландии. «Датчане» или, точнее, «даны» не оседали здесь, как скандинавы в Нормандии, не основывали королевств, как это было в Англии и в Сицилии. Они произвели большие разрушения и окончательно уничтожили туат, как независимую единицу — он был заменен принудительным объединением родов под властью ри-мора или вождя смешанного клана. Изгнание многих кланов с их насиженных мест — причем роды часто рассеивались в различных направлениях — привело к тому, что во многих случаях кланы как таковые исчезали; между тем рассеянные роды, не состоявшие в родстве друг с другом, объединялись под властью общего ри-мора и

¹ Edward Jenks: History of Politics.

² Hayden-Moonan, Short History of the Irish People.

создавали новые образования на территории, на которую они были изгнаны.

Положительным результатом датского вторжения было создание датчанами некоторых из главных морских портов Ирландии. Датчане были купцами прежде, чем они превратились в пиратов, и они продолжали сочетать эти два занятия: пиратство давало им средства для выгодной торговли. Но, прежде чем стать купцами, они были фермерами и рыболовами; города, которые они создали на устьях рек и на берегах заливов, давали им широкую возможность комбинировать все свои специальности сразу. Дублин, Уэксфорд, Уотерфорд, Югал, Корк, Бантри и Лимерик были созданы датчанами и превращены в обнесенные стенами города; и когда на протяжении двух веков — эры датских вторжений — случались периоды мира, датчане способствовали превращению рыночной торговли, которую вводила церковь, в постоянный институт. В своих городах датчане давали убежище ремесленникам и торговцам, бежавшим из монастырских общин, подвергшихся разрушению. С другой стороны, некоторые из этих монастырских общин уцелели благодаря остроумному изобретению круглых башен, и по восстановлении мира они стали ядром торговых городов внутри страны.

Под натиском нашествия датчан ри-морам оставалось либо превратиться в военачальников, командовавших сильными отрядами обученных военному искусству людей, либо исчезнуть. Они вербовали в Англии профессиональных солдат, которые приобрели опыт в войне против датчан, и эти Galloglaich (иностранцы солдаты) сохранились как особый институт, удивляя последующие века своим загадочным названием «gallow glasses». Соперничающие вожди с помощью этих вооруженных отрядов вступили между собой в ожесточенную борьбу за титул и власть ард-риага.

Победа была одержана одним вождем Северного Мюнстера, Брайеном, прозванным Бороимбе («bog-go»), что означает «собирающий дани», а это в свою очередь означает, что, взимая дань с каждого риага в Ирландии, он сделал первый шаг на пути к созданию единого государства.

В стране как будто забрезжила заря мира, но в 1014 г. датчане собрали свои войска и отправились на выручку к правившему в Дублине датскому королю, которого Брайен Смелый вынудил уплатить ему дань. Битва, разыгравшаяся недалеко от Дублина на берегу Клонтарфа, кончилась полным разгромом и частичным истреблением данов — датчан. Брайен, тогда уже достигший преклонных лет, был убит одним из бежавших датчан. Как говорит сага «Ниаль», «Брайен потерял жизнь, но он спас свое королевство».

После смерти Брайена стихийная борьба за титул ард-риага возобновилась. Эта борьба до такой степени истощила борю-

щиеся стороны, что, наконец, большинством были признаны права Рурайда О'Коннора, бывшего ри-мором в Коннауте.

В тот момент, когда вся Ирландия готовилась насладиться желанным миром, Дермот Мак-Мурро, ри-мор в Лайгине, вступил в войну с вождем О'Рурксом, вызванную чисто семейной причиной — похищением жены.

Вожди родов Лайгина тотчас же низложили Дермота. Они желали мира и не собирались вмешиваться в его семейные ссоры. Дермот бежал в Англию ко двору английского короля Генриха II и, присягнув ему на верность в качестве вассала, просил у него содействия «в восстановлении своих прав». Генрих по причинам, которые мы объясним в следующей главе, разрешил Дермоту вербовать вассалов английского короля, которые пожелали бы попытаться счастья в ирландской экспедиции.

Ирландия жаждала одного — мира. А получила она англо-норманнское нашествие.

Глава II

ПОКОРЕНИЕ ИРЛАНДИИ (I)

Низвести Ирландию на положение феодальной «вотчины» английского короля оказалось делом утомительным, которому не предвиделось конца. Приходилось вечно им заниматься, но завершить его никак не удавалось. Прошли столетия, закончилось средневековье, а борьба за подчинение непокорной Ирландии все еще продолжалась.

Завоевание Ирландии, начатое норманнами, затянулось до времени Тюдоров и затем до первых Стюартов, прежде чем приблизиться к концу.

В настоящей главе мы излагаем события эпохи норманнского завоевания с 1169 по 1485 г. и затем завоевания Ирландии Тюдорами и Стюартами с 1485 по 1610 г.

Политический и экономический фон истории Ирландии

Столь быстрое согласие со стороны Генриха на просьбу Дермота требует пояснения. В основном феодальная система в Англии в то время еще развивалась, и должное равновесие между властью короля, баронов и церкви не было достигнуто. В этот период папа в своей политике руководствовался принципом «единая церковь и единый король»; на практике это означало, что папство, как светская власть, стремилось к политическому господству, осуществляемому через посредство немногих могущественных монархов, которые играли бы роль его вассалов, — а это служило бы дополнением к той единой власти,

которую оно уже установило в сфере духовной. С этой целью папа еще за двадцать лет до того, как Дермот обратился за помощью к английскому королю, одобрил намерение Генриха II стать властителем Ирландии.

Генриху II, в теории всемогущему монарху — он был не только королем английским и герцогом Нормандским, но и государем Бретани, Анжу, Мена и Аквитании, — на практике приходилось бороться во всех своих владениях со смутой, порожденной соперничеством баронов, его вассалов. Бароны объединялись между собой, сопротивляясь его стараниям объединить их и создать организованное государство.

Результаты этого процесса описаны монахом-летописцем на кануне восшествия на престол Генриха:

«Это было в то время, когда богатый человек строил себе замок, наполняя его злыми людьми, т. е. дьяволами в человеческом образе. Это были дни, когда несчастные люди умирали с голоду. В эти дни земля не рождала злаков, так как она устала от всего, что творилось на ней. Люди открыто говорили, что Христос и его апостолы спят крепким сном».

Ирландией не хуже, чем любой другой страной, можно было воспользоваться для устранения одной из серьезных причин зла — проблемы поисков занятий, характерной для феодального майората; в Ирландии можно было устроить, т. е. поместить на землю младших (и незаконных) сыновей и многочисленных иждивенцев феодальных лордов.

Состав дружины, завербованной Дермотом, ярко иллюстрирует характер проблемы, которую стремился разрешить Генрих. Предводители были большей частью незаконные сыновья норманнских лордов. Отряды, которыми они командовали, состояли из профессиональных «головорезов», норманнских, валлийских, французских и фламандских наемников, жаждавших денег и добычи. Все это были люди, не находившие применения своим силам, так как им не удалось обеспечить себе поместья в Уэльсе.

Дермот, должно быть, явился перед ними, как волшебник-благодетель, а Генрих, по всей вероятности, был попросту счастлив от них избавиться.

Покорение Ирландии в 1171 г.

Экспедиция Дермота достигла намеченной цели без труда. Войска его овладели Уэксфордом и Уотерфордом, двинулись на Дублин и разграбили его. Дермот был «восстановлен» в качестве «короля» Лейнстера. В благодарность за оказанную ему помощь он выдал свою дочь за предводителя дружины, прозванного Стронгбоу, и стал домогаться титула и власти ард-риага

Ирландии. Но в 1171 г. он умер, и Стронгбоу, как его зять и приемник, тоже стал притязать не только на королевство Дермота, но и на сан ард-риага. Казалось, ничто не препятствовало ему добиться признания своих претензий.

Но Генрих II меньше всего желал этого. С молниеносной быстротой он прибыл в Ирландию во главе сильной армии, которой командовали его надежные сторонники. Его сопровождал папский легат, созвавший церковный собор в то время, как Генрих предложил всем риагам и вождям явиться и признать его власть. Духовенство подчинилось авторитету папы и убедило большинство вождей тоже немедленно заявить о своем подчинении. О'Коннор некоторое время воздерживался, но несколько позже все же явился. Стронгбоу сдался безропотно.

Сделавшись повелителем Ирландии, Генрих II приступил к разделу своего нового владения между главными своими приверженцами, предоставив им проводить оккупацию. Обнесенные стенами города он удержал за собой как прямые владения короны. В каждом городе был воздвигнут замок, где водворились королевские сенешалы. Дублин и прилегающее к нему «графство» были превращены в специальный удел короны. Город, разрушенный Стронгбоу, король заселил англичанами — большей частью выходцами из Бристоля, которых он всячески старался заинтересовать в восстановлении города и его торговли; графство он разделил на мелкие поместья, которые роздал второстепенным «владельцам маноров»; им разрешалось сдавать в аренду свои земли только подлинным землепашцам, на условиях английского феодального держания, большей частью на началах крепостной зависимости. Из ирландцев допускались только те, кто выражал желание стать «англичанами» по одежде, языку и обычаям. Это была первая «английская» колония в Ирландии и, пожалуй, наиболее удачное из предприятий этого рода. Специальный район, заселенный колонистами, обнесенный оградой, стал известен под названием «Пэль». Если в этом районе встречали ирландца, его травили так же безжалостно, как травят волка.

С точки зрения феодального права это завоевание (1171 г.) явилось единственным «законным» основанием для английских королей в их претензиях на верховную власть в Ирландии до тех пор, пока в 1541 г. специально подтасованный «парламент» в Дублине не предложил Генриху VIII титул короля Ирландии:

Дальнейшие результаты завоеваний

На протяжении трех столетий начиная с этого «покорения» история Ирландии вне района, получившего название «Пэль» (Pale), представляет собой однообразные вариации на одну и ту же тему. Англо-норманнские лорды со своими собственными

войсками продвигались по большой центральной равнине, по долинам больших рек, вверх или вниз по течению. Ирландцы забирали скот и вместе с ним отступали в горы и леса или в потаенные места болотистого района.

На равнинах воины кланов имели мало шансов на победу в борьбе с одетыми в кольчуги норманнскими копьеносцами и профессиональными стрелками. В холмистой местности преимущество, напротив, было на их стороне, и каждое ущелье становилось ловушкой. В болотистых районах копьеносцам вообще нечего было делать, и они с равным успехом могли бы ринуться в атаку из Уэксфорда на Мильфорд Хевн.

Таким образом, первым результатом норманнского завоевания было то, что норманны завладели большими пространствами удобной земли. Но почти повсюду ирландцы, укрывшиеся в своих тайниках, оказывались на расстоянии однодневного перехода, готовые к внезапному нападению на скот, на амбары или на отдельные отряды. Ожидавшийся поток эмигрантов из Англии очень быстро иссяк; тогда, чтобы извлечь какую-нибудь пользу из завоеванных земель, норманны волей-неволей стали договариваться с ирландскими родами. Вскоре ирландцы вернулись на прежние места, и хотя они вынуждены были платить дань пришельцам, но во всех остальных отношениях продолжали жить по-старому.

Это повлекло за собой и другой результат. Лорд-наместник, сенешал короля, и те норманны, которым удалось ввезти из Англии колонистов и заселить свои поместья на основе английского феодального держания, обвинили норманнских лордов, пошедших на уступки ирландцам, в измене. Начались кровавые столкновения между представителями англо-норманнской знати; во время завязавшейся борьбы их разоренные английские арендаторы бежали из поместий либо в города, либо обратно в Англию. Английские короли могли лишь изредка оказывать помощь своим агентам в Ирландии; таким образом, столкновения эти со временем затухали сами собой.

Чтобы установить хорошие отношения с вождями кланов, норманнские лорды женились на ирландках или устраивали браки своих дочерей с ирландскими вождями и их сыновьями. (Их приближенные в большинстве случаев давно уже поступали точно таким же образом.) Когда старое поколение вымерло, на смену ему пришло новое, в жилах которого текла лишь половина или четверть норманнской крови. Лорды, воспитанные ирландскими няньками и проводившие свое детство среди ирландских или наполовину ирландских детей, говоривших по-ирландски, за исключением особых случаев, начали и мыслить по-ирландски и стали «более ирландцами, чем сами ирландцы». Сначала они только терпели местное право, затем и сами подчинились ему. Если не считать их титулов, они превратились в обыкновенных вождей ирландских кланов.

Пэль и города устояли против этого процесса. Они вели выгодную торговлю с Англией, составлявшую их монополию, и были заинтересованы в том, чтобы спрос на английские продукты не падал. Но даже их позиции ослабевали по мере того, как и сюда стали упорно просачиваться ирландцы. Военные разрушения и опустошения привели к возникновению небольшого слоя беженцев — членов кланов, готовых внешне подчиниться английским обычаям. Наместник короля и парламент в Пэле (созданный в подражание английскому оригиналу вскоре после того, как последний был учрежден) горько жаловались на «ирландского врага», но процесс смешения с ирландцами продолжался.

Килкеннийский статут

Как далеко зашел этот процесс гэлизации завоевателей, показывает статут, выработанный парламентом, который был создан в Килкеннии в 1367 г. герцогом Кларенским, сыном Эдуарда III, бывшего в тот момент вице-королем Ирландии. Вот некоторые из требований этого статута:

1) Смешанные браки с ирландцами и тесные личные сношения с ними, кумовство и т. п. караются как государственная измена.

2) Англичанам запрещается перенимать ирландские имена, одежду, обычаи и язык под угрозой конфискации всех земель, собственных и арендованных.

3) Терпеть местное право, а тем более подчиняться ему — равносильно государственной измене.

4) Разрешение ирландским арендаторам снимать землю на началах гэльского «держания» или предоставление ирландским родам права пасти свой скот на землях, пожалованных короной, влечет за собой конфискацию.

5) Предоставление убежища ирландским менестрелям, поэтам и сказителям или поощрение их в какой бы то ни было форме рассматривается как проступок, караемый тяжелым штрафом.

6) Запрещается допускать ирландских священников к бенефициям или разрешать им учреждать монастыри.

7) Соблюдение обычая *coupe and livery* (постой и содержание) объявляется злоупотреблением.

И т. д., и т. п.

Этот исторический Килкеннийский статут был своего рода гимном ненависти, созданным лордами Пэля и направленным против англо-ирландских лордов. Парламент не обладал достаточной властью, чтобы добиться выполнения хотя бы одного из этих предписаний. Да и вице-король не мог добиться осуществления статута без серьезной войны, к которой он не был подготовлен.

Статут признает, выражаясь языком законодателей Пэля, существование «средней нации», отделяющей «английских пэлей» от «ирландского врага», нации, состоящей из денационализированных англичан и частично англизированных ирландцев. Этот статут является признанием того, что норманны добились лишь формального подчинения части ирландцев, между тем как ирландцы действительно подчинили своей культуре большую часть англо-норманнов.

Авторы Килкеннийского статута выдают себя, объявляя изменой ведение войны против ирландцев или заключение с ними мира без разрешения вице-короля.

Отдельные параграфы устава направлены против определенных, всем известных правонарушителей. Потомки одного из видных приверженцев Генриха II, Хьюго де Барга (в гэлизированной форме Барк), до такой степени впитали в себя все ирландское, что Ричард де Барг принял сан римора, а его арендаторы в ответ объединились в клан «Рикард». Наследники его сына Вильяма пошли еще дальше — они разделили между собой наследство и приняли фамилию Мак-Вильям. И это был далеко не единственный случай. Параграф, запрещающий предоставление убежища менестрелям, целил специально в Джеральдинов, Килдэра и Десмонда Фитцджеральдов, считавшихся известными «преступниками».

Статья против *соупе and livery* была также вызвана одним, тогда еще свежим в памяти случаем. Лорд-наместник, имевший основания опасаться нападения ирландцев на Пэль, обратился за помощью к эрлу Десмонду. Десмонд явился в сопровождении десятитысячного войска, состоявшего если не сплошь, то на три четверти из ирландцев, и расквартировал свои отряды среди джентри и других жителей Пэля. Он утверждал, что это старый ирландский обычай, так называемый *coinnied* (*соупеу*), что переводилось англичанами как *livery*, т. е. «плата квартирой и столом». И действительно, такой старый ирландский обычай существовал, но с ограничением, о котором Десмонд предусмотрительно «забыл» упомянуть; в ирландском законе общие размеры обложения, которые в этой форме мог позволить себе вождь, были строго ограничены. Лорду-наместнику, не посвященному в эти тонкости, пришлось размышлять над вопросом, что хуже: быть ограбленным ирландцами или спасенным с помощью Десмонда?

Полная бесполезность статута обнаружилась менее чем двадцать лет спустя, когда Ричард II, явившийся в Ирландию в надежде добиться ее окончательного подчинения, потерпел полное поражение в борьбе с кланами Уиклоу — такое поражение, что вернулся в Англию без армии, совершенно дискредитированный, и тем самым почва для его низложения была полностью подготовлена.

Английские короли, занятые династическими переворотами, войной с Францией и последовавшей затем гражданской войной Алой и Белой Розы, не могли, по существу, уделять внимание Ирландии до восшествия на престол Генриха VII (1485 г.).

Пролог к завоеванию Ирландии Тюдорами

Правление Генриха VII (1485—1509) было одним из важных переходных периодов английской истории. Это был переход от феодализма, как системы местных суверенных властей всевозможных градаций, к феодализму централизованному, вылившемуся в свою окончательную, а потому окостенелую и вырождающуюся форму — форму абсолютной монархии.

Основная сущность этой перемены состояла в уничтожении обособленной военной власти крупных феодальных лордов и в поглощении их «суверенитетов» суверенной властью короля, как единственного государя и господина. Поворот был вызван необходимостью найти выход из анархии, к которой привела старая система, и непрочным положением Генриха Тюдора, формально остававшегося узурпатором. Этому процессу способствовали самоистребление знати в гражданской войне Алой и Белой Розы и поддержка со стороны горожан, которые выиграли от происшедшей перемены, дававшей значительно больший простор развитию буржуазного способа производства. Аристократия примирилась с новым порядком, когда поняла, что потеря политической независимости возмещается более прибыльной экономической эксплуатацией поместий. В качестве помещиков, получающих ренту, и жаждущих прибыли овцеводов лорды утратили часть былого великолепия, но в своей алчности они стали ненасытнее, чем когда-либо. В конечном счете они превратились в раблепных приспешников новой монархии, в особенности с тех пор, как последняя, доведя до наивысшего предела развитие абсолютизма, начала грабить и унижать в политическом отношении церковь и ставить преграды дальнейшему политическому развитию буржуазии, в свое время содействовавшей осуществлению этих сдвигов.

Важную роль в этом переходе сыграло то, так сказать, «техническое» обстоятельство, что корона владела единственным в стране резервом тяжелой артиллерии и благодаря материальной поддержке со стороны горожан имела возможность создать армию из наемников на континенте — армию, оснащенную новым огнестрельным оружием и искусно владеющую им.

В общих чертах процесс распадается на три стадии: 1) разрушение феодальных лордов посредством разрушения их замков и разгрома их частных армий; 2) борьба «реформации» против папства и церкви; 3) ограничения, налагаемые на буржуазную корону и поземельным дворянством, состоящими в союзе. Во

время первой из этих стадий короли Англии (Генрих VII и Генрих VIII) вынуждены были пойти в Ирландии на уступки, чтобы выиграть время; они мирились с политическим ростом землевладельческой аристократии в лице килдэрских эрлов — той аристократии, которую они систематически уничтожали в Англии. Когда в Англии уже началась вторая стадия этого процесса, возникла возможность довести до конца одновременно обе стадии в Ирландии. Эта возможность родилась в результате завоевания Ирландии Тюдорами и затем Стюартами; завоевание совпало в обеих странах и с третьей стадией этого процесса.

Завоевание Ирландии Тюдорами: первый период

В то время как Англия опустошалась войной Алой и Белой Розы, политика норманнских завоевателей в Ирландии окончательно обанкротилась. Главной особенностью этой политики было завоевание Ирландии через посредников. Пэль, непосредственно находившийся под контролем короны, был создан как опорный пункт для земельной аристократии и вместе с тем для осуществления контроля над ней; ожидалось, что эта аристократия в свою очередь приобретет влияние на ирландских вождей, а через них и будет проведено фактическое покорение ирландского народа.

Политика эта потерпела крах вследствие того, что лорды-землевладельцы (подвергшиеся гэлизации) на местах пришли к соглашению с ирландскими вождями и таким образом стали слишком могущественными, чтобы подчиниться контролю со стороны Пэля. Фактически Пэль, откуда английские короли черпали мужское население, вместо того чтобы содействовать его росту, Пэль, ограбленный лордами Джеральдинами и в значительной своей части вновь занятый кланами, был сведен к минимальным размерам и держался только благодаря тому, что платил дань кланам и лордам-землевладельцам.

В то же время норманнская политика была до известной степени успешной, поскольку условия, ею созданные, в значительной мере способствовали феодализации гэлов. Власть вождя фактически стала наследственной. Власть его над членами кланов значительно усилилась вследствие того, что передвижения и миграции, неизбежный результат вековой распри, разложили старые кланы как единицы и привели к созданию под властью уцелевших вождей более или менее случайных объединений септов, не состоявших между собой в родстве. Таким образом, по мере того как лорды на местах смешивались с гэлами, кланы феодализировались. Возникла возможность объединения Ирландии в ярко выраженное феодальное государство, которое, поглотив Пэль, стало бы совершенно не зависимым от Англии.

Этому объединению препятствовали два обстоятельства:

1) Лорды-землевладельцы и крупнейшие вожди кланов, преследуя политику усиления своих родов, вечно враждовали друг с другом. Положение их отличалось от положения аналогичных групп в Англии во время войны Алой и Белой Розы только тем, что здесь все воевали со всеми, а в Англии Алые воевали с Белыми.

2) Торговые города внутри Пэля и в Гэльтахте¹ (Gaeltacht) были более заинтересованы в развитии сношений с Англией, чем в их прекращении. Точно так же лендлорды, из которых многие владели поместьями в Англии, выиграли в качестве помещиков от изменений, введенных новой монархией. Таким образом, существовала сила, которая могла бы добиться отделения Ирландии от Англии, но стремления к этому отделению, по всей видимости, не было. Одно лишь это обстоятельство спасло в ту эпоху английское владычество в Ирландии.

Экономическое развитие Ирландии за пределами Пэля достигло в это время значительно более высокого уровня, чем обычно предполагают:

«По всей Ирландии периодически устраивались большие ярмарки, посещаемые ирландскими и иностранными купцами. Они были так многолюдны, что население городов Пэля жаловалось на ущерб, причиняемый им тем, что английские и другие купцы предпочитают эти ярмарки рынкам Пэля. По записям, которые велись в европейских портах, можно также заключить, что Ирландия вела большую внешнюю торговлю... со странами, начиная от Средиземноморского бассейна до побережья Балтики»².

Развитие культуры в гэльской Ирландии, вначале в значительной степени скованное норманнским нашествием, затем возобновилось и шло в ногу с экономическим прогрессом.

В такой обстановке английские короли могли править Ирландией, только прибегая к посредничеству одного из руководящих родов смешанной группы землевладельцев Пэля, килдэрских Джеральдинов. Три килдэрских эрла, отец, сын и внук, занимали пост лорда-наместника, передавая его по наследству и фактически монополизировав власть в Ирландии в период от 1468 до 1533 г., если не считать небольших перерывов.

То обстоятельство, что эти Джеральдины — Томас, Гаррет Мор и Гаррет Ог — фактически были ард-риагами Ирландии, свело на-нет всю норманнскую политику, утверждавшую всеми средствами главенство Пэля.

Джеральдины главенствовали над Пэлем и почти добились поглощения его смешанной группой. В то же время они пород-

¹ Гэльтахт (Gaeltacht) — часть Ирландии, где гэльский язык оставался или остается повседневным средством общения. — *Почин. ред.*

² Hayden-Moon in Short History of the Irish People.

нились посредством браков с О'Нейлями и О'Коннорами (как их младшая везвь, Десмонд-Фитцджеральды, породнились с О'Брайенами) и таким образом отчасти заполнили брешь между «смешанной группой» и «чистыми ирландцами». Однако они были не менее тесно связаны узами родства с виднейшими йоркскими семьями и оказывали им поддержку во время гражданской войны. Их власть была так сильна, что Генрих VII, вступив на престол, считал необходимым утвердить Гаррета Мора на посту лорда-наместника, несмотря на его связь с йоркистами. Если бы Генрих VII и Генрих VIII не были достаточно искусными политиками, чтобы перехитрить Джеральдинов (Гаррета Мора и Гаррета Ога), и не сумели бы терпеливо ожидать своего часа, как ожидает опытный рыболов, пока не клюнет форель, — они могли бы сделать ложный шаг.

Однако пришла пора, когда монополия Джеральдинов на власть, их упорное стремление подчинить себе Ирландию как единое целое обрушились против них самих. Были приняты меры, чтобы втайне разжечь ревность и зависть, которые они возбуждали, и в особенности их распрю с Ормонд-Батлерами: Вражда к Джеральдинам привела к тому, что против них были выдвинуты тяжелые обвинения. Гаррета Ога вызвали в Лондон. Ему разрешено было оставить в качестве заместителя своего сына, Томаса «Шелкового». Так как сам Гаррет Ог, и его отец, и его дед вызывались в Лондон и возвращались оттуда целыми и невредимыми, он был мало обеспокоен этим обстоятельством. Однако на этот раз произошел взрыв. По прибытии в Лондон Гаррет Ог был арестован и брошен в Тоуэр. Томаса обманули, послав ему подложное письмо, в котором сообщалось, будто отец его казнен. Он нарушил клятву верности королю и, призвав своих приверженцев, стал готовиться к войне.

Именно такого оборота событий и добивались в Лондоне. Это не был «национальный мятеж»: Джеральдины, осуществляя свою власть, приобрели слишком много врагов, и «чистые ирландцы» были лишь косвенным образом заинтересованы в восстании. Но мятеж был достаточно велик, чтобы потребовать вмешательства всех военных сил короля. Королевская артиллерия снова была приведена в действие, а вместе с ней и королевская армия, состоявшая из немецких и итальянских наемников. Когда Мэйнут — оплот Джеральдинов — был разгромлен и весь его гарнизон истреблен, Томас «Шелковый» сдался. Его отец, Гаррет Ог, умер в Тоуэре. Когда Томас и пятеро его дядей были повешены в Тибурне¹ на одной и той же виселице (1537), вся старшая линия Джеральдинов оказалась истребленной, за исключением одного ребенка, который по счастливой случайности спасся от мэйнутской бойни.

¹ Лобное место в средневековом Лондоне. — *Прим. ред.*

После истребления главных ее вождей вся «средняя нация» вместе с ее ирландскими союзниками очутилась во власти короля. Пэль, который несколько лет тому назад был почти поглощен «смешанной группой», теперь пережил обратный процесс своеобразной ликвидации. Он фактически распространился на всю Ирландию, за исключением отдельных «гнезд», где еще чувствовалось влияние гэльских кланов, перестал существовать как «Пэль» и превратился в «официальную» Ирландию.

Ирландские вожди, английские лорды

Средства, использованные против Джеральдинов, отныне с некоторыми изменениями стали применяться и против вождей ирландских кланов. Они были очень просты. Вождя вначале осыпали титулами, почестями и давали ему субсидию, в ответ на что он должен был стать проводником английского влияния. Если он соглашался с этим планом, его немедленно, с помощью «магии» британского закона, делали владельцем всей территории клана; члены его клана, если они покорялись, становились его арендаторами либо пожизненно, либо на срок, либо по воле лорда. Если он принимал титул, но не вводил систему английских феодальных держаний, то он объявлялся изменником, поместья его конфисковывались, и условия английского феодального держания навязывались клану силой. Если кланы возмущались вместе с новым лордом-вождем или против него, то посылалась карательная экспедиция, достигавшая желаемого результата. При этом упорно преследовалась определенная цель: каждый «лорд», будь то англичанин, англо-ирландец или чистый ирландец, должен был сделать выбор между превращением в ленд-лорда по английскому образцу или привлечением к ответу в качестве изменника, изгнанием, казнью в качестве «бунтовщика» или просто убийством из-за угла.

Эта политика проводилась с однообразной настойчивостью с 1533 г. до конца века и продолжалась в следующем столетии. Мятежи постоянно разрастались, и в них принимали участие самые могущественные ирландские лорды; репрессии приобретали все более кровавый и всеобщий характер. К концу «долгого царствования Великой Елизаветы» местные мятежи стали сливаться друг с другом, и нечто вроде всеобщего восстания свирепствовало по всему Гэльтахту; все, что осталось от «смешанной нации», участвовало в нем.

Дело осложнилось также религиозной войной между Англией и Испанией. Восставшие лорды обратились за помощью к Испании и к папе, который послал небольшие экспедиции, высадившиеся в Дингле в 1579 г. и в Кинсале в 1580 г. Они имели лишь то значение, что послужили для английских командующих предлогом для проявлений свирепой жестокости, граничивших с полным физическим истреблением ирландских католиков.

Чтобы заставить мятежников сдаться, их скот вгоняли, а урожай систематически уничтожали. Только в одной из этих кампаний был уничтожен урожай стоимостью в 20 тыс. ф. ст. (по теперешней стоимости фунта около 1 млн. ф. ст.). В результате разразился голод, достигший ужасающих размеров. Ирландский летописец жалуется, что «начиная от скал Кашеля до Дингльской бухты — нигде по всей стране не слышно мычания скота». Один английский наблюдатель, «бард поэтов», Эдмунд Спенсер, следующим образом описывает виденное им:

«За полтора года они (мятежники) были доведены до такого отчаянного положения, что даже каменное сердце сжалось бы. Из всех углов, из лесов и долин они выползали на руках, так как ноги уже отказывались служить им; это были живые скелеты; они говорили так, что, казалось, мертвецы дают о себе знать стоном из своих могил; они пожирали падаль, радуясь, когда могли найти ее; затем они стали пожирать друг друга или трупы, которые не ленились вырывать из могил. Если они находили лужайку, поросшую салатом или трилистником, то собирались толпой, как на праздник, но не в состоянии были долго пировать; таким образом, за короткое время от них почти ничего не осталось, и густо населенная, обильная страна внезапно опустела, лишившись и людей, и скота»¹.

Конфискация и колонизация

Эта достигшая своего кульминационного пункта политика Тюдоров до некоторой степени сопровождалась процессом, который продолжался еще при Якове I Стюарте. Мы имеем в виду процесс «расчистки территории» и британской колонизации.

Политика провоцирования ирландских вождей с целью получить предлог для конфискации их поместий была вызвана стремлением насадить в Ирландии английский лендлордизм. Особая же политика «расчистки территории» для последующей колонизации была вызвана тем мотивом, который придавал реформации в Англии ее характерную форму: стремлением создать земельный фонд, который можно было бы использовать для награждения преданных слуг короны.

Предполагалось, что их поместья, в свою очередь, поглотят в качестве арендаторов армию бродяг, наводнявшую английские села — также в результате «расчистки территории», предпринятой с целью освободить место для прибыльных овечьих пастбищ, которыми владела новая знать.

Протестантская реформация обернулась к Ирландии исключительно этой своей стороной, т. е. стала предлогом для захвата

¹ *Ed. Spenser, View of the State of Ireland (1595 г.).*

церковных богатств и земель. В Ирландии не было ничего похожего на то народное идейно-политическое движение, которое создало на континенте и в Англии реформацию — «первое всеобщее восстание европейской буржуазии».

Как будто бы специально для того, чтобы подчеркнуть это различие, первый опыт «расчистки территории» в широком масштабе был предпринят государством в царствование Марии-Католички. Конфискованные земли были превращены в «Shire-Land» и разделены на «графство Королевы» и «графство Короля» с главными городами Мэриборо и Филлипстаун. Земля была продана с аукциона, и созданы обширные имения; в покупателях недостатка не было. Но когда дело дошло до заселения этой земли новыми колонистами, то оказалось, что нашлось весьма мало англичан, которые пожелали бы, рискуя своей жизнью и имуществом, стать фермерами в Ирландии. В конце концов на землю вернулись члены клана; но те самые земли, на владение которыми у них были несомненные и, казалось бы, неотъемлемые права, им теперь пришлось занять в качестве арендаторов, подчиняющихся британскому лендлорду за морем.

Такую же «расчистку территории» попытались провести в то же царствование в Южном Уиклоу и Северном Уэксфорде; на этот раз некоторых английских католиков удалось склонить здесь поселиться, но они оставались в этих местностях недолго — до тех пор, пока О'Двайеры, О'Фаоллены и Мак-Мурро, жившие на холмах, не позаботились о том, чтобы у колонистов появилось достаточно оснований убраться обратно в Англию. И снова земля была возвращена кланам.

Точно такая же судьба постигла попытку очистить и заселить обширный район Мюнстера, опустошенный войной и голодом. И здесь были розданы обширные поместья, разделенные, в свою очередь, на большие фермы. Одним из лиц, пожалованных земель, был Уолтер Ралей, «строитель империи»; Эдмунд Спенсер поселился на одной из ферм, где работал над своей поэмой «Волшебница-королева», но О'Дрисколы, О'Леганы, О'Каролы, О'Донованы, или, вернее, уцелевшие члены этих семей, вышли из лесов и сожгли дотла его ферму со всеми службами. Кланы вернулись снова, и вернулись как мстители.

Колонизация Ольстера

В это время (1598) была задумана колонизация Ольстера, наиболее известное из всех начинаний этого рода, завершенное в 1609 г.

Все поместья Тиронских (О'Нейль) и Тирконельских (О'Донель) эрлов и их главных приверженцев, составлявшие, по приблизительному подсчету, около полумиллиона акров пахотной земли (не считая пустырей, лесов, болот) в графствах Донегол, Тирон, Фермана, Каван (Дерри) и Арма, были конфискованы.

«Земля была разделена на участки в 2000, 1500 и 1000 акров; предписано было поселить на ней лиц трех категорий. Предпринимателями, которым были отведены самые крупные участки, обычно были английские или шотландские колонизаторы. Им запрещалось сдавать землю в аренду ирландцам. Сервиторы, т. е. лица, занимавшие должности при ирландском правительстве, могли, если бы они этого пожелали, сдавать часть своих земель ирландцам. Но в этом случае арендная плата, которую они сами обязаны были выплачивать правительству, возрастала с 5 ф. ст. 6 шилл. 8 пенс. на тысячу акров до 8 ф. ст. С другой стороны, лица третьей категории, местные уроженцы, могли сдавать землю в аренду исключительно своим соотечественникам... Как правило, ирландцам отводились только небольшие усадьбы, и в общей сложности они получили едва ли одну десятую всего этого фонда. Им было назначено платить... 10 ф. ст. 13 шилл. 4 пенсы за тысячу акров»¹.

Ограниченный размер этих «держаний» и твердая арендная плата показывали, что теперь правительство преследовало этой колонизацией иную цель, чем прежде: алчное стремление короны к увеличению своих доходов было подчинено ее захватническим потребностям. Правительство стремилось создать надежные гарнизоны из прочно осевших колонистов — гарнизоны, которые могли бы держать в узде ирландцев. Но где было найти подходящих колонистов? Эта задача была отчасти возложена на лондонский муниципалитет, которому было предписано «предпринять» заселение графства Колерейнского (нынешнего Лондондерри) и восстановить города Дерри и Колерейн.

Лондонцы взялись за это дело без особого желания. Ясно было, что прибыль ожидалась небольшая или вовсе никакой; но с другой стороны, Лондону было выгодно обязать короля. Для проведения колонизации муниципалитет основал специальную компанию — Ирландское общество; непосредственное осуществление колонизации было поручено группам городских компаний, причем размер предоставляемых им для заселения земель зависел от участия каждой группы в общей сумме подписного капитала. Создавались фермы строго определенных размеров; начали отстраивать Дерри и Колерейн и восстанавливать их порты.

Найти подходящих арендаторов было нелегко. Не многие англичане и шотландцы охотно соглашались покинуть родину. Исключение составляли те, кто по каким-либо причинам, не всегда похвальным, считал менее рискованным столкнуться с «дикими» ирландцами, чем остаться дома. Некоторые из них

¹ *Hayden-Moonan, Short History of the Irish People.*

были преследуемыми «еретиками», другие — тайными католиками, многие стремились ускользнуть от своих кредиторов или от матерей своих незаконных отпрысков, или же по другим причинам очутиться вне пределов досягаемости «карающей руки правосудия».

Один шотландский писатель того времени сказал, что колонисты — это, как правило, «подонки обеих стран... вызывающие страх и отвращение у себя на родине».

Было бы ошибкой приписывать этой колонии особенности, свойственные Ольстеру как определенному политическому лагерю. То обстоятельство, что из шести колонизованных графств четыре никогда не входили в состав «оранжистского» Ольстера (до раздела) и что два наиболее «протестантских» графства, Антрим и Даун, не были включены в состав колонии, говорит против такого предположения.

Трудности, связанные с подысканием держателей, вынудили лондонский муниципалитет¹ не обращать особого внимания на нарушение условий данного ему пожалования. В 1624 г. у него было четыре тысячи ирландских держателей, в то время как, по существу, он не должен был иметь их вовсе.

Колонизация Ольстера, откуда кланы были фактически изгнаны, послужила причиной взрыва и последовавшего за ним нового завоевания. В тот момент, однако, цель, поставленная английской политикой, была, казалось, достигнута.

Глава III

ПОКОРЕНИЕ ИРЛАНДИИ (II)

Завоевание, предпринятое Кромвелем, — третий гигантский вал завоеваний, захлестнувших Ирландию, — отличалось от предшествующих тем, что оно в меньшей степени носило характер длительного процесса и скорее было внезапным разрушительным ударом. Поэтому оно оставило по себе ужасные воспоминания, которые до сих пор живут в народе, между тем как прежние завоевания вспоминаются лишь смутно.

Другая отличительная особенность кромвелевского завоевания состоит в том, что оно возникло как побочное следствие революционного кризиса и восстания в Англии. В орбиту этих событий Ирландия была вовлечена на стороне контрреволюции, и это имело губительные последствия и для Англии и для Ирландии.

¹ Т. е. корпорация лондонского Сити; в то время ни Вестминстер, ни другие районы нынешнего Лондона не были еще с ним объединены. — *Прим. ред.*

Общий фон; английская революция 1640 г.

Мы уже указали на причину, породившую революцию 1640 г. Новая (абсолютная) монархия в силу необходимости достигла такой стадии развития, когда стабилизация могла быть осуществлена исключительно за счет буржуазии, в частности за счет ограничения свободы торговли и накопления капиталов.

Если английскую революцию определяют как революцию буржуазную, то это вовсе не означает, как предполагают реакционеры и сентиментальные люди, что в основе ее лежали исключительно эгоистические, низменные мотивы или что король и кавалеры боролись с целью защитить низшие слои народа от капиталистической эксплуатации. Далеко нет!

«Интересы, за которые боролась монархия Карла, ни в малейшей степени не совпадали с интересами простого народа. Эта монархия была представительницей обанкротившейся землевладельческой аристократии, и политика ее определялась дворцовой кликой, состоявшей из знатных дельцов — грабителей и их приверженцев, высасывающих из народа соки всевозможными методами экономической эксплуатации... А свободное капиталистическое развитие было гораздо выгоднее массам населения, чем сохранение устарелого непроизводительного и паразитического феодализма»¹.

Монархия Тюдоров в целом была популярна в Англии, так как она предоставила (временно) новое поприще, новые возможности роста производящим классам. При Стюартах монархия утратила эту популярность, так как при ней производящие классы поняли, что этому росту будут поставлены границы, что далее расширение производства будут терпеть только при условии, если буржуазия «откупится» от короля и клики дворцовых бандитов, уступив им долю доходов.

Убедившись, что такая политика вызывает бурю революционного недовольства в среде буржуазии и низших слоев, Карл I и его советники стали изощряться в изыскании средств принудить к покорности палату общин и в Англии и в Ирландии. Революцию 1640 г. ускорил провал плана, состряпанного королем и его главными советниками, архиепископом Лодом и графом Страффордом (известным ранее — до получения графского титула — как лорд Томас Уэнтворт), плана контрреволюционного переворота, который сами заговорщики называли «решительным планом» (так называемый заговор «Thorough»).

Частью этого плана было назначение Страффорда заместителем лорда-наместника в Ирландии. Здесь намерения Страффорда состояли в следующем: 1) довести Ирландию до такого повинове-

¹ Christopher Hill, English Revolution, p. 13.

ния короне, чтобы она предоставила королю средства, которые сделают его независимым от английского парламента; 2) задобрить недовольных ирландцев, сделав ряд уступок католикам, и тем привлечь их на сторону короля; 3) создать в Ирландии армию, состоящую главным образом из католиков, которую можно было бы, в случае крайности, использовать для приведения к покорности англичан. Одним словом, ирландских католиков предполагалось обмануть и увлечь за собой, превратить их в бандитов и головорезов и с их помощью навязать английскому народу господство короля.

Страффорд взялся за дело, не теряя времени. Он созвал парламент, но позаботился о том, чтобы заранее обеспечить благоприятный для себя состав: он создал 60 новых округов и от каждого из них назначил двух членов парламента. Вместе с должностными лицами, которых он мог смещать по своему произволу, это сразу дало ему большинство. Лорды большей частью сочли для себя болсе безопасным остаться в стороне; они передали Страффорду свои голоса, которыми он мог располагать по своему усмотрению.

Следующей его мерой было довести до конца завоевание, осуществив колонизацию Коннаута или, вернее, угрожая ею. Он потребовал, чтобы каждый землевладелец в Коннауте «добровольно» предоставил ему один акр из каждых четырех своих — для создания ферм, где Страффорд мог бы поселить надежных людей. Одновременно он запугал ирландских землевладельцев назначением комиссии для проверки документов, удостоверяющих их права на владение поместьями. Однако вскоре выяснилось, что коннаутские землевладельцы могут избежать проверки, если они заплатят штраф наличными деньгами, и что подобными же платежами они смогут откупиться в том случае, если в документах окажутся даже самые вопиющие дефекты.

Страффорд и другой заговорщик, Лод, проделали подобный трюк и по отношению к лондонскому Сити. Суд Звездной палаты под председательством Лода отменил выработанную Сити Ольстерскую хартию по той причине, что из нее не были исключены держатели-католики. Новая хартия обошлась лондонскому Сити в 70 тыс. ф. ст.

С помощью аналогичной уловки Страффорд «обработал» дублинский парламент. Он предложил католикам и протестантам составить петицию, указав в ней, какие «милости» им было бы желательно получить от короля (в обмен на субсидию). Король получил субсидию, а католикам и протестантам было сказано, что король «рассмотрит» их петиции.

Когда тот или иной землевладелец не поддавался шантажу, в его документах находили «дефекты». Если он обращался в суд, то Страффорд либо подбирал благоприятный для себя состав присяжных, либо, как это было, например, в Голуэе, где суд

вынес приговор против короны, арестовывал весь состав суда и держал его в тюрьме до тех пор, пока каждый член его не выплачивал большой штраф.

Страффорду иногда ставят в заслугу, что он якобы развивал льняную промышленность; но это совершенно не соответствует действительности. Его деятельность заключалась лишь в том, что он продал грамоту на монополию одной льняной компании, что разорило бы всех кустарей — ткачей и прядильщиков — в Ирландии, если бы эта компания не обанкрестилась сама. Согласно плану «Thorough», предполагалось ввести подобную же монополию в других отраслях промышленности Англии и Ирландии. Будучи лично заинтересован в процветании йоркширской шерстяной мануфактуры, Страффорд первый запретил экспорт сукон из Ирландии и субсидировал экспорт невыделанной шерсти.

Особое внимание Страффорд уделил созданию, обучению и вооружению армии. Рядовой состав был представлен почти исключительно католиками, а офицерами по большей части являлись английские аристократы-протестанты. (Напрашивается аналогия с составом так называемых «территориальных» британских частей в Индии.)

Наконец, Страффорд всячески способствовал распространению слухов (не скупясь ни на устные намеки, ни на двусмысленно составленные письма), будто король, как только он «образумит» английскую палату общин, пойдет на широкие уступки ирландским католикам.

В этот момент Страффорд был срочно вызван в Англию. Его соратник Лод расстроил все его планы, попытавшись навязать шотландской церкви англиканскую литургию¹.

Роль религии в английской революции

Вопросы религии играли такую большую роль в полемике, связанной с революцией 1640 г., что необходимо остановиться на них несколько подробнее. Суть дела заключалась в том, что в те времена под «религией» подразумевали нечто гораздо более широкое, чем систему частных верований и их выражение на практике. Считалось, что «религия» есть необходимое государственное учреждение с соответствующими функциями. Церковь составляла часть государственного аппарата. На местах это был один из органов местного управления и самоуправления, точно так же как и социального призрения. Кроме того, церковь представляла собой определенный вид собственности, приносивший

¹ Нельзя согласиться с тем, что крушение планов Страффорда было вызвано только борьбой по религиозным вопросам; в дальнейшем автор книги и сам отказывается от этого положения. Как известно, крушение планов Страффорда было результатом краха всей системы английского абсолютизма, выражением чего явилась английская буржуазная революция. — *Прим. ред.*

хорошие доходы; церковь была организацией, владеющей собственностью, и служила источником прямых и косвенных доходов для светских лиц, бравших на откуп «десятину», и для тех аристократов и помещиков, которые имели право на долю церковных доходов. Таким образом, церковь в Ирландии была ценным дополнением к доходам английских лендлордов, которые в качестве помещиков, хотя и не живших в своих ирландских поместьях, «владели» этими церковными доходами или правом предоставить пользование ими своим вассалам.

С точки зрения государства, церковь была тогда не только «полицией нравов» и придатком к магистратуре: она выполняла необходимую функцию формирования общественного мнения и руководства им. С церковного амвона по крайней мере раз в неделю народу говорилось, во что должен он верить, причем проповедь касалась не только небес и ада, но еще больше дел земных. Совершенно очевидно, что в том кризисе, который тогда назревал, церковь была необходимым орудием роялистской и контрреволюционной пропаганды.

Не менее очевидно, что при таких обстоятельствах элементы, сопротивлявшиеся политике двора и его клики, были недовольны таким использованием церкви и разоблачали эту политику. Наиболее активные из них даже обеспечивали себе трибуну, с которой провозглашали свои антироялистские взгляды. Короче говоря, они создавали «секты» «нонконформистов» и «диссентеров», в которых политическая оппозиция короне и двору дополнялась богословской враждой к епископам, их учению и их ритуалу.

Реформация в Англии, как народное движение, в основном представляла собой бунт против чужеземной «итальянской» церкви и связанной с нею чужеземной пропаганды. Это был ярко выраженный национальный бунт; тем же духом были проникнуты и еще более сгущенной форме «нонконформистские» секты.

С точки зрения плана «*Theophilus*», эти секты следовало искоренять с беспощадной жестокостью. Но тут на пути Лода встала шотландская пресвитерианская церковь, которую он контролировать не мог. Поскольку церковь в Шотландии была государственной, он не мог запретить ее в Англии, и революционеры широко использовали это затруднение.

Лод пытался преодолеть эту трудность, убедив часть шотландского духовенства принять англиканскую литургию, что было бы первым шагом к соединению двух церквей. В результате вспыхнул шотландский мятеж. Шотландская армия появилась на границе и даже по другую ее сторону.

Усмирять этот мятеж послали Страффорда.

К этому следует прибавить, что страстная ненависть к папству и к «папизму»¹, присущая реформации, все еще была сильна

¹ Так именовали католицизм, имея в виду обвинить католиков в подмене веры в бога верой в ватиканского первосвященника. — *Прим. ред.*

и в Англии и в Шотландии. То, что Лод настаивал на англиканской литургии и на англиканском церемониале, воспринималось массами как проявление «папизма», и, поскольку король, как всем было известно, находился под влиянием своей жены, открыто исповедовавшей католицизм, общественное мнение пришло к выводу, что в планы короля входит восстановление папской церкви, а с ней, разумеется, и «инквизиции».

По мере того как борьба распространялась, ультрапротестантские секты, т. е. те, которые наиболее решительно отвергали всякую власть в религии, за исключением авторитета личной совести, естественно, все в большей степени выдвигались на передний план, так как они больше других выиграли бы от поражения короля и крушения его реакционных планов. Таким образом, к этой борьбе с самого начала примешивались «антипапистские» мотивы, и чем дальше, тем сильнее.

Долгий парламент; восстание 1641 г.

Когда Страффорд прибыл в Англию и ознакомился с обстановкой, он увидел, что Лод наделал много ошибок. У короля было мало солдат, и они отнюдь не горели желанием драться с шотландцами. Английская милиция была проникнута откровенно мятежными настроениями, и можно было ожидать, что она скорее примкнет к шотландцам, чем будет бороться против них. Страффорд решил, что важнее всего выиграть время; надо созвать парламент, одурачить его посулами, а когда возбуждение уляжется, найти другие способы борьбы. Он же тем временем спокойно возьмется за дело и быстро создаст мощную армию в Ирландии.

Совет Страффорда был принят. В Англии созвали парламент, а Страффорд вернулся в Ирландию, созвал там свой подтасованный парламент и добился вотирования 180 тыс. ф. ст.

В Англии дела шли не так гладко. Все старания создать искусственно большинство в парламенте ни к чему не привели. Как только парламент собрался, в ноябре 1640 г., он прежде всего постановил, что роспуск его может приобрести юридическую силу лишь с согласия обеих палат. Когда Карл утвердил этот закон — а не утвердить его он уже не мог, — инициатива перешла в руки революционеров и английская революция началась.

Спустя несколько дней суды Звездной палаты и Высокой комиссии были объявлены неконституционными, а также поводом для демонстрации королю. Приказано было арестовать всех, причастных к этим судам, начиная с Лода. Когда Страффорд прибыл из Дублина, он тоже был арестован, отдан под суд и брошен в Тоуэр. Карл попытался спасти своих друзей-заговорщиков, приказав арестовать пять лидеров палаты общин.

Во-время предупрежденные, члены палаты ускользнули от ареста, а палата в целом нашла убежище в здании лондонского муниципалитета, который вызвал отряды городской милиции (trained-bands) и запер ворота.

Карл уступил. Палата общин, убедившись, что Страффورد может ускользнуть от судебной кары по формальным причинам, провела специальный Акт, объявив его виновным и приговорив к смерти. В ночь перед казнью Страффорда (12 мая 1641 г.) по всей Англии горели факелы, зажженные в честь этой победы.

Оптимисты думали, что борьба кончена, что революция победила; по мнению же скептиков, успех достался слишком легко, чтобы быть прочным. Как бы в ответ на их сомнения пришла ошеломляющая новость, что в ночь на 23 октября 1641 г. ирландские кланы все как один поднялись и «истребили всех протестантов в Ирландии».

На самом деле положение не было таким плохим или, с ирландской точки зрения, — таким хорошим. Осуществить захват Дублинского замка, что должно было сыграть центральную роль в восстании, не удалось. Но О'Нейли, О'Донели, О'Догерти, О'Кэйханы и Магиры «очистили» колонизованный Ольстерский район и обратили его население в паническое бегство; жители искали убежища в городах и замках.

До сих пор историки ожесточенно спорят о том, сколько именно протестантов было убито в честной борьбе и при других обстоятельствах, сколько умерло во время бегства и преследования. Можно предположить, что число убитых не достигало и трех тысяч; во время преследования умерло около семи тысяч человек — факт, показывающий, что члены ирландских кланов были не менее беспощадны, чем их враги. Но в то время распространились слухи, повлиявшие на поведение английских революционеров, что ирландцами было «хладнокровно убито» от 300 до 400 тыс. человек. Характерно, что Джон Мильтон, человек, достаточно искушенный в делах политических и стоявший в первых рядах образованных людей своего времени, имевший доступ к официальным данным и к тому же не столь склонный поддаваться необоснованным слухам, считал правильной самую высокую из приведенных нами цифр. На самом деле в Ирландии вообще в 1641 г. вовсе не было 300 тыс. протестантов, а в последующие годы выяснилось, что численность протестантской общины не сократилась сколько-нибудь значительно.

Слухи об ирландских «зверствах» оказали немедленное и решительное действие на положение в Англии. Король доложил об ирландском мятеже парламенту и просил ассигнований и разрешения создать армию для подавления мятежа.

Палата отнеслась к этому известию крайне подозрительно. Именно армию, на которую мог бы опереться король, сна не могла доверить ему. К тому же сами ирландские мятежники

выпустили воззвание, где заявляли, что не питают вражды к королю и его власти, а ищут лишь спасения от невыносимого гнета.

Англичане в 1640 г. еще не усвоили себе: точки зрения, что Handy Andy¹ воплощает в себе «типичные» черты ирландского национального характера; поэтому они не сочли это воззвание чисто ирландским «блефом». Они приняли его за чистую монету и сделали из него вывод, что если ирландцы напали на гарнизоны короля, захватили его замки, прогнали его офицеров и подданных — протестантов, которые скрылись в потайные убежища или эмигрировали, — и если все это не направлено против короля, — значит это делается если не его именем, то по сговору с ним. Они помнили Страффорда и ту часть плана «Thorough», которая стала достоянием гласности; они знали, что ирландцы — «паписты», а ведь самому королю приписывалось намерение восстановить папскую власть.

Эти выводы казались убедительными. Поэтому, обсудив вопрос, парламент принял акт о создании армии. Но в этом акте были точно обозначены лица, которым разрешалось вербовать солдат, назначать и увольнять офицеров и распускать войска, когда они сочтут это необходимым. Лица, поименованные в акте, были из числа тех, на которых вожди революции считали возможным положиться.

Отношение короля к этому акту подтвердило их наихудшие опасения. Если бы он честно, без всяких задних мыслей, стремился подавить ирландский мятеж, у него не было бы оснований возражать против предосторожностей, принятых палатой общин. Раз он имел против них возражения, это наводило на мысль, что армия ему нужна для некоей тайной цели, и скорее в Англии, чем в Ирландии. Возникло сильное подозрение, что ирландский мятеж был инсценирован с целью дать Карлу повод для создания армии, в которой он нуждался.

Король не ограничился этими возражениями. Он покинул Лондон и отправился в Ноттингем. Здесь он поднял королевское знамя и созвал знать и дворянство, прося у них помощи против «мятежного» парламента.

Таким образом, английская революция перешла в стадию гражданской войны.

Здесь не место останавливаться на подробностях гражданской войны в Англии. Достаточно отметить, что в ходе борьбы потребовалось создать армию «нового образца», которая вербовалась исключительно из надежных мелкобуржуазных, крестьянских и близких к пролетариату элементов, преданных революции

¹ «Ловкач Энди» — хитрый ирландец — герой романа того же названия, принадлежащего перу Самюэля Ловера. — *Прим. перев.*

и фанатически враждебных роялизму и епископской власти во всех их формах: короче говоря, эта армия стала демократической республиканской армией.

Мятеж и гражданская война в Ирландии

Пока гражданская война свирепствовала в Англии (1641—1649), Ирландия стала ареной, на которой непрерывно развешивались политические комбинации, то распадаясь, то вновь возникая и сплетаясь в столь запутанный клубок, что анализ их становится чрезвычайно затруднительной задачей.

Дело запуталось еще до восстания 1641 г. Страффورد так крепко забрал в свои руки все нити управления, что после его ареста — бывшего для него полной неожиданностью — некому было более оплачивать и снабжать его ирландскую армию. Не приходится сомневаться в том, что Карл I и Страффورد намеревались послать эту армию во главе с самим Страффордом в Англию, как только наступит благоприятный для этого момент; но арест и осуждение Страффорда создали такое положение, что ирландские и английские судовладельцы не желали более брать на себя риск переброски войск в Англию. Армия, которой перестали платить и которую перестали снабжать, принялась грабить, и ее пришлось распустить. Многие части ее примкнули к восставшим; другие образовали ядро различных армий, которые впоследствии боролись друг с другом.

Само восстание было задумано группой вождей кланов, которые, хотя и подчинились англичанам и приняли рыцарское звание и титулы, все же не слишком хорошо чувствовали себя в своей новой роли англизированных лендлордов. Главной же причиной восстания было недовольство и возмущение членов кланов, которые непрерывно оказывали давление на вождей, настаивая, чтобы они добились возврата принадлежащей кланам земли. Общее недовольство, сомнения и неуверенность, вызванные хозяйничанием Страффорда; надежда на то, что король и Страффورد хотя отчасти удовлетворят их требования; опасения, что они не удовлетворят эти требования или, хуже того, осуществят свою угрозу колонизации всего Коннаута; надежды и страхи, сосредоточенные вокруг личности короля, надежды и страхи, вызванные ожиданием победы парламента; — все это сплелось в один клубок и подготовило почву для восстания, но в то же время создало такую обстановку, в которой разнообразные задачи и цели мятежников приходили в неразрешимое столкновение друг с другом. Всплывшая на поверхность цель ставили себе лишь кланы и Оуэн Роэ О'Нейль, который был тогда фактически главою клана О'Нейль; это был выдающийся воин, находившийся на службе в Испании. Он обещал заговорщикам, что если они создадут армию, то он прибудет из Испании, чтобы руководить ею.

О'Нейль и члены клана с самого начала стремились к одному и тому же — восстановить права кланов на их землю, восстановить независимость Ирландии; пример шотландцев убедительно показывал, чего может достигнуть объединенная нация. Но именно объединенной нации в Ирландии не существовало, хотя некоторое подобие единства волей-неволей поддерживалось католической общиной вследствие общего страха перед обеими борющимися партиями в Англии.

Король через своих представителей в Дублине заклеил восстание 1641 г. как «папистский» заговор и угрожал беспощадной карой всем его участникам. Английский парламент составил длинный список землевладельцев-«изменников» и занимал деньги для борьбы с королем под обеспечение земель, которая принадлежала этим изменникам и была объявлена конфискованной. Теснимые с двух сторон, англо-ирландские католики во главе со своими лендлордами и бывшими вождями присоединились к заговорщикам, начавшим восстание; но сделали это с самыми дурными предчувствиями.

Таким образом, с самого начала существовали три определенные партии, каждая со своей армией, действовавшей в Ирландии: 1) Английская парламентская партия владела городом Дерри и частью графств Дерри, Антрима и Дауна; 2) Королевская партия, руководимая Ормондом, удерживала Дублин, Лаут, часть Мита и через лорда Инчикина (Мурроу О'Брайен) — часть Корка; 3) Католическая конфедерация, образовавшаяся в Килкенни в мае 1642 г., контролировала остальную страну.

Католическая конфедерация учредила, согласно тщательно выработанному плану, совет, в котором были представлены каждая провинция и каждое графство; но она с самого начала отмежеввалась от всяких сепаратистских тенденций. Конфедерация заявила о своей преданности Карлу и чеканила монеты с его изображением. Она проявляла терпимость по отношению к другим религиям, но навлекла на себя негодование руководимых Ормондом роялистов, постановив вернуть церковные земли католической иерархии. Совет отказался сделать шаг, который напрашивался сам собой, — назначить своим главнокомандующим Оуэна Роэ О'Нейля. Вместо этого совет назначил на этот пост Томаса Престона, племянника лорда Горманстауна, англо-ирландского католика. Престон служил в Испании, где занимал видное положение, но как военный руководитель он во всех отношениях был слабее О'Нейля, с которым он враждовал.

Короче говоря, основную базу конфедерации составлял лендлордизм, созданный английскими завоевателями. О'Нейль и членов кланов конфедерация только терпела, поскольку они были необходимы ей в целях сопротивления парламентской партии, возглавляемой Коотом и Манро на севере, роялистской

партии Ормонда (который с величайшим отвращением относился к «папистским» мятежникам) в Пэле и, наконец, на юге — регенту Инчкину, который примыкал по очереди ко всем партиям и по очереди предавал их; он с самого начала заслужил прозвище «Мурроу-поджигателя» вследствие опустошений, которые он произвел в восточном Мюнстере и южном Лейнстере.

Если бы не Оуэн Роэ, конфедерация уже не раз была бы разбита. Со всей энергией она вела лишь переговоры с Карлом о соглашении, которое удовлетворило бы требования католиков. Но конфедерация по этому вопросу раскололась на отдельные группы. Англо-ирландские католики в Пэле готовы были удовлетвориться терпимым отношением к католической религии и независимым парламентом; клерикальная партия хотела большего — возвращения католических церковных земель, права владения на все церкви, отнятые у протестантов во время мятежа, и т. п.

Политическая сумятица в католическом лагере усиливалась вследствие интриг в роялистском лагере. В то время как Ормонд и Инчкин сообща вели ожесточенную кампанию против Католической конфедерации, посланец Карла вел переговоры о секретном соглашении с советом конфедерации. Карл готов был пообещать все что угодно, лишь бы заполучить в свои руки военную силу — ирландскую армию; но он не смел осведомить английский народ о своих переговорах с ирландскими мятежниками. Половина его английской армии дезертировала бы, если бы она узнала об этих переговорах. Когда в Англии стало известно о подготавливавшемся тайном соглашении, Карл от всего отрекся и арестовал лорда Глеморгана, которому было поручено заключить договор.

Между тем Ормонд, от имени англо-ирландских протестантов-роялистов, вел переговоры о мире на собственную ответственность. Король понес тяжелое поражение при Марстон-Муре (1644) и Незби (1645), а Инчкин перешел на сторону приверженцев парламента, когда Ормонд в 1646 г. выдвинул условия мира, на которые согласилось большинство совета конфедерации. Однако противники этого плана оказались более сильной стороной, так как к ним принадлежали папский нунций и Престон (оба они хотели мира на условиях, предложенных королевой, которая самостоятельно вела переговоры), а также и Оуэн Роэ, вообще не желавший договариваться с королем.

Оуэн Роэ и Престон явились в Килкенни, разогнали старый совет и назначили новый, который отверг договор. Возмущенный Ормонд отказался от дальнейшего участия в борьбе, сдал Дублин генералу Майклу Джонсу (1647), стороннику парламента, и уехал во Францию.

Отъезд Ормонда до некоторой степени упростил обстановку: роялисты как отдельная сила сошли со сцены. Некоторые из приверженцев Ормонда примкнули к Католической конфедера-

ции; другие — к Инчику и парламенту. Спустя некоторое время (1647—1648) Инчикин, опустошивший весь Мюнстер, вступил в переговоры с конфедератами и предложил им мир и союз. Большинство совета приняло его предложение; это привело в негодование Оуэна Роэ, который порвал с советом и решил бороться во главе независимой армии. Нунций отлучал от церкви всякого, кто подписал договор с Инчиком, но возвратившийся Ормонд в этот момент выступил с новыми предложениями, и 17 января 1649 г. с ним вторично был заключен мир. Возмущенный нунций покинул Ирландию несколько недель спустя, вскоре после того, как Карл I был казнен в Уайтхолле, как «человек, обогранный кровью, вероломный король и враг английского народа».

Ормонд, вернувшийся в Ирландию в качестве представителя Карла II, немедленно распустил Католическую конфедерацию, попросту обратив ее сторонников в роялистскую партию. Он возлагал большие надежды на помощь шотландцев, так как последние порвали с английским парламентом и шотландская армия атаковала парламентского генерала Коста в Дерри.

Оуэн Роэ не желал иметь ничего общего с Ормондом, Престоном, Инчиком или другими представителями ирландских и англо-ирландских джентри. Он отогнал шотландцев от Дерри и вступил в переговоры с генералом Монком, посланцем английского парламента.

То, что в «ортодоксальных» исторических трудах было оставлено без внимания, как простой и незначительный эпизод, фактически являлось решающим моментом в происходившей борьбе. Пока отметим только, что английский парламент категорически приказал Монку немедленно прервать всякие переговоры с ирландцами.

Оуэн Роэ, которому не оставалось другого выхода, согласился на договор с Ормондом и готовился выступить ему на помощь. Но он был уже болен и в ноябре 1649 г. умер. Уверяют, что его отравили; но у нас нет почти никаких доказательств, подтверждающих это предположение, за исключением того, что Инчикин по своему характеру действительно был способен на любое преступление.

Тем временем в конце августа 1649 г. Оливер Кромвель высадился в Дублине во главе своих испытанных войск.

Левеллеры

Положение только что возникшей английской республики было весной 1649 г. в высшей степени неустойчивым.

Историки утверждают, что армия «нового образца» и ее сторонники составляли лишь меньшинство населения, и это, видимо, соответствует действительности. Но не менее верно, что они были самой мощной из политических сил, действовавших в

то время в Англии, и единственной сплоченной и организованной силой. То, что они казнили короля, не было признаком или актом слабости, как то утверждают реакционеры и люди сентиментальные. Напротив, этой казнью была доказана истина, которую необходимо было в то время усвоить многим, — что голова короля может слететь так же легко, как и чья бы то ни была другая, и что короля можно привлечь к ответу за преступления, совершенные им как главой государства.

Именно за то, что армия «нового образца» и ее руководители преподали миру этот спасительный урок, именно за то, что они предали короля суду и требовали, чтобы их представители в парламенте совершили над ним правосудие, их ненавидели и оскорбляли реакционеры при всех европейских дворах; на них клеветали, их изображали в ложном свете реакционеры и последующих эпох.

На самом деле слабость позиции армии «нового образца» и ее вождей была следствием характерной особенности, присущей всем буржуазным революциям. Борясь против феодализма и абсолютной монархии, буржуазия вынуждена повести за собой мужественные элементы низших классов общества. Мелкие фермеры, мелкие промышленники, самостоятельные ремесленники, подмастерья и т. д., представлявшие рядовой состав армии «нового образца», показали на своих сборищах и в своих высказываниях высокую степень политической сознательности.

До того момента, как король был устранен и монархия и палата лордов уничтожены, интересы прогрессивной буржуазии совпадали с интересами мелкобуржуазных масс. Но, начиная с этого поворотного пункта, буржуазия, по существу, желала положить конец революции и заняться обеспечением завоеванных ею побед.

Широкие массы шли дальше; они стремились полностью завершить революцию, сломив власть помещиков и духовенства. Во всяком случае, низы требовали политического равенства, а левеллеры — и равенства экономического.

Наиболее существенным было требование конфискации имений короля и помещиков-роялистов и распределения этого фонда среди лиц, нуждающихся в земле, как в армии, так и по всей стране. Далее левеллеры требовали отнятых у народа помещиками прав на общинные земли. И именно в тот момент, когда эти настроения левеллеров охватили большую часть армии и родственные ей элементы гражданского населения, оказывавшие ей поддержку, Оуэн Роэ О'Нейль и Джордж Монк — которого тоже подозревали в сочувствии к левеллерам — приступили в Ирландии к переговорам.

Знал ли Оуэн Роэ, что в Англии есть сильная партия, имеющая такие же замыслы относительно имений аристократии и дворянства в Англии, какие он питал в Ирландии? Он был слишком искусным полководцем, чтобы не быть хорошо осведомленным

о том, что происходит во вражеском лагере. И он был опытным политическим деятелем, отлично знающим, откуда ветер дует. Мы можем основываться только на догадках. Поспешность и энергия, с какими был отдан Монку категорический приказ о немедленном прекращении всяких переговоров с «мятежниками», весьма знаменательны, если сопоставить их с той поспешностью и энергией, если не сказать — неистовством, с каким Кромвель в то же самое время подавил мятеж, вспыхнувший в рядах левеллеров, не дав ему времени созреть.

Более того, обещание, данное Кромвелем и парламентом левеллерским полкам, переброшенным в Ирландию, что они будут награждены участками земли, конфискованной у ирландских роялистов, к которым теперь в результате искусных интриг Ормонда и политической слабости конфедератов примыкали почти все ирландские помещики, можно рассматривать как сознательный обходный маневр.

Когда английские левеллеры поддались на эту уловку, когда Оуэн Роэ, загнанный в тупик, уступил уговорам Ормонда, поражение революции — английской и ирландской — уже было предопределено. С этого момента восстановление монархии стало лишь вопросом времени.

Завоевание Ирландии Кромвелем

Когда Кромвель высадился в Дублине, он твердо знал, что ему предстоит делать. Необходимо было нанести сокрушительный удар ирландским армиям прежде, чем им на помощь могли бы прийти шотландцы или какая-нибудь армия, которую удалось бы завербовать на континенте принцу Руперту или Карлу Стюарту младшему. Успех задуманной Кромвелем операции был несомненным при условии, если он сможет уничтожать своих врагов одного за другим. Поэтому он стал действовать с такой быстротой и беспощадностью, которые показывают, насколько серьезным он считал сложившееся положение. !

На военных подробностях кампании нам незачем особенно задерживаться. Кромвель сначала напал на Дрохеду и, как только стены были проломлены, приказал взять ее приступом. Как известно, приказ «никакой пощады мятежникам» был дан и выполнен буквально; тот факт, что гарнизон состоял в большей или в значительной части из английских роялистских отрядов, не располагал армию «нового образца» к милосердию. Такая же расправа была повторена в Уэксфорде. В обоих случаях некоторые элементы гражданского населения смешались с гарнизоном и были истреблены вместе с ним¹. Всех католических священ-

¹ Однако слух об «истреблении сотен женщин и детей в Уэксфорде» — вымысел, изобретенный контрреволюционерами-роялистами. Нет никаких свидетельств современников, которыми этот слух мог бы быть подтвержден. — *Прим. ред.*

ников и монахов убивали, если только они «попадались на глаза».

Это была варварская кровавая резня, которую трудно оправдать. И тот факт, что при Елизавете завоеватели поступали не менее жестоко или что беспощадная расправа с гарнизоном, отказывавшимся капитулировать, была в ту пору принятым военным обычаем, не делает ее менее чудовищной. Англичанин, принимающий близко к сердцу честь английской революции, а также добрую славу армии «нового образца», должен сказать, что пример, поданный усмирителями крестьянской войны в Германии, Альбой в Нидерландах, а также Тилли и Валленштейном во время немецких религиозных войн, — пример, заслуживающий осуждения, а не оправдания или подражания.

Вместе с тем, извинением «ужасающему» образу действий Кромвеля может служить то, что у Кромвеля действительно не было времени и что его политика принесла желанные плоды. Инчикин, двоедушный до конца, перешел на сторону парламента. Гарнизон за гарнизоном стали сдаваться по первому требованию. Остатки англо-ирландской католической знати обратились за помощью к герцогу Лорренскому. Некоторые города, особенно Уотерфорд и Лимерик, оказали упорное сопротивление. Но единственным серьезным препятствием, встреченным армией «нового образца», если не считать задержек, вызванных капризами погоды и вспышками эпидемических заболеваний, был отпор, данный армии Кромвеля О'Нейлями и их кланами, которые встретили английскую армию в Клонмеле и отогнали ее.

В этой кровавой бойне, которую учинили друг другу ирландские крестьяне-общинники и левеллеры, кроется основная трагедия английской революции и кромвелевского покорения Ирландии.

Будучи отозван из Ирландии, Кромвель, которому предстояло встретить и разгромить шотландцев, предоставил закончить покорение Ирландии своим помощникам Айртону, Флитвуду и Лудлоу. Оно было завершено в мае 1652 г., когда последние ирландские армии — большей частью армии кланов — приняли Килкеннийские статьи. Всем, кто сдался и не был виновен в убийстве, разрешено было переселиться в другие страны. Тридцать четыре тысячи ирландских солдат воспользовались этим разрешением и перешли на службу в армии континентальных королевств.

Колонизация, проведенная Кромвелем

В 1652 г. исполнилось уже 11 лет с тех пор, как Ирландия находилась в состоянии войны. Непрестанно с военным кровопролитием, опустошениями и разрухой Ирландию посетили голод, болезни, эпидемии. «Целые районы обезлюдели», — говорит один современник. «Можно было проехать двадцать верст и не

встретить ни одного живого существа — ни человека, ни животного, ни птицы», — говорит другой наблюдатель, английский офицер. «Солнце никогда не озаряло светом своим страны столь несчастной», — замечает третий.

В таком положении находилась Ирландия, когда английский парламент взялся за колонизацию по тщательно продуманному плану.

По существу он следовал тому плану «расчистки территории и заселения ее», который проводился предшественниками парламента, но масштабы плана ошеломили бы даже Елизавету, а она была беспощадна! В этом, разумеется, была доля вины Кромвеля (реакционеры-роялисты вместе с ирландскими «сентименталистами»¹ взвалили всю вину исключительно на него), а также и рядовой солдатской массы, которая сделала возможной эту колонизацию и приняла участие в грабеже. Но справедливость требует отметить, что парламент в принципе решил вопрос о колонизации тотчас же после восстания 1641 г.

Принцип колонизации был прост. Республика задолжала разным кредиторам и в том числе солдатам, которым давно уже не платила жалованья. Все бремя этой задолженности решено было взвалить на плечи Ирландии, которая рассматривалась как собственность Англии.

В общем, вся территория Ирландии считалась теперь конфискованной у ее законных владельцев. Была разработана градация «виновности» ирландцев. За теми, кто «постоянно выказывал приверженность» парламенту и его делу, иначе говоря, за теми, кто все время вел борьбу на стороне парламента или оказывал ему помощь, было признано право сохранить землю, находившуюся в их владении. Организаторы восстания 1641 г. лишались всей своей земли; если же они оказывались повинными в убийстве, то их вешали. Те, кто был менее виновен, теряли два акра земли из каждых трех. Считавшиеся наименее виновными теряли один акр из каждых трех.

Затем английские власти провели регистрацию землевладельцев, владевших более чем 50 акрами земли; из них были выделены католики, которым было приказано к определенному сроку отправиться со всеми своими пожитками за пределы Шаннона в Коннаут, где их предполагалось поселить на землях, конфискованных у тамошних владельцев.

Особенно гнусный оборот это дело приняло вследствие одного обстоятельства, которое не было учтено комиссиями. Мелких съемщиков, арендаторов ферм, батраков и ремесленников не предполагалось сгонять с земли. Члены комиссии по опыту знали, что заполучить арендаторов и рабочих из Англии весьма трудно,

¹ Этим термином Джексон именует ирландских буржуазных историков. — *Прим. ред.*

а. получить землю только для того, чтобы любоваться ею, никого не прельщало. Но английскому правительству пришлось столкнуться с тем фактом, что в Ирландии у лендлорда-католика большей частью были такие же отношения с его держателями, как у вождя клана с его сородичами. Во многих случаях они и были его сородичами. В других случаях такие отношения являлись следствием традиционных обычаев. Когда лендлорда сгоняли с земли, держатели большей частью следовали за ним, несмотря на то, что они имели возможность остаться. Это происходило оттого, что держатель, мелкий арендатор, часто опирался не на юридический документ, а на обычное право и на словесное соглашение; и в этом случае он боялся оставаться: ведь новый владелец земли мог прогнать его, как обманщика, или навязать ему слишком тяжелые условия аренды.

В конце концов власти нашли, что созданное ими положение неприемлемо и для них самих. Были пущены в ход разные юридические уловки, и вскоре ветер подул в другую сторону. «Переселенцам» разрешено было во многих случаях, даже, пожалуй, в большинстве, вернуться со своим скарбом обратно. Это им дорого стоило. Приходилось лишиться части земель или дать взятку, или, наконец, вернуться в качестве арендаторов на землю, которой они некогда владели. Вместе с ними вернулись зависевшие от них держатели, и все осталось попрежнему, за исключением того, что все ирландское население теперь везло чужеземных лендлордов на своем горбу.

Эта перетасовка была очень выгодна для своры спекулянтов, которые ринулись по следам членов земельных комиссий, подобно стервятникам, налетающим на поле битвы. На требование армии уплатить жалование, покрыть накопившуюся задолженность правительство отозвалось раздачей «грамот», которые давали солдатам право на получение земельного участка по жребию. Спекулянтам, ссудившим правительство деньгами, выплатили задолженность землей, хотя участки были разбросаны в разных местах. Многие солдаты не хотели селиться в Ирландии. Это давало спекулянтам, имевшим наличные деньги, широкую возможность скупать у солдат «грамоты» с большой скидкой и затем путем обмена приобретенных участков составлять обширные имения, достигавшие десятков тысяч акров. В ту пору было сколочено немало «фамильных» поместий нынешних английских «аристократов».

Побочным результатом «конфискаций» явилось множество сирот и бездомной молодежи обоего пола. Родители их погибли; хозяева выбросили детей на улицу; некоторые потеряли своих близких в создавшейся сумятице. Чтобы избавиться от них, правительство согнало детей и продало агентам, которые отправили их в Вест-Индию и в Каролину (Северная Америка), где за них была получена хорошая цена; они были проданы, как «кабальные

рабочие». Дело оказалось столь прибыльным, что агенты вернулись за новой партией; когда запас бездомных в Ирландии иссяк, они в погоне за «товаром» стали прибегать к похищениям детей. Агенты так обнаглели, что стали похищать и англичан — и не только в Ирландии, но и в самой Англии. Только тогда эта торговля людьми была запрещена.

Рестаурация и итоги грабежа

Когда монархия в Англии была восстановлена, у экспроприированных помещиков возникла надежда, что их преданность Стюартам будет вознаграждена.

Кое-что было сделано в отношении немногих англо-ирландских лордов, сосланных правительством республики. Но дело этим и ограничилось.

Ирландцы столкнулись лицом к лицу с той трудностью, что фактически в тот или иной период каждый ирландец мог быть обвинен в мятеже против Англии. И так как возврат конфискованной земли пришлось бы провести за счет богатых помещиков-англичан, а Карл II, не имевший ни малейшей охоты «возобновить свои скитания по свету», меньше всего намерен был их раздражать, то он дал ирландцам свое благословение — и этим ограничился.

Глава IV

ПОКОРЕНИЕ ИРЛАНДИИ (III)

Четвертое и окончательное завоевание Ирландии произошло при Вильгельме Оранском (1690—1692). Как и предшествующие завоевания, оно было следствием разыгравшегося в Англии политического конфликта, в который оказалась втянутой Ирландия — и снова на стороне контрреволюции (лойялистов).

На этот раз толчком к завоеванию Ирландии была «революция вигов» (1688)¹. Снова прогрессивное движение, развивавшееся в Англии, принесло Ирландии лишь обострение национального гнета и рабской зависимости.

«Революция вигов» (1688)

После восстановления монархии (1660) у простого народа в Англии было время поразмыслить и пожалеть о том, что он позволил отвлечь себя от правильного революционного пути

¹ Виги и тори — партийные клички, которые впервые вошли в употребление между 1660 и 1685 гг. и прилагались к тем, кто стремился ограничить корону и престолонаследие особым конституционным актом (виги), и к тем, кто считал это противозаконным ограничением королевских прерогатив (тори).

Народ расстроил замыслы Карла I, Лода и Страффорда. Но плоды его победы пожинала богатая (и одворянившаяся) буржуазия в союзе с аристократическим (и обуржуазившимся) классом лендлордов и кликой придворных паразитов.

В этой новой политической обстановке даже небывалый расцвет торговли и промышленности (почву для которого подготовила революция 1640 г.) не мог заглушить возросший в народе страх перед новой, более искусной попыткой восстановить абсолютную монархию, за уничтожение которой он боролся, и, возможно, воскресить «папизм». Были в эту эпоху и волнения и заговоры.

Но основная масса буржуазии была довольна (хоть она и ворчала) барышами, которые давала ей торговля, а верхняя, более аристократическая прослойка ее и дворцовая клика крепко держали в узде низшие сословия.

Вступление на престол Якова II, ревностного католика (1685), всполошило эти элементы, заключившие молчаливый союз. Оно угрожало значительному слою олигархии потерей политической власти, потерей доходов от государственных должностей, а также монопольного права на раздачу этих должностей. Оно угрожало церкви потерей ее положения и доходов, а буржуазии — ограничениями и засилием паразитических слоев общества, т. е. тем, от чего ей удалось избавиться в 1640 г.

В этой обстановке население Западной Англии — тогда главного мануфактурного района, где еще были сильны левеллерские традиции, — решило, что оно может рассчитывать на поддержку со стороны торговой буржуазии лондонского Сити, а также знати и дворянства, принадлежавших к вигам, на Севере. Поэтому оно откликнулось на призыв герцога Монмаутского, незаконного сына короля Карла II, и подняло восстание: любопытно, что оно избрало левеллерский цвет — цвет морской воды — как отличительный знак участников своего движения.

Это восстание натолкнулось на своем пути на двойное предательство: 1) лорды-виги и дворянство, боясь сильного левеллерского элемента в восстании, остались от него в стороне; 2) герцог Монмаутский, чтобы задобрить вигов, отверг требования своих приверженцев о немедленном провозглашении республики и занял компромиссную позицию, объявив себя законным наследником престола. Таким образом он оттолкнул от движения те левеллерские элементы лондонского населения, которые могли бы принудить торговую буржуазию Сити к выступлению. В общем, для вигов, с политической точки зрения, было более выгодно позволить Якову II навлечь на себя еще большую ненависть жестоким подавлением мятежа, так как это окончательно лишило бы его влияния на широкие слои населения и в то же время свело бы к минимуму опасность левеллерского

движения в революции; ведь в этой революции виги преследовали свои особые цели.

События разворачивались в соответствии с этим планом вигов. Восстание, вспыхнувшее в западной части страны, было подавлено с варварской жестокостью, возмущившей всю Англию. Яков II, упрямый и тупой, выказал намерение прибрать к рукам все главные государственные посты с их доходами для раздачи их католикам или тем, кто выдавал себя за католиков, и делал это так явно и грубо, что всполошил даже послушную и угодливую церковь. Союз вигов, представлявший собой блок землевладельцев, богатых купцов и духовенства, послал приглашение правителю Голландии Вильгельму Оранскому; последний в качестве внука Карла I с материнской стороны и мужа старшей дочери Якова был непосредственно заинтересован в престолонаследии. Виги просили его явиться с армией для «восстановления вольностей Англии и протестантской религии».

Когда Вильгельм Оранский изъявил на это согласие и 5 ноября 1688 г. высадился с армией в Торбэй, Яков II очутился перед фактом не только вторжения, но и общего дезертирства армии, флота, дворцовых чиновников, суда, церкви, муниципалитета и даже членов своей фамилии. Спасаясь от разъяренного населения Лондона, он бежал ко двору французского короля Людовика XIV.

Когда парламент официально провозгласил Вильгельма и Марию совместно правящими монархами и они дали свое согласие на «билль о правах» и на Акт о престолонаследии, по которому трон могли наследовать исключительно протестанты (даже брак с католиком теперь вел к отстранению от трона), так называемая «слабая» революция, или революция вигов, была закончена.

Ирландия и «революция вигов»

В Ирландии восшествие на престол католика Якова II вызвало сильное волнение, так как от него ждали реформы кромвелевской системы «землеустройства», которую Карл II отказался упразднить или исправить, если не считать внесенных им ничтожных изменений.

Об остроте этой проблемы можно судить по цифровым данным, собранным уже после того, как Карл II внес некоторые (незначительные) изменения в пользу католиков.

Ниже перечисленные категории населения владели (в 1665 г.) следующим количеством земли в Ирландии: 1) владельцам, получившим землю по кромвелевскому «акту о поселении», принадлежало 4 560 037 акров; 2) старым английским поселенцам — 3 900 тыс. акров; 3) «неповинным» (в мятеже) ирландцам, включая некоторых переселенных правительством, — 2 323 809 акров;

4) «благонамеренным» ирландцам — 600 тыс акров. Таким образом, из общего количества земли, равнявшегося по приблизительно подсчету 12 208 237 акров, только 824 391 акр не был присвоен крупными землевладельцами, причем значительная часть земель этой категории состояла из участков под городскими домами и пр.

В Ирландии тогда насчитывалось около 200 тыс. протестантов, а католиков — свыше одного миллиона; поэтому, если исключить эти «неприсвоенные» земли, находившиеся, главным образом, в руках кромвелевских солдат-колонистов и их потомков — протестантов, мы приходим к выводу, что свыше двух третей хорошей пахотной и луговой земли находилось в руках у менее чем $\frac{1}{6}$ части всего населения, причем это меньшинство, крупные землевладельцы, почти сплошь состояло из протестантов. Соотношение между протестантами и католиками в различных провинциях было: в Ольстере 5 : 2, в Лейнстере 2 : 13, в Мюнстере 2 : 20, в Коннауте 2 : 25.

Эти цифры могут дать нам представление о чувствах, волновавших Ирландию, — надеждах католиков и страхах протестантов — в момент восшествия на престол Якова II (1685).

И надежды и страхи усилились еще более, когда Яков назначил англо-ирландского католика, эрла Тирконнельского¹ (он же Тальбот, прозванный «Диком-лгуном») главнокомандующим и позднее лордом-наместником Ирландии. Тирконнель невольно способствовал низложению Якова; он набрав в Ирландии среди католического населения несколько полков и послал их в Англию, чтобы поддержать корону во время кризиса, вызванного судом над семью епископами по обвинению их в мятеже; этот «мятеж» заключался в декларации протеста, написанной в ответ на попытку Якова отменить произвольным декретом законы против католического богослужения.

Ирландские полки высадились в окрестностях Лондона как раз в тот момент, когда ликующий народ узнал об оправдательном приговоре по делу семи епископов (1688). Прибытие ирландцев возбудило сильнейшую панику, так как распространился слух, что они идут грабить Лондон и избивать его жителей. Слух этот оказался ложным; но он характерен для настроений английской армии и гражданского населения. Попытка ввести в Англию ирландские католические полки привела к тому, что ни один английский солдат не захотел бы и пальцем шевельнуть

¹ Тальбота не следует смешивать с О'Доннелем, который тоже претендовал на титул графа Тирконнельского. О Тальботе Тирконнеле поется в одной песенке:

В болоте как-то довелось пророчество сыскать:
Ирландией осел с собакой будут управлять.
Теперь пророчество старинное сбылось:
Осел тот — Яков, Тирконнель же — пес.

з защиту Якова. Ирландское войско спрыгали обратно в Ирландию, но это уже не поправило дела.

Тем временем удаление войск из Ирландии дало городам Дерри и Эннискиллену возможность запереть свои ворота и обороняться от армии Тирконнеля и Якова.

В 1689 г. Тирконнель отказался признать Акт о престолонаследии, изданный парламентом-конвентом. Он стал на сторону Якова II и пригласил его прибыть из Франции (с армией) и вступить во владение своим «законным» королевством. Яков высадился в Ирландии в марте 1689 г. с французскими и ирландскими офицерами и небольшим количеством войск, но почти без всякой артиллерии. Ирландия его не очень интересовала; главные свои надежды он возлагал на Шотландию, где «кровавый Грэхэм из Клэверхауза» (он же — «Толстый Дэнди») поднимал его именем кланы. Когда упорное сопротивление, оказанное городами Дерри и Эннискилленом, приостановило движение войск Якова II, он созвал парламент в Дублине.

«Патриотический» парламент в 1689 г.

Парламент, собравшийся 7 мая, насчитывал в своем составе в числе пэров шесть протестантских епископов (Яков не считал уместным созывать католических епископов) и десятка два протестантов из числа 232 членов палаты общин. В тогдашней обстановке он должен был быть революционным; но и на этот раз революция в Ирландии сталкивалась с революцией в Англии, как с враждебной ей силой.

«Патриотический» парламент: 1) признал английский парламент неправомочным издавать законы для Ирландии; 2) объявил ирландскую палату лордов судом последней инстанции; 3) высказался за полную религиозную терпимость; 4) постановил, что десятина, оставаясь обязательной, может выплачиваться любой церкви по выбору арендатора. Против этой части принятых парламентом постановлений не могли бы возражать даже английские виги. Но когда парламент (5) отменил кромвелевскую систему «землеустройства» и (6) стал угрожать всем землевладельцам-эмигрантам конфискацией, если они до определенного срока не вспомнят о своем «долге верности» (Якову II), это встревожило осиние гнезда, ответившие тревожным гудением.

Но главная ошибка «Патриотического» парламента — его нежелание коснуться проблемы безземелья, от которого так страдала основная масса ирландского крестьянства, — редко отмечается историками.

С точки зрения Якова «Патриотический» парламент привел лишь к пагубным результатам. Отмена кромвелевской системы колонизации сразу оттолкнула от него всех землевладельцев-

тори в Англии, на помощь которых он рассчитывал; и через неделю после роспуска парламента он убедился, что все его наихудшие опасения оправдались: Дэнди был убит в сражении под Килликренки, а вслед за тем после 105-дневной осады освобожден город Дерри.

Война Вильгельма Оранского

После снятия осады с Дерри Вильгельм Оранский приступил (с некоторым опозданием) к военным операциям с целью захвата Ирландии; но последовавшую войну можно лишь отчасти отнести к эпизодам «революции вигов».

И Англия и Ирландия были лишь пешками в игре тех, кто боролся за равновесие сил на континенте. Борьба велась между Людовиком XIV и его союзниками, с одной стороны, и европейской коалицией (включая папу, как светского монарха, а также и Вильгельма Оранского) — с другой. Англии повезло в том отношении, что сохранение ее независимости соответствовало интересам Вильгельма Оранского на континенте. Несчастье Ирландии было в том, что кто бы ни выиграл в войне, — она могла лишь проиграть. Яков II и поддерживавший его Людовик интересовались независимостью Ирландии еще меньше, чем Вильгельм III. Если не говорить о малосущественном вопросе — какой из двух соперничающих королей Англии будет править Ирландией, от исхода борьбы ирландских масс зависело лишь, какой именно лендлорд будет их грабить: английский протестант или ирландский католик. И в том и в другом случае они были обречены на ограбление.

Уместно вспомнить, что английские виги с такой неохотой откликнулись на просьбу Вильгельма дать ему армию («хватит с него и голландцев», говорили они), что когда он выступил с целью форсировать переправу через реку Бойн (1 июля 1690 г.), то в состав армии Вильгельма входили наряду с немногими английскими, шотландскими и ольстерскими полками голландцы, датчане, шведы, пруссаки и французские гугеноты. Между прочим, армия Вильгельма носила зеленые значки, а некоторые из ольстерских войск предпочли левеллерский цвет морской воды. Армия Якова носила белые кокарды Бурбонов и Стюартов.

Переправа через Бойн большого стратегического значения не имела. Численное превосходство армии Вильгельма было велико, но зато она значительно превосходила ирландскую армию опытом, оснащением и артиллерией. Патрик Сарсфилд, один из лучших воинов, сражавшихся за Якова, не советовал принимать сражение на Бойне. Зная соотношение в численности обеих армий, Сарсфилд предполагал отступить за линию реки. Шаннон и держаться там до тех пор, пока ирландские

войска не будут обучены и лучше оснащены. Яков не согласился с мнением Сарсфилда и решил дать битву, которую он ухитрился быстро проиграть, сосредоточив свои лучшие войска на левом фланге для отражения атаки, оказавшейся стратегическим маневром. Таким образом он слишком ослабил свой центр и правый фланг, и они не смогли предупредить форсирование переправы. Зато Яков выказал ловкость и проворство, руководя отступлением к Дублину! Потери с обеих сторон составили менее двух тысяч человек.

Современники рассказывают — и это весьма правдоподобно, — что Сарсфилд, прикрывавший отступление, перебрасываясь шутками с английскими офицерами, которых он знал лично, крикнул: «Давайте поменяемся королями и начнем битву сначала!». Между прочим, отметим также, что в Риме отслужили особо торжественную мессу и пели «Te Deum», благодаря бога за победу протестанта Вильгельма при Бойне.

После битвы при Бойне, когда Яков устранился от командования, франко-ирландская армия отступила, как советовал Сарсфилд, с целью защищать линию Шаннона. Год закончился успешной обороной Лимерика под командованием Сарсфилда — успех, до некоторой степени ослабленный захватом Корка и Кенсала с моря, осуществленным под командованием Мальборо.

В 1691 г. Шаннонский вал был форсирован при Этлоне в результате решительной англо-голландской атаки в одном слабо охраняемом пункте. Французский генерал Сен-Рют 12 июля 1691 г. рискнул оказать сопротивление неприятельским войскам при Огриме возле Баллинаслоэ (графство Голуэй), но в разгар кровопролитного сражения Сен-Рют был убит, и проход для английских войск оказался открытым, так как командир английской якобитской кавалерии Генри Люттрель изменнически покинул свои позиции. Ирландцы, окруженные с флангов и тыла и лишенные командования, были обращены в бегство.

После Огрима осталось завоевать только города Голуэй и Лимерик. Голуэй сдался в начале августа, и Лимерик, убедившись, что положение безнадежно, тоже капитулировал.

Лимерикский договор

Условия капитуляции, обычно называемые Лимерикским договором, подписанные 13 октября 1691 г., приобрели особое значение вследствие резкого различия позиций Вильгельма III, который одобрил их, и ирландского парламента, который отверг их.

Существовало два договора. По одному — сдавшимся ирландским солдатам предоставлялся выбор: либо поступить на службу к французскому королю (что и сделали около 10 тыс. солдат), либо вернуться целыми и невредимыми домой. По вто-

рому договору гражданскому католическому населению было обещано, что, если оно присягнет на верность Вильгельму, оно будет пользоваться «не меньшей терпимостью», чем до восшествия на престол Якова.

Дублинский парламент, из которого были исключены все католики, отказывался (1692) ратифицировать договор до тех пор, пока не был проведен ряд законов (1697), угрожавших карами католикам; по требованию парламента было принято специальное разъяснение, гласившее, что по смыслу договора на и менее благоприятные условия, которыми католики пользовались до 1685 г., должны стать на и более благоприятными условиями для католиков в будущем.

Таким образом, лимерикский договор стал классическим примером английского вероломства.

В 1692 г. дублинский парламент, отказавшись ратифицировать договор, одновременно утвердил проведенный в Англии закон о конфискации имений всех ирландских землевладельцев, принимавших участие в борьбе на стороне Якова. Католики апеллировали к Вильгельму, указывая, что это — вопиющее нарушение лимерикского договора. В конечном счете дело закончилось компромиссом: «виновные» католики вынуждены были отдать около трех четвертей миллиона акров. К числу тех, кто лишился всех своих поместий, принадлежали, главным образом, английские якобиты. Поместья, которыми владел в Ирландии Яков II, Вильгельм пожаловал своей возлюбленной, графине Оркней.

Карательные законы

Начиная с 1692 г. дублинским парламентом было принято несколько законов, направленных против католиков и известных в совокупности своей как «ка р а т е л ь н ы е з а к о н ы». Католики лишались активного и пассивного избирательного права; им был закрыт доступ в муниципальные учреждения; запрещалось заниматься учеными профессиями (за исключением медицины) и занимать высшие должности в армии, флоте и на государственной службе: ни один католик не мог открывать школы или преподавать в них; воспрещено было продавать или изготовлять оружие. Католик не имел права владеть оружием или носить его без разрешения муниципалитета, владеть лошастью стоимостью свыше 5 ф. ст. Им запрещалось иметь более двух учеников (исключение допускалось лишь в торговле льняными изделиями). Протестанты вообще могли не принимать учеников-католиков. Издавать и продавать газеты и книги католикам было воспрещено. Браки между католиками и протестантами преследовались, насколько это было возможно.

Католики облагались особыми налогами, а землевладельцы подвергались специальным ограничениям. Католические поместья

не могли переходить в наследство одному лицу без права отчуждения: по смерти владельца они подлежали разделу между всеми детьми. Католик не имел права арендовать землю на срок свыше 33 лет, а доходы его от субаренды не могли составлять более одной трети аренды, которую платил он сам. Протестант-землевладелец терял свои гражданские права, женившись на католичке; наследница протестанта, вышедшая замуж за католика, теряла свое право на наследство.

Признав авторитет протестантской церкви, сын католика мог сделать своего отца простым пожизненным арендатором его собственного имущества, которое сын наследовал целиком. Сироты, оставшиеся после смерти католика, по новым законам воспитывались в протестантской вере. Жена католика, вступив в протестантскую церковь, приобретала право жить отдельно от своего мужа и заставить его оказывать ей материальную поддержку.

Что касается самой католической церкви, то всем архиепископам, епископам и пр. было предписано покинуть страну под угрозой обвинения в государственной измене, если они останутся или вернуться. На каждый приход, как бы он ни был велик, разрешалось оставить по одному священнику, который обязан был регистрироваться и не имел права выходить за пределы своего прихода без специального разрешения. Ни один католический священник из любой другой страны не мог приехать в Ирландию.

Эти законы имели целью парализовать деятельность католической церкви и сделать невозможным дальнейшее ее существование. В результате церковь превратилась в «подпольную» организацию, и народ стал сильнее дорожить ею. В огромных деревенских приходах, где законом разрешалось иметь только одного священника, продолжали свою деятельность незарегистрированные священники и изгнанные духовные лица. Богослужение отprawлялось в уединенных местах, в любую погоду, причем выставлялись дозорные, следившие, не приближается ли враг.

Членам английских тред-юнионов, знающим, как прочно была заложена в Англии традиция профессионального движения именно в тот период, когда тред-юнионы были запрещены законом как «бунтарские заговорщицкие организации», легко понять, почему принадлежность к католической церкви стала для простого народа в Ирландии вопросом чести.

Власть протестантов

Одна из особенностей этого несправедливого кодекса, существовавшего до нашего времени, состоит в том, что политическое подчинение народа с целью его беспощадной эксплуатации, дополняемое социальной изоляцией и унижением его человеческого достоинства, прикрывается маской рвення.

к определенной религии. И тот факт, что религия эта была государственной религией Англии — страны-завоевательницы, — показывает ясно, что под личиной религиозного рвения кроется лицемерие насильника.

В Англии антипапская традиция, выросшая в процессе национальной борьбы против чужеземной церкви и контрреволюционно настроенных королей, сначала имела ярко выраженное революционное содержание. Далеко не так часто, как надо бы, отмечают, что по тем же причинам католическая традиция в Ирландии всегда отличалась (вопреки самой католической иерархии) ярко выраженным демократическим и революционным содержанием и что именно против этого революционно-демократического содержания была и теперь еще направлена злоба сторонников протестантского главенства» (Protestant Ascendancy).

В Англии клич «долой папизм», потеряв свое революционное значение, выродился в реакционный лозунг — столь же реакционный, как лозунг «долой евреев». В Ирландии он стал со времени «карательных законов» равнозначен «цветному барьеру» или «расистским» законам плантаторских штатов США.

Реакционная политическая сущность лозунга о «главенстве протестантов» доказывается еще и тем, что в этот период и в течение долгого времени термин «протестант» означал только тех, кто принадлежал к господствующей церкви, и не распространялся на «диссентеров», которым также угрожали специальными наказаниями как политически неблагонадежным потомкам и представителям революционеров 1640 г. и в особенности левеллерского элемента в армии «нового образца».

Диссентеры по большей части жили в северо-восточном Ольстере. Это были мелкие фермеры, торговцы и мануфактуристы. Диссентеры и «протестанты» вместе, по самой снисходительной оценке, никогда не составляли более одной трети всего населения, а численность протестантов лишь изредка достигала, а может быть, и никогда не достигала численности диссентеров. Таким образом, «карательные законы» были задуманы и навязывались населению как средство к возвеличению привилегированной касты, которая вместе со своими раблепными приспешниками и прихлебателями никогда не составляла более одной шестой населения в Ирландии. В интересах этой касты Пэль, переставший существовать как территориальная единица, возродился как область, где жила избранная — с политической и социально-экономической точки зрения — группа населения.

Ирландский народ и карательные законы

Политика, воплощенная в «карательных законах», неизбежно должна была повлечь за собой далеко идущие последствия,

по большей части тягостные; она оказала сильное влияние на нравственный облик правителей и управляемых, лиц, облеченных властью и подчиненных. Ирландские писатели нашей эпохи следующим образом характеризуют эти последствия:

«Протестанты развили в себе все пороки рабовладельцев: лень, распутство, безответственность. Католическое население стало, как и всякое другое закабаленное население, раболепным, изворотливым, недоверчивым. Ирландцы были ленивы потому, что им не к чему было стремиться; они не уважали закона, потому что закон был для них врагом, которому оставалось бросить вызов или же, по возможности, уклониться от встречи с ним. Не таков был ирландец в старые времена, когда он превозносил правду как высшую добродетель, когда он строго подчинялся закону, не поддерживаемому никакой другой силой, кроме общественного мнения. Не было этих отрицательных качеств и в солдатах или людях государственных, которых Ирландия в ту эпоху давала многим народам Европы и Америки.

Совершенно очевидно, что эти губительные законы оказали дурное влияние и на уровень профессиональной и художественной деятельности ирландцев, на их работу в области промышленности и сельского хозяйства. Способности католика были потеряны для страны, так как он был лишен возможности развивать их. Арендатор, естественно, не производил никаких улучшений на участке, арендуемом на короткий срок, если у него вообще был договор с точным обозначением срока: он знал, что земля, со всеми улучшениями, произведенными им, может быть конфискована лендлордом. Если же земля сдавалась ему *at will*, т. е. с правом в любое время изменить условия аренды, то он не смел даже выказывать какие бы то ни было признаки благополучия в своей одежде или обстановке дома, в оборудовании фермы. Покупка новой одежды или нового плуга могла привести к повышению аренды в следующий же «платежный» день»¹.

Эта краткая и в общем верная характеристика буржуазного автора нуждается в дополнении. Тяжесть карательных законов не в одинаковой мере ощущалась различными классами угнетенного ирландского населения. У католиков-землевладельцев была возможность уклониться от них. Они могли формально подчиниться протестантизму. Они могли фиктивно продать свои поместья сочувствующим протестантам, которые в качестве номинальных владельцев прикрывали бы их перед законом, факти-

¹ *Hayden-Moonan Short History of the Irish People.*

чески предоставляя им пользование земель. С молчаливого согласия протестантов они могли давать воспитание своим детям в Англии или на континенте. Чувство классовой солидарности побуждало основную массу помещиков-протестантов содействовать этим элементам в их стремлении уклониться от наиболее тяжелых личных ограничений, налагаемых «карательными законами».

Основная масса ирландского народа вследствие своей нищеты была лишена таких благоприятных возможностей. В подавляющем большинстве случаев это были мелкие землепашцы, по необходимости привязанные к своему скудному клочку земли и вынужденные принять условия аренды, которые могли привести их лишь к разорению. Что касается обучения детей, то родители могли предоставить им лишь одну возможность (ведь не считать же нескольких учреждений, дурных уже по тому, как они были задуманы, и еще худших по тому, как ими руководили, преследовавших к тому же одну единственную цель: превратить детей католиков в рабов-сикофантов, которые были протестантами только по имени). Возможность эта заключалась в том, чтобы подбирать крохи знаний у странствующих учителей, которые занимались с детьми бедняков под изгородью или в полях, в то время как дозорные следили, нет ли поблизости шпионов.

В случае поимки таких «подпольных» учителей им угрожала виселица или ссылка на каторгу по обвинению в государственной измене, а в лучшем случае — порка за бродяжничество. Платой за их труд было место у огня, ночевка на сеновале; с ними делили обед, для них собирали между собой одежду и мелкие деньги — сколько удавалось сообща наскрести. В них видели последних уцелевших хранителей одного из живых источников древнегэльского социального уклада, и в любой хижине в любое время они могли рассчитывать на сердечный прием. Многие из них и в самом деле были потомками целых династий летописцев, хранителей родословных, учителей, брегонов, бардов, рассказчиков легенд того или иного клана; и если живая струя гэльской культуры никогда не иссякала, то лишь благодаря странствующим учителям и тем, кто давал им приют. Вместе с приходскими священниками, которые оставались верны своему призванию в таких обстоятельствах, когда жребий миссионера, отправляющегося к людоедам, еще мог бы показаться завидным, эти подпольные учителя наряду со странствующими поэтами и музыкантами поддерживали искру гэльского огня в среде беднейших землепашцев, не отличавшихся в глазах англичан от домашних животных.

Эти землепашцы, низший слой завоеванных ирландцев, изолированный в силу своей нищеты, языка, веры, закона и надменности класса, который, по выражению Граттана, «стоял на коленях перед Англией на спинах своих соотечественников», — весь этот народ, обитавший в крытых соломой хижинах, получал

лишь одну бесценную награду за свои страдания. Собравшись вокруг очага, в котором пылал торф, крестьяне слушали гостя, рассказывавшего и снова пересказывавшего им предания о гѣлах; они наслаждались поэмами, песнями и музыкой, фольклором, дошедшими до них от тех далеких дней, когда еще не существовало ни одной из их невзгод, тех далеких дней, когда солнце светило для всех и долина оглашалась веселым свистом дрозда.

Так в этих хижинах сберегалось живое семя, которое со временем должно было прорасти и дать пышный цвет — возрожденную ирландскую нацию.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ ГРАТТАНА ДО «ОБЪЕДИНЕННЫХ ИРЛАНДЦЕВ»

Глава V

ИРЛАНДИЯ — КОЛОНИЯ АНГЛИИ

До сих пор мы следили за тем, как Англия завоевывала Ирландию; теперь наша задача рассказать о том, как ирландская нация отбрасывала Ирландию и прежде всего о том, как новая ирландская нация исторически вовлекалась в постепенно разворачивавшийся процесс борьбы против английского владычества и всех последствий этого господства. Во второй части мы охарактеризуем первую стадию этого процесса, которая начинается с восстания Граттана и волонтеров (1778—1782) и кончается восстанием и подавлением «Объединенных ирландцев» (1791—1798).

В настоящей главе мы даем очерк экономических и политических отношений, приведших к восстанию Граттана и волонтеров.

Колониальная политика Англии

В основе английской официальной политики XVII и XVIII вв. лежал принцип, что колония — это детище, предъявляющее определенные требования к метрополии, но в то же время несущее обязанности по отношению к ней. Одним из первых выражений этой политики были Навигационные акты, имевшие целью сломить торговую монополию Голландии и сделать Лондон главным центром мировой торговли. Товары допускались в Англию лишь в том случае, если они привозились на английских судах, либо на судах тех стран, где они производились. Экспортировать товары разрешалось только на английских судах или на судах тех стран, куда направлялись эти товары.

Эта политика ограничивала деятельность колоний производством сырья в обмен на английские готовые изделия, причем перевозка производилась на английских судах. Если бы эти правила строго соблюдались, они уничтожили бы всякую морскую торговлю между различными американскими колониями¹, за

¹ Речь идет об английских колониях в Северной Америке до войны за независимость. — *Прим. ред.*

исключением торговли, осуществлявшейся с помощью английских кораблей, и хотя на практике эти правчла не всегда проводились в жизнь, неизменным оставалось требование, чтобы американские колонии не вели торговли непосредственно с иностранными государствами или с владениями иностранных держав в Америке. Трения, порожденные этими законами, в конце концов послужили основной причиной восстания американских колоний и войны за независимость (1776—1782).

Ограничения ирландской торговли и промышленности

В Америке эта политика связывала по рукам и ногам зарождающуюся промышленность и торговлю по мере того, как они возникали. В Ирландии она означала сознательное уничтожение торговли и промышленности, уже развившейся и успешно конкурировавшей с английской. Несколько примеров послужат иллюстрацией к этому процессу.

В XVII в. в Ирландии развилась выгодная торговля упитанным скотом, который экспортировался в Англию. Английские скотоводы запротестовали, и эта торговля была запрещена. Но ирландским скотоводам разрешено было экспортировать тощий скот — он сбывался владельцам английских гастбищ, где скот затем жирел. Тогда запротестовали английские фермеры-животноводы, и эта торговля была прекращена. Ирландия экспортировала туши убитого скота; английские мясники выразили протест, и на эту торговлю был наложен запрет. Наконец, для ирландских скотоводов остался единственный выход — вывозить солонину (говядину и свинину) в бочонках, и так как этот вид торговли был полезен для английского военного и торгового флотов, то он не подвергался запрету. Он и стал затем одной из основных отраслей торговли Ирландии.

Ирландская шерсть отмечалась исключительной тонкостью, и после 1690 г. производство сукон стало быстро развиваться. Оно достигло достаточных размеров, чтобы ирландский парламент обложил налогом экспорт шерсти, — это был новый источник дохода. Но английский парламент наложил запретительную пошлину на шерстяные изделия, импортируемые из Ирландии. Ввиду того что покупатели на континенте предпочитали ирландские шерстяные изделия английским, английский парламент запретил экспорт из Ирландии, шерсти, включая сырую шерсть, во все страны, за исключением экспорта в Англию и Уэльс, где за ввоз сукна приходилось платить запретительную пошлину. Сырая шерсть, в которой нуждались английские фабриканты сукон, была освобождена от пошлины.

Ирландские суконщики, не находившие достаточного сбыта на ирландском внутреннем рынке, эмигрировали из Ирландии и создали мануфактуры по производству шерсти в Германии, Гол-

ландии, Бельгии, Франции и Испании, во всех случаях широко пользуясь сырой шерстью и шерстяной пряжей, ввозимыми контрабандой из Ирландии.

Это типичные примеры. Подобные же ограничения применялись во всех отраслях ирландской промышленности, за единственным исключением: производства льняных изделий. Последнее поощрялось; оно субсидировалось королем и государством, ввиду того что ирландские производители успешнее англичан конкурировали с французскими и голландскими. Случилось так, что эта отрасль промышленности насаждалась в протестантском районе, но при подобной системе поощрения она могла бы так же хорошо развиваться и в районе католическом.

Одной из причин такой торговой политики было стремление направить капиталонакопления, выколачиваемые англо-ирландскими лендлордами в результате эксплуатации их ирландских арендаторов, в английскую промышленность, не допуская развития промышленности в самой Ирландии.

Управление и парламент Ирландии

Ирландская администрация состояла из вице-короля, государственного секретаря и министров, назначаемых вице-королем. Вице-король и государственный секретарь фактически назначались английским кабинетом, перед которым государственный секретарь был непосредственно ответственен. Отсюда вытекало коренное различие между английским и ирландским парламентами. Ирландская администрация сменялась — если она вообще сменялась — по распоряжению из Лондона. Неблагоприятное решение, выносимое дублинским парламентом, не имело для нее значения; зато вотум, вынесенный против нее в Вестминстере, немедленно на ней отражался.

Подобно тому, как в Англии, но только в еще большей степени, многие мандаты в ирландском парламенте предоставлялись округам, где фактически не было сколько-нибудь значительного числа избирателей. Так как католики лишены были избирательных прав, большинство графств также контролировалось земельными магнатами. Число избирателей в таких «гнилых местечках» обычно было до такой степени ограничено, что в большинстве случаев парламентский мандат фактически становился собственностью одного лица.

По приблизительному подсчету, произведенному в 1778 г., из 300 мест в парламенте 219 было собственностью таких «патронов». Из 81 места, получаемого в результате избирательной «борьбы», многие самым циничным образом покупались.

Четыре крупных лендлорда, соединив свои интересы, могли бы получить в палате большинство, даже вопреки влиянию

короны. Таким образом, господство в палате стало чисто деловым преимуществом: оно сулило возможность раздавать места, пенсии и пр. Почти две трети членов палаты были чиновниками или пенсионерами, или тем и другим одновременно. Такое положение длилось более пятидесяти лет.

Ирландский парламент был, далее, ограничен в своих правах «законом Пойнингса». Ни один билль не мог быть проведен прежде, чем отдельные статьи его не утверждались двумя тайными советами (ирландским и английским), и каждый из них получал право отменять те или иные статьи этого билля даже после его принятия. В довершение всего английский парламент актом, проведенным в 1720 г., заявил о своем праве проводить законы для Ирландии по своему усмотрению. Акт этот возник из стремления помешать королевской власти использовать Ирландию как базу для сопротивления английскому народу и парламенту, что было одновременно лишним поводом к торможению роста торговли в Ирландии. В то же время ирландский «цивильный лист» был удобным средством обеспечения дворцовых фаворитов (королевских возлюбленных и др.); этим было бы опасно обременять английский бюджет.

Ирландская земельная олигархия, имевшая возможность инвестировать свои доходы в Англии, не была непосредственно заинтересована в развитии ирландской торговли и промышленности. Так как именно она контролировала ирландский парламент, то английское законодательство, направленное против ирландской торговли и промышленности, встречало с этой стороны слабое сопротивление, если вообще было какое-либо сопротивление.

Экономические условия в Ирландии (1690—1778 гг.)

В период 1690—1760 гг. Англия переживала стадию, которую можно назвать прологом к промышленной революции, — стадию «меркантилизма». Развитие ирландского хозяйства тормозилось и искусственно направлялось в сторону производства продовольствия для английских рабочих и сырья для английских мануфактуристов, что давало средства существования для ирландского населения.

Земля в Ирландии в основном принадлежала крупным лендлордам, большей частью англичанам, проживавшим вне Ирландии. Значительная часть земли отдавалась в долгосрочную аренду либо местным дворянчикам, либо спекулянтам, которые дробили имения на мелкие участки и сдавали их от себя в субаренду. Было немало зажиточных «фригольдеров», по большей части протестантов из числа колонистов, и значительное число католиков, получивших землю в краткосрочную аренду. Но самым многочисленным был класс коттеров, занимавших среднее

положение между наемным сельскохозяйственным рабочим и мелким фермером.

Когда помещик нанимал рабочего, он отводил ему клочок земли (акр или пол-акра), на котором строилось жилье (cottag), иногда из материалов, частично предоставленных помещиком. На этом «картофельном участке» ему приходилось добывать средства пропитания для себя и семьи. Кроме того, ему предоставлялся участок луга, где он мог пасти корову. Из его заработной платы часть удерживалась за огород и луг. Оставшаяся часть заработной платы выплачивалась наличными или натурой.

Арендатор мелкой фермы часто вынужден был прирабатывать, нанимаясь к помещику. Таким образом, его положение приближалось к положению коттера. В то же время взаимоотношения лендлорда с коттером и арендаторами несколько напоминали традиционные отношения между вождем клана и его сородичами. То, что лендлорд бесплатно предоставлял своего быка или коня коттеру или мелкому фермеру, также являлось пережитком отношений, характерных для клана.

Главным занятием жителей Ирландии (1690—1760) было земледелие, дававшее основные средства к существованию. Главной пищей крестьянина, к какому бы слою он ни принадлежал, являлся картофель, а также снятое молоко. В зимнее время к этому добавляли овсянку. Хлебные злаки культивировались прежде всего для продажи на рынок. Ячмень предназначался для пивоварения и винокурения, которое в этот период быстро развивалось и превращалось из домашнего занятия в важную отрасль промышленности. Сельскохозяйственные продукты — масло, сыр, птица, яйца, ветчина — служили предметами торговли и были слишком дороги; поэтому крестьяне могли пользоваться ими для своего стола лишь в виде исключения.

Отсюда следуют выводы: 1) арендная плата лендлорду обеспечивалась не тем, что земледelec поднимал производство выше уровня, необходимого для удовлетворения всех его потребностей, а тем, что он сокращал потребление до самого низкого уровня, необходимого для существования; 2) фермер-скотовод, у которого земли были под пастбищем и который нуждался в минимальном количестве труда при максимальном количестве акров, был естественным врагом фермера-земледельца и в особенности коттера; 3) неурожай картофеля тотчас же и катастрофически отзывался на массах крестьянства; 4) если такой неурожай совпадал с расширением пастбищного хозяйства, с застоем в торговле или другими обстоятельствами, понижавшими спрос на труд, то крестьянам буквально ничего не оставалось другого, как нищенствовать, красть или умирать с голоду.

Именно такую картину нарисовал Джонатан Свифт в своем мастерском памфлете «Скромное предложение». Скрывая страстный гнев под едкой иронией, писатель предлагал богачам употреблять мясо детей бедноты в пищу:

«Я уже подсчитал, что пропитание каждого из детей нищих (а к этому разряду я отношу всех коттеров, батраков и четыре пятых всех фермеров) стоит приблизительно 2 шилл. в год, включая необходимые отрепья, и я полагаю, что ни один джентльмен не покусится дать 10 шилл. за тушу хорошего жирного ребенка, из которой, как я уже сказал, можно приготовить четыре питательных мясных блюда для обеда с близким другом или со своей семьей. Таким образом, помещик будет хорошим лендлордом, приобретет популярность среди своих арендаторов, а мать получит 8 шилл. чистой прибыли и будет пригодна для работы, пока она не произведет на свет другого ребенка».

Отметим, таким образом, что, по вычислениям Свифта, «нищие» составляют пять шестых сельского населения. Он следующим образом заканчивает свою картину:

«Я согласен, что эта пища будет до некоторой степени дорога, но именно поэтому она приличествует лендлордам, которые уже поглотили большую часть родителей и теперь, повидимому, имеют наибольшие права на детей».

Острые своей сатиры он обращает против Англии:

«Этого рода товар непригоден для экспорта, так как мясо детей — слишком нежного свойства и не может долго сохраняться в соли, хотя я и мог бы, пожалуй, назвать страну, которая рада бы сожрать всю нашу нацию и без соли».

Свифт, без сомнения, шаржировал; но этот шарж был недалек от истины, и удар попал в цель.

Глава VI

РЕВОЛЮЦИЯ ГРАТТАНА

Неизбежным результатом английской колониальной политики было восстание американских колоний, которые 4 июля 1776 г. объявили себя независимыми. Возникшая война дала англо-ирландской колонии возможность добиться: а) свободы торговли (1780) и б) независимости законодательства (1782). Эти достижения были завоеваны в результате революции Граттана.

Кризис был подготовлен народными волнениями: а) среди городского торгового населения и б) среди сельского населения.

Волнения в городах

В первой трети XVIII в. совместное выступление двух сил — англо-ирландской колонии и угнетенного ирландского сельского населения — было немыслимо. В колонии, среди ее торговых и промышленных элементов, существовало сильнейшее недовольство ограничениями торговли и тем, что олигархия на них соглашалась. Сельская (ирландская) община сначала была слишком дезорганизована поражением, чтобы оказать общее сопротивление. Борьба началась в виде стихийного протеста на местах в случаях особенно невыносимых притеснений. Но так как борьба и в городе и в деревне фактически была направлена против одной и той же господствующей олигархии, то в процессе развития этой борьбы, родилось чувство общности в сопротивлении общему врагу.

Через много испытаний пришлось пройти, прежде чем борцы в колонии и в Гэльтахте начали видеть друг в друге «соотечественников». Борцы против английского правительства в колонии, называя себя «ирландцами», не отжествляли себя с «гэлами», подобно тому, как Вениамин Франклин или Джордж Вашингтон не считали себя индейцами из племени сиу или ирокезов, именуясь американцами. После того как католиков лишили права владеть землей, часть гэльских ирландцев была втянута в торговлю и промышленность и одновременно оказалась вовлеченной в движение протеста против ограничений торговли и вообще вмешательства со стороны Англии.

Одним из самых ранних борцов в ирландской «колонии» был Джонатан Свифт (1667—1745), тогда декан собора св. Патрика в Дублине. Он присоединился к протесту против вопиющего дела — сдачи английскому литейщику подряда на чеканку новой медной монеты для Ирландии, — и при его содействии протест этот вылился в лихорадочную агитацию. Под именем «суконщика» Свифт в своем первом «Письме» нападает на проект чеканки ирландской монеты в Англии по утилитарным соображениям, став на распространенную в народе (и ошибочную) точку зрения, что такая мера будет непрерывно подрывать денежное обращение в Ирландии. Во втором «Письме суконщика» Свифт уже по соображениям общественного характера атаковал тех, кто выдал патент, и доказал, что эта была грязная сделка.

«Письма суконщика» произвели такое впечатление, что дублинский парламент вынужден был присоединить к ним свой протест. Когда английский парламент презрительно отказался откликнуться на эту «шумиху», Свифт в третьем своем письме занял патриотическую позицию и спрашивал, «найдется ли в

Англии хоть один человек, который посмел бы назвать «шумихой» протест со стороны обеих палат английского парламента?» «Разве ирландский народ не так же свободен, как английский? Разве ирландский парламент не есть такое же представительное учреждение?»

Таким образом, спор об относительной ценности двух медных фартингов вырос в вопрос, владеет ли ирландский парламент правом распоряжаться своей собственной монетой и чеканить ее у себя в стране. В своем четвертом письме, адресованном «всему народу Ирландии», Свифт определенно становился на национальную почву:

«Совершенно верно, что английский парламент — все помнят об этом — иногда брал на себя право связывать наше государство законами, которые вводились у нас, причем впервые эти законы встретили открытое сопротивление (насколько правда, разум и справедливость вообще способны сопротивляться) со стороны известного мистера Молинэ, английского джентльмена, родившегося в Ирландии, а также со стороны некоторых величайших патриотов и лучших вигов в Англии. Но любовь и стремление к власти брали верх.

Доводы, приводимые и у нас, и у них, были неопровержимы. Ибо разум говорит, что всякое управление, если оно не освящено согласием управляемых, является воплощением рабства; но практика показывает, что десяток хорошо вооруженных людей, без сомнения, подчинит себе одного человека, на котором есть только рубашка».

Автор подходит к вопросу прямо и недвусмысленно: Ирландия имеет право, а Англия — силу. Логический вывод очевиден.

«Скромное предложение» Свифта, написанное год спустя, открыто отождествляет класс лендлордов с Англией и клеймит лендлордов и Англию, как беспощадных врагов Ирландии. В своем национализме Свифт исходит исключительно из интересов «колонии», но нельзя не признать за ним права на имя «отца национализма» в Ирландии. Со времени появления «Писем суконщика» в ирландском парламенте существовала патриотическая оппозиция.

Аграрные волнения и бунты

Мы уже говорили о полной зависимости ирландского крестьянина от его картофельного поля и коровы. Необходимо сказать несколько слов о деятельности «посредников» — спекулянтов, арендовавших землю только для того, чтобы сдавать ее в субаренду. Расширение этой системы породило иерархию

лендлордов, своего рода пирамиду, вершину которой составляла горстка крупнейших землевладельцев, а основание — масса арендаторов, либо снимавших крохотные участки на один год, либо бывших издольщиками, либо арендаторами по воле лорда (т. е. арендаторами, всецело зависящими от произвола землевладельцев, которые в любое время могли изменить условия аренды и согнать арендаторов с земли). Нищее крестьянство, составлявшее основание этой пирамиды, тащило на своем хребте целую иерархию посредников, в три и в четыре слоя, с лордом во главе.

В довершение всех бед была введена практика назначения торгов на арендуемые участки по истечении срока аренды. Неуверенность, создаваемая этой практикой, становилась мощным рычагом для выкачивания последнего фартинга из арендатора. А если посредник, как это часто случалось, находил для себя более выгодным разделить землю на большие участки, сдаваемые фермерам-животноводам под пастбища, то следующее за этим выселение арендаторов и потеря работы делала этот «переворот» для бедняка-крестьянина таким же пагубным, как потеря единственной коровы или неурожай картофеля.

Именно этот переворот, сделавшись широко распространенным явлением, вызвал первое общее восстание крестьянства (1761), так называемый заговор «Белых ребят».

Оно началось в окрестностях Лимерика как ответ на попытку лендлордов огораживать полосы пустующей земли, которая считалась общей с незапамятных времен. Эти пустоши были необходимы для крестьянской массы как пастбища для коров, овец, коз и пр. В ответ на обрушившуюся на них беду крестьяне вышли ночью, снесли изгороди, засыпали рвы, вспахали луга и восстановили на пустошах первоначальное положение. Лендлордам пришлось отказаться от своей попытки. После этого успешного начала движение «Белых ребят» перекинулось через Мюнстер в Коннаут и Лейнстер.

Сначала «Белые ребята» лишь от случая к случаю давали отпор попыткам заменить пашни лугами; но движение развивалось и переросло в систематическую борьбу против тех помещиков, которые особенно жестоко прижимали своих арендаторов и выселяли их, против арендаторов, занимавших место высленного собрата, и против сборщиков десятины. Наконец, движение вылилось также в сопротивление землевладельцам, которые платили за работу ниже определенного минимума (и рабочим-издольщикам, принимавшим эту плату).

«Белые ребята» часто прибегали к террористическим методам. За угрожающими письмами следовали налеты и физическое возмездие. К убийству прибегали редко, но избивать дубинками, бросать обнаженных людей в ямы, наполненные колючками, — такие виды расправы были обычными. Более высокопоставленных лиц наказывали тем, что калечили их скот.

Что бы ни говорилось о жестокости этих методов, остается фактом, что «Белые ребята» (получившие это название оттого, что для маскировки они носили поверх одежды белые рубашки) играли роль «Общества защиты арендаторов» и «Союза сельскохозяйственных рабочих» и что они установили в сельских районах кодекс солидарности, который стал соблюдаться повсюду.

В силу обстановки, в которой приходилось действовать организации «Белых ребят», она не могла выйти за рамки слабо связанного объединения местных замкнутых тайных обществ. Со временем у них развилось своего рода «франкмасонство» с тайными знаками и паролями, которыми члены одной местной организации могли дать о себе знать своим сочленам в других местах; организация эта дожила до конца XIX в. в форме рассеянного по всей стране объединения «Лож Ленты»¹.

С 1761 до 1778 г. лендлорды и административная власть вели непрерывную войну с «Белыми ребятами». Против них высылались военные экспедиции. Заподозренных в причастности к движению массами арестовывали и вешали. Издавались законы, грозившие ужаснейшими карами, включая смерть, за приведение к присяге на верность «Белым ребятам» или принесение этой присяги. Но все это не привело ни к чему. Не успевали оповестить, что движение «Белых ребят» уничтожено в одной местности, как оно снова возникало в другой. Даже циничный лорд Честерфилд, будучи вице-королем, вынужден был заметить, что если бы власти расстреляли хотя бы половину такого числа лендлордов, какое они повесили «Белых ребят», то это было бы гораздо полезнее для мира в стране.

То, что движение «Белых ребят» стихийно выросло на экономической почве, доказывается развитием такого же движения в Ольстере. Когда дело касалось арендаторов-протестантов, то их обыкновенно подавляли с меньшей свирепостью, чем ирландских «Белых ребят».

«Дубовые ребята» появились в Монахане в 1762 г., и отсюда движение перекинулось на Тирон и Арма. Это было движение протеста против принудительного труда — повинностей по ремонту и содержанию дорог. Католики и протестанты совместно участвовали в этом движении, которое, наконец, было подавлено после кровопролитного боя в Арма, где «Дубовые ребята» потерпели поражение. И все же цель была достигнута. Трудовую повинность стали заменять денежным сбором.

Организация «Стальных ребят», возникшая в Антриме и Дауне (1764), состояла из протестантов. Она оказывала мас-

¹ «Лож Ленты» (Ribbon Lodges) или «Общество Ленты» (Ribbon Society) — северо-ирландское тайное общество, возникшее в начале XIX в. и названное так по ленте, которую члены общества носили в качестве эмблемы. Это была организация фермеров-арендаторов, сопротивлявшаяся выселениям. — *Прим. ред.*

свое сопротивление взиманию штрафов при возобновлении аренды, требованиям непосильной платы за аренду и десятинного сбора и боролась против попыток заменить пашни лугами. «Стальные ребята» были достаточно сильны, чтобы пойти на Белфаст, ворваться в тюрьму и освободить некоторых из своих арестованных братьев. Белфастские суды отказались выносить приговоры против «Стальных ребят», а когда слушание дел было перенесено в Дублин, то и здесь повторилось то же самое.

В конечном счете, однако, лендлорды взяли верх, и большинству членов движения пришлось эмигрировать в Америку.

Аграрные беспорядки свидетельствовали о наличии брожения, которое придавало особый вес оппозиции, боровшейся в парламенте с помощью иного оружия, против той же землевладельческой олигархии. Они подготовили почву для национального движения.

Волонтеры

Во время американской войны за независимость сочувствие ирландского населения было почти везде на стороне американцев, требования которых имели большое сходство с требованиями «колонии». Кроме того, война принесла с собой тяжелые бедствия Ирландии; она автоматически сократила выгодную торговлю льняными изделиями, и положение обострилось еще более после того, как английское правительство запретило всякий экспорт продовольствия (говядины и свинины). Когда ирландский парламент согласился предоставить в распоряжение короны все ирландские войска и денежные средства на создание полков специально для действий против американцев, в стране разразилась буря негодования.

Это негодование пробудило силы, которые нашли себе точку приложения в тот момент, когда Франция и Испания воспользовались случаем (1778), чтобы присоединиться к войне на стороне американцев, и правительство вынуждено было предупредить Белфаст, что со дня на день можно ожидать высадки соединенного французского и американского флотов в Северной Ирландии. Правительство предупредило, что так как все войска переброшены в Англию и Америку, то у него не осталось военных сил, которые оно могло бы предоставить в распоряжение Белфаста. Оно рекомендовало гражданам города самим позаботиться о своей обороне.

Граждане Белфаста оказались на высоте положения. В удивительно короткий срок было создано несколько полков волонтеров. Все они были одеты в форму, вооружены и снабжены пушками, приобретенными по общественной подписке. Волонтеры сами избрали своих офицеров и сразу стали усиленно обучаться военному делу.

Пример Белфаста оказался заразительным. Городские муниципалитеты и суды присяжных в графствах взяли на себя руководство движением, и к середине 1779 г. насчитывалось уже 50 тыс. волонтеров. К концу года их уже было 100 тыс., и они располагали 130 пушками.

Энтузиазм, вызвавший к жизни корпус волонтеров, привел к изменению всей политической обстановки. Воля граждан к самозащите и их способность организовать ее составляли резкий контраст с бездарностью администрации, бездарностью, в которой она сама расписалась; значение этого факта еще усилилось, когда оказалось, что английское правительство не в состоянии справиться с американскими колониями. Ввиду того, что война была почти так же непопулярна в Англии, как и в Ирландии, ирландская администрация не могла рассчитывать на прибытие подкреплений из Англии.

Изменившаяся обстановка была благоприятна для свободного выражения всех требований ирландцев. В подражание американцам они начали создавать «общества борьбы с импортом»; члены этих обществ обязывались не употреблять ввезенных из Англии товаров, а также не общаться и не вступать в торговые отношения с теми, кто покупал эти товары для личного потребления или торговал ими. Любое собрание, созываемое с целью вербовки волонтеров, превращалось в митинг; всякое собрание волонтеров для избрания офицеров становилось организационным собранием; всякое собрание офицеров по поводу учений, парадов и пр. становилось собранием лидеров для организации массовой оппозиционной партии, в которой члены парламента, руководившие «патриотической оппозицией», с самого начала играли видную роль.

Правительство не было в состоянии ничего предпринять. Оно пыталось запугать общество, распространяя слухи, что под маской волонтерства католики запасаются оружием. Лидеры оппозиции ответили на это тем, что предложили католикам воздерживаться от вступления в отряды волонтеров. Католики согласились и стали собирать большие суммы денег на покупку снаряжения для волонтеров-протестантов. Таким образом, правительство, стремясь внести рознь между протестантами и католиками, лишь содействовало их сплочению. Законы, запрещавшие зажиточному слою католиков приобретать в более или менее широких размерах землю и закрывавшие им доступ ко многим профессиям, заставляли их искать занятий для своих сыновей в области торговли и промышленности, и, когда пришел час испытания, оказалось, что классовая солидарность буржуазии взяла верх над сектантской рознью. Этот энтузиазм католической буржуазии, ее преданность общему делу — общей борьбе против ограничений торговли, против английского правительства и парламента, сковавших ее этими

ограничениями, — распространился и на католическую массу в сельских округах; так была создана почва для возникновения единой ирландской нации в ее современной форме.

На местах католики игнорировали запрещение вступать в число волонтеров. В Дублине популярный мелкий землевладелец и торговец Джеймс Неппер Тенди, протестант-демократ, отстаивавший интересы католиков в дублинском муниципалитете и прозванный «трибуном плебса», искусно обошел это затруднение. Он организовал корпус добровольческой артиллерии, открыто набирая туда католиков из числа ремесленников, ссылаясь на законность этого мероприятия, поскольку никто не мог обвинить католиков в том, что они владеют пушками (юридически пушки принадлежали самому Тенди как казначею), а тем паче использовать это оружие. Юмор и изобретательность Тенди привели в веселое настроение всю Ирландию, за исключением Дублинского замка¹.

Генри Граттан как лидер

Генри Граттан (1750—1820), молодой дублинский адвокат и мелкий буржуа, выдвинулся благодаря своему красноречию и рвению к делу волонтеров. Он стал признанным руководителем патриотической оппозиции в парламенте. В октябре 1779 г. он выразил все более настойчиво звучащие национальные чаяния, выдвинув поправку к Обращению требованием «свободы экспорта».

Момент был выбран правильно. Катастрофическое течение войны с Америкой свело к минимуму власть и политический авторитет английского правительства. Вся Англия была сплошным очагом недовольства. Ввиду невозможности получить помощь из Англии, ирландское правительство было совершенно не в состоянии стать лицом к лицу с оппозицией и померяться с ней силами. Некоторые из видных владельцев «местечек» дезертировали из правительственного лагеря. Низшие слои аристократии и большая часть мелкопоместного дворянства были на стороне народа. Поэтому прения по поправке Граттана вылились в соревнование, к которому присоединились и должностные лица: каждый старался возможно лучше сформулировать поправку, чтобы сделать ее наиболее сильным выражением народного требования. В конечном счете она прошла единогласно в форме ясного и недвусмысленного требования свободы торговли.

Администрация, неспособная к открытому сопротивлению, старалась выиграть время: вице-король дал уклончивый ответ.

¹ Под «Дублинским замком» здесь разумеется, как и в дальнейшем, британская администрация в Ирландии. — *Прим. ред.*

Но ответ народа отнюдь не был уклончивым. Артиллерия капитана Неппера Тенди, выступая в день рождения Вильгельма Оранского (4 ноября) на обычном параде у подножия его статуи на Колледж-Грин, везла плакаты, свисавшие из жерл пушек с надписью: «Свободная торговля или —!»¹. Палата общин поддержала это требование, предоставив правительству денежные ассигнования только на шесть месяцев.

Английское правительство пошло на уступки. В декабре 1779 г. и в январе 1780 г. через английский парламент были спешно проведены акты, отменившие почти все ограничения, наложенные на ирландскую торговлю.

Окрыленная своей победой, оппозиция при поддержке волонтеров выступила с новыми требованиями. В апреле 1780 г. Граттан внес резолюцию, в которой вовсе отрицалось право английского парламента издавать законы для Ирландии. Правительство добилось отсрочки голосования. Тогда оппозиция внесла *Mutiny Bill* (проект закона о мятеже), сформулированный в тех же выражениях, что и английский *Army Act* (закон об армии, сроком на один год), принятый в Англии с целью применения его в Ирландии. Этим оппозиция рассчитывала поставить английское правительство в затруднительное положение. Если оно отвергнет закон, оно вызовет прямое столкновение с ирландским парламентом. Если оно примет его, то тем самым в принципе примет требование, выдвинутое оппозицией: независимость ирландского законодательства. Тайный совет прибег к такому же приему по отношению к ирландскому парламенту, приняв закон, но вычеркнув из него статью об ограничении его действия на один год. Оппозиция, выразив протест, приняла изувеченный акт и возобновила атаку; она выдвинула проект *Habeas Corpus Act* (закон о неприкосновенности личности). Этот закон был принят Тайным советом без изменений.

Английское правительство фактически потеряло всякую силу сопротивления. Его последняя сколько-нибудь крупная армия сдалась Вашингтону; американская война уже почти кончилась, причем — полным поражением. Было лишь вопросом времени, насколько премьеру лорду Норту удастся отсрочить неизбежный переход власти к вигам.

Патриотическая оппозиция тем временем выступила с *Catholic Relief Bill* (законом об облегчении положения католиков); закон отменял все ограничения, запрещавшие католикам завещать, приобретать или наследовать имущества или брать земли в аренду на 999 лет. После того как виги возглавили английское правительство, закон был принят Тайным советом.

¹ Легенда гласит, что два крупных ирландских ривера обменялись между собой следующими восклицаниями: «Заплати мне дань, или —!». «Я не должен тебе никакой дани, если даже —!».

Тем временем агитация среди волонтеров продолжалась. 15 февраля 1782 г. съезд 243 делегатов от каждого из ольстерских волонтерских корпусов собрался в Данганоне, графстве Тиرونском; на съезде была единодушно принята, в числе прочих, следующая резолюция:

«1) Притязания любой группы людей, за исключением короля и ирландских палаты лордов и палаты общин, на право издавать законы, обязательные для нашего королевства, противны конституции, являются беззаконием и нарушением прав страны.

2) Власть, осуществляемая Тайным советом... на основе закона Пойнингса, противна конституции и является нарушением прав страны.

3) Как люди, как ирландцы, как христиане, как протестанты, мы радуемся облегчению карательных законов, направленных против наших соотечественников римско-католического вероисповедания, и уверены, что эта мера будет иметь самые счастливые последствия для единства и процветания обитателей Ирландии».

Подобные же резолюции были приняты съездами, созданными в трех других провинциях.

Опираясь на эти указы, Граттан внес в парламент (февраль 1782) декларацию ирландских прав. Властям еще раз удалось добиться отсрочки, но ненадолго. Английские виги, руководимые Чарлзом Джеймсом Фоксом, другом Граттана и сторонником его политики, были заодно с ирландской оппозицией. 19 апреля 1782 г. ирландский парламент был созван специально «для рассмотрения ирландских жалоб».

Граттан шел в палату по улицам, на которых шпалерами выстроились одетые в парадную форму волонтеры; они брали на караул при его приближении, пушки приветствовали его оглушительным салютом. В третий раз вносил он свою декларацию, и на этот раз она не встретила сопротивления и была единогласно принята. Английское правительство и парламент сразу утвердили акты (май 1782 г.), которыми удовлетворялись все требования Граттана.

Ирландский парламент отпраздновал завоеванную свободу, ограничив действие закона о мятеже двумя годами. В виде награды за существенную «им революцию», парламент ассигновал Граттану 50 тыс. ф. ст. на покупку имения. Граттан мог бы получить и вдвое большую сумму, но удовлетворился этой.

Флуд и конвент 1783 г.

На этой критической стадии борьбы оппозиция раскололась, и руководящая роль Граттана сошла на-нет в результате «ультралевого» кампании, возглавлявшейся Гснри Флудом.

Граттан хорошо знал, что если бы английское правительство сопротивлялось его требованиям, необходимо было бы свергнуть ирландскую администрацию, опираясь на вооруженные силы волонтеров. К этому шагу Граттан был готов, хотя и знал, что он сопряжен с риском: движение могло бы перехлестнуть за рамки, в пределах которых он мог его контролировать. Своевременная уступка со стороны английского правительства дала ему возможность перенести битву на новую почву и начать чисто парламентскую борьбу за постепенные реформы, которые способствовали бы переходу политической власти в руки блока более мелких землевладельцев — джентри и зажиточной торговой буржуазии. Подобно всему своему классу, Граттан страшился демократии, но он стремился расширить базу собственнических интересов, представленных в парламенте, включив в нее католиков, т. е. предоставив им активное и пассивное избирательное право. Чтобы достигнуть реформы, одновременно удерживая движение волонтеров в границах умеренности, необходимо было подчинить более радикальные элементы руководству политического блока прогрессивной аристократии и умеренной буржуазии.

Флуд разрушил этот план, делая вид, будто находит, что простая отмена акта, облекавшего английский парламент властью издавать законы для Ирландии, недостаточна. Он потребовал специального отречения от этого права. Флуд понимал, что такой курс будет популярен среди рядовой массы волонтеров вследствие глубоко укоренившегося у них недоверия к английским государственным деятелям; он был выгоден и тем, что давал Флуду и его союзникам из рядов аристократии возможность без всякого риска становиться в позу гораздо более «революционных» борцов, чем сам Граттан или его буржуазные приверженцы.

Граттан считал требование «отречения», выдвинутое Флудом, вредным в принципе и еще более вредным на практике. Оно ставило права Ирландии в зависимость от нового акта английского парламента; оно угрожало существованию партии, которую Граттан создавал с таким трудом. Вскоре соперничающие политики стали устраивать в палате представления в стиле Биллингитского рынка, после чего они, пожалуй, перестреляли бы друг друга, если бы им не помешали силой. В конце концов Граттан потерпел поражение, так как к Флуду примкнула и крайняя правая наряду с крайней левой. Через несколько месяцев после получения публичной благодарности за свои услуги Граттан убедился, что и волонтеры, и основная масса оппозиции покинули его.

Английский парламент показал свое отношение к этому диспуту, приняв «акт об отречении» (1783) почти без дискуссии.

Флуд закрепил свою победу новыми маневрами с целью заполучить в свои руки контроль над решающим конвентом в о л о н т е р о в, собравшимся в Дублине в ноябре 1783 г. Подобно Граттану, Флуд был сыном видного юриста; в отличие от Граттана он был богатым человеком, обладавшим связями с верхушкой аристократии. Он и его друг, лорд Чарлемонт, главнокомандующий волонтеров, имели возможность пустить в ход все пружины и повлиять на выборы, т. е. обеспечить себе благоприятное большинство на съезде.

Конвент единодушно высказался за проведение следующих парламентских реформ: ответственность министров перед палатой, исключение должностных лиц и пенсионеров и расширение избирательного права с одновременной ликвидацией «гнилых местечек». Гвоздем сессии был вопрос, будут ли допущены католики в ряды избирателей и в парламент. Подлинные радикалы, руководимые белфастской делегацией, горячо высказались за расширение прав католиков. Флуд и его лжерадикалы так же решительно высказались против. В конце концов Флуд был поддержан большинством (с помощью наймитов «замка» и должностных лиц, ухитрившихся пройти на конвент в качестве «делегатов»).

Достигнув своей цели, Флуд выкинул характерный для него неожиданный трюк. Он предложил, чтобы в то время, как присутствующие члены съезда, в том числе и он, отправятся с требованием реформы в палату общин — в том виде, в каком они были на конвенте, т. е. в волонтерской форме, конвент в ожидании ответа продолжал бы непрерывно заседать.

В этом предложении не заключалось буквально никакого смысла, если только Флуд не намеревался в случае отказа палаты потребовать, чтобы тысячи волонтеров, собравшихся тогда в Дублине, прибегли к вооруженному восстанию, и не собирался сам возглавить его. Большая часть делегатов была подготовлена к этому; но палате было хорошо известно, что у Флуда таких замыслов нет, и она спокойно отказалась рассмотреть его предложение, «представленное на острие штыка». Флуд, несмотря на свою «революционную» позу, мог лишь вернуться на конвент с предложением устроить перерыв для «анализа обстановки». Конвент заседал еще несколько раз, но воодушевление уже улетучилось. После продолжительных пререканий делегаты разъехались — разочарованные, дезорганизованные и внутренне опустошенные.

Волонтеры и радикальное движение, которое они поощряли, с этого момента быстро начали сходить на-нет. С их провалом Флуд потерял свое мимолетное значение. Он внес свой законопроект о реформах в качестве частного билля от имени одного из членов парламента; но уже во время дискуссии Флуд, как нетрудно было предвидеть, понес тяжелое поражение.

В то время как Флуд быстро сходил со сцены, Граттан терпеливо работал, стремясь восстановить партию, расшатанную Флудом. Но агитация за реформу уже не возрождалась до тех пор, пока новые лидеры не создали новое движение.

Глава VII

ДВИЖЕНИЕ «ОБЪЕДИНЕННЫХ ИРЛАНДЦЕВ»

Если американская революция была тем живым источником, из которого черпали свои силы Граттан и волонтеры, то французская революция была таким же источником для общества «Объединенных ирландцев» (1791—1798), руководимого Теобальдом Уолфом Тоном (1763—1798). Важным достижением деятельности «Объединенных ирландцев» было сплочение католиков и протестантов. Такого большого вклада в дело эмансипации католиков история Ирландии до тех пор еще не знала. В настоящей главе изложена история деятельности общества и ее последствия.

Ирландия в 1790—1791 гг.

Виги, поддерживавшие Граттана, несмотря на то, что их надежды в основном не оправдались, добились некоторых реформ, оказавших благотворное влияние на экономическое развитие Ирландии. Они обеспечили покровительство ирландским мануфактуристам и провели хлебные законы, которые гарантировали устойчивый рынок для ирландской пшеницы и удовлетворительные цены на зерно, задерживая импорт и поощряя экспорт правительственной премией при наличии низких цен на зерно; обратный метод применялся при высоких ценах.

Благодаря этому возделывание злаков стало выгодным делом везде, за исключением самых карликовых участков; оно способствовало общему процветанию сельского хозяйства, что в свою очередь создавало оживленный рынок для ирландской промышленности. Это процветание, разумеется, было неравномерным. Рост землепашества и сокращение животноводства соответствовали интересам рабочих и коттеров, но усиленный спрос на хорошую пахотную землю вызывал рост арендной платы. Вследствие отмены законов, ограничивавших земельное владение для католиков, число католиков-землевладельцев несколько возросло; в то же время расцвет промышленности повлек за собой приток протестантского дворянства в эту область. И в городе и в деревне католические и протестантские элементы, таким образом, все сильнее смешивались друг с другом.

На юге Ирландии в 1760 г. ростовщичество, как утверждали современники, находилось главным образом в руках католиков. На севере ремесленники и мануфактуристы принадлежали в большинстве к числу диссентеров; но и католики были широко представлены в этой области. Короче говоря, экономическое развитие в значительной степени разрушило перегородки, созданные «карательными законами». Об этом свидетельствуют частые случаи объединения католиков с протестантами в борьбе за реформы. Говорили, что даже мюнстерские «Белые ребята» находили себе руководителей среди протестантов.

Такова была обстановка, в которой возникло общество «Объединенных ирландцев» (1791), во главе которого стал Теобальд Уолф Тон.

Теобальд Уолф Тон

Тон родился в Дублине 20 июня 1763 г. Он был сыном каретника; его дед считался крупным фригольдером в Килдэрском графстве. Эта семья вышла из рядов кромвелевских «колонизаторов». Тон, старший сын, получил юридическое образование. Адвокатура мало прельщала его, но, рано вступив в брак, он вынужден был, скрепя сердце, заниматься своей профессией. Французская революция, подобно удару грома, пробудила в нем, как и во многих других, дремавшую дотоле энергию.

«За два года до этого, — пишет Тон в своей «Автобиографии», — нация находилась в состоянии летаргии... По мере того как революция приближалась и вести о происходивших событиях распространялись все шире, в среде ирландского общества быстро нарастал подъем. Таким же или еще более быстрым темпом росли страхи и злоба аристократов. В короткое время французская революция стала пробным камнем для испытания политических убеждений всех и каждого, и вся нация разделилась на две большие партии: аристократов и демократов... Незачем, я думаю, говорить, что я с самого начала был демократом».

Его друг, Томас Руссель, армейский офицер, живший тогда в Белфасте, обратился в начале 1791 г. к Тону с письмом, сообщая ему, что там предполагается отпраздновать вторую годовщину взятия Бастилии, и прося его составить соответствующие резолюции. Тон в ответ послал резолюцию из трех пунктов:

- 1) Английское влияние в Ирландии является наибольшим злом для страны.
- 2) Самым реальным способом борьбы с ним является реформа, проведенная парламентом.
- 3) Ни одна реформа не будет достаточно справедливой или успешной, если католики будут из нее исключены.

Узнав, что третий пункт встретил сопротивление, Тон сразу принялся за брошюру, озаглавленную «Некоторые доводы, представленные вигом-северянином от имени ирландских католиков». По его словам, он поставил себе целью доказать диссентерам,

«что их с католиками соединяют общие интересы и общий враг; что подавление и порабощение Ирландии оказалось возможным и долговечным вследствие розни, существовавшей между ними, и что, следовательно, для защиты независимости страны и индивидуальной свободы протестантов и католиков необходимо предать забвению былую вражду, собрать и укрепить мощь всей нации, создав единый народ».

Тон признается, что он «немало гордился своей работой», которая в несколько недель дала удивительные результаты. Его вызвали в Белфаст и просили содействовать (октябрь 1791 г.) созданию общества «Объединенных ирландцев», для которого он написал программу с изложением его задач. Затем он неожиданно получил приглашение от Католического комитета в Дублине занять пост оплачиваемого представителя этого органа.

Оба эти события, как оказалось, имели важное значение.

Общество «Объединенных ирландцев» заявило, что оно «организовалось с целью создать братство, основанное на взаимной преданности его членов, установить общность прав и единство сил всех ирландцев без различия религиозных убеждений и на этой основе добиться полной реформы законодательства, опирающейся на принципы гражданской, политической и религиозной свободы».

Таким образом, общество с самого начала взяло за отправную точку те требования, которые в движении волонтеров, потерпевшем крах в 1783 г., составляли наивысший предел. Но хотя основатели новой организации поддерживали связь с немногими уцелевшими полками волонтеров, важно отметить, что они вышли за рамки этого движения и стремились создать политическую партийную организацию, вербуя сторонников непосредственно среди широких масс народа. Это общество на год опередило создание подобной же организации в Англии: London Corresponding Society (Лондонское корреспондентское общество), которое, по общему признанию, положило начало всей организованной радикально-демократической и революционно-политической борьбе рабочего класса в Англии.

Хотя непосредственной целью общества была парламентская реформа, ближайшие соратники Тона хорошо понимали, что

для него эта реформа была лишь средством для достижения более широкой цели:

«Свергнуть тиранию нашего ненавистного правительства; порвать связь с Англией, вековым источником всех наших политических невзгод; отстоять независимость моей страны — такова была моя цель. Объединить весь ирландский народ, изгладить воспоминание о прошлых раздорах и заменить наименования протестанта, католика и диссентера общим именем ирландца — таковы были мои средства».

По этой причине приглашение, полученное Тоном от Католического комитета — всеми признанного рупора ирландских католиков, — было вдвойне отрадным фактом. Отраден он был и сам по себе, поскольку Тон получал материальное обеспечение и привлекался к участию в деле, которому он сочувствовал. Еще более отраден он был потому, что свидетельствовал о глубоких изменениях в политической атмосфере Католического комитета.

До тех пор политика комитета сводилась к тому, что он стремился снискать милости короны через вице-короля, надеясь таким путем добиться покровительства и защиты от фанатической злобы правящей олигархии в парламенте и вне его. Приглашение, адресованное Тону, доказывало, что комитет совершенно отказался от этой позиции. Прежде он выпрашивал милости для религиозной группы, теперь он готовился требовать прав для граждан. Это уже и само по себе было революционным сдвигом и глубоко радовало Тона. В своих «Доводах» он выразил свой взгляд на «революцию» Граттана в словах, которые прочел и отметил Католический комитет:

«Революция 82-го года была революцией, позволившей ирландцам продавать свою честь, целостность и интересы своей родины гораздо дороже, чем прежде; она сразу удвоила шансы на поживу для каждого «владельца местечек» в королевстве, но оставила три четверти наших соотечественников (католиков) рабами, какими они были до нее, а управление Ирландией — в руках тех гнусных, безнравственных и презренных людей, которые всю свою жизнь только и делали, что грабили и унижали ее... Кто из закоренелых врагов страны потерял свое место или свою пенсию? Никто. Власть осталась в руках наших врагов, которые вновь готовы пользоваться ею на гибель нам, с той разницей, что прежде мы получали все наши несчастья даром из рук Англии, а теперь мы платим дорогую цену, чтобы получить еще худшие несчастья из рук ирландцев, и это мы хвастливо называем революцией».

Ясность данного Тонем анализа свидетельствует о его про-
рицательности; то, что он так смело назвал вещи их именами,
свидетельствует о его мужестве. Но то, что он заставил бел-
фастских протестантов и диссентеров рукоплескать этому за-
явлению, согласовать с ним свои действия и добиться такого
же отклика от руководителей католической общины, показывает,
что Тон обладал глубоким политическим умом и тактом.

Права человека в Ирландии

Сам Тон, отличавшийся не только бесстрашием, но и скром-
ностью, приписывал свой успех всецело действию французской
революции. И в самом деле, трудно переоценить всю освободи-
тельную силу этого великого события. Ему следует приписать и
немедленно начавшийся быстрый рост общества «Объединенных
ирландцев». В течение месяца (ноябрь 1791 г.) Тон, Руссель и
Неппер Тенди вместе с другими видными гражданами основали
общество «Объединенных ирландцев» в Дублине; белфастское
и дублинское общества стали родоначальниками быстро раз-
вивавшейся организации. Белфаст охотнее завязывал связи
с протестантами, Дублин — с католиками. Между этими дву-
мя городами протянулась созданная ими сеть местных обществ
и отдельных лиц, постепенно распространявшаяся по всей
стране.

Руководители организации пропагандировали свои взгляды
так, как это было принято в XVIII столетии, т. е. во время дискус-
сий, проводимых после обеда в дружеской компании или на
специально созданных собраниях, где обсуждались обращения и
резолуции по жгучим вопросам дня. Основные связи они уста-
навливали с лицами свободных профессий, торговцами, ману-
фактуристами и кое-где — с представителям более прогрессив-
ного поместного дворянства; но вместе с тем они с самого нача-
ла пользовались большим влиянием среди зажиточных ферме-
ров, самостоятельных ремесленников и у рабочего люда, рабо-
тавшего у руководящих членов общества.

При своем основании общество широко опиралось на принци-
пы «Прав человека», разработанные Пэнном (впервые были
опубликованы в 1792 г.); Тон с радостью отмечает, что этот
труд сразу стал для Белфаста «символом веры». Вскоре обще-
ство «Объединенных ирландцев» выработало точную программу,
в которую были включены следующие пункты (одобренные
также английским и шотландским обществами «якобинцев»):
1) избирательное право для взрослых мужчин; 2) равные из-
бирательные округа; 3) никакого имущественного ценза; 4) еже-
годный созыв парламента; 5) жалование членам парламента.
Другими словами, «Объединенные ирландцы» опередили англий-
ских чартистов на полвека и обеспечили этой программе такую

поддержку со стороны широких масс, какую долго еще не могли обеспечить себе английские радикалы.

«Объединенные ирландцы» не ограничивались чисто политическими требованиями. Они высказались за уничтожение церковных учреждений и десятинного сбора, за сопротивление взиманию непосильной арендной платы и, наконец, за решительную аграрную реформу. Через свой орган «Северная звезда» (основанный Сэмюэлем Нейлсоном в Белфасте в начале 1792 г.) они горячо приветствовали «Защиту прав женщины» Мэри Уолстонкрафт и «Век разума» Пэна, как только эти книги вышли в свет. Интернационализм «Объединенных ирландцев» был не менее ярко выражен, чем их национализм. Они вели дружескую переписку с якобинским клубом в Париже и регулярно освещали его деятельность в своей газете. Они послали делегацию на Британский национальный конвент (1792 г.), и, когда Томас Мур, шотландский якобинец, был приговорен к каторге на 14 лет, белфастское общество сделало его своим почетным членом. Успехи революции во Франции, низвержение монархии, учреждение республики, успехи народных армий встретили восторженный отклик у «Объединенных ирландцев».

Тон, как чуткий барометр общественного настроения, отмечает в своем дневнике 19 августа 1792 г.:

«Король Франции свергнут с престола; я очень рад этому, ибо теперь перед народом открывается прямой путь; но что сделает армия? Бог даст, — она станет на сторону народа. Все зависит от позиции, которую он займет».

Казнь Людовика XVI он отмечает почти равнодушно:

«Король Франции обезглавлен (21 января 1793 г.). К сожалению, это было необходимо».

В общем ясно, что цель, поставленная перед собой обществом «Объединенных ирландцев», правильно выражена Тоном в словах: «Осуществление прав человека в Ирландии».

Тон и Католический комитет

Прежде чем Тон приступил к своей работе в Католическом комитете, в последнем произошла революция изнутри. Разочарованный боязливой, раболепной политикой католических лордов и духовенства, которые засели в правлениях организаций и определяли их политику, богатый дублинский купец Джон Кеог выступил в защиту более смелого курса. Он предложил обратиться непосредственно в парламент с изложением жалоб католиков и с требованием удовлетворения этих жалоб как законных прав.

Пэры пришли в ужас; епископы возмутились; робкие миряне предсказывали всяческие несчастья. Тон сравнивает начав-

шуюся борьбу с победоносным восстанием третьего сословия во Франции.

«Их пэры, их дворяне (как они имеют обыкновение называть себя) и их прелаты, подкупленные или запуганные правительством, оказали все возможное сопротивление. Наконец, после продолжительной борьбы... вопрос был решен большинством голосов, причем соотношение голосов было по меньшей мере шесть к одному в пользу подачи жалобы».

Потерпевшие поражение католические аристократы и прелаты удалились. Трусливые, как зайцы, перед лицом английских властей они превратились в разъяренных львов, готовых накинуться на «крамольных» католиков-мирян. Когда петиция комитета была представлена парламенту (вместе с поддерживавшей ее петицией от белфастской организации «Объединенных ирландцев»), то вслед за ней была подана от имени отколовшейся части комитета контрпетиция, отрицавшая за комитетом право говорить от имени католической общины. Реакционеры в парламенте были в восторге, получив столь превосходный предлог для отклонения петиции, что они и сделали в умышленно оскорбительной форме.

По совету Тона комитет выработал план с целью создать новый комитет такого состава, который не мог бы быть лишен признания, как представительство католической общины. Делегатам, избранным приходами, предлагалось выбрать представителей от графств и городов: последние, собравшись в Дублине, должны были стать настоящим «парламентом» ирландских католиков.

Реакционеры впали в панику. Под руководством лорда-канцлера Джона Фитцгиббона, эрла Клэрского (злобного ханжи и яростного врага демократов) все судьи окружных судов оказали энергичное давление на суды присяжных, убеждая их принять резолюции с осуждением выработанного плана. Этот хор осуждающих голосов сделался еще оглушительнее, когда к нему примкнули перепуганные католические епископы и приходские священники.

Опять-таки по совету Тона комитет послал своих наиболее влиятельных членов в провинцию с целью привлечь на свою сторону епископов, священников и светских людей. Сам Тон, уже объехавший Ольстер, стремясь завербовать возможно больше членов в организацию «Объединенных ирландцев», теперь объезжал Лейнстер, Коннаут и отдельные районы Ольстера, чтобы обеспечить поддержку Католическому конвенту; обычно он путешествовал вместе с Джоном Кеогом. Они так успешно выполнили свою задачу, что епископы отказались от сопротивления, а священники перешли на сторону «Объединенных ирландцев», и выборы прошли с энтузиазмом.

Для нас теперь подобные съезды делегатов — вещь обыкновенная; осенью 1792 г. они казались «предвестниками несчастья». Фактически самое название «конвент», которое народ закрепил за съездом, подчеркивает тот факт, что в то самое время, когда в Ирландии избирались делегаты, во Франции нарождался Национальный конвент. Международным фоном для Католического конвента служила республика якобинцев во Франции, штурм Тюильрийского дворца и очистка тюрем от заговорщиков, стремительное выступление французской армии для обороны границ, канонада в Вальми — все это совершалось под призывные звуки «Карманьолы» и «Марсельезы».

Отрывок из дневника Тона, хотя и написанный в шутовском тоне, показывает, в каком состоянии возбуждения находилось тогда ирландское общество под влиянием публичных и частных дискуссий, которыми сопровождалась выборы делегатов в конвент:

«9 ноября 1792 г. был в здании суда (т. е. здании так называемых «четыре судов» в Дублине). Удивительно, как быстро изменилось настроение адвокатуры по католическому вопросу. Некоторые адвокаты требуют уже немедленного уничтожения всех карательных законов. Разумеется, это было бы наиболее великодушным и наиболее мудрым решением вопроса. Разные лица, и в особенности адвокат Пленкетт (впоследствии ирландский лорд-канцлер), шутя, подтрунивают над мистером Хеттоном (Тон), «который берется взять под свою защиту всех католиков во всех семи графствах». Много добродушного смеха. Мистера Хеттона называют Маратом. Разные адвокаты просят покровительствовать им, когда мятежники возьмут верх. Адвокат Пленкетт хлопочет насчет Кертона (сельская резиденция герцога Лейнстерского возле Мэйнута). Мистер Хеттон отказывает, поскольку герцог Лейнстерский¹ — его друг, но предлагает Пленкетту Керагмор (резиденция маркиза Уотерфордского). Это говорится с целью подразнить Маркуса Бересфорда (брат маркиза), который сидит возле него и слушает. Тут — вновь веселый смех. Комитет обвиняют в том, что под его влиянием принято решение не потреблять более привозного пива, как греховного напитка. Мистер Хеттон с риском для жизни утверждает, что обвинение это является ложным! Храбрец! Все выражают свое удовлетворение по этому поводу. Все сложилось так хорошо, как это только возможно. Ура!»².

¹ Герцог Лейнстерский — старший брат лорда Эдуарда Фитцджеральда и двоюродный брат Чарлза Джеймса Фокса.

² Дневник Тона писался для сведения и развлечения семейного кружка — жены Тона, его сестры и его друга Русселя. Имя «Джон Хеттон» было шутовым семейным прозвищем самого Тона; оно принадлежало одному каретнику, конкуренту отца Тона.

На следующий день он записывает уже в серьезном тоне:

«Слышал, что правительство в большом смущении и не знает, что ему делать... Канцлер храбрится. Если он попытается принять крутые меры, это неизбежно приведет, на мой взгляд, к войне. Лично я убежден, что правительство вынуждено будет уступить».

Католический конвент

В назначенный день (3 декабря 1792 г.) собрались 244 делегата, представлявших все графства Ирландии, 40 крупных провинциальных городов и город Дублин. Со времени «Патриотического» парламента 1689 г. в Ирландии не было ни одного съезда, который приближался бы к конвенту по широте представительства.

Настроение собрания соответствовало обстановке. В первой резолюции конвент заявил, что он является «единственным органом, имеющим право выражать взгляды католической Ирландии». Отведя, таким образом, «раскольников» из числа аристократии и духовенства, собрание приступило к прениям по вопросу о петиции, которую ему предстояло принять. Решено было покончить с полумерами и смело потребовать «уравнения католиков в правах с протестантами».

Далее встал вопрос, кому адресовать петицию. Под бурные аплодисменты один делегат предложил представить петицию, минуя всех «посредников», самому королю¹. Возникло сомнение, не будет ли эта мера воспринята как «неуважение к администрации». Под гром еще более восторженных рукоплесканий автор предложения ответил: «Именно это и подразумевается». Предложение было принято единогласно.

Назначили делегацию, которую уполномочили представить петицию королю. Но прежде чем закрыть заседание, конвент впервые принял и утвердил проект документа «В защиту Католического комитета», составленный Тоном, и единодушно голосовал за выражение благодарности гражданам Белфаста, «которым, — сказал один из делегатов, — мы обязаны тем, что собрание наше прошло благополучно».

Эта была не только красивая фраза; это было больше, чем официальный комплимент белфастским волонтерам, которые стояли на страже вокруг конвента. Это было признание того факта, что лишь решительная позиция белфастских граж-

¹ Т. е. Георгу III, который уже тогда страдал припадками безумия. Адресовать петицию королю означало не признавать авторитета британского правительства и его администрации в Ирландии, а также парламента в Англии. Следующим шагом должно было быть образование собственной «королевской» администрации в Ирландии, ответственной перед ирландским парламентом, каким собирался объявить себя конвент. — *Прим. ред.*

дан, руководимых «Объединенными ирландцами», помешала канцлеру прибегнуть к «насильственным мерам».

Акт об облегчении положения католиков (1793).

Тон сопровождал делегацию, отправившуюся к королю. Состояние погоды заставило делегатов выбрать маршрут через Донахади и Странраер. Таким образом, им пришлось проехать через Белфаст, и здесь им был оказан истинно царский прием. Их встретили у городской черты, в лучшем отеле в их честь был устроен банкет и затем их проводили в путь под эскортом всех белфастских демократов среди бури восторженных приветствий и рукоплесканий. Лошадей выпрягли, богатые купцы и ремесленники повезли на себе экипаж, оспаривая друг у друга эту честь. На границе их провожали громкими криками и пожеланиями успеха.

Белфаст часто призывают «помнить 1690-й год». Но когда Белфаст почерпнет силы и гордость в воспоминании о 1792 годе, тогда день окончательного освобождения Ирландии будет близок.

Прибыв в Лондон, делегаты не позволяли себе отвлекаться от своей задачи. Они повидали короля, были «милостиво» приняты и вернулись в убеждении, что проделали поездку даром. И они были правы. Не успели они достигнуть Дублина, как вице-король оповестил парламент, что король «рекомендует обсудить положение ирландцев римско-католического вероисповедания». Английское правительство, предвидя войну с Францией, решило оказать по-своему воздействие на ирландскую администрацию¹.

Администрация скрепя сердце уступила; но даже и в этот момент она уклонилась от предоставления католикам полной эмансипации, что было бы «и великодушной и мудрой мерой». Тайными происками она вынудила Кеога и большинство комитета примириться с тем, что требование «равноправия с протестантами» не будет полностью удовлетворено.

Тон впал в такую ярость, что почти готов был порвать с Кеогом. В конце концов и он уступил — другого выбора не было — и удовольствовался тем, что заметил в своем дневнике: «Плохие революционеры, я вижу, выходят из купцов».

Акт об облегчении положения католиков (1793) при всех его недостатках остается наибольшим вкладом, когда-либо внесенным в дело эмансипации ирландских католиков. Им фактически отменялось почти все, что осталось от «карательных законов», за исключением одного: предоставив католикам право голоса, Акт, однако, не признал за ними права заседать в парла-

¹ Джексон делает различие между поведением центрального правительства в Лондоне и поведением британской колониальной администрации в Дублине, но это было лишь тактическое различие. — *Прим. ред.*

менте и занимать высшие посты в суде, государственных учреждениях, армии и флоте. Между прочим, было отменено и требование присяги по английскому образцу, лишавшее диссентеров и католиков возможности занимать общественные должности. Правда, всякая уступка сопровождалась мелочными ограничениями, но Кеог и комитет чувствовали себя удовлетворенными.

Прежде чем окончательно разъехаться, комитет вотировал подарок в 1500 ф. ст. и золотую медаль для Тона в знак уважения и благодарности за его неоценимую работу.

Тон был весьма польщен. Но его радость была бы гораздо большая, если бы комитет стойко держался до конца и боролся бы далее за свое дело.

Глава VIII

ВОЙНА С «ОБЪЕДИНЕННЫМИ ИРЛАНДЦАМИ»

В феврале 1793 г., накануне утверждения Акта об облегчении положения католиков, была объявлена война французской республике. Одновременно правительство воспользовалось ею как предлогом для борьбы с «Съединенными ирландцами». В результате общество было объявлено вне закона (май 1794 г.) и загнано в «подполье». Тону пришлось отправиться в изгнание. С основанием общества оранжистов (сентябрь 1795 г.) на сцену выступила открытая контрреволюция.

В настоящей главе изложены различные стадии этой борьбы.

Программа реакции

Сидевшие в правительстве контрреволюционеры и ханжи, а также все их сторонники по-своему использовали объявление войны Франции, последовавшее после казни Людовика XVI (21 января 1793 г.). Они почуяли возможность получить реванш за вырванные у них ранее уступки католикам. Английский премьер-министр Вильям Питт младший (1759—1806) был склонен к политике компромисса, рассчитывая привлечь на сторону правительства состоятельные слои католиков; но условия военного времени вынуждали его предоставить ирландской администрации — фанатикам, требовавшим осуществления «главенства протестантов», — гораздо большую свободу действия, чем ему бы самому хотелось. Контрреволюционная клика ухватилась за возможность достигнуть своей давней цели новыми средствами. Утверждая, что «Объединенные ирландцы» и их союзники составили «безрассудный якобинский заговор», который необходимо пресечь во что бы то ни стало, они рассчитывали извлечь из ужаса перед революцией, испытываемого католиками, владель-

цами собственности, все то, что рассчитывал получить Питт, играя на их благодарности, на их надеждах и чаяниях.

В такой политике таилась одна опасность: «Объединенные ирландцы», бывшие до тех пор конституционной партией, могли действительно стать тем, чем изображало их правительство, — якобинской заговорщицкой организацией; так оно и случилось. В конечном счете, как мы увидим, Питту пришлось идти на вырубку ирландской администрации.

В виде пролога администрация внесла во время прений по законопроекту об облегчении положения католиков три акта: 1) Акт о собраниях, 2) Акт об оружии и 3) Акт о милиции.

В первом из внесенных законопроектов всякие собрания делегатов объявлялись нелегальными; правительство имело в виду решительно помешать рождению политической партии, которую могли бы создать «Объединенные ирландцы» и прогрессивные католики, организуя новых католических избирателей. Второй законопроект, запрещая ввоз, изготовление и продажу оружия и пороха, имел целью заранее обречь на поражение всякую попытку восстания. Целью третьего акта было создание контрреволюционной силы для подавления любого выступления волонтеров или тому подобных организаций. Этим маневром предполагалось заградить путь всем дальнейшим успехам «Объединенных ирландцев».

Законопроект о собраниях и волонтеры

Законопроект о собраниях был вызван успехом Католического конвента и боязнью повторения исторического съезда волонтеров в Данганоне (1782).

Во время выборов в Католический конвент обнаружились явные признаки возрождения движения волонтеров, шла агитация за восстановление программы 1782 г. на более радикальной основе.

Как мы уже отмечали, после неудачного съезда 1783 г. численность волонтеров и их значение быстро пошли на убыль. Аристократы и джентри, составлявшие командную верхушку, а в некоторых случаях оказывавшие материальную поддержку волонтерскому корпусу, считая свою цель в 1782 г. достигнутой, стали консерваторами; они, насколько это было в их силах, старались свести движение на нет. Социальный состав уцелевших наиболее популярных дружин изменился в сторону большей близости к народу, так как офицеры-аристократы и более умеренные элементы выбыли из них и их места были заняты офицерами буржуазно-демократического склада и более плебейской рядовой массой. Граттан метко охарактеризовал этот сдвиг: «Волонтеры, — сказал он, — представляли собой ирландскую «вооруженную собственность», — теперь они быстро превратились в «вооруженную нищету».

В Дублине еще, правда, сохранился корпус адвокатов, а в Белфасте — кроме того еще и корпус купцов. Но их существование лишь подтверждало мысль, выраженную Граттаном: эти «респектабельные» организации сохранялись именно для того, чтобы служить противовесом такой отнюдь нереспектабельной организации, как знаменитая дублинская артиллерия, созданная Тенди.

Разразившаяся французская революция и подъем движения «Объединенных ирландцев» до некоторой степени способствовали возрождению волонтерского движения в Белфасте и Дублине. В других частях страны многие отряды, до тех пор пребывавшие в бездействии, стали обнаруживать признаки оживления, когда в сентябре 1792 г. Неппер Тенди при содействии Тона и других начал вербовать новый корпус в Дублине, откровенно взяв за образец французскую национальную гвардию. Была введена та же форма, но не голубого, а темнозеленого цвета. Зеленая «национальная» кокарда заменила французскую трехцветную. На пуговицах был изображен фригийский колпак на острие пики.

Новый корпус подал пример, которому последовали другие дублинские отряды. Он отказался прикрепить украшения из оранжевых лент и выступить на параде 4 ноября у статуи Вильгельма III. Вместо этого корпус провел обычный парад на площади, где всегда собирались волонтеры; было постановлено через неделю устроить торжественный парад в честь французских побед под Вальми и Жемапом. Гражданам предложено было по этому случаю провести иллюминацию своих домов. «Объединенные ирландцы» в тот же вечер созвали собрание с целью направить поздравительный адрес французской республике и составить воззвание к волонтерам.

Особым приказом властей и самый парад, и собрание были запрещены под угрозой наказания всех «мятежных» организаций. Но власти не могли помешать жителям Дублина иллюминировать свои окна, что и было сделано большинством граждан. «Объединенные ирландцы» устроили «частное собрание» в зале, где волонтеры обучались военному делу. Здесь и было зачитано обращение к волонтерам.

Центральное место в этом обращении (которое, к ужасу всех реакционеров, начиналось словами «Граждане-солдаты!») занимало напоминание о важных результатах Данганонского конвента (15 февраля 1782 г.):

«Приближается 15 февраля, памятный день в летописях истории нашей страны, день рождения новой Ирландии. Организуйте как можно скорее собрания по приходам в честь этой годовщины. Пусть каждый приход выберет делегатов. Пусть заветы Ольстера снова будут провозглашены из Данганона в день, благоприятный для единства, мира и

свободы! Пусть дух Севера снова станет духом сей нации... Четырнадцать долгих лет прошло с тех пор, как были созданы ваши ассоциации (1778 г.). Думали ли вы в 1782 г., что еще в 1792 г. наша нация останется без представительства?

Сколько наций за этот промежуток опередило Ирландию?»

За опубликование этого обращения председатель (Уильям Дренен) и секретарь (Арчибальд Гамильтон Роуэн) собрания были привлечены к суду по обвинению в «мятеже». Но суд был отложен и состоялся лишь более чем через год.

Между тем обращение к волонтерам с призывом возродить движение 1782 г. усилило тревогу властей. В историческую годовщину в Данганоне действительно состоялся съезд. Собрались не только представители волонтеров, но и делегаты, избранные по приходам. Так как это был воскресный день, все делегаты — католики, диссентеры и прихожане епископальной церкви — отправились в приходскую церковь и выслушали проповедь данганонского священника, который обратился к ним со словами приветствия и увещевания. На следующий день состоялся съезд, принявший после дискуссии обращение к ирландцам с призывом организовать всеирландский конвент.

Тогда-то английские власти в Ирландии внесли Акт о собраниях и в спешном порядке провели его.

Подавление движения волонтеров

Проведя Акт об оружии и укрепив английский гарнизон в Ирландии присланными из Англии войсками, власти приступили к следующему мероприятию — к подавлению движения волонтеров.

«Объединенные ирландцы» были явно застигнуты врасплох. Они призвали волонтеров к оружию, но это был чисто риторический призыв. Почва для вооруженного сопротивления не была подготовлена. Поэтому при первой же атаке со стороны правительства они потеряли свои позиции.

Дублинский корпус волонтеров получил (без предупреждения) категорический приказ сдать правительству «на хранение» свои пушки и запасы пороха и ядер. Генри Граттан младший описывает захват артиллерии одной выразительной фразой:

«Правительство, застигнув врасплох корпус свободы, конфисковало его артиллерию, затем путем тайного сговора, завладело артиллерией корпуса купцов и заставило корпус адвокатов сдать свои орудия, которые к тому же перетем, как они были сданы, были провезены по улицам города».

Покончив с оппозицией в Дублине, власти взялись за Белфаст. 9 марта 1793 г., т. е. в субботу днем, отряд солдат из

английских драгунских полков, стоявший в близлежащих лагерях, отправился в Белфаст. Солдаты сделали вид, что уволены в отпуск, и прежде всего рассыпались по кабачкам. Подкрепившись, они рассеялись по городу небольшими группами и стали нападать на всех, кто казался им подозрительным. Достаточно им было натолкнуться на вывеску с изображением Вениамина Франклина и Джорджа Вашингтона или увидеть в окне какой-нибудь предмет зеленого цвета, чтобы ринуться в бешеную атаку. У драгун, очевидно, имелись списки с адресами главарей «Объединенных ирландцев». Были совершены нападения на их квартиры и на типографию «Северной звезды». Наконец, гримлы отправились на ночлег в трактиры. На рассвете, под охраной местных вооруженных волонтеров, состоялось спешно созванное собрание городских жителей. Прибытие офицера, командующего драгунским полком, предотвратило столкновение между драгунами и волонтерами. Офицер согласился отослать драгун из города, если волонтеры тоже разойдутся.

Мэр послал протест правительству и военным властям, но не получил никакого ответа. В последующие месяцы погромы возобновлялись несколько раз; между прочим, было произведено новое нападение на «Северную звезду». Мэр снова выразил протест, заявив правительству, что дома видных граждан «серьезно пострадали бы, если бы не находились под охраной волонтеров».

Правительство дало цинично-наглый ответ: оно заявило, что в беспорядках виноваты сами волонтеры. Оно отозвало все войска из Белфаста и окрестностей, но в то же время приказало волонтерам сдать оружие и распустить свою организацию. Один «респектабельный» корпус выразил протест против этой суровой меры, примененной, несмотря на выказанное им рвение (корпус оказал содействие одному благородному лорду, выселявшему своих фермеров; эту операцию регулярные войска осуществлять отказались). Но так как волонтеры не были готовы к вооруженной борьбе с властями, все белфастские организации подчинились. Они были разоружены и распущены. Так кончилось движение волонтеров.

Сопrotивление набору милиции

Акт о милиции уполномочивал правительство создать военные части, численностью в 15 тыс. человек каждая с помощью жеребьевки, тогда практиковавшейся в Англии.

Если бы даже война была популярна, то этот в высшей степени случайный метод отбора вызвал бы протест. Семьи, от которых отрывали кормильца, оставляя их без всякой помощи, ожидали горе и нужда. Так как к тому же сочувствие ирландских крестьян было на стороне французов, недовольство, протесты и сопротивление стали почти всеобщим явлением.

Офицеры почти сплошь вербовались из протестантских ленд-лордов, мелкопоместных дворян или обирал — посредников по субаренде. Ничто не могло убедить крестьян в том, что жеребьевка не фальсифицируется намеренно с целью подстроить дело так, чтобы жребий падал как раз на тех, кто смелее других давал отпор местным тиранам, в особенности при выборах делегатов в Католический комитет, когда эти тираны делали все возможное, чтобы помешать его рождению. Крестьяне предполагали, что, как только эти жертвы окажутся в рядах милиции, их втихомолку спровадят в ссылку в Австралию.

Уже тот факт, что их призывали на службу для борьбы с французами, был сам по себе оскорблением. Французы, подобно ирландцам, были католиками и к тому же народом крестьянским. То, что французские католики-крестьяне осаждали, громили и жгли замки своих господ, и то, что крестьяне изгнали этих господ из пределов своей страны, могло, конечно, привести в ужас Лондон или «Дублинский замок». Но для ирландского крестьянина это была поистине благая весть, и каждое новое революционное «бсчинство» французов вызывало в нем растущее восхищение и зависть.

Сопrotивление набору приняло всеобщий характер. Потребовались военные операции регулярных войск, чтобы разгромить отряды крестьян, которые ушли в гористую часть страны и там защищались с отчаянным мужеством.

В Слайго большие отряды ворвались в дома дворян, реквизировали все оружие, которое им удалось найти, и распили вино из помещичьих погребов «за успехи французов». Ожесточенные бои разыгрались в Балиннафеде (Слайго), в Эннискиллене (Фермана) и в Этбойе (Мит). В Мите регулярные войска были разбиты. В Уэксфорде новобранцев отбили силой, но сами освободители затем подверглись нападению регулярных войск и были рассеяны с большими потерями.

Собравшиеся возле Балтингласа (Уиклоу) крестьяне послали сказать воинскому начальнику, что положенное число рекрутов уже собралось и что они ждут его — пусть придет к ним, если у него есть желание рисковать. Он «осторожно отклонил это приглашение».

Понадобились месяцы, чтобы частью с помощью террористических мер, частью посредством уступок сломить сопротивление рекрутов. Самым рьяным из всех усмирителей был командующий войсками лорд Каргемптон, глава фамилии Лютреллей; его имя для ирландцев являлось синонимом предательства. Он судил задержанных крестьян «военным судом», состоявшим из представителей джентри и мелкопоместных дворян; многие крестьяне были приговорены, вопреки всем законам, к долгосрочной принудительной службе во флоте. Жертвы произвола были лишены всякой юридической помощи, их заковывали, бросали в фургоны,

отвозили в приморские порты и грузили на военные корабли, прежде чем они сами или кто-либо другой могли сообразить, куда их посылают. А раз очутившись в регистрационных списках рекрутов, они фактически оказывались совершенно беспомощными. Позднее парламент провел Акт об амнистии, оградивший лорда Каргемптона от кары за содеянные им варварские беззакония.

Наряду с принуждением правительство шло на некоторые уступки. Понемногу сопротивление ослабевало, и наконец, была сформирована милиция.

«Объединенные ирландцы» и «Организаторы обороны»

Во время этой «малой» гражданской войны на западе и отчасти на юге острова администрация пришла к выводу, что сопротивление крестьян, судя по его упорству, опирается на какое-то организованное руководство. Если бы власти понимали крестьянство и его мировоззрение, они без труда пришли бы к заключению, что руководящую и направляющую силу оно нашло, так сказать, у себя под рукой, что это была близкая к франкмасонству организация «Белых ребят» и что такую же роль сыграла традиция единства, восходящая еще ко временам кланов. Но понимание взглядов крестьянства было так же чуждо «Дублинскому замку» и всей его психике и привычкам, как понимание взглядов австралийских дикарей было чуждо в то время какому-нибудь полицейскому комиссару, только что прибывшему в Австралию. Власти сделали поспешное заключение, что сопротивлением крестьян руководят либо «французы» либо «Объединенные ирландцы». В палате лордов был назначен комитет с целью найти во что бы то ни стало какие-нибудь улики против «Объединенных ирландцев», и это привело во многих случаях к жестоким судебным преследованиям.

Фактически в тот момент между «Объединенными ирландцами», организации которых находились главным образом в городах, и замкнутыми, исторически сложившимися крестьянскими тайными обществами существовала лишь очень слабая связь. Сношения между ними возникали случайно, как своего рода «побочный продукт» организационной работы, связанной с выборами делегатов в Католический комитет; к тому же эти связи носили совершенно не тот характер, какой хотело в них видеть правительство.

Бывали, например, столкновения между крестьянами — католиками и протестантами в графстве Арма — столкновения, порождавшие еще до основания общества «Объединенных ирландцев» длительную вражду между конкурирующими аграрными организациями, которые объединяли группы населения с различ-

ным вероисповеданием в Арма и Дауне. В Арма эта вражда была следствием притока арендаторов-католиков, покинувших Коннаут вследствие земельного голода. Приезжие арендаторы по неведению брали в аренду фермы, от которых протестанты решили отказаться, чтобы не платить повышенной арендной платы и непомерных «штрафов», взимавшихся с них при возобновлении аренды. Поведение приезжих католиков вызвало протест, как «штрейкбрехерство», как нарушение традиционного кодекса чести, сложившегося в крестьянской среде.

Ссора эта была улажена ко всеобщему удовлетворению; но она длилась достаточно долго, чтобы послужить для местных ханжей мотивом для нападения на фермеров-католиков, не участвовавших в первоначальном конфликте, и для налетов на их фермы под предлогом поисков спрятанного оружия. Эта практика перекинулась из графства Арма в графство Даун; так как налеты эти делались обычно на заре, террористы-протестанты стали известны под названием «Ребят рассвета». Вскоре католики ответили созданием «Организации обороны» или «дифендеров» (защитников); так как им запрещено было покупать оружие, они, в подражание своим врагам, стали производить налеты на дома джентри с целью раздобыть оружие.

Пока перед нами лишь любопытный пример того, как стихийно возникшая организация крестьянской самообороны, которая в нормальных условиях способствовала бы росту солидарности и взаимопомощи в деревне, под влиянием особых условий распадается на соперничающие и ожесточенно враждующие между собой организации. Чтобы понять дальнейшее развитие этих организаций, надо учесть, какое разложение и какой взаимный антагонизм вносили в жизнь фермеров посредники, которые, становясь между лендлордом наверху и землепашцем внизу, создавали для последнего обстановку растущей неуверенности в завтрашнем дне и жестокой конкуренции в погоне за хорошей пахотной землей. Незачем говорить, что чем ожесточеннее была борьба между крестьянами — католиками и протестантами, — чем охотнее каждая из сторон забывала старый кодекс «Белых ребят» и способствовала повышению арендной платы на фермы, вырывая их друг у друга, тем выгоднее это было для помещика-посредника. Чем чаще ферма переходила из рук в руки, тем больше доходов она ему давала. По существу коренной причиной вражды между «Ребятами рассвета» и «Организаторами обороны» являлись посредники, разлагающее влияние которых с 1778 г. росло вместе с их ненасытной алчностью. Не может быть сомнений в том, что посредники зачастую сознательно разжигали эту вражду, когда она затихала и, может быть, предоставленная самой себе, окончательно выдохлась бы. Мы еще увидим в дальнейшем классический пример такого поведения посредников. Здесь мы отметим противоположное — как измени-

лась картина благодаря вмешательству «Объединенных ирландцев» и руководителей католического движения.

Когда Тон и Кеог приступили к подготовке выборов в Католический комитет, они столкнулись с распрей между «Организаторами обороны» и «Ребятами рассвета» в графстве Даун — распрей, в которой на обеих сторонах участвовали местные мелкие дворяне. Тону и Кеогу удалось убедить оба лагеря взяться за организацию корпуса волонтеров, который действовал бы беспристрастно и карал бы всякого нарушителя мира. На этой политике дружно настаивали и «Объединенные ирландцы» и католические лидеры, и она имела поразительный успех. В одном месте «Ребята рассвета» дали дифендерам своего сержанта-инструктора, который стал обучать их обращению с оружием. В другом месте бывшие противники поменялись ролями — католики ссудили оружием протестантов; они присутствовали при том, как инструктор-католик проводил с протестантами учение, и даже дружески подбодряли их.

В Ольстере эта политика имела такой успех, что «непримиримым» пришлось уйти из Ольстера в графство Лаут, чтобы поддерживать огонь былой вражды. И когда в Лауте возникли организации обороны, в дело вмешались власти и привлекли к суду руководителей «дифендеров» на основании закона о «Белых ребятах».

Только в этот момент власти нашли некоторое доказательство связи между «Объединенными ирландцами» и «Организаторами обороны». Неппер Тенди, который сам происходил из Лаута, был приглашен «Организаторами обороны» этой местности на совещание. Но прежде чем сообщить ему подробности дела, ради которого его вызвали, у него потребовали, как обычно, клятвы в сохранении тайны. А это, по закону о «Белых ребятах», угрожало ему смертной казнью через повешение... В мае 1793 г. Тенди заблаговременно был предупрежден о том, что один правительственный доносчик дал под присягой показания о его «противозаконном» поступке и что отдан приказ о его аресте. Тенди едва успел сесть на пароход. Он бежал на континент.

Роспуск общества «Объединенных ирландцев»

В начале 1794 г. власти решили силой подавить движение «Объединенных ирландцев» и с большим усердием взялись за дело. До сих пор общество ограничивалось пропагандой парламентской реформы, и хотя ни для кого не было секретом, что некоторые руководители общества рассчитывали использовать парламент после реформы как основную базу для борьбы за отделение Ирландии от Англии, это само по себе еще не было основанием для судебных преследований.

Не мог послужить основанием для репрессий и тот факт, что все члены общества сочувствовали французам и были против ведения и продолжения войны. Ведь виги, возглавляемые в Англии Фоксом и в Ирландии Граттаном, хотя и в меньшей степени, но все же открыто сочувствовали французам и порицали внешнюю политику правительства; они тоже выдвигали требования парламентской реформы, хотя и отвергали радикально-демократические реформы, за которые боролись «Объединенные ирландцы».

Виги, по мнению Тона, заслуживали еще большего презрения, чем «проститутки, сидевшие на министерских скамьях», и все их сторонники. Виги до некоторой степени ограничивали свободу действий правительства; но они в гораздо большей степени сковывали свободу оппозиции «Объединенных ирландцев». Правительство добилось проведения законопроекта о собраниях с помощью вигов, и это помешало обществу «Объединенных ирландцев» превратиться из механического соединения местных групп и ячеек в единую национальную политическую организацию. Правительство добилось, опять-таки с помощью вигов, проведения закона об оружии и закона о милиции, чтобы, таким образом, парализовать всякую попытку восстания. И теперь, по мнению правительства, настала пора для судебного преследования руководителей «Объединенных ирландцев».

В январе 1794 г. правительство, наконец, привлекло к суду Гамильтона Роуэна за обращение к волонтерам «Граждане-солдаты!»; суд над Вильямом Дрененом был снова отложен.

Роуэна защищал крупнейший и популярнейший адвокат того времени Джон Фильпот Каррен. Это был потомок кромвелевского солдата-колониста, родившийся в Мюнстере. Происходя из бедной семьи, он с детства близко соприкасался с католиками — крестьянами, фермерами и лавочниками. Хотя «расисты» причислили бы Каррена к англичанам, он по своим физическим данным, внешности, красноречию, уму и общему складу психики был гэлом среди гэлов. На мрачном фоне эпохи, которую нам предстоит описать, ни одна личность не выделялась так ярко своей стойкостью и бесстрашием перед террором во всех его формах, как Каррен, — если не говорить, конечно, о самом Тоне.

Защита Гамильтона Роуэна была проведена Карреном блестяще; и хотя он не мог помочь подсудимому, так как состав присяжных был тщательно подобран правительством, но с тех пор ни один политический процесс не обходился без Каррена, неизменно возглавлявшего защиту.

Признанный виновным в мятеже, Роуэн был приговорен к большому штрафу и двум годам тюремного заключения.

Роуэн был осужден за «оглашение» воззвания: он прочел его на собрании волонтеров (среди которых оно уже раньше циркулировало в виде листовки). Стремясь наложить узду на печать, правительство решило возбудить дело против Дренена, который обвинялся в том, что «взял на себя опубликование» того же обращения в дублинской газете. В то же время оно привлекло к ответственности издателей «Северной звезды» и владельца типографии, где печаталась газета. Правительство добилось осуждения владельца типографии «Северной звезды» (в мае 1794 г.), но присяжные отказались признать виновным Дренена.

Накануне начатой им кампании против печати правительство приступило к подавлению самой организации «Объединенных ирландцев». 4 мая 1794 г. отряд солдат под командованием одного из представителей дублинских военных властей ворвался в Тэйлорс-Холл в Бек Лейне — место, где обычно собирались дублинские «Объединенные ирландцы», и разогнал происходившее там собрание. Отряд завладел всеми найденными документами и занял здание. Правительство объявило дублинскую организацию «Объединенных ирландцев» распущенной, и генеральный прокурор возвестил в парламенте, что такая же участь постигнет все организации подобного рода, существующие еще в Ирландии. Он решительно предъявил «Объединенным ирландцам» обвинение в «изменническом союзе с врагами короля».

Улики, на которые он опирался, были добыты за неделю перед тем, после ареста почтенного Вильяма Джексона и его слуги, секретаря Коккейна.

Джексон, священник ирландской церкви, жил в Париже еще до революции. Он побывал на одном собрании, где присутствовали все состоятельные англичане, шотландцы и ирландцы, жившие тогда в Париже; собрание приветствовало вновь созданную французскую республику и с энтузиазмом встретило заявление о том, что национальный конвент предлагает свою помощь любой нации, борющейся за свободу. Джексон вернулся с собрания, живо заинтересованный вопросом, в какой мере англичане и ирландцы готовы приветствовать французскую армию, если она явится им на помощь.

Неизвестно, имел ли он какое-нибудь поручение от французского министерства иностранных дел. Известно лишь, что контрразведка Питта отнюдь не бездействовала; он уже знал о поездке Джексона на родину еще до его приезда в Англию и поставил на его пути одного из своих агентов, Коккейна. Джексон попался на удочку, поверил рассказам Коккейна о пережитых им злоключениях и взял его с собой в Ирландию в качестве слуги и секретаря.

В Ирландии Джексон стал разыскивать руководителей организации «Объединенных ирландцев» и расспрашивать их об их взглядах. Тон вначале не хотел иметь с ним ничего общего,

но, убедившись, что другие, в том числе и Гамильтон Роуэн (которому разрешено было принимать в тюрьме посетителей), относятся к нему с доверием, согласился написать докладную записку о положении в Ирландии. В этой записке Тон подчеркивал контраст между Англией и Ирландией:

«Любое вторжение из Англии объединило бы всех для борьбы против вторгшегося врага... Правительство Ирландии следует рассматривать, как правительство, поддерживаемое лишь силой; в тот момент, когда появится превосходящая его сила, оно сразу рухнет, так как оно нисколько не опирается на интересы или симпатии народа».

Копия этой записки была послана Джексоном (через Коккейна) по определенному адресу в Лондон с инструкцией переслать ее в Гамбург одному банкиру, связанному, как это было известно Питту, с агентами французской республики. Это перехваченное письмо и послужило основой для обвинения Джексона лично и «Объединенных ирландцев» вообще.

Через неделю после атаки на дублинскую организацию «Объединенных ирландцев» английское правительство арестовало Томаса Гарди, Хорна Тука и других руководителей английских «якобинских» обществ.

Известие о том, что «открыты» изменнические сношения между «Объединенными ирландцами» и французскими якобинцами, вызвало в обществе возбуждение, граничившее с истерической паникой. Реакционеры подняли неистовый шум, требуя крови; слабонервные люди стали отходить от организации. Гамильтон Роуэн подкупил своего тюремщика и бежал во Францию. Джон Рейнольдс, руководитель ольстерских франкмасонов и член организации «Объединенных ирландцев», неосторожно вступивший в сношения с Джексоном и рекомендовавший его другим, также бежал из страны. Виднейшие виги — как это ни печально, но и Граттан был в их числе — упрашивали Кеога и Католический комитет порвать с Тоном, глубоко скомпрометированным агентом комитета.

Кеог и Католический комитет, к своей чести, отказались порвать с Тоном; Тон в своих мемуарах вспоминает об этом с бесконечной благодарностью. Нет никакого сомнения в том, что Тон, отрекись от него Католический комитет, не продержался бы и года. Пока он оставался агентом и служащим Католического комитета (который правительство так или иначе стремилось задобрить), он, во всяком случае, мог быть уверен, что избегнет ареста.

В это время в Англии произошла перемена политического курса, отразившаяся и на делах Ирландии. Ввиду непрерывных поражений за границей и продолжавшихся военных успехов Франции за счет союзников, а также наличия опасной оппозиции

в самой Англии, Вильям Питт решил расширить базу правительства, заключив союз с умеренными вигами, руководимыми герцогом Портлендским. Такой союз превратил бы Фокса и тех вигов, которые были против войны, в незначительную фракцию, неспособную серьезно сопротивляться правительству. В качестве компенсации за поддержку виги — приверженцы Портленда — требовали предоставления им руководящей роли в ирландских делах; в Ирландию был назначен новый вице-король — граф Фитцвильям, горячий сторонник реформ. Предполагалось, что он будет проводить новую политику — политику умеренных реформ, основанную на «умиротворении» католиков и на допущении их в парламент.

Этим маневром британское правительство надеялось вбить клин между католиками и «якобинской» организацией «Объединенных ирландцев», а также создать с помощью католиков новую умеренную, руководимую вигами администрацию с Граттаном во главе.

Однако в этом плане имелась одна важная подробность, оказавшаяся для него пагубной. Чтобы очистить место для новой администрации, надо было устранить «старую банду» — клику Фитцгиббонов и Бересфордов, — годами создававшую под крылышком администрации своего рода семейный заповедник; устранить не только для того, чтобы создать вакансии и осуществить переход власти в новые руки, но и потому, что эта клика была руководящим центром контрреволюционного фанатизма, своего рода символом протестантского главенства в Ирландии.

Фитцгиббон, граф Клэрский, взбешенный мыслью об опасности, которая угрожала его партии потерей власти и командных постов, тайно выехал в Англию, где сумел оказать давление на короля и дворцовую клику, играя на религиозной мании Георга III. Воспользовавшись этим как удобным оружием, клика заставила Питта и Портленда отступить от своих намерений. Билль об эмансипации католиков (который завершил бы дело, начатое в 1793 г.) был снят; Фитцвильяма отозвали; Клэра и Бересфордов восстановили; Граттан лишился всякой надежды на власть.

Ирландия снова была безоговорочно отдана на милость бешеной контрреволюционной своры; Питт же с этого момента стал разрабатывать план унии, в которой он видел единственный шанс избежать республиканско-демократического восстания снизу с целью свержения «старой банды».

Режим, о котором мечтал Фитцвильям, так и не был установлен. Номинально он существовал с начала июля 1794 г. до середины марта 1795 г.; при Фитцвильяме волна репрессий против «Объединенных ирландцев» стихла. После его отъезда репрессии вновь возобновились.

Джексон был привлечен к суду 24 апреля. Процесс этот откладывался лишь потому, что правительство надеялось превра-

тить Джексона в своего агента и вырвать у него показания на счет Тона, против которого не имелось прямых улик. Когда эта надежда рухнула, последовало осуждение Джексона как естественное следствие свидетельских показаний английского сыщика Коккейна. Процесс завершился драматическим финалом: Джексон упал мертвым на скамье подсудимых; он принял яд прежде, чем судья успел произнести приговор.

После осуждения Джексона положение Тона стало невыносимым, и он согласился на компромиссное предложение (переговоры вел, повидимому, Граттан): уйти в изгнание добровольно. Через шесть недель после осуждения Джексона Тон и его семья уехали из Ирландии в Соединенные Штаты.

Основание общества оранжистов

Эпизод с Фитцвильямом показал наиболее продажной и реакционной прослойке правящей касты, что она стоит лицом к лицу с двойной опасностью. Ей открыто угрожала растущая волна демократическо-республиканских настроений, разжигаемых «Объединенными ирландцами» в союзе с Католическим комитетом, весьма опасных для этой касты, да и для всей помещичьей олигархии и дворян. Но опасными казались ей также английские умеренные виги, предлагавшие отбить лобовую атаку ирландских демократов посредством уступок высшему слою католической общины: ведь английские «либералы» собирались подкупить более состоятельных и умеренных католиков за счет ее политических привилегий, за счет выгодных мест, монополизированных правящей кликой.

Английские виги рассчитывали сломить народное единство, бросив подачку богатым католикам; очутившаяся под угрозой правящая клика Дублинского замка ответила на это разжиганием страстей невежественной, деморализованной, продажной и реакционной прослойки протестантов, подстрекая их сеять раздоры и рознь под предлогом религиозного усердия.

В Ольстере под влиянием «Объединенных ирландцев» раздоры между сектами быстро сменились политическим единством; этот пример воодушевил провинции с более многочисленным католическим населением, и они также ответили призывом к общественной солидарности. Последним оружием, оставшимся у реакции, был традиционный страх перед папством и вражда к католической религии. Поэтому именно в Ольстере дворцовая клика искала и нашла оружие против «Объединенных ирландцев», обратившись к наиболее невежественной, отягощенной предрассудками, продажной и гнилой группе протестантского населения.

Как мы видели, графство Арма, где население распадалось на группы исповедания, почти равные друг другу по силе, было

в течение многих лет ареной sporadических боев между «Ребятами рассвета» и католическими «Организаторами обороны». Под влиянием агитации «Объединенных ирландцев» эта вражда стихла. Когда вице-королем был назначен Фитцвильям, сторонник уступок католикам, «Ребята рассвета» после почти двухлетнего затишья внезапно возобновили свою деятельность. Нельзя не видеть связи между этим фактом и лживыми слухами, преднамеренно распространявшимися кликой Клэр-Бересфордов, будто Фитцвильям явился для того, чтобы заменить главенство протестантов главенством католиков. А если бы кто-нибудь и не разглядел этой связи, то у него раскрылись бы глаза в тот момент, когда самые реакционные протестантские власти в графстве Арма использовали эти возобновившиеся беспорядки, чтобы предпринять обыски у католиков, у которых якобы искали «крамольную литературу». «Ребята рассвета» поняли это, как сигнал и, в свою очередь, начали «обыскивать» квартиры католиков, под предлогом поисков спрятанного оружия. То, что закон уже разрешал католикам владеть оружием, нисколько не смущало налетчиков.

Вскоре возобновила свою деятельность «Организация обороны», отбивавшая атаки протестантов; но каждый случай успешной самообороны вызывал неистовый шум и изображался как «надругательство» со стороны католиков; начинались новые обыски с целью найти доказательства «крамолы», и поднималась новая волна насилий против католиков в тех районах, где прежде господствовали мир и согласие. Через несколько недель в Арма и смежных графствах уже был в полном разгаре настоящий погром. Жертвы, бежавшие из своих объятых пламенем домов, распространяли панику по всей католической Ирландии.

Мотив, толкнувший протестантов на эти гнусности, стал совершенно ясен, когда оказалось, что нападения прежде всего производились на самые благоустроенные фермы, на самые плодородные земли — именно их обитателям в первую очередь предлагалось на выбор — убраться «в ад или в Коннаут». Бедные, кое-как сводившие концы с концами католические фермеры, владевшие клочком земли на какой-нибудь каменистой вершине холма, редко становились жертвой религиозного пыла протестантов даже в центре Антрима. До сих пор наиболее плодородные земли в долинах восточного Ольстера сплошь заняты протестантами, между тем как католики продолжают влачить жалкое существование на голых вершинах холмов.

Этот искусственно организованный погром достиг своей кульминационной точки 21 сентября 1795 г., когда разыгралась «Бубновая битва», занявшая видное место в мифических преданиях оранжевистов.

Миф этот гласит, что на группу «миролюбивых» протестантов напала толпа «трусливых» католиков, которых храбрые про-

тестанты разбили наголову, причинив своим врагам большие потери. Истина, установленная показаниями современников-протестантов, заключается в том, что участники тайного собрания католиков, происходившего в холмистой местности, подверглись длительному обстрелу со стороны метких протестантских стрелков. Это вызвало стихийную схватку, которая вновь и вновь вспыхивала в течение нескольких дней и прекратилась лишь после совместного вмешательства протестантского представителя власти и католического священника.

Надо заметить, что католики были почти совершенно безоружны, тогда как протестанты представляли собой организованную и хорошо вооруженную силу.

Как раз в тот момент, когда был заключен мир и протестанты строились, собираясь удалиться, прибыла новая группа католиков, спешивших на помощь своим единоверцам. Эти вновь прибывшие лица, не разобравшись в том, что происходит, напали на протестантов и понесли некоторые потери, прежде чем им объяснили, в чем дело.

Мир был восстановлен вновь. Но в ту же ночь группа должностных лиц, мелких и крупных помещиков и священников графства Арма, собралась и организовала «главную ложу» общества оранжистов. Под предлогом любви к законности, порядку и протестантской религии создано было под покровом клятвы тайное общество масонского образца, члсны которого были связаны клятвой. На практике оно оказалось центром, поддерживавшим и прикрывавшим организованную шайку разбойников, в которую превратились отныне «Ребята рассвета». Оранжистский орден представлял собой организацию заговорщиков, в которую входили махровые реакционеры всех слоев общества; люмпен-пролетарскую прослойку орден использовал как таран с целью разрушить солидарность, созданную «Объединенными ирландцами», и вместо борьбы за демократический прогресс развязать ожесточенную войну протестантов против католиков — войну, от которой выигрывала исключительно клика Дублинского замка, клика Клэр-Бересфордов и их прихвостней, к каким бы социальным слоям последние ни принадлежали.

Давая оценку оранжистскому обществу, нельзя забывать, что организации, которые оно ставило себе целью разрушить и стереть с лица земли, т. е. «Объединенные ирландцы» и «Организаторы обороны», являлись прогрессивными организациями; «Объединенные ирландцы» были крупной освободительной силой, а «Организаторы обороны» — обществом защиты арендаторов и профессиональным союзом сельскохозяйственных рабочих. Оранжистские ложы действовали как сила, «взрывающая единство» в интересах олигархической клики, существованию которой угрожали успехи революционно-демократического движения.

«НА БЕРЕГУ — ФРАНЦУЗЫ»

С конца 1795 до конца 1797 г. центральное место в англо-ирландской борьбе занимали попытки Уолфа Тона обеспечить успех французского десанта в Ирландии. Ирландская администрация решила в качестве контрмеры прежде всего разгромить подпольную организацию «Объединенных ирландцев» и этим подорвать их успешное сотрудничество с французами. В настоящей главе мы подробно рассмотрим историю миссии Тона во Франции и карательную экспедицию, проведенную администрацией в Ольстере.

Уолф Тон во Франции

Перед своим отъездом в Америку Тон принял определенное решение: он поставил своей целью добиться от Франции оружия, офицеров и военной помощи, необходимых для успеха ирландского восстания. Его друзья (Руссель, Эммет и др.) горячо поддерживали его. В Белфасте, на Кэйвском холме они совместно «приняли торжественное обязательство... не покладая рук бороться до тех пор, пока не будет свергнута власть Англии над нашей страной и утверждена наша независимость».

В Филадельфии Тона ждало первое разочарование. Французский посол принял его так холодно, что надежды его рухнули. Письма, полученные им через несколько месяцев — от Русселя, Кеога и др., — рассеяли его уныние. Друзья «самым решительным образом» призывали его выполнить свое обязательство, т. е.

«перевернуть небо и землю, чтобы добиться доступа к французскому правительству и умолять его о помощи».

На следующий день французский посол сердечно встретил его и тотчас же дал ему положительный ответ. 1 января 1796 г. Тон уехал из Сенди Хук. Его друзья-эмигранты, Джон Рейнольдс, Гамильтон Роуэн и Неппер Тенди, специально приехали, чтобы пожелать ему удачи. Он без всяких препятствий и задержек достиг Франции и сразу взялся за работу. О том, как он справился со своей гигантской задачей, мы можем рассказать лишь в общих чертах, пользуясь по возможности повествованием самого Тона, т. е. его дневником, — одним из наиболее волнующих человеческих документов в истории.

Прямота и здравый смысл Тона обращают на себя внимание в его дневнике. Когда один французский государственный деятель спросил у него, может ли Ирландия сделать что-либо без посторонней помощи, Тон ответил:

«По всей вероятности — нет. Если десант будет осуществлен, все ирландцы в тот же момент примкнут к нему, но десант является необходимым условием. Я просил моего собеседника, — продолжает Тон, — заявить, сославшись на меня, что, если двадцать тысяч французов высадятся в Ирландии, то через месяц у нас может быть армия в сто тысяч, двести тысяч и, если понадобится, в триста тысяч человек; но внешняя точка опоры необходима».

«Я сам, — прибавил Тон, — пошел бы с каким-нибудь взводом в качестве простого солдата под предводительством капрала», но чтобы организовать дело по-настоящему, требуется не менее двадцати тысяч обученных солдат.

Его здравый смысл, откровенность, твердость и бескорыстие снискали ему всеобщее уважение. Он привлек на свою сторону Карно («организатора победы») и тотчас же заручился поддержкой бесстрашного якобинского генерала Лазаря Гоша. По мере того как перспективы улучшались, Тон становился настойчивее:

«Я храбро веду переговоры с французской Директорией о том, чтобы свергнуть монархию и установить республику в Ирландии; разорвать узы шестисотлетней давности и заключить новый союз... Что сказал бы мой «старый друг» Фитцгibbon, если бы он мог прочесть мои докладные записки? Он называл меня собакой, еще не имея на то причины! Помнится, он имел обыкновение говорить, что я змея, которую Ирландия отогрела на своей груди. Теперь, находясь в Париже, я рискну сказать, что он лжет и что я в большей степени ирландец, чем он и вся его шайка мошенников — да и те, кто якобы находится в оппозиции к ним».

Опасения французов, как бы освобожденная Ирландия не оказалась монархистской, аристократической или клерикальной, в значительной степени рассеялись.

«Мы в сотый раз переговаривали все о том же, т. е. о священниках, и не нашли ничего нового в данной теме; я подвел итог, сказав ему, что в области религии мы удовлетворяемся отделением церкви от государства, не создавая государственной католической церкви взамен протестантской; таким образом, у нас вовсе не будет никакой государственной религии — пусть каждая церковь сама и добровольно несет расходы на свое духовенство.

Что касается королевской власти и аристократии, то в Ирландии они возбуждают такую ненависть, что я гораздо больше опасаясь всеобщего избиения дворян и раздела их собственности, чем создания правительства, кото-

рое упрочило бы их влияние; я надеюсь, что бойни не произойдет и, со своей стороны, приму все меры для ее предотвращения... В то же время гордость, жестокость и тирания ирландской аристократии так велики, что мне будут понятны любые эксцессы, в какие может вылиться в дальнейшем справедливое негодование народа».

Презрение Тона к аристократам и дворянам равняется его горячей вере в народ:

«Независимости нам необходимо добиться во что бы то ни стало. Если имущие люди не будут нас поддерживать, их ждет поражение. Мы можем найти поддержку у многочисленного и заслуживающего уважения класса общества — людей неимущих».

К вигам Тон чувствует такое же глубокое презрение:

«Клуб вигов, насколько я понимаю, берется улучшить положение бедного трудового люда. Виги начинают испытывать страх, и их нечистая совесть не дает им спать. Я думаю, что они будут действовать по образцу митского дворянства, которое из страха перед «Организаторами обороны» увеличило заработную плату своим рабочим с 8 пенсов до одного шиллинга в день, но в то же время приняло меры, чтобы поднять плату за лачуги и корм для скота в той же пропорции. Таким образом, к концу года несчастный крестьянин не стал богаче ни на один пенс. Такова честность всех ирландских помещиков! Нет! Нет! Мы действительно улучшим условия жизни рабочей бедноты, если когда-нибудь попадем на родину; мы действительно собьем спесь с этого ненавистного и презренного сословия — с ирландских сельских джентльменов. Я не знаю, какое чувство преобладает во мне — ненависть или презрение к ним, тиранам народа и рабам правительства».

Этот же мотив повторяется позднее в рассказе о переговорах с голландским правительством, которые Тон вел вместе с своим другом Льюинсом. Во время этих переговоров один государственный деятель, путешествовавший по Ирландии, заметил, что «роскошь в которой живут богатые, и крайняя нищета бедного населения приводят к тому, что ни одна страна в Европе так не вопиет о необходимости революции».

«На что,— пишет Тон,— мы с Льюинсом ответили ему (и это святая правда), что один из важнейших мотивов нашего собственного поведения в этом деле состоит в нашем убеждении, что ирландское крестьянство находится в ужасающем положении, и в нашей решимости, поскольку это в наших силах, улучшить его положение».

Европейская ситуация

Чтобы полностью оценить условия, в которых работал Тон с 1795 до конца 1798 г., надо мысленно представить себе всю ту сложную историческую обстановку и те отклики, которые возникли в Европе в результате гигантских сдвигов, сопровождавших французскую революцию. В рамках нашей книги мы можем лишь отметить, что с июля 1789 г. по июль 1796 г. революция победоносно шествовала от успеха к успеху, и это привело к уничтожению абсолютной монархии и могущества полуфеодальной аристократии, а наряду с ней и церковной иерархии. Уже одного этого достаточно было, чтобы всполошить сторонников феодального абсолютизма во всех крупных европейских монархиях и княжествах, которые соединили свои силы, чтобы уничтожить революционную французскую республику.

В целях самообороны революционная Франция вынуждена была воевать со всеми государствами, прилегающими к ее границам. Победы республиканских армий дали возможность довести революцию во Франции до конца; но с июля 1794 г. французская буржуазная революция вступила в новую, консервативную стадию. После ряда политических поражений, понесенных низшими классами, власть осталась в руках высшего слоя буржуазии — рыцарей денежного мешка, спекулянтов землей и военных подрядчиков, поддерживаемых основной массой крестьянства, которая много выиграла от ликвидации феодальных тягот, обременявших ее до революции.

Однако республике еще нужны были армии, чтобы оградить себя от мести государей, королей и императоров, политические системы которых зашатались под влиянием революции. Поэтому Наполеон Бонапарт и его армии, его завоевания, его мнимореспубликанская империя, которая была революционной для королей и императоров, но консервативной и даже контрреволюционной в самой Франции, — все это явилось исторической необходимостью, пока Франции приходилось бороться за свое существование против феодально-монархической европейской коалиции.

Здесь-то и выступает на сцену Англия с политикой ее правящего класса в лице Вильяма Питта. Если бы не Питт, если бы не оказанная им финансовая поддержка, и помощь его флота, коалиция королей и принцев испытала бы значительно большие трудности в войне с республикой. И в то же время, как ни правдоподобно звучит утверждение, будто для Англии было политической необходимостью оказать сопротивление наполеоновской империи, несомненно, что, если бы не политика Питта, которая была политикой короля, двора и английской правящей олигархии, наполеоновской империи не существовало бы.

В самом деле, пока французская революция означала низвержение бурбонской монархии, с которой Англия неоднократно вела войну с 1690 г., и низвержение бурбонской империи,

которая была величайшим соперником Англии, английская буржуазия и правящий класс могли относиться к французской революции благодушно; и до этих пор они не препятствовали стихийному выражению сочувствия со стороны английской прогрессивной буржуазии и мелкой буржуазии к победам тех же классовых сил во Франции.

Когда же, однако, стало складываться впечатление, что во Франции низшие сословия восторжествовали надолго, правящая олигархия в Англии убедилась в том, что императоры, короли и прочие имеют основания бить тревогу. Война против Франции в союзе с коалицией королей была одновременно замаскированной формой войны против низов в самой Англии и еще в большей степени (уже без всякой маскировки) — против народа Ирландии.

Когда победы французских армий на континенте стали вызывать опасение, как бы республика не выросла в еще большую угрозу для английской империи, чем была в свое время империя Бурбонов, и, в особенности, опасение, как бы английская торговля и промышленность не оказались совершенно вытесненными с ценного европейского рынка, абстрактное сочувствие английской буржуазии к французской революции стало уменьшаться и совершенно улетучилось перед реальностью экономической конкуренции. Поэтому Питт в конечном счете получил возможность сплотить вокруг себя весь имущий класс Англии для войны не на жизнь, а на смерть с революционной Францией.

Это вызвало в Англии, а еще в большей степени в Ирландии усиление внутренней войны против низов, чьи надежды возрасли вместе с триумфами революции во Франции.

Тут-то и сказалась коренная разница между Англией и Ирландией. Тон был совершенно прав, указывая, что если французы, вторгшись в Ирландию, могут рассчитывать на массовую поддержку со стороны всех классов за исключением протестантской олигархии, то в Англии это вторжение произвело бы совершенно обратное впечатление.

Низшие сословия в Англии подвергались эксплуатации; они возмущались ею, точно так же как ирландский народ возмущался эксплуатацией, которой он подвергался. Победоносное вторжение французов, вместо того чтобы улучшить условия жизни социальных низов Англии, еще более ухудшило бы эти условия, ибо оно наложило бы на английский народ ярмо национального гнета, который во всех отношениях сковывал бы классовую борьбу низов за свое освобождение.

То, чего страшились низы английского народа, как возможного бедствия, уже произошло в Ирландии. Ирландский народ уже был поработен как нация. Тот, кто теперь вторгнется в пределы Ирландии, явится для ирландцев желанным союзником против поработителей, от которых они жаждали освободиться.

Таким образом, то, что казалось кошмаром англичанам, было светлой мечтой для ирландцев.

Именно на этом фоне общей классовой борьбы следует рассматривать борьбу Тона, который герпеливо и настойчиво убеждал то одного, то другого министра во Франции до тех пор, пока не вырвал у французского правительства решительное обещание послать в Ирландию освободительную армию, пока эта экспедиция не была действительно снаряжена, пока французы не закончили всех приготовлений и пока, наконец, и он, и экспедиция не оказались в море, — на пути в Ирландию.

На этом же фоне надо рассматривать вождей «Объединенных ирландцев», упорно работавших внутри страны с целью усовершенствовать свою организацию, собрать запасы оружия и пороха, добиться, чтобы за неимением мушкетер у каждого воина было по крайней мере копьё. Им пришлось все время сдерживать своих нетерпеливых приверженцев, убеждая их не поддаваться никаким провокациям до тех пор, пока французы не высадутся в Ирландии с вооруженными силами.

На этом же фоне следует рассматривать Дублинский замок, как центр, где клика аристократов-заговорщиков хитрит, интригует, разрабатывает планы с целью предупредить возможные действия со стороны «Объединенных ирландцев», разрушить их связи, конфисковать их ресурсы, арестовать их руководителей, с целью всячески провоцировать их на сопротивление, чтобы таким образом получить предлог для варварских репрессий. о которых эта клика пока лишь мечтает, но вскоре осуществит их на практике.

И на том же самом фоне следует рассматривать деятельность главы лондонского кабинета Вильяма Питта, который раздает субсидии, чтобы покрепче привязать к Англии королей, князей и императоров, посылает воззвание за воззванием к помещикам-тори, занятым травлей лисиц, и к их собутыльникам-попам, стремясь сосредоточить их внимание на специальной задаче — на охране порядка в деревне; приостанавливает действие Habeas Corpus Act, подавляет бунты в милиции, бунты во флоте, продовольственные бунты и другие проявления боли низов, их полусознанного стремления начать революцию и одновременно драться против французов.

Попытки французов вторгнуться в Ирландию (1796—1797 гг.)

Исполненный великих надежд отплыл Тон из Бреста с французским флотом в конце декабря 1796 г. В состоянии, близком к полному отчаянию, вернулся он на французском корабле две недели спустя. Все надежды его рухнули. И между тем год уже прошел, отмечает он в своем дневнике, со времени его приезда

во Францию из Америки, с сотней гиней в кармане и с твердым решением перевернуть, если понадобится, небо и землю, для освобождения Ирландии.

Экспедиция везла с собой 15 тыс. обученных солдат и оружие еще для 20 тыс. Командовал экспедицией Лазарь Гош. Местом высадки должна была быть бухта Бантри. Воспользовавшись туманом, суда прошли мимо английской эскадры, блокировавшей побережье; все, казалось, предвещало успех. Но тут начались неудачи. Буря рассеяла флот; те суда, которые первыми приблизились к ирландскому берегу, вынуждены были ждать остальных, чтобы вести бой вместе с ними. Когда, наконец, флот собрался почти в полном составе, то оказалось, что одним из немногих отсутствующих кораблей был именно тот, на котором находился Лазарь Гош. Пока его ждали в течение трех дней, ветер превратился в сильнейший ураган, который дул в том единственном направлении, которое исключало возможность высадки. И французы продолжали бездействовать. С неослабевающей яростью ветер дул восемь дней. Корабли один за другим срывало с якоря; наконец, убедившись, что успех теперь невозможен, адмирал приказал немногим оставшимся судам повернуть обратно во Францию.

Тон испил до дна горькую чашу разочарования, находясь в течение десяти дней в виду ирландского берега — иногда так близко от него, что мог бы руками забросить сухарь на прибрежные скалы, и оставаясь так же далеко от ирландской земли, как если бы он был еще в Париже. Будь это человек не столь героического склада, его нервы не выдержали бы и его боля была бы скончательно сломлена таким тяжким испытанием. Но тот факт, что едва ступив на французский берег, Тон взялся за подготовку второй экспедиции, свидетельствует о несокрушимой силе его духа.

Гош, чей корабль был отогнан английскими крейсерами и затем, полуразбитый бурей, отнесен на целые мили в сторону от своего курса, — сумел пробиться к Парижу через Бордо. Гош горел желанием предпринять новую попытку. И так как Испания была союзником Франции, французы предложили, чтобы испанский флот тайно вышел из Кадикса, направился в Брест и здесь прикрывал французский флот с Лазарем Гошем на борту, когда он снова отправится в Ирландию. План был недурен, и, «не вмешайся в дело сам дьявол», он мог бы иметь успех. Но дьявол как раз и вмешался — на этот раз в лице английского флота под командой сэра Джона Джервиса и с Горацио Нельсоном в числе его капитанов. 14 февраля 1797 г. неподалеку от мыса Сен-Винцент испанский флот потерпел такое поражение, что ему пришлось вернуться обратно в Кадикс и остаться там.

Расчет на испанцев не оправдался; но были еще голландцы;

к ним-то и отправились Гош и неутомимый Тон для подготовки новой экспедиции. Подготовка эта производилась не спеша — в соответствии с национальным характером голландцев. Тон впадал в отчаяние при мысли о том, что он совершенно не в состоянии воспользоваться неповторимой возможностью — мятежами в английском флоте. Плимут, Спитхед Нор, Ярмут — все они были охвачены мятежом. Английский флот, находившийся в отечественных гаванях, был парализован почти на два месяца. Но какая была от этого польза, если флоты, блокировавшие Брест и Кадикс, продолжали держаться упрямо, как бульдоги? А между тем бесконечные проволоочки то по вине французов, то по вине голландцев не позволяли экспедиции отплыть из Текселя. Наконец, когда все было готово, ветер еще раз перешел на сторону англичан.

Выйти с Тексельского рейда, повидимому, было возможно лишь при сочетании прилива и попутного ветра. Обыкновенно судам редко приходилось ждать такого сочетания более пяти дней. На этот раз попутного ветра не было в течение семи недель, а затем наступило время года, вовсе неблагоприятное для задуманной экспедиции.

Экспедиция была отложена до следующей весны; но все надежды на нее рухнули, когда голландский флот был разгромлен английским при Дункане, вблизи Кемпердауна, 11 октября 1797 г.

Тон, впадший почти в полное отчаяние, вернулся в Париж и здесь добился обещания, что будет подготовлена новая экспедиция, которая отплывет будущей весной — весной 1798 г.

Карательная экспедиция в Ольстере

Пока французский флот стоял в бухте Бантри, клика Дублинского замка находилась в состоянии панического страха. На юге Ирландии не было и 3 тыс. солдат, на которых можно было бы положиться; а тех, кто был на севере, нельзя было перебросить на юг из опасений перед тем, что предпримут в их отсутствие «Объединенные ирландцы». Если бы ветер упал хотя бы на три часа, Ирландия была бы потеряна для Британской империи.

На сессии ирландского парламента, продолжавшейся всего лишь с 21 января по 15 апреля, были проведены только две меры: Акт об амнистии для «всех тех лиц, которые в предшествующие полгода превысили свои полномочия в интересах охраны общественного спокойствия», и Акт о восстании — «один из самых жестких и растяжимых в ирландской истории».

Первый из проведенных парламентом актов означал, что закон передает забвению все происходившее в Ольстере с тех пор, как началась деятельность общества оранжистов. Эта деятель-

ность началась с террористической кампании в Арма, опустошившей страну и перекинувшейся через пограничные графства в Коннаут. Она достигла кульминационной точки, когда судьи-оранжисты стали отказываться выносить приговоры против членов своей организации даже в случаях изобличения их в убийстве и когда те же самые судьи (явно превышая свои юридические полномочия) стали приговаривать к пожизненной ссылке на каторгу католиков, добывших оружие в целях самозащиты против банд оранжистов. Даже друзья правящей клики вынуждены были протестовать. Лорд Госфорт, лорд-наместник графства Арма, в обращении к судьям графства указывал на «притеснения» и «свирепую жестокость», с которой изгоняют тысячи людей из их домов. «В последнее время не проходит ни одной ночи без погрома домов, и почти ни одной недели — без совершения ужасающих убийств». Католики при поддержке «Объединенных ирландцев» защищались где только могли; но это повлекло за собой лишь правительственный террор в дополнение к террору оранжистов. Акт об амнистии был проведен с целью прикрыть гнусные поступки судей, потворствовавших террору оранжистов, и создать трудности для жертв, которые требовали возмещения потерь. Акт о восстании призван был довершить дело; далее, он был орудием борьбы против того неприятного факта, что преследования со стороны оранжистов толкнули дифендеров на севере и «Белых ребят» на юге в объятия «Объединенных ирландцев».

О сложившейся на севере обстановке дает представление хотя бы следующий характерный штрих: как среди жертв, так и среди террористов распространено было мнение, что Акт об амнистии гарантирует безнаказанность всего того, что было или будет содеяно от имени «ордена оранжистов». В довершение всего Акт о восстании предоставлял правительству полномочия отменять Habeas Corpus Act и вводить военное положение в районе, «охваченном беспорядками». Он угрожал смертной казнью тем, кто приводил кого бы то ни было к «крамольной» присяге, и грозил ссылкой на каторгу лицам, которые эту присягу приносили. Закон предписывал регистрацию всякого оружия, которое судьи могли конфисковать по своему произволу, и угрожал далее ссылкой на каторгу или тюремным заключением за приобретение или сокрытие незарегистрированного оружия, за участие в шумных сборищах и за приобретение, распространение или продажу «крамольных» газет. Судьям были даны широкие полномочия производить аресты по первому подозрению.

Непосредственно перед тем, как был проведен этот акт, правительство назначило генерала Лека главнокомандующим военных сил в Ольстере. Лек ввел в большей части провинции военное положение и назначил населению срок для сдачи оружия.

Дублинский замок, не слишком уверенный в своих войсках — в особенности ввиду бунтов, о которых стали доходить сведения из Англии, — и более чем неуверенный в батальонах милиции, дал разрешение сельским судьям и помещикам создавать «йоменри»¹ по английскому образцу. Подобно некоторым корпусам волонтеров в раннюю пору их существования, эти отряды первоначально представляли собой дружины, организованные дворянами и мелкими помещиками из своих знакомых, родственников и тех арендаторов, которых они считали надежными. Впоследствии к ним присоединили отряды пехоты. На практике эти отряды йоменри мало чем отличались от лож оранжистов и банд «Ребята рассвета» — разве только тем, что они облачились в военную форму и получили официальное разрешение «во имя закона и порядка» вершить свою волю в сельских районах.

В подобных же целях во всех батальонах милиции были организованы оранжистские ложи и предпринята систематическая «чистка» в войсках, начиная с офицеров, для того чтобы устранить всех тех, кого подозревали в неодобрении крайностей оранжистского террора. Отряды йоменри и батальоны милиции прибыли и из Англии; большая часть их — например, пользовавшиеся печальной известностью «древние бритты», которыми командовал сэр Уоткин Вильям Уинн, — представляли собой шайки вроде банд, орудовавших в Англии под лозунгом «за короля и церковь». Эти шайки снабжали оружием, продовольствием и жалованьем в награду за те проявления мракобесия и жестокости, которыми они славились в Англии, где они подвизались на этом поприще «из любви к искусству», подогреваемой, впрочем, подкупом в виде гиней и пива.

Когда срок, назначенный генералом Леком в его воззвании истек, из дома в дом, по всему Ольстерскому району, объявленному на военном положении, начались повальные обыски в поисках оружия. По тактическим причинам считалось целесообразным держать войска (и большую часть милиции) сосредоточенными в городах. Поэтому налеты и обыски проводились оранжистами и йоменри. Вскоре по всей стране начали передаваться из уст в уста рассказы об их варварстве и надругательствах над населением.

При первом внезапном ударе удалось обнаружить во время налетов значительное количество оружия. В одном только графстве Арма было найдено 5 тыс. мушкетов. Но затем оружие почти не находили. Йоменри, убежденные, что оружие спрятано, решили показать, на что они способны. От просрых нападений и грабежа они перешли к поджогам, насилиям над женщинами и убийствам. Между «древними бриттами» и оранжистами началось соревнование: кто кого превзойдет в варварской

¹ Т. е. добровольческие отряды кавалерии — вспомогательные войска. —
Прим. ред.
10*

жестокости во имя «закона» и «преданности» к властям предрешенным. Чтобы вырвать признание в сокрытии оружия, они прибегали к порке; но это, даже в тех случаях, когда жертвы умирали под плетью, вскоре показалось слишком скучным «защитникам» закона. Была пытка, напоминающая распятие, когда жертву распластывали на земле, вытянув до предела руки и ноги и привязав их к колышкам; практиковалось полуповешение и надевание «смоляной шапки» — холщового колпака, наполненного горячей смолой; осуществляли поджаривание подошв пытаемых людей на огне — все эти методы были в моде у дружинников, присланных усмирить Ольстер. Когда запуганные жители при их приближении бежали, громилам приходилось ограничиваться лишь поджогом покинутых домов.

Террор, проводимый оранжистами, власти дополнили арестами по первому подозрению. Когда тюрьмы оказывались переполненными, их очищали по простому приказу местных властей, насильно отправляя всех узников на службу во флот.

Слухи, распространявшиеся правительством Питта, будто бунты среди матросов в Спитхед и Норе (1797) были делом рук «якобинских агентов», действующих через посредство «Объединенных ирландцев» и Лондонское корреспондентское общество, были явной ложью, изобретенной с целью оправдать зверства оранжистов в Ирландии и роспуск всех демократических обществ и тред-юнионов в Англии. Но в свете ирландских событий такого рода слухам легко верили.

В ожидании французов

Чтобы оправдать кампанию террора, проводимую в Ольстере, ирландское правительство составило длинный список «преступлений» ирландцев: их обвиняли в том, что они якобы собирали и прятали оружие в большом количестве, в ирландских имениях рубили (без разрешения) ясеня, из которого готовили ручки для копей, стреляли в представителей власти; среди бела дня в центре Белфаста убивали правительственных агентов, из одного правительственного склада похитили большое количество пороха; утверждалось, что в каждом доме можно найти крамольную литературу, что вооруженные отряды ирландцев нападают на отдельные группы йоменри и т. д.

Но это еще было не все. Всякому, кто вступал в ряды йоменри, «нелояльные» предприниматели, а также рабочие угрожали оскорблениями и бойкотом. Население «большими массами» собиралось, чтобы сложить в стога сено, сжать рожь, накопать картофеля у людей, содержавшихся в тюрьме. Если воинские части рассеивали эти «крамольные сборища» днем, то они возвращались и проделывали ту же работу при лунном свете. Разумеется, шло тайное обучение военному

делу. Надежды на вмешательство французов высказывались открыто и повсеместно. И в довершение всего один почтенный член палаты заверял своих коллег, что принято «всеобщее решение уничтожить все налоги и сбор десятины, уменьшить арендную плату до 10 шилл. за акр лучшей пахотной земли, а за менее плодородную пропорционально понизить плату еще больше». Другой почтенный член парламента прибавил последний штрих к этой картине: предстоит «война бедных против богатых».

Ольстерская карательная экспедиция по существу дала правительству лишь весьма ограниченные результаты.

Власти захватили некоторое количество оружия и разными способами вызвали замешательство среди «Объединенных ирландцев». Правительство получило предлог для окончательного запрещения «Северной звезды» и разрушения ее типографии. Террор отпугнул колеблющиеся элементы «Объединенных ирландцев», главным образом из среды состоятельных членов организации, которые в иных случаях сделались даже предателями, чтобы спасти свою шкуру.

Но наряду с этими плюсами были для правительства и минусы.

Место дезертиров, ушедших из организации, заняли более решительные люди, возмущенные и взбешенные методами правительства. Паника, вызванная рассказами жертв оранжистских погромов или жертв официального террора в Ольстере, заставила даже самую инертную часть крестьянства во всех других провинциях прибегнуть к самообороне. Частичное разоружение Ольстера уравнивалось энергичным тайным вооружением во всей остальной Ирландии. Именно благодаря политике правительства организация «Объединенных ирландцев» расширилась и распространила свою деятельность на самые отдаленные уголки страны.

Мятежными настроениями были заражены и войска. Милицию, которая состояла главным образом из католиков, пришлось снова и снова очищать от неблагонадежных элементов. Даже основание оранжистских лож часто лишь распяляло национальные и религиозные чувства рядовой массы; новобранцы нередко отличались большей воинственностью, чем выбывшие. Один английский полк оказался до такой степени «развращенным», что его пришлось отправить обратно в Англию; другой был также «весьма сомнительным». В мае 1797 г., в то самое время, когда мятеж парализовал флот в Норе, в военных трибуналах рассматривались дела о «нелюбимых» солдатах в Корке, Лимерике и Белфасте. Когда несколько милиционеров в Корке были изобличены в принесении присяги «Объединенным ирландцам» и приговорены к смерти, один шотландский полк дружно отказался участвовать в рас-

стреле. С большим трудом удалось найти для этого другой «надежный полк».

Между отдельными отрядами оранжистов и милиции происходили схватки, переходившие иногда в настоящие битвы, из-за ношения оранжевых или зеленых значков членами этих организаций.

Вся Ирландия задавала себе один и тот же вопрос: когда и где высадятся французы?

Глава X

ВОССТАНИЕ «ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОГО ГОДА»

Борьба между силами революции и контрреволюции в мае 1798 г. вылилась в подлинную войну, сопровождавшуюся кровавыми репрессиями. В настоящей главе мы описываем все стадии, приведшие к кульминационной стадии в этой борьбе, и непосредственные последствия разыгравшегося столкновения.

Дело Вильяма Орра

Политику, которой придерживалось правительство после атаки на Ольстер, можно иллюстрировать с помощью одного события, которому в ту пору приписывалось огромное значение, хотя нам оно кажется и не столь важным. Среди ольстерских вожakov, арестованных в 1796 г. (вместе с Томасом Русселем), находился молодой антримский фермер Вильям Оор. Ему, как и остальным задержанным, не предъявили никаких обвинений. В октябре 1797 г. он внезапно был привлечен к суду. Ему вменялось в вину приведение к нег гальной присяге нового члена организации.

С точки зрения закона, вина Орра отягчалась тем, что человек, якобы завербованный и приведенный им к присяге на верность делу «Объединенных ирландцев», был солдат, состоявший на действительной службе. В качестве свидетеля выступал сам солдат вместе с одним своим однополчанином.

Прокуратура извлекла все, что могла, из этого «доказательства» «якобинских» и «изменнических» замыслов «Объединенных ирландцев», их стремления «отвратить от долга верности» людей, составляющих «единственный оплот королевства против внешних врагов».

В широких кругах народа обратили внимание на другие стороны этого процесса:

а) Поступок, в котором обвинялся подсудимый, даже если он был доказан, был совершен более года назад. Если свидетельские показания даны были только теперь, какую цену могли они иметь после такого длительного про-

межутка? Если же они были известны властям все это время, то чем могут власти оправдать эту отсрочку суда на столь долгий срок? Если они игнорировали это обвинение целый год, то почему они выдвинули его сейчас?

б) Наказание, налагаемое за такое действие по «закону о восстании», — смертная казнь. Его называли варварским и тогда, когда закон проходил в парламенте; так как прошло почти два года и он ни разу не применялся, то его стали считать мертвой буквой. Означает ли привлечение к суду Вильяма Орра, что правительство намерено применить эту меру наказания ко всем арестованным? Означает ли это, что сотни узников, находящихся в руках правительства (всем им не было предъявлено обвинений), находятся под угрозой того, что им придется разделить участь Вильяма Орра? Все опасались этого — и не без основания.

Процесс Вильяма Орра немногим отличался по своему характеру от обычных процессов того периода. «Объединенные ирландцы» знали с полной достоверностью, что Оор невиновен в приписываемом ему «преступлении». Мы располагаем свидетельством очевидца (Джеми Хоп) по этому поводу. Свидетель-солдат дал ложную клятву. Это, как оказалось, была темная личность. Под присягой он отрекался от данных им показаний, а затем брал назад свое отречение. Но его поведение немногим отличалось от обычного поведения полицейских провокаторов в тот период.

Присяжные клялись, что в комнату, где совещался суд, был тайно пронесен графин виски и те, кто в продолжение нескольких часов настаивал на оправдательном приговоре, будучи опоены виски, сдались и согласились на обвинение Орра. Такие примеры бывали и ранее.

О самой сути этого дела на процессе не говорилось, но все «посвященные» превосходно понимали ее. Один солдат действительно принес присягу, требуемую при вступлении в организацию; принимал ли ее Оор или кто-либо другой, было для властей вопросом второстепенным. Формальное право могло споткнуться о подобные пустяки, но правительство желало лишь одного: добиться приговора, вселяющего страх и трепет в каждого члена организации «Объединенных ирландцев», который принимал у новичка такую присягу в прошлом или мог бы когда либо принять ее в будущем.

Поэтому, хотя казнь и три раза откладывалась, Вильям Оор был все же повешен в Карикфергусе в январе 1798 г. в присутствии многочисленной военной стражи. Жители Карикфергуса, чтобы показать свой ужас и отвращение к казни, покинули город на рассвете и не вернулись к себе домой, пока все следы казни не были уничтожены.

Обвинительный акт, предъявленный правительству Карреном

Если мы вспомнили о деле Вильяма Орра, то главным образом потому, что оно приводит нас к речи, произнесенной Джоном Филпотом Карреном, одной из самых выдающихся среди его многих замечательных речей.

Поводом к ней послужило обвинение в клевете, выдвинутое против газеты «Пресс», которая издавалась Артуром О'Коннором вместо «Северной звезды». В «Пресс» было опубликовано открытое письмо к вице-королю с язвительными комментариями по поводу его отказа проявить милосердие к Орру. Линия защиты, взятая Карреном, сводилась к контратаке, его речь была прямым обвинительным актом против правительства:

«Вас (присяжных) призвали клятвенно заверить нас, что правительство мудро и милосердно, народ счастлив и преуспевает, что военное положение необходимо продолжить; что в Ирландии нельзя восстановить ее основные законы без угрозы для безопасности; что утверждения противоположного характера, выдвигаемые вашими защитниками здесь или в других странах, — утверждения клеветнические и ложные.

Говорю вам, что вопрос поставлен именно так. И я спрашиваю вас: хватит ли у вас смелости дать ожидаемый ответ перед лицом общества, которое знает нашу страну так же хорошо, как и вы?

Разрешите мне спросить вас, как можете вы примирить такую оценку положения с тюрьмами, виселицами, пожарами, убийствами, воззваниями, о которых мы ежедневно слышим на улицах, со всем, что мы ежедневно видим в нашей стране? А что сказать о делах, возбуждаемых самим генеральным прокурором повсюду, в одном округе за другим? Боже милосердный! В каком же состоянии находится Ирландия и несчастные обитатели этого острова?

Вы найдете ирландцев в тюрьмах, и это единственное безопасное место, я бы даже сказал — обычное место их жительства! А вне тюрем вы застанете их бегущими вместе с их семьями от пламени, которое пожирает их дома, — путь в тюрьму им освещают их собственные горящие лачуги. Вы увидите их кости, белеющие на зеленых полях их родины! Или вы можете найти ирландцев, носящимися на поверхности океана, где их стоны сливаются с ревом бури, менее свирепой, чем преследователи ирландцев, которые гонят их на край света и навеки разлучают их с их семьями — без обвинения, без суда или приговора.

Разве я искажаю истину? Можете ли вы перед лицом этих фактов, о которых вы столько слышали и видели,

сказать под присягой, что они не существуют? Вы призваны, вопреки голосу совести, чести и правды, отрицать страдания, исторгающие у вас слезы, и лстить преследователям, которые топчут вас».

Такова была обстановка в тот момент, когда началась решающая стадия борьбы между ирландской нацией, представленной «Объединенными ирландцами» и врагами нации в лице ирландской правящей клики и ее приверженцев.

Навстречу кризису

В свете последующих событий легко видеть, что счастье стало изменять «Объединенным ирландцам» с того момента, когда французам не удалось воспользоваться представившейся им блестящей возможностью — бунтами матросов в 1797 г.

До тех пор пока французский флот не появился в бухте Бантри, в реальность французского десанта верили только немногие «якобинцы» — энтузиасты из числа «Объединенных ирландцев» и те рассеянные по всей стране пылкие искатели правды — крестьяне, которые еще мечтали о возвращении перелетных птиц, улетевших на юг, во Францию.

С конца 1796 г. картина изменилась. То, что десант не состоялся, было, конечно, неудачей. Но все сомнения в готовности французов вторгнуться в Ирландию и в их способности организовать десант, рассеялись, когда после первой попытки десанта, население узнало, что французы были на волосок от цели. Десанта стали ждать еще напряженнее, и когда 1797 год, месяц за месяцем, прошел, напряжение это стало невыносимым. Маловеры снова начали впадать в отчаяние. Люди более горячего нрава стали проявлять нетерпение и спрашивать друг у друга: зачем ждать французов? Может быть, они придут, когда узнают, что мы поднялись сами? Чем быстрее мы начнем восстание, тем скорее они будут здесь.

Таким образом, по мере того как проходил 1797 год, все ожесточеннее становилась молчаливая борьба между лидерами двух лагерей: одни провоцировали преждевременное восстание, а другие старались предотвратить его, т. е. избежать такого восстания, которое могло бы произойти до высадки французов.

Необходимо было развить оживленную деятельность, чтобы удержать нетерпеливых от слишком поспешных выступлений. Необходимо было вербовать новых сторонников, организовывать и обучать их; нужно было доставать оружие и раздавать его; надо было рубить лес и распиливать его на ручки для копий; предстояло ковать металлические наконечники для них. И все время следовало быть начеку, чтобы не попасться в руки оранжистам или милиции. Время от времени происходили столкновения; избитого шпиона бросали через перила моста, пред-

варительно связав его и наполнив камнями карманы; пусть он сообщает потом свои наблюдения дьяволу, который послал его; случалось отбивать атаки оранжистов; приходилось прятать оружие. Организовывались отряды, чтобы подать помощь друзьям, попавшим в руки врага; косили луга, снимали урожай, складывали хлеб в скирды, отвозили его на гумно, выкапывали картофель. И все же люди начинали утомляться ожиданием — теряли надежду или впадали в гневное нетерпение.

В обстановке военного положения с особенной силой проявлялись низкие инстинкты — жадность, ревность, страх. Католические помещики, как и их соседи-протестанты, убеждались, что брешь между ними и их арендаторами растет с каждым днем. Они переходили один за другим в лагерь правительства. Католическая церковная иерархия, полная трепета перед самым худшим исходом — восстанием, неустанно призывала к покорности «властям предержащим, богом поставленным». Приходские священники, связанные чувством долга, готовы были действовать согласно этому предписанию, но у них немел язык, когда распространялась весть о поджогах католических часовен и других насилиях, чинимых оранжистами над католиками на севере.

Правительство, с другой стороны, не пренебрегало пропагандой. Среди католического дворянства и вообще среди зажиточных слоев католического населения распространяли слухи об ужасах и конфискациях, происходивших в «атеистической» и якобинской Франции. Протестантскому дворянству преподносили сказки о «бойне», которую устроили католики во время восстания 1641 г., твердя, что протестантам грозит серьезная опасность, так как замышляется-де повторение этой бойни. Средним классам нашептывали и то и другое — при этом католикам напоминали о бесчинствах кромвелевских «республиканцев» в 1649—1650 гг. Всем и каждому сообщалось, что изготовлены и распространяются карты с обозначением мест, где некогда жили старинные кланы, и тех земель, которые будут конфискованы, причем назывались лица, которыми это будет сделано. Правительство не жалело сил, создавая все предпосылки для того, чтобы восстание, если оно вспыхнет, «стретило всех имущих людей, независимо от их убеждений, в одном лагере контрреволюции, готовых подвергнуть должной каре мятежную «жакерию».

Со своей стороны вожди «Объединенных ирландцев» усердно распространяли среди «преданных» сведения о том, что готовится экспедиция, которая будет послана в Ирландию не позже чем в мае 1798 г. Численность ее не будет превышать 10 тыс. человек, но оружие будет привезено в значительно большем количестве. Членов организации предупреждали, что они должны быть готовы подняться сейчас же после того, как будет произведен десант. В усталых старались вдохнуть новую энергию; нетер-

пеливых успокаивали. Перспективы казались блестящими, когда на движение обрушились один за другим два удара.

Внезапная смерть Лазаря Гоша в конце 1797 г. расчистила путь для прихода к власти Наполеона Бонапарта. До этих пор вся Ирландия (вместе со всей Англией) слышала об армии, предназначенной якобы для отправки в Англию и формировавшейся на севере Франции с конца 1797 г. К этой армии был прикомандирован Тон, что вместе с другими секретными сведениями дало повод руководителям «Объединенных ирландцев» конфиденциально сообщать своим приверженцам, что армия эта будет отправлена в Ирландию. И вдруг начал распространяться слух, с каждым днем все настойчивей, — что лагерь расформируется, а французская армия выступила в другом направлении.

Неужели Бонапарт нарушит данное им слово?

Вожди «Объединенных ирландцев» не верили этой клевете: они полагали, что это один из тех блестящих маневров, благодаря которым молодой генерал уже прославился на весь мир. Они продолжали свою работу. Зловещее спокойствие, нарушаемое лишь постоянными известиями о попытках убийств чиновников и шпионов, о нападениях на английских часовых и о ночных налетах с целью добыть оружие, овладело страной. Особенно подозрительным казалось то обстоятельство, что крестьяне внезапно изменили свое поведение. Пьянство и драки между людьми различных партий на ярмарках и на рынках прекратились.

Тут пришло уже совершенно определенное известие о том, что Бонапарт, невзирая на все принятые им обязательства, решил использовать так называемую «английскую» армию в другом месте. Тон был поставлен перед совершившимся фактом и чуть не лишился жизни от огорчения и негодования. Нам теперь известна причина поведения Бонапарта, о которой Тон узнал лишь впоследствии; то, что было сказано в шутку Тоном, некогда не питавшим к Бонапарту полного доверия, оказалось реальностью: Бонапарт пытался достигнуть Лондона через Калькутту, начав поход на Египет. Много лет спустя изгнание на остров св. Елены оставило Бонапарту достаточно досуга, чтобы поразмыслить и понять, как мало он выиграл и как много потерял, решив предать ирландцев.

Не успел обрушиться на организацию этот удар, как за ним последовал второй. Внутренний конфликт в рядах «Объединенных ирландцев», между теми, кто «ждал французов», и теми, кто требовал «самостоятельных действий», временно отступил на второй план. Благодаря положительному обещанию Франции оказать ирландцам помощь к определенному сроку. Когда оказалось, что обещание нарушено, непримиримый конфликт, естественно, вспыхнул с большей силой, чем когда-либо. На 12 мар-

та было создано специальное собрание лейнстерской директории общества, где присутствовали и члены общерландской директории, для изыскания средств к преодолению кризиса. И вот вся эта директория — за исключением лишь Артура О'Коннора, находившегося в тюремном заключении в Англии, и лорда Эдуарда Фитцджеральда, который был еще в пути, — была неожиданно захвачена властями, явившимися на место собрания с многочисленным отрядом.

Правительство как раз во-время нашло осведомителя, который был ему так нужен.

Враги Ирландии и ирландского национального дела во всех странах старались распространить слух, что правительство всегда было осведомлено о тайнах «Объединенных ирландцев». Это явная ложь. Прихвостни правительственной клики и реакционеры лишь хотели, чтобы это было правдой. Правительство, разумеется, знало в 1798 г., что замышляется какое-то событие. Не надо было прибегать к помощи шпионов, чтобы понять столь очевидный факт. Верно и то, что профессиональных шпионов в Ирландии было достаточно. «Карательные законы» для того и предназначались, чтобы превратить в сыщиков всю нацию, и вполне понятно, что до некоторой степени эта цель была достигнута. Поэтому в Англии в ту пору было видимо-невидимо шпионов — профессионалов, состоявших на жаловании у Питта, и любителей, занимавшихся доносами по злобе. Тем не менее, остается фактом, что, когда правительство пожелало добиться осуждения узников, захваченных им 12 марта, они нашли лишь одного свидетеля и доносчика — Томаса Рейнолдса, помещика и бывшего владельца фирмы по торговле шелком. За свое предательство он получил 5 тыс. ф. ст. наличными и пенсию. Оправдывался он тем, что опасался конфискации своего имения в случае победы любой из сторон. Каковы бы ни были мотивы Рейнолдса, его предательство содействовало победе контрреволюции. По поводу доносчиков отметим здесь, что самые ценные из секретных сведений об Ирландии, полученных Питтом, были ему предоставлены бывшими аристократами, состоявшими на официальной службе у французского правительства. Мы имеем возможность также решительно утверждать, что доносчики-ирландцы, нанешие серьезный вред движению, все до одного вышли из зажиточных и образованных классов, так же как и Томас Рейнолдс.

Контрреволюционный террор

После внезапного нападения, произведенного 12 марта, началась гражданская война 1798 г., которая нужна была правительству для поставленных им целей. Правительство со своей стороны заявило должным образом запуганной им палате общин,

что раскрыт «дьявольский заговор»; этот ирландский заговор якобы имел целью призвать французов и «звергнуть страну в бездну гражданской войны». Но, по сути дела, когда генеральный прокурор исчерпал все свое красноречие и выразил свой ужас, свой гнев и негодование и свое твердое решение героически умереть у последней стены, ирландскому парламенту практически оставалось сделать лишь одно: обратиться к Англии с просьбой прислать еще войска и распространить на всю Ирландию Акт о восстании, принятый в начале 1796 г.

Этого, однако, оказалось достаточным, чтобы примирить два течения, которые боролись между собой в правительственных органах, — тех, которые считали, что надо предотвратить восстание твердыми мерами, и тех, которые стремились спровоцировать его, чтобы затем подавить его силой опущия. И те и другие были одинаково удовлетворены применением акта, рассматривавшего всю Ирландию, как страну фактически схваченную восстанием, хотя формально восстание отнюдь объявлено не было.

Постановление, изданное 17 марта 1798 г., говорит Лекки, один из наиболее осторожных либеральных историков, послужило прологом к террору, вряд ли превзойденному в современной Европе.

В ожидании прибытия войск из Англии (среди которых, как оказалось, были не только драгуны и пехота, но и солдаты — крепостные герцогов Гессенского и Брауншвейгского, — нанятые английским правительством, платившим за них «подушно»¹) ирландским регулярным войскам приказано было «подавить беспорядки», в частности в Килдэре, Типперери, Лимерике, Корке, Килкенни, графстве Короля и графстве Королевы. Предписывалось «усмирить мятеж» во всех его формах и проявлениях и во что бы то ни стало разоружить бунтовщиков. Офицерам приказано было разместить свои войска без всякой платы — где им заблагорассудится; реквизировать лошадей, кареты, телеги; требовать фуража и продовольствия; учреждать военные суды и приводить в исполнение приговоры; выпускать постановления, обязательные для гражданского населения.

Все, что в свое время происходило в Ольстере, теперь было повторено по всей центральной и южной части страны, но в более широком масштабе и с еще большей свирепостью. Как и следовало ожидать, дружины йоменри и их конкуренты, именовавшие себя «древними бриттами», превосходили остальных карателей своей варварской жестокостью; к ним вскоре присоединились достойные их соперники из числа гомпешских драгун, как называли себя упоминавшиеся нами гессенские отряды. Они уже

¹ Привлечение наемников для подавления колониальных восстаний было обычным явлением в практике английского правительства; немецких наемников английское правительство использовало, в частности, в борьбе с американскими колониями во время их войны за независимость. — *Прим. ред.*

находились на борту военного корабля, направлявшегося в Вест-Индию, когда правительству понадобилось отправить их в Ирландию.

Легко можно представить себе последствия этой политики для народа. Многие дома сжигались дотла; склады продовольствия расхищались; сотни людей были умерщвлены и тысячи арестованы. пытки неслыханной жестокости, в частности порки, продолжавшиеся до тех пор, пока жертва не умирала под плетью, применялись систематически в таких размерах, которые казались бы невероятными, если бы показания очевидцев не исключали возможность сомнений. Даже относительно добродушные «забавы» солдат милиции и йомеэри, срывавших или срезывавших с женщин все принадлежности одежды зеленого цвета (солдаты с веселым гиканьем «обыскивали» женщин с целью обнаружить зеленые подвязки или нижнее белье зеленого цвета), если даже эта «потеха» не всегда сопровождалась ужасным насилием, то и это говорило ирландскому народу о том, что на него смотрели в лучшем случае как на завоеванных рабов, а в худшем — как на диких зверей, которых травят без всякой пощады.

Военная дисциплина порой ослабляла жестокие формы физического насилия, но экономические меры, приводимые в силу чрезвычайных законов, в такой же степени обостряли положение. Одного бесплатного «постоя» солдат было достаточно, чтобы вызвать голод и разруху в районе, где он применялся. И в довершение всего — тут ясно отразилась классовая подоплека всей системы варварского террора — военные власти предупредили несчастное население особыми приказами, что войска будут оставаться «на бесплатных квартирах» не только до тех пор, пока не будет сдано все оружие, но и до тех пор, пока «не будут сполна уплачены все недоимки по арендной плате, налогам и десятине».

Еще раз отметим, что все эти меры были приняты до того, как формально началось восстание 1798 г.

Лорд Эдуард Фитцджеральд и восстание

Во время событий 12 марта тайная директория подпольной организации «Объединенных ирландцев», т. е. ее военное командование, состояла из трех человек: Томаса Эддиса Эммета, Артура О'Коннора и лорда Эдуарда Фитцджеральда.

Эммет был, как мы уже говорили, другом Тона, который ценил его больше, чем кого-либо из всех, кого он знал. Подобно Тону, Эммет происходил из протестантского рода кромвелевских колонистов. Это был адвокат, прославившийся драматическим выступлением на одном процессе; он в открытом судебном заседании согласился с присягой «Объединенных ирландцев», защи-

щая подсудимого, все «преступление» которого заключалось в том, что он привел к присяге завербованного члена организации.

Артур О'Коннор, племянник лорда Лонгевилля, землевладелец из графства Корк, был раньше членом парламента. Он защищал требования католиков, вследствие чего и потерял свой парламентский мандат, так как его дядя отказал ему в покровительстве. О'Коннор горячо поддерживал требование аграрной реформы и очень гордился своими военными способностями. Впоследствии он действительно был одним из выдающихся офицеров французской армии при Наполеоне и вышел в отставку в чине генерала. Он представляет особый интерес для английского читателя, как дядя будущего лидера чартистов Фергюса О'Коннора, которого он пережил на несколько месяцев, достигнув возраста 97 лет.

Лорд Эдуард Фитцджеральд занимал, по ирландским понятиям, высокое положение как младший брат герцога Лейнстерского и, следовательно, был одним из представителей старшей линии семьи Джеральдинов — рода первенствовавшего среди всей нормано-ирландской аристократии. Он заслужил военные отличия в качестве офицера английской армии; но политические симпатии к республиканской Франции были выражены у него еще более ярко, чем у его двоюродного брата Чарльза Джеймса Фокса¹. Он не любил, когда его называли лордом, и предпочитал обращение «гражданин Фитцджеральд». Но ирландцы, и в особенности крестьяне, всегда фамильярно называли его «лордом Эдуардом». У нас имеются косвенные свидетельства о том, что он обучал «Организаторов обороны» военному делу и, в частности, обращению с оружием.

Интересно отметить, что эта директория представляла собой соединение трех основных «расовых» элементов ирландской нации — древне-гэльского, нормано-ирландского и появившегося в результате колонизации англо-ирландского. Накануне событий 12 марта директория, понимая, что нельзя дольше тянуть с выступлением, послала Артура О'Коннора во Францию, чтобы напомнить о настоятельной необходимости возможно скорее сдержать данное правительством обещание и послать в Ирландию экспедицию. Артур О'Коннор вместе с другими лицами был арестован в Маргете при попытке найти лодку, которая отвезла бы его во Францию. Оправданный английским судом присяжных по обвинению, которое было ему предъявлено О'Коннор все же содержался под стражей по настоянию ирландской администрации. Он находился на пути в Ирландию, куда был отправлен опять-таки под стражей, когда второй член директории, Том Эшмет, в результате событий 12 марта также попал в руки врага.

Таким образом, руководство осталось в руках «гражданина»

¹ Матери Фокса и Фитцджеральда были сестрами: они были внуками короля Карла II. — *Прим. автора.*

Фитцджеральда, который, считая, что дальнейшая отсрочка невозможна, сразу взялся за дело и приступил к организации восстания. Он создал новую директорию, в которую кроме него входили два адвоката из графства Корк — братья Джон и Генри Ширс и Вильям Лоулесс, сын коммерсанта, недавно ставшего пэром, лорда Клонкери. Они совместно назначили дату восстания — ночь с 22 на 24 мая — и выпустили соответствующее воззвание.

Лорд Эдуард и другие члены директории с помощью Сэмюэля Нейлсона, бывшего правой рукой Фитцджеральда, распространили эту директиву, как только могли широко, и использовали свои связи в военных и фермерских кругах. Правительство обещало награду в 1000 ф. ст. тому, кто задержит лорда Эдуарда, но он лично сумел избежать ареста. Все как будто предвещало успех, но 19 мая лорд Эдуард был застигнут в одном дублинском доме и арестован. Он упорно сопротивлялся аресту, убил одного из тех, кто хотел его задержать, и ранил трех остальных; но и сам он уже был при смерти, когда его отвезли в тюрьму.

Братьев Джона и Генри Ширса арестовали 22 мая, всего за несколько часов до ожидавшегося начала восстания. Единственный уцелевший член директории, Вильям Лоулесс, предупрежденный в последнюю минуту, едва успел сесть на пароход, отходивший от дублинской набережной Нэрс Уолл. В довершение всех бедствий был арестован и Сэмюэль Нейлсон, самый способный из оставшихся на свободе руководителей «Объединенных ирландцев»; его арестовали в тот момент, когда он создавал отряд, имевший целью нападение на тюрьму и освобождение пленников.

Таким образом, условленный час восстания наступил, но все центральное руководство восстания было разгромлено в результате операций властей.

В результате исход восстания был предreshен заранее. Дублин слишком хорошо охранялся, чтобы можно было сделать хоть шаг; кроме того, на свободе не осталось никого, кто мог бы подать сигнал. В центральных графствах Ирландии крестьяне во многих местах собрались в назначенные пункты и добились местных успехов в большем или меньшем масштабе. Но за отсутствием центрального руководства и общего плана каждое местное восстание оставалось совершенно изолированным. Мятельники с неизменной храбростью сражались, а в некоторых случаях проявили выдающееся мужество и достигли временных успехов. Тем не менее один за другим их отряды были разгромлены и вынуждены сдаться или были рассеяны, а их участники бежали в горы или прятались в торфяных болотах.

О жестокости, с которой было подавлено восстание, можно было судить уже по силе террора, который ему предшествовал.

Почти во всех случаях войска не давали чикакой пощады. Они преследовали бегущих мятежников вплоть до домов, где те искали убежища; расправившись с ними, они сжигали дома. Один генерал, который разрешил мятежникам рассеяться и не причинил им вреда после того, как они сдали свое оружие, был заклеен в ирландском парламенте, как «изменник», допустивший «преступную снисходительность». В центральной части страны мятеж к концу недели почти закончился: но ко всеобщему удивлению он как раз в этот момент вспыхнул там, где его меньше всего ожидали — в Уиклоу и Уэксфорде.

«Уэксфордские ребята»

Много рассуждали о том, почему именно в Уэксфорде, «графстве, где организация «Объединенных ирландцев» почти не пустила корней», повстанцы достигли едва ли не полного успеха. Эти рассуждения — пустая трата времени, ибо самые «факты», из которых они исходят, по существу представляют собой миф. Правительство не арестовало уэксфордской делегации во время налета 12 марта не потому, что в Уэксфорде не было организации, а только потому, что уэксфордские делегаты не прибыли к тому моменту, когда начался налет.

Уэксфорд на деле был организован хорошо; но наиболее сильные здесь были не «Объединенные ирландцы», а ответвления их организации. «Белые ребята» и «Организаторы обороны»; восстание представляет особый интерес, как отклик на ту провокационную политику, с помощью которой коварные элементы в правительственном лагере пытались вызвать восстание в Ольстере.

После правительственных постановлений от 17 марта Уэксфорд и соседние графства были атакованы милицией и йоменри, под руководством местных магистратов, с такой свирепостью, которая поражает тем сильнее, что со времени волнений, связанных с набором милиции в 1793 г., здесь не было ни намека на какие-нибудь беспорядки.

Весь восточный Мюнстер и южный Лейнстер были опустошены милицией северного Корка, которая пользовалась особенно дурной славой — все ее офицеры и сержанты были ярые оранжисты, организовавшие новые погромы «лож» везде, где они находились на постое; рядовая же масса большей частью состояла из католиков, преданных Замку, т. е. людей низкого морального уровня. Власти графства Уэксфорд славились, как чванные оранжисты и рьяные усмирители: они систематически прибегали к порке, чтобы вырвать у своих жертв показания о сокрытии оружия, и сжигали дома, обитатели которых в ужасе бежали, услышав об их приближении.

Один из этих господ обошел церемониальным маршем свой округ во главе отряда йоменри, сопровождавшего телегу, на

которой были выставлены и разукрашены оранжевыми лентами скамьи для порки, плетью-девятихвостка и пали из веревки.

Ужас, вызываемый ночными налетами этих отрядов, был так велик, что целые селения разбегались с наступлением ночи. Крестьяне искали убежища в лесах; они предпочитали рисковать разрушением своих хижин, чем подвергнуться пыткам, порке и другим варварским жестокостям. Известен случай — вероятно, он не был единственным — когда один старик упал замертво, только заслышав о приближении правительственного отряда.

Даже представители протестантского джентри не были защищены от репрессий, если только они не обеспечили свою безопасность, вступив в «ложу» ораджистов. Некоторые помещики, как, например, Бичем Бедженел Харвэй, владевший большим имением в баронии Барджи в южном углу графства, были арестованы по подозрению в симпатии к «Объединенным ирландцам»; Антоний Перри, сын помещика из графства Уиклоу, был подвергнут милицией северного Корка пытке — усовершенствованному варианту «смоляной шапки». В кожу головы ему втерли порох и затем подожгли волосы. «Пусть будет теперь остриженным коротко», как то подобает бунтовщику¹.

С официальной точки зрения восстание в Уэксфорде началось с того момента, когда власти его северных бароний, собравшись в Гори 25 апреля, заявили, что графство находится в состоянии мятежа, и издали приказ о сдаче оружия под страхом суровых репрессий. Аресты и обыски проводились еще и до того, но с этого момента начался разгул террора.

Восстание вспыхнуло лишь ночью 25 мая, когда на холмах Корригуа и Булавог зажглись сигнальные огни, в ответ на такие же огни, засветившиеся на холмах Уиклоу. Жители Уиклоу встали еще в ночь с 22 на 23 мая; но приближаясь к Дублину, они поняли, что не все благополучно. Поэтому повстанцы отступили к холмам, где их, несмотря на все усилия, обнаружить не удалось. Отсюда они сигнализировали огнями, давая знать окружающим графствам, что они еще держатся. Жители Булавога, приведенные в отчаяние преследованиями милиции, решились ответить на их призыв. Они обратились к своему приходскому священнику, отцу Джону Мэрфи, прося его предводительствовать ими. Он согласился, и по его приказанию в Булавоге также были зажжены огни. На следующее утро, действуя

¹ Сгор, Сгорру — коротко остриженный; в Англии в 1640 г. праздные богачи отличались от трудового люда своей прической. Джентри по моде того времени носили волосы *en queue* (косой), между тем, как крестьяне и рабочие были коротко острижены. «Сгорру», стриженный, стало ходячим прозвищем для повстанца-крестьянина, а затем и для члена организации «Объединенных ирландцев» — подобно тому, как «круглоголовый» было ходячим прозвищем для остриженных под гребенку повстанцев в 1640—1660 гг.

под его командой, они успешно атаквали из засады отряд йоменри, а затем выступили, чтобы захватить имение лорда Маунта Норриса в Камолин-Парке. Здесь они нашли ценную добычу — все те копы и мушкетеры, которые были сданы 17 марта, были сложены в имении лорда Норриса; кроме того, на складе хранилось около 60 карабинов и столько же сабель, предназначавшихся для камолинской дружины йоменри.

Известие об этом успехе быстро распространилось по всему краю, и добровольцы толпами стекались на каждую вершину холма по всему графству. Все колебания исчезли, когда на следующий день отряд, находившийся под командой отца Джона, нанес поражение отряду милиции северного Корка и почти истребил его; в этом бою обнаружилось, каким страшным оружием может быть десятифутовое копьё, если применять его энергично, под руководством решительного командира.

Милиционеры северного Корка, с презрением относившиеся к плохо вооруженным крестьянам, преследовали несколько групп, отбившихся от своих отрядов и замеченных ими на склонах холма, и враспынную поднялись на вершину, не заботясь о строе. Между тем бежавшие крестьяне действовали по приказу — отступая туда, где ожидал в засаде, скрытый гребнем холма, главный корпус повстанцев. Когда враг приблизился, повстанцы выскочили из-за прикрытия и напали на милицию. Рассыпанные по склону холма пехотинцы, из которых большинство не имело времени зарядить мушкетеры, не могли оказать сопротивления атаке копьеносцев. Из 110 милиционеров только пяти удалось спастись.

После этого успешного боя восстание волной разлилось по всему Уэксфорду; из всех соседних графств стекались отряды с целью примкнуть к происходящей борьбе. По приблизительным данным, повстанцев было около 130 тыс. человек. Их боеспособность очень ослабляло отсутствие огнестрельного оружия и еще больше — отсутствие пороха даже для имевшихся ружей. Пушки у них были только те, которые им удалось захватить; тем не менее, в течение одной-двух недель они удерживали в своих руках все Уэксфордское графство и делали отчаянные усилия, чтобы продвинуться за его границы.

Одной из наиболее ярких особенностей уэксфордского восстания, послужившей, между прочим, предлогом для ошибочного истолкования его, было большое число священников и других духовных лиц, которых считали вожаками восстания. Участие отца Джона Мэрфи объясняли тем, что его часовня была сожжена йоменри. Но это неверно — часовня и дом священника были сожжены (вместе с 140 другими домами в Булавоге) после того, как началось восстание. Да и не требуется никаких особых объяснений и оправданий, чтобы понять, почему так много уэксфордских священников примкнуло к «стриженным»; надо только знать, что все они были из тех же мест, принадлежали к тому

же роду и к тому же классу, что и крестьяне, которыми они руководили. Джон Мэрфи, Михаил Мэрфи, Френсис Каванаг, Мо-зес Кернс, Майкл Рэдмонд и Филипп Рош — все эти священни-ки обучались грамоте у подпольных учителей и все они были «стипендиатами» в семинариях, где готовились к принятию ду-ховного сана — стипендиатами в той единственной форме, кото-рая была возможна при «карательных законах». Другими сло-вами, их поездка за границу и содержание в семинариях опла-чивались, целиком или частично, добровольными взносами крестьян в тех приходах, откуда они происходили. Их духовное звание — случайность, и их положение отмечалось только тем, что если бы они остались в живых, они навлекли бы на себя суровые кары со стороны не светских, а духовных властей за то, что взяли за оружие. Они примкнули к восстанию и сра-жались не потому, что они были священниками, а потому, что они были ирландцами, восставшими вместе со своими сородича-ми и соседями, с которыми прожили всю жизнь.

Можно было заранее ожидать, что правящая клика изобра-зит уэксфордское восстание как войну католиков, начатую с целью истребить протестантов. Они и раньше предсказывали нечто в этом роде; это был главный козырь их пропаганды, ос-нованной на запугивании. Но труднее понять, почему национа-листы-католики затем попались на эту удочку и стали приносить извинения за уэксфордское восстание. Если вспомнить, что уэкс-фордское крестьянство подвергалось всем ужасам войны на уни-чтожение и что войну эту вели протестанты — против людей, из которых 90 процентов принадлежало к католикам, то становится совершенно очевидным, что восстание, поднятое с целью само-защиты, должно было вылиться именно в такую форму. Крестья-не, действительно сожгли большинство принадлежавших протес-тантам домов в Уэксфордском графстве. Но так как раньше бы-ло сожжено в десять раз больше домов, принадлежавших като-ликам, либо этими же самыми «протестантами», выступившими в роли магистратов, либо их политическими соратниками, то утверждение, будто восстание было вызвано «религиозным фа-натизмом» католиков, является не только несостоятельным, но и бесчестным. Гораздо более надежным ключом для нас служит тот факт, что оранжисты и милиция сжигали все крытые соло-мой хижины, попадавшие им на пути, в уверенности, что жи-вут в них непременно католики, причем мятежники или симпа-тизирующие мятежу; повстанцы же, наоборот, сжигали все кры-тые черепицей дома, также исходя из предположения, что оби-татели их либо оранжисты, либо лица им сочувствующие. Сло-вом, это была классовая война — именно та, которой опасался Тон, как неизбежного последствия «чванства, высоко-мерия и жестокости» ирландского джентри.

Роковой слабостью восстания была самая его неорганизован-

ность и стихийность. У повстанцев не было своих опытных вождей; трагически наивны были их старания получить вождя протестантов.

Бедженел Харвей, игравший выдающуюся роль в дублинской организации «Объединенных ирландцев» до того, как она была загнана в подполье, чувствовал себя морально обязанным, после захвата города Уэксфорда и освобождения узников, принять предложенный ему пост командующего мятежной армии. Его план атаки на Нью-Росс был хорошо разработан, и при наличии более дисциплинированной армии успех был бы обеспечен.

Но армия повстанцев не представляла собой организованной силы; это было объединение отдельных групп, из которых каждая сражалась под своим собственным знаменем — обычно знаменем своего прихода или баронии¹. Повстанческая армия очень походила на армию кланов доисторического периода тем, что ее единственным стратегическим приемом было бросаться на врага всей массой и решать исход личной доблестью и схватками в рукопашную.

В Нью-Россе план Харвея, заключавшийся в проведении ряда атак, направленных из различных пунктов к одному центру, — сначала атак ложных и вслед затем настоящих, был разрушен тем, что враг гнусным образом расстрелял солдата с белым флагом, который нес ультиматум Харвея командующему неприятельскими силами. Видя, что их товарищ падает, сраженный выстрелом, повстанцы поднялись, как один человек, и ринулись на врага. Изнурение, недостаток боеприпасов, злоупотребление захваченными спиртными напитками и главным образом умелые маневры неприятельских офицеров были причиной того, что повстанцы отступили; но это случилось лишь после яростного десятичасового боя.

Такое же проявление безумной личной храбрости в сочетании с полным отсутствием коллективной дисциплины характеризует и другие бои, происходившие во время уэксфордского восстания. Над конницей йоменри повстанцы неизменно одерживали победы. Сельские дворянчики, столь смелые охотники за лисицами, перелетали на всем скаку через изгородь, ров или каменную стену, когда по ту сторону не было ничего более смертоносного, чем бегущая лисица; но совсем иное дело, когда в соседнем поле их ожидал готовый ринуться на них и ошестинившийся копьями

¹ Надпись на одном из флагов послужила поводом к созданию мифа — одного из многих «примеров» протестантской мифологии, который стоит сохранить для потомства, как грубую и глупую подделку. Флаги делались из ткани любого цвета (за исключением оранжевого), какая оказывалась под рукой. На одном черном флаге были выведены буквы M. W. S., означавшие «Marksmen: Wexford and Shelmaliere» (Уэксфордские и Шелмальерские стрелки). В протестантской мифологии эти буквы должны истолковываться, как «Murder without Sin» «Не всякое убийство грех». Убийство создателя этого мифа, пожалуй, подошло бы под эту категорию.

неприятельский отряд. Повстанцы с успехом применяли старинный прием, состоявший в том, что га врага выпускали стадо разъяренных волов, которые бешено неслись на неприятельские ряды, а за ними следовала стремительная атака копьеносцев. Но повстанцы мало что могли сделать против дисциплинированной пехоты, хорошо снабженной боеприпасами и действующей под командой опытных офицеров. А когда на них обрушивалась артиллерия, легендарная отвага, проявляющаяся повстанцами, вела лишь к тому, что бойня становилась еще более кровопролитной.

В одном пункте повстанцы были близки к тому, чтобы выиграть кампанию, — в том случае, если им было бы известно положение противника. С рассвета и до ночи длилась их атака на Арклоу, город, лежащий на побережье, по дороге в Дублин через Унклоу. Неприятель, у которого истощились боеприпасы, а войска были крайне изнурены и испуганы упорством ожесточенных атак ирландцев, начал эвакуировать город. Для прикрытия был оставлен только один отряд, который должен был ночью также покинуть Арклоу. Если бы армия мятежников расположилась хотя бы на ночь лагерем на поле битвы, она утром обнаружила бы, что путь вперед свободен; между нею и Дублином не было ни одного серьезного препятствия. Но мятежники не знали этого. Вместо того, чтобы разбить лагерь перед городом, они отступили, и упущенная возможность более не повторилась.

В пяти-шести случаях повстанцы достигли значительных успехов в борьбе против йоменри, милиции и английской пехоты; им пришлось понести и немало поражений, хотя они дрались упорно и героически, но перед соединенными операциями десятка английских генералов, в том числе известного сэра Джона Мура, они устоять не могли.

Если не считать отряда, который держался на Алленском болоте, восстание после атаки на главный штаб повстанцев, Винегер-Хилл, возле Эннискорт (21 июня) было ликвидировано.

Восстание в Антриме и Дауне

Уэксфордское восстание уже развивалось, когда вспыхнуло одновременно восстание в Антриме и Дауне. 7 июня — через неделю после срока, установленного лордом Эдуардом Фитцджеральдом — антримские республиканцы во главе с Генри Джой Мак Кркенном подняли мятеж. Число примкнувших к восстанию было меньше, чем рассчитывал Тон, но больше, чем того можно было ожидать после карательной экспедиции в Ольстер. «Организаторы обороны» в Антриме поднялись почти все до одного; вообще же говоря, народные низы хорошо отзывались на призыв к восстанию, между тем как люди более состоятельные, т. е. те, которые должны были занять посты полковников и генералов, почти полностью дезертировали. В Беллимене, Келсе и других

местах повстанцы сумели овладеть городами; но никто не пришел руководить ими, и они разошлись по своим домам

Мак Крекен отважно повел свои силы в Антрим с намерением захватить город и уже занял его центральную часть, когда ложная тревога заставила повстанцев отступить. Правительству удалось сконцентрировать свои силы и получить подкрепления. При второй попытке овладеть городом повстанцы были отбиты. После этого в войсках началось разложение, и через день-два Мак Крекен распустил оставшихся. Во время попыток пробиться в Даун Мак Крекен был взят в плен, предан военно-полевому суду и повешен.

В Дауне собралось 7 тыс. человек. Под умелым руководством лисбернского торговца полотном Генри Манро повстанцы достигли некоторых успехов в двух сражениях, где они дрались с большим искусством и мужеством. Но, несмотря на свою отвагу и решимость, они потерпели поражение и были обращены в бегство при Баллинахинче (14 июня). Все руководители восстания были повешены; самого Манро повесили у порога его собственной лавки.

Месть победителей

Когда стало ясно, что восстание разгромлено, сторонники правительства, которых эта новая вспышка возмущения буквально повергла в панику, отомстили за испытанный ими страх новой бешеной оргией кровопролития. Пленных, как правило, не брали; если же их не убивали на поле битвы, то лишь для того, чтобы предать казни впоследствии. Все уэксфордские руководители восстания были повешены. Бедженел Харвей был казнен одним из первых. То же произошло с руководителями восставших в Антриме и Дауне.

Любой командир, которого подозревали в том, что он щадил повстанцев, сам подвергался обвинению в «изменнической снисходительности». Как ни ужасно вели себя дружины йоменри и милиция до восстания, но под влиянием шумихи, поднятой главенствующей протестантской кликой после восстания, йоменри и милиция превзошли самих себя и преследовали до полного истребления всех, кто взялся за оружие, и всех, кто оказывал помощь или предоставлял убежище повстанцам.

«Настроение людей таково,— сказал лорд Корнваллис (вице-король и главнокомандующий), говоря о своем окружении,— что удовлетворить их может теперь только кровь... Все их разговоры и действия показывают, что они признают лишь один способ завершения этого несчастного дела: истребление всех мятежников».

Имелись вполне основательные подозрения, что в кварталах дублинской бедноты нашли себе убежище тысячи «Объединен-

ных ирландцев» и было припрятано еще значительное количество оружия. Чтобы добиться свидетельских показаний, были организованы облавы на улицах, и заподозренные систематически один за другим подвергались самой беспощадной порке. Эти облавы проводились несколько дней под личным наблюдением Джона Клодиуса Бересфорда, который славился тем, что презошел всех в совмещении различных постов-синекур, и, кроме того, являлся фондом в целях подкупа нужных лиц по указанию правительства.

Охота за повстанцами, военные суды, повешения, порки, сожжение домов — все это длилось много месяцев.

Движимая ненасытной жаждой крови, главенствующая протестантская клика делала решительные попытки, опираясь на подкупленных ею шпионов, добиться осуждения и повешения Граттана и Каррена. В своей жажде мести она дошла до того, что обвинила в проявлении «преступного сочувствия изменникам» самого вице-короля и даже свирепого графа Клэрского и не менее беспощадного виконта Кэстльри¹ (тогда государственного секретаря), когда они стали настаивать, чтобы офицеры милиции и йоменри держали своих людей в узде известной дисциплины.

Когда английские генералы прибыли в Ирландию и ознакомились с положением вещей, даже они пришли в ужас.

Сэр Джон Мур написал энергичный протест против поведения дружин йоменри и некоторых полков английской милиции, развращенных ими, торжественно заявив, что «будь он ирландцем, он сам стал бы мятежником».

Английское правительство под влиянием своих генералов тоже настаивало, чтобы ирландская администрация издала Акт об амнистии, по которому пленные подлежали освобождению, если им не предъявлялось обвинения в убийстве. Этот Акт об амнистии был принят ирландским парламентом 20 июля.

Из Акта об амнистии были исключены две категории: 1) лица, арестованные государственными властями до 23 мая, и 2) лица, виновные в убийстве. Выделение этой второй категории дало возможность йоменри и оранжистским властям поддерживать террор еще в течение многих лет. Розыски подозреваемых в убийстве были для них не худшим предлогом для бесчинств, чем прежде розыски оружия. Еще в 1802 г. людей вешали за преступления, которые они якобы совершали в 1798 г.

Во время уэксфордского восстания повстанцами было допущено немало эксцессов. Восстание рабов, по вполне понятным причинам, всегда отражает ту варварскую жестокость, которая его вызвала. Но реакционеры так хорошо использовали «ужасы» уэксфордского восстания, что мы избавлены от необходи-

¹ Впоследствии организатора унии (1801 г.), а затем министра иностранных дел (1812—1822 гг.). — *Прим. ред.*

мости что-либо прибавить. Но во всяком случае и до, и во время, и после восстания англичане проявляли такую же и еще большую жестокость.

Как только уэксфордское восстание было подавлено, правительство занялось лицами, которые были задержаны государственными властями. Лорд Эдуард умер от ран, и предстояло в первую очередь расправиться с братьями Джоном и Генри Ширс. Оба они были повешены. Затем правительство занялось узниками, которые были взяты 12 марта. Вскоре стало ясно, что с помощью провокатора Рейнолдса оно намеревалось «ликвидировать» всех, одного за другим. Арестованные через своих представителей — Томаса Эддиса Эммета, Артура О'Коннора и Вильяма Джеймса Мак Невина — просили разрешения вступить в переговоры; они предлагали удалиться добровольно в изгнание и взамен этого дать правительству все сведения о своем обществе, которыми они сами располагали, за исключением всего того, что могло компрометировать других лиц. Это предложение в конце концов было принято; но двое из руководителей «Объединенных ирландцев» были повешены еще до того, как закончились переговоры, — жестокость, которую Эммет и другие представители заключенных считали явным и бесчестным срывом соглашения, но которую они не в силах были предотвратить. (Было и другое нарушение данного правительством обещания: заключенных выпустили из тюрьмы, но затем интернировали в форте Джордж в Шотландии, где их держали до заключения мира с Францией в 1802 г.)

Как раз в тот момент, когда кончились эти переговоры, в Ирландию явились, наконец, французы.

Французские экспедиции 1798 г.

Когда весть о восстании, вспыхнувшем 23 мая, достигла Парижа, Тон и другие эмигранты стали осаждать французское правительство страстными и настойчивыми требованиями об оказании помощи Ирландии. Правительство в конце концов согласилось провести в жизнь предложенный Тоном в 1796 г. план, а именно — план последовательных десантов.

Неумелая организация и отсутствие французского флота, находившегося в Египте, в сочетании с прямым саботажем экспедиций вызвали новые мучительные проволочки. Первая экспедиция отправилась в Ирландию лишь 7 августа — и притом без надлежащего разрешения со стороны правительства Франции. Эта экспедиция, под руководством генерала Эмбера, высадилась у Баллины в графстве Мейо и нанесла поражение войскам милиции под командованием генерала Лека.

Но экспедиция, которой командовал Эмбер, располагала слишком ничтожными силами и явилась слишком поздно. Она вынуждена была сдаться превосходящим силам английских

регулярных войск в Баллинамаке, в графстве Лонгфорд. Французы были подвергнуты обычному режиму военнопленных; но grimкнувших к ним ирландских крестьян преследовали и беспощадно истребляли. Два ирландских эмигранта, офицеры французской службы — сын Люка Тилинга. Бартеломью, и младший брат Тона, Мэтью, — были отправлены в Дублин и повешены.

Через несколько дней после сдачи Эмбера один французский корабль с несколькими эмигрантами на борту во главе с Неллером Тенди и с большим запасом оружия и боеприпасов достиг острова Рутленд вблизи Донегольского побережья. Узнав, что Эмбер сдался, французы отплыли.

Через три недели более многочисленные силы французов, направлявшиеся в Лох-Суилли, были перехвачены возле острова Торн значительно превосходившими их силами англичан. После четырехчасового боя с четырьмя английскими кораблями французский флагман «Гон», располагавший 74 орудиями, был сильно поврежден и вынужден был сдаться, так как начал тонуть. Среди взятых правительством пленных был Теобальд Уолф Тон, который в течение всего боя «сражался, как дьявол».

Привезенный в цепях в Дублин, он был предан военно-полевому суду и приговорен к повешению. Как солдат и офицер французской службы, он требовал, чтобы его предали казни, на какую имеет право военный. Получив отказ, он в ночь перед казнью воспользовался представившейся возможностью и перерезал себе горло. Так погиб, борясь до последнего вздоха, тот, кто первый взлелеял мечту об единой ирландской республике.

Он умер 19 ноября 1798 г. и был похоронен своим отцом на кладбище в Боденстауне, в графстве Килдэр.

Глава XI

УНИЯ. РОБЕРТ ЭММЕТ. ИТОГИ

Как только выяснилось, что восстание подавлено и что французы, вследствие поражений, нанесенных их флоту Нельсоном в устье Нила (2 августа 1798 г.), на ближайшее время уже не опасны, Питт и английское правительство решили назначить свою цену за спасение ирландской правящей клики от гибели, которая едва не постигла ее. Этой ценой был закон, объединивший с 1 января 1801 г. парламенты Великобритании и Ирландии.

Попытка восстания, предпринятая Робертом Эмметом в Дублине 23 июля 1803 г., отчасти была ответом на унию; вернее, это была последняя вспышка огня, зажженного «Объединенными ирландцами» и, вместе с тем, переход к новой стадии борьбы.

Акт об унии

Питт (со своей империалистической точки зрения) всегда считал независимый ирландский парламент аномалией и угрозой для Англии. Восстание послужило для него предлогом, чтобы избавиться от этой опасности.

Не подлежало сомнению, что ирландскую правящую клику, несмотря на все те преимущества, которыми она неизменно располагала вначале, в конечном счете спасли от истребления лишь быстрое вмешательство английских войск, прибывавших в Ирландию в большом количестве, и неизменная бдительность английской флота. Все, что было и могло быть сделано продажной, развращенной, нетерпимой, тираннической олигархией и ее подтасованным парламентом, послужило лишь материалом для обвинительного акта против нее. Подавление революции Граттана, остановившее ее успешное развитие на полпути и значительно усилившее власть олигархии, вопреки интересам народа; нежелание объединить ирландскую нацию, сделав парламент подлинно представительным органом; явная неспособность контролировать раздираемую спорами нацию; использование варварского контрреволюционного террора оранжистов и оранжистского йоменри — все это лишь доказывало опасную бездарность ирландской администрации.

Поэтому, как только восстание было подавлено, Питт стал настаивать на объединении двух парламентов, а заодно и двух «королевств» — Ирландии и Великобритании.

Акт об унии, принятый отдельно каждым из двух парламентов, вступил в силу 1 января 1801 г. После этого Ирландия в политическом отношении превратилась в составную часть Великобритании, а ирландский народ в теории стал частью «английского» народа. Но вся дальнейшая история Ирландии показала, что эта теория оставалась насквозь ошибочной и нелепой и что противоречие между ложной теорией и конкретной действительностью непрерывно углублялось.

Во время беспорядков, связанных с требованием отмены унии и с лозунгом «гомруля» в XIX в., ирландские парламентарии показали, что они придавали большое и даже чрезмерно большое значение методам, с помощью которых «кровавый» Кэстлери провел Акт об унии в ирландском парламенте; но они недооценили значение тех характерных черт этого акта, в силу которых уния под предлогом слияния воедино двух наций фактически еще сильнее разделила их: она предоставила английскому правительству и правящему классу значительно большую возможность держать ирландский народ в постоянном подчинении и направлять экономическое развитие Ирландии в русло, выгодное для английского правящего класса.

Уния была реальной в той мере, в какой речь шла об

соединении двух ветвей одной и той же олигархии, т. е. земельной аристократии с ее союзниками — рыцарями денежного мешка. «Ирландская» ветвь рассталась со своей непрочной и половинчатой независимостью, а взамен приобрела ту безопасность, которую давало ей слияние с ее английским партнером. То, что ирландская аристократия и дворянство согласились на эту замену лишь за основательную мзду — то ли в виде звонкой монеты или титулов, то ли того и другого вместе, говорит об их блестящих коммерческих способностях. Они соблаговолили получить взятку за то, что в конечном счете вполне соответствовало их классовым интересам, за нечто такое, что каждый из них охотно сделал бы и без взятки; это понял бы Питт, если бы он не так спешил с задуманным делом. Способность ирландских дворян «хвататься за золотые генеи так крепко, чтобы король Георг захрипел и запросил пощады»¹, никогда еще не была доказана более наглядно.

Англо-ирландская земельная аристократия в 1798—1801 гг. сыграла ту же роль, какую она неизменно исполняла с 1690 г., — роль гарнизона, поставленного Англией в Ирландии. Даже там, где лендлорды по происхождению были «старинными ирландцами», они владели землями и титулами на основах «держания», созданных и насильственно навязанных Ирландии английскими завоевателями и охраняемых всей военной и политической мощью Англии от их немедленного уничтожения, которое осуществил бы восставший и свободный ирландский народ. Поэтому связь с Англией в той или другой форме была необходима для земельной аристократии, монополизировавшей парламентскую власть в Ирландии. Пока Англия предпочитала править Ирландией косвенным путем, т. е. при посредстве такого «гарнизона», ее пособники могли, разумеется, рассчитывать на побочные доходы, должности и всякие другие подачки. «Подкуп», о котором так много говорили и который обеспечил принятие Акта об унии, с этой точки зрения был лишь обычной компенсацией наемнику, услуги которого стали излишними.

«Неужели вы продадите свою родину?» — спросил один негодующий патриот у «благородного» лорда. «Продам, — был ответ, — и очень рад, что у меня есть родина, которую еще можно продать».

Наш анализ подтвердится еще в большей степени, если мы взглянем на дело глазами английской ветви правящей олигархии.

Благодаря Акту об унии английский правящий класс избавился от трех серьезных опасностей: 1) революционного республиканизма, этого воинствующего ирландского движения, потенциально опасного и для Англии; 2) французского вторжения и

¹ Игра слов: подразумевается изображение Георга на монете. — *Прим. перев.*

оккупации Ирландии и 3) потенциальной экономической конкуренции со стороны Ирландии. Зато выростала новая опасность, размеры которой в ту пору, однако, были незначительны; она заключалась в том, что если до тех пор острее недовольства ирландцев прежде всего направлялось против ирландской администрации в форме борьбы того или иного класса за те или иные права, то после заключения унии это острее уже направлялось непосредственно против английского правительства и все в большей мере принимало форму национальной борьбы за свободу ирландской нации, как таковой.

Но эта опасность более чем уравновешивалась выгодными для правительства сторонами унии. Сто два новых члена английского парламента — почти сплошь представители интересов землевладения — были для правящей клики ценной опорой в ее политическом сопротивлении английской торговой и промышленной буржуазии, которая все настойчивее требовала парламентской реформы. А отсюда выросло и другое преимущество. Ирландия давала в руки правительства превосходный предлог для содержания армии таких размеров, какие по теории вигов считались нежелательными и даже небезопасными. Таким образом, Ирландия и здесь играла роль резервуара, из которого контрреволюционные правители могли черпать силу, необходимую для подавления революции в Ирландии.

С самых различных точек зрения уния продемонстрировала сплоченность и солидарность всей земельной олигархии, английской и ирландской, и ее решительную оппозицию по отношению к классам, которые эта олигархия эксплуатировала. В то же время, якобы объединив обе страны, уния вскрыла национальные противоречия между ними и обострила эти противоречия, увековечив «колониальное» подчинение ирландской экономики метрополии, т. е. Англии. И, несмотря на свое отрицательное значение, уния в этом смысле оказалась могущественным фактором развития ирландской национальности и национального самосознания.

Католики и уния

Оранжевые вначале отнеслись враждебно к предлагаемой унии. Поскольку интересы оранжевых были связаны с существованием ирландской администрации, которую они имели возможность шантажировать во имя так называемого «главенства протестантов», оранжевые видели в низведении этой администрации на уровень второстепенного органа метрополии прямую угрозу своим непосредственным интересам. Понадобился сильный политический нажим и всевозможные посулы — вместе с заверением, что самое «главенство протестантов» останется неприкосновенным, — чтобы заставить оранжевистскую клику скрепя сердце согласиться на унию.

Католическая церковная иерархия, с другой стороны, одобряла идею унии и склонилась к ее поддержке большинство зажиточных католиков. Вследствие своей связи с папством, как органом светской власти, иерархия неизменно готова была поддерживать существующий порядок в любой стране. Ирландская церковная иерархия, имея в виду возможный возврат Англии — по крайней мере английских богачей — к католицизму, всегда склонна была рассматривать Ирландию прежде всего как трамплин для достижения этой желанной для нее цели. Ирландская церковь неизменно старалась по мере возможности угодить правителям Англии.

Во время восстания 98-го года католическая иерархия громче всех выражала свое «отвращение к мятежу» и свою «непоколебимую преданность» короне. Она приказывала приходским священникам препятствовать распространению восстания и добиваться сдачи оружия. Немало было примеров, когда повстанцам отказывали в причастии до тех пор, пока они не «раскаются» и не начнут выказывать елостям «сообщников».

Когда восстание превратилось в «войну бедных против богатых», католическая иерархия, участница богатейшей землевладельческой корпорации в мире, стала на сторону владельцев собственности против их врагов (так она поступала всегда в подобных случаях). Она желала унии и потому, что в ней заключалась гарантия против революции. Тот же мотив заставил имущие слои католиков стать на сторону правительства против повстанцев. Католические пары создавали свои отряды йоменри, участвовавшие в подавлении восстания. Католические купцы и адвокаты усердно вербовали добровольцев в эти отряды, проявляя не меньше ожесточения и ненависти к беднякам-«крамольникам», чем любой оранжист. Таким образом, эти «готовые к услугам» Питта слои католиков оказали мощную поддержку унии.

Однако работа Католического комитета не прошла бесследно; понадобилась еще соблазнительная взятка, чтобы заставить большинство католиков с большой неохотой дать согласие на унию. Питт через посредство Кэстльри распространял слухи, что в награду за унию он добьется допущения католиков в парламент и к высшим судебным и государственным должностям. Он также намекал, что католическое духовенство, возможно, будет получать субсидию от государства.

Эти предложения особенно прельщали католических купцов, промышленников и горожан, так как допущение католиков в парламент сломало бы монополию протестантского лендлордизма в Ирландии и дало бы возможность католической буржуазии вырвать из рук помещиков представительство в сельских округах. Страх перед этой перспективой заставил самую реакционную часть земельной аристократии в Англии интриговать против предложения Питта через придворную клику. Последняя еще

раз сыграла на религиозной манин Георга III, и ирландская католическая буржуазия оказалась обманутой.

Заговор Эммета

Другим последствием восстания 98 года был заговор, организованный в 1803 г. Робертом Эмметом, младшим братом Томаса Эддиса Эммета, который после Амьенского мира (1802 г.) был освобожден вместе с другими заключенными и уехал в Париж, где поступил на французскую службу.

Роберт Эммет, посетив своего брата в Париже и получив аудиенцию у Бонапарта, тогда первого консула французской республики, — вернулся в Ирландию в убеждении, что французы вскоре вторгнутся в Англию. Тогда, предполагал он, наступит благоприятный момент для возобновления освободительной борьбы в Ирландии; Эммет младший выработал свой план деятельности в соответствии с такой возможностью. В своих расчетах он исходил из двух главных соображений: 1) ирландские народные массы возмущены и унижены Актом об унии, отнявшим у них даже то ничтожное влияние на решения парламента, которым они обладали ранее; 2) дублинская организация «Объединенных ирландцев», вместе с уиклоуской и отчасти килдэрской организацией, наименее пострадала от свирепых репрессий, последовавших за восстанием.

Это по существу был чисто бланкистский план — он был бы одобрен самим Огюстом Бланки. В основе плана лежало твердое убеждение, что народ безусловно и немедленно откликнется, а затем поднимется, как один человек, если голько сигналом к восстанию послужит тщательно продуманный удар. Эммет предполагал захватить путем внезапного натиска Дублинский замок и затем город Дублин. На бумаге этот план был превосходен. Роберт Эммет заручился обещанием сотрудничества со стороны всех достойных доверия старых членов организации, которых он мог разыскать, и ему была обещана поддержка организации Уиклоу, руководимой Майлсом Бирном и Майклом Двайером, а также группы «Объединенных ирландцев» из графства Килдэр.

План Эммета потерпел крушение, как это всегда бывает с бланкистскими заговорами, по той причине, что если благодаря строгому соблюдению тайны их удается скрыть от властей, то они остаются скрытыми и от масс. Чем большей неожиданностью такой заговор является для правительства, тем более он ошеломляет и массы, вызывая у них свои подозрения. Чем больше успеха сулит бланкистский переворот вначале, тем больше шансов, что он в конце концов все-таки сорвется.

План Роберта Эммета осуществлялся удовлетворительно до того момента, когда Роберт вышел из своего штаба с небольшим

отрядом (в субботу вечером 23 июля 1803 г.) и двинулся на захват Дублинского замка. Уиклоуские участники заговора были надежно спрятаны в домах рабочих, в сараях, на складах, расположенных на набережной, и ожидали условленного сигнала ракетой. Килдэрцы ждали второго сигнала, предназначавшегося для них. Но событие, которое должно было предшествовать обоим сигналам, — захват Дублинского замка — так и не состоялось.

Сторонники Эммета, находившиеся в состоянии сильного возбуждения, стали гоняться за первыми встретившимися им солдатами. Прохожие, толпившиеся на улицах в этот субботний вечер, примкнули к ним, поскольку они считали это обычным бунтом против солдат и полиции. Прошло несколько минут, и Эммет оказался в роли вождя без армии: разыгралась уличная схватка, одна из тех, какие бывали иногда в субботние вечера, но восстания, как такового, и в помине не было. Что было еще хуже, часть приверженцев Эммета, гоняясь за солдатами, захватила и судью, ехавшего в своей карете и ошибочно принятого ими за известного «судью-вешателя» лорда Норбери. Они убили его копьями на месте. На самом же деле это был лорд Килуорден, один из немногих честных и гуманных судей, которые еще были оставлены правительством на своем посту. Ужаснувшись этого убийства, сам Эммет поспешил отказаться от задуманного им предприятия. Сигналы, которых ждали группы участников заговора в Уиклоу и Килдэре, поданы не были.

Восставшие в течение двух-трех часов сумели овладеть одной или двумя улицами Дублина, но восстание, как таковое, выдохлось в несколько минут.

Эммет мог бы скрыться во Франции так же легко, как это сделал Майлс Гирн. Но, как известно, Эммет задержался в окрестностях Дублина, так как не в состоянии был расстаться со своей возлюбленной, дочерью Каррена Сарой.

Он был выдан правительственным шпионом и повешен, как и многие его приверженцы. Романтические обстоятельства, связанные с его кончиной, его страсть к Саре Каррен, то, что Каррен, обычно великодушный и всегда бесстрашный, в первый и последний раз в своей жизни отказался защищать на суде члена организации «Объединенных ирландцев»; то, что Каррен был взбешен тайной связью Эммета с его дочерью и немало рассержен тем, что и на него лично при этих обстоятельствах вновь навлекли опасность, то что Леонард Мак Нэлли, адвокат, защищавший Эммета на суде, сам оказался, как обнаружилось через много лет, выдавшим его правительственным шпионом, — все эти обстоятельства, молодость и личная храбрость создали романтический ореол вокруг имени Роберта Эммета.

Смерть его казалась еще трагичнее от того, что она повлекла за собой гибель друга Уолфа Тона, Томаса Русселя. Вместе

с другими заключенными Руссель был освобожден в 1802 г.; по встретившись с Робертом Эмметом в Париже, он воодушевился его надеждами и пернулся вместе с ним на родину, чтобы попытаться поднять севэр одновременно с Дублином. К их удивлению и ужасу, он и его коллега Джемми Хоп (антримский ткач, сражавшийся под командой Мак Крекена и теперь примкнувший к Роберту Эммету, как его первый последователь после Майлса Бирна) убедились, что ни один человек на севере не поднялся. Руссель, укрывавшийся в домах дублинских рабочих и никем не выданный, хотя за его голову было обещано три вознаграждения, каждое в 500 ф. ст., был опознан на улице одним военным, знавшим его лично. Он был арестован, предан суду, осужден и повешен.

Эммет умер 20 сентября 1803 г.; Руссель был казнен 21 октября того же года. С их смертью общество «Объединенных ирландцев» ушло из мира реальной действительности и стало лишь бессмертным воспоминанием.

Итоги деятельности «Объединенных ирландцев»

Списать со счетов истории движение «Объединенных ирландцев» как совершенно бесплодное, только потому, что оно не достигло поставленной цели, было бы жестокой ошибкой. Когда движение было ликвидировано, самый факт его существования в прошлом продолжал оказывать действие на преобразившееся ирландское национальное сознание, с которым отныне приходилось иметь дело английским завоевателям.

О том, как велико было влияние «Объединенных ирландцев» на их эпоху, можно судить хотя бы по той систематической кампании лжи и клеветы, которая в сочетании с романтическим искажением действительности набросила на всю историю их борьбы, длившейся с 1791 по 1798 г., густой покров фальсификации; в этом ирландские романтики повинны ничуть не меньше, чем английские империалисты.

Реакционеры утверждали, и это был один из их излюбленных «доводов», что «Объединенные ирландцы», пытаясь сплотить католиков, диссентеров и протестантов в общем едином национальном движении, стремились к недостижимому, так как мятеж «доказал» абсолютную невозможность объединить католиков и протестантов.

Мы в общих чертах вскрыли лживость этого утверждения. Мы показали, под влиянием каких практических, экономических, политических и социальных сил сложилась ирландская нация, показали, что ее существование стало непреложным историческим фактом, одним из выражений которого явилось возникновение общества «Объединенных ирландцев». Отнюдь не пытаясь достигнуть невозможного, оно стремилось прежде всего пробудить

в народе сознание того, что фактически выкристаллизовалось его историей. Бешеная злоба оранжистского «ордена», учрежденного со специальной целью свести на нет успехи, достигнутые «Объединенными ирландцами», доказывает, что реакция уже исчерпала все средства борьбы в своих попытках задержать рост национального сознания. Если бы не разнузданный террор реакции, ирландское национальное единство было бы достигнуто как явление закономерное и неизбежное; таковым оно в конечном счете оказалось и таковым останется и в будущем.

Крайняя лживость обвинения, будто восстание 1798 года фактически было лишь войной на истребление, которую католики вели против протестантов, нами уже доказана. Форма восстания, в особенности в Уэксфорде, диктовалась, как мы показали, поведением контрреволюционеров, действовавших в интересах правительства уже за много лет до восстания и во всей своей деятельности проявлявших дикое стремление истребить католиков вообще и мятежных католиков в частности. Восстание 98-го года вылилось в форму войны одной религиозной секты против другой; но это прежде всего следует приписать историческому процессу, в результате которого черта, разделяющая секты, в значительной степени совпала с чертой между богатыми и бедными; следует отметить также фанатическую беспощадность самого правительства и его агентов — оранжистов, и, наконец, необузданные измышления агентов правительства, имевшие целью разжечь антикатолические предрассудки в Англии.

Часто повторявшееся историками утверждение, будто именно самый характер восстания, как «обширного католического заговора», вызвал отпадение протестантов севера от «Объединенных ирландцев», обнаруживает у сторонников этого взгляда, во-первых, полное незнание с фактическим состоянием католического вопроса в период между 1782 и 1798 гг., и, во-вторых, полнейшее непонимание исторических причин как самого восстания, так и спада движения «Объединенных ирландцев» на севере.

Защитники этого взгляда прежде всего игнорируют то обстоятельство, что в 1791—1798 гг. у католиков было меньше побудительных причин вступать в религиозный заговор в качестве католиков, чем столетие тому назад (во всех отношениях, кроме одного). Наихудшие и наиболее оскорбительные статьи «карательных законов» были отменены — в первую очередь ограничения, направленные против католического духовенства и церковной иерархии. Если вспомнить, что администрация субсидировала постройку и содержание католической семинарии в Мэйнусе, то напрашивается вывод, что католическая религия в тот момент находилась в лучших условиях, чем когда бы то ни было со времени реформации. Чтобы оправдать теорию

«заговора», ее защитники вынуждены были прибегнуть к отчаянной уловке, утверждая, что Граттан и волонтеры, Тон и «Объединенные ирландцы» (вместе с «Белыми ребятами» и «Организаторами обороны») были продажными наемниками, орудием папских интриг, т. е. утверждать нечто такое, чему трудно поверить даже в Пёртадауне, но чему, повидимому, легко верят в редакциях английских газет.

Исключение, о котором мы упоминали выше, лишь подтверждает правило: в 1798 г. единственным мотивом для участия в заговоре у католиков, как таковых, было стремление оградить себя от жестокости протестантов, от террора оранжистского йоменри и милиции. А этот террор, как мы старались достаточно подробно показать здесь, был выражением отчаянной попытки со стороны нанхудших и наиболее развращенных реакционеров протестантского лагеря подорвать единство, достигнутое революционными протестантами, и восстановить на практике социальное и политическое угнетение католиков, юридически уничтоженное.

К показаниям, которые мы уже цитировали, можно присоединить свидетельство квакерши Мэри Лидбитер, жившей во время восстания в графстве Карлоу. Она категорически утверждает (согласно Лекки), что, когда верх взяли повстанцы,

«она не наблюдала ни малейшей попытки избивать поголовно все протестантское население. Женщин и детей щадили, а квакеров, как правило, не трогали; но горе было угнетателю бедняков, жестокому лендлорду, придирчивому хозяину или тому, на кого смотрели, как на врага».

Это прямое свидетельство о классовом характере восстания и дает нам ключ к пониманию свирепого характера репрессий, в которых нередко сквозило стремление истребить восставших всех до единого, как взбунтовавшихся рабов, сбросивших свои цепи. Размеры бойни и хладнокровный цинизм, с которым убивали «стриженных» людей, часто безоружных и беспомощных и сплошь и рядом совсем непричастных к восстанию, в официальных отчетах и показаниях «лойялистов» маскируются так или иначе, но скрыть их полностью невозможно даже здесь. Мэри Лидбитер отмечает ужасный факт:

«В течение нескольких месяцев мясо ирландских свиней не удавалось продавать вследствие понятных опасений, что сами свиньи питались человеческим мясом».

Особая свирепость йоменри и офицеров милиции вполне объясняется тем, что эти элементы большей частью вышли из рядов самого спесивого и жестокого класса, когда-либо существовавшего в Ирландии, т. е. из среды алчных посредников и

помещиков-сквайров. Обстановка, в которой развивался этот класс, заставляла его рассматривать крестьянство в лучшем случае как дешевую двуногую разновидность выючного животного, а в худшем — как вредных насекомых, которых необходимо истребить всех до одного. Артур Юнг, объезжавший Ирландию накануне «революции Граттана», пишет о том, какое отвращение и омерзение вызывали у него сквайры и какой рабской угодливости они требовали от своих держателей и рабочих. Эдуард Уэкфилд, внимательно изучавший ирландскую жизнь после унии, во всех отношениях согласен с мнением Юнга.

Но и помимо этих свидетельств, мы вынуждены были бы прийти к тому же выводу на основании «автопортретов», оставленных нам самими представителями этого класса. Мы говорим о двух песнях, дошедших до нас благодаря веселой ирландской мелодии, на которую они были переложены, — «Маллоуские повесы» и «Гарриуэн». Достаточно привести несколько строк из каждой:

Волочиться, пить и танцевать,
Окна бить, кутить и проклинать,
Все хватать, поменьше размышлять,
Так живут маллоуские повесы.
Арендатора, как липку, обдирать,
Быстро тратить, но не скоро создавать,
Всю бы жизнь хотел я пировать,
Как маллоуские повесы.

Маллоу, надо сказать, тогда был в Ирландии аристократическим курортом, как в Англии город Бат. Гарриуэн — это аристократический квартал города Лимерик. Его «гимн» представляет собой вариации на ту же тему:

Мы гуляем, удалые молодцы,
В Лимерике разбиваем фонари.
Мы несемся, все сметая на пути,
Как несется ураган!
Не потеха ль, — пристава избить
И шерифа в бегство обратить.
Ну, попробуйте долги с нас получить,
Коли шура вам не дорога!

Надо немного воображения, чтобы представить себе, как подобные господа будут реагировать на общее восстание своих арендаторов. Нетрудно также понять, что отряды йоменри, созданные, проверенные и предводительствуемые такими людьми, становились «распущенными и жестокими бандами разбойников, страшными для всех и каждого, за исключением настоящего врага». Ставить на одну доску их подвиги и возмездие, которое они получали за заслуги, утверждать, что и то и другое было досадным проявлением «религиозного фанатизма», значит проявлять такое гнусное лицемерие, что можно лишь застыть в удивлении перед его беспредельным цинизмом.

Но почему север, некогда бывший цитаделью движения «Объединенных ирландцев», отпал от него? Отчасти это, конечно, объясняется карательной экспедицией, проведенной в Ольстере; но нельзя забывать и другие исторические причины.

Север пришел в движение прежде всего под влиянием энтузиазма, вызванного французской революцией. Пока эта революция была на подъеме, шествуя от победы к победе, энтузиазм революционно-демократических и гуманно настроенных слоев населения в Белфасте и Северной Ирландии не знал границ. Когда же революция прошла свою кульминационную точку и вступила в стадию растущего консерватизма и упадка, революционный энтузиазм в Ольстере стал также спадать.

В 1792 г. молодая французская республика вынуждена была отчаянно бороться в одиночестве против коалиции враждебных ей аристократических государств. Зато в 1798 г. и еще в большей степени в 1803 г. изолирована была Англия; между тем Франция во главе европейской коалиции быстро вырастала в империалистического соперника Британии.

Если бы Тон и «Объединенные ирландцы» могли заглянуть в будущее, они поняли бы, что возможность революционной войны за всеобщее освобождение исчезла с того момента, когда был свергнут Робеспьер (июль 1794 г.), т. е. когда он был казнен вместе со всеми членами совета Парижской Коммуны. Пока Карно оставался военным комиссаром, а якобинские генералы, например Гош, попрежнему стояли во главе армии, якобинский импульс не выдыхался окончательно. Но когда Гош умер от туберкулеза (1797) и в том же году удалился в изгнание Карно, надежда Ирландии на ее освобождение революционной французской армией должна была быстро развеяться.

Более пронзительные и чувствительные к изменениям политической атмосферы ольстерские «якобинцы» инстинктивно уловили происшедшую перемену. Когда во Франции революционный подъем стал ослабевать, а революция все более явно вступать в свою консервативную стадию, ольстерские «якобинцы» почувствовали, как охладевает их желание рисковать своей жизнью во имя дела мировой революции. Вдобавок ко всему изменилось и их собственное положение. Многие коммерсанты и мануфактуристы в Антриме и Дауне участвовали в новых предприятиях, созданных в результате промышленного переворота, и сами разбогатели. Когда пришел час испытания, это богатство определило их выбор между сохранением существующего строя и опасностью, которой грозил им общий переворот.

Вот почему случилось так, что в конечном счете в 1798 г. восстал, как выразился Патрик Пирс, «лишь наш великий, верный и замечательный простой народ».

ОТ О'КОННЕЛА ДО «МОЛОДОЙ ИРЛАНДИИ»

Глава XII

ПОСЛЕ УНИИ

Утверждению, будто в результате унии Англия и Ирландия слились в единую страну, противоречит тот факт, что в период между 1820 и 1850 гг. Ирландия была ареной двух крупных конституционных движений, из которых одно представляло собой аграрную «войну», а второе — попытку восстания; Англия же этих движений не знала.

В настоящей главе мы исследуем экономические причины, обусловившие эти движения.

Место Ирландии в экономике Англии

В 1801—1850 гг. промышленная революция в Англии достигла своей наивысшей точки, и это дало Англии возможность добиться гегемонии на мировом рынке. Но ирландским промышленникам приобщиться к этим успехам мешали многие обстоятельства: 1) утрата парламентских полномочий, с помощью которых ирландский парламент мог бы защищать внутренний рынок Ирландии; 2) отсутствие запасов угля и железа; 3) недостаток капиталов: все доходы, выкачиваемые из Ирландии лендлордами, уходили на их потребительские расходы и капиталовложения в Англии. Таким образом, ирландские мануфактуристы, за немногими исключениями, все больше и больше отставали от английских, между тем как Англия становилась все более и более важным рынком для ирландских сельскохозяйственных продуктов.

То, что в XVII и XVIII вв. могло быть достигнуто лишь с помощью ограничений торговли и Навигационных актов, в век пара сделала без помощи других мер одна лишь экономическая конкуренция.

Ирландия неумолимо оттеснялась на задний план; ей была отведена роль аграрного придатка Англии, которая подавила ее своим экономическим превосходством. Ирландия снабжала английское хозяйство дешевым продовольствием, сырьем и деше-

вой рабочей силой, а также капиталовложениями, которые выколачивались из ирландского народа в форме ренты и десятины.

Лендлордизм в Ирландии

Описанные выше обстоятельства вызвали постепенный рост общей численности населения, осевшего на земле, что нашло отражение в увеличении процента сельскохозяйственного населения. Но этот рост не повлек за собой улучшения методов или условий ведения сельского хозяйства. Во всех случаях бедность народа и равнодушие его эксплуататоров всегда служили непреодолимой преградой на пути к прогрессу.

Эдуард Уэкфилд, внимательный наблюдатель, отмечает один факт, как повсеместно распространенный в период непосредственно после унии. Ирландский лендлорд не участвовал в производстве и предпочитал не вкладывать своего капитала в мелиорацию, постройку зданий и коттеджей и обработку целины; поэтому он не был связан тесными экономическими интересами с землепашцем. Он просто был получателем арендной платы. Если благодаря труду, вложенному землепашцем, земля начинала давать больший урожай, лендлорд беспощадно повышал арендную плату до тех пор, пока весь прирост не попадал в лапы землевладельца. Ирландских лендлордов, говорит Уэкфилд, следует сравнивать не столько с английскими «сквайрами», сколько с феодальными лордами, владевшими землей, на которой стоит Лондон.

Отсутствие всякого другого выхода кроме эмиграции явилось причиной усиленного спроса на землю, главным образом на мелкие участки; а это, в особенности на первых порах, открывало простор для операций посредников. Если лендлорд владел хорошей землей, конкуренция приводила к чрезмерному дроблению участков или же к замене землепашества пастбищным хозяйством. Если у него была плохая земля, лендлорд избавлял себя от хлопот, предоставляя ее в общее пользование целым деревням. В этих селениях уцелели пережитки клановой системы в форме ежегодного передела, по жеребьевке, полос общей земли. Эта коллективная аренда обычно была признаком того, что лендлорд — человек добродушный и считает естественным возобновлять договор на прежних условиях.

Таким образом, независимо от «мягкого» или «сурового» нрава помещика, благоприятных условий для улучшения сельскохозяйственной техники не существовало. «Хороший» лендлорд — это означало лишь, что помещик не пользуется до конца своей возможностью разорять арендаторов начисто.

В этот период продолжала существовать оплата труда в форме предоставления клочка земли под картофельный огород или кусок пастбища. Уэкфилд отмечает, что за труд платили от

четыре до восьми пенсов в день; 220 рабочих дней в году очень часто оплачивались предоставлением в пользование коттеджа, клочка земли под огород и луга для коровы.

Один наблюдатель, описывающий свои впечатления, относящиеся к 1825 г., указывает на примеры, когда арендная плата превышала весь доход от земли. Фермеру приходилось добывать недостающую сумму, работая в кустарной промышленности или нанимаясь батраком на время уборки урожая в Англии или Шотландии.

«В некоторых районах Кнута фермеру приходится, засадив картофель, запереть свою хижину, отправиться в Англию и наняться на работу; а в это время его жена и дети, быть может, просят милостыню на дорогах; и когда он возвращается домой, чтобы выкопать свой картофель, имея в кармане деньги, полученные за работу в Англии, он оказывается в состоянии заплатить за аренду сумму, которая превышает доход, полученный им с земли»¹.

Несмотря на общую бедность, плата за квартиру в городах часто взвинчивалась, вследствие монопольного положения землевладельцев. «В некоторых отдаленных углах Ирландии, — говорит Уэкфилд, — дома дороже, чем в лучших районах Лондона... Весь город Белфаст принадлежит одному владельцу, который имеет возможность взимать такую плату, какую ему вздумается».

Нищета в Ирландии, ее распространение

Некоторое представление о численности различных категорий населения могут дать нам отчеты о поступлениях налога на очаги. Судя по цифрам за 1791 г., в Ирландии было 701 102 дома. Из них 112 556 были свободны от налога в два шиллинга, как «населенные неимущими». Домов с одним очагом было 483 990. Сложите эти две цифры, и вы убедитесь, что 85 % всех домов были населены беднейшими классами.

Эта категория населения увеличилась после того, как был издан Акт об облегчении положения католиков (1793); по этому акту право голоса давали «фригольды», приносявшие ежегодно 40 шилл. дохода и более. Лендлорды, агенты и посредники без конца увеличивали число этих держаний, чтобы поднять свой политический вес (т. е. сумму взяток за голоса избирателей, которыми они могли располагать). Предполагалось, что голоса арендаторов будут «частью их арендной платы».

Крайнее дробление земли и нищета арендаторов приводили к непрерывному ухудшению почвы, а это еще больше усиливало нищету. Арендатор либо не имел вовсе возможности удобрять

¹ Lewis, H. of L. Select Committee (1825).

почву, либо боялся делать это из опасения, что будет повышена его арендная плата. К концу срока аренды все улучшения, произведенные арендатором (изгороди, водостоки, службы, даже дымоходы), обычно уничтожались, так как в противном случае их стоимость включалась в «штраф», взимаемый при возобновлении аренды. Оставить их нетронутыми — значило подстрекнуть жадных конкурентов к тому, чтобы «забить» держателя предложением разорительно высоких цен в случае продажи права аренды на его участок с публичного торга.

В Ольстере держателю, в силу принятого там своего обычая, предоставлялось право собственности в отношении всех улучшений, произведенных им на арендованной земле. Отсутствие такого обычая в других районах Ирландии оказало ужасное влияние на положение земледельцев. В 1791 г. большое количество фермеров, живших в домах с одним очагом, снимало 40 акров земли и больше. Для них было в подлинном смысле этого слова опасно позволить себе роскошь улучшить свое жилище. По переписи 1841 г., около 500 тыс. семейств все еще жило в землянках.

Отметим еще один факт, которому трудно было бы поверить, если бы он не был подтвержден надежным свидетелем:

«Я часто видел, как в том случае, если посредник почему-либо не внес арендную плату главному лендлорду держателя, скот держателя загоняли в загон и продавали, несмотря на то, что сам держатель уплатил свои арендные взносы посреднику. Многочисленные примеры такой продажи имущества за «недоимки», знакомые всякому, кто прожил некоторое время в Ирландии, производят поистине ужасающее впечатление, и я полагаю, что в этом кроется одна из причин частых восстаний народа, который подвергался жестокостям, оскорбительным для человеческого рода и позорным для империи»¹.

Для Англии весь этот период был также полосой жестоких бедствий. Ремесленники и крестьяне-землепашцы беспощадно доводились до полного разорения. Вместе с женами и детьми они ввергались в водоворот нового «фабричного ада», и, чтобы их труд оставался дешевым, им нужны были дешевые продукты питания.

Перед ирландским промышленником или ремесленником, если только он не хотел эмигрировать, был лишь один выход — вернуться снова к земле и отдать себя во власть посредника, агента, самого лендлорда и сборщика десятины. Дешевые продукты питания, выколачиваемые в результате эксплуатации ирландского крестьянина, разоряли английского крестьянина и загоняли его на завод, где товары, получаемые в результате его

¹ Wakefield, Survey of Ireland, vol. I, p. 244.

тяжкого труда, служили причиной разорения еще большего числа ирландских ремесленников и вынуждали их переходить на землю, где они платили ренту и увеличивали запасы дешевого продовольствия; таким образом порочный круг замыкался снова и снова.

В конце 40-х годов в Ирландии разразился голод. Сороковые годы были голодными и в Англии. Разница была та, что в Англии трудящиеся эксплуатировались как класс; ирландские производители, сверх того, эксплуатировались как угнетенная нация. Вот почему в Англии протест вылился в форму рабочего движения — чартизма, а в Ирландии — в форму национального движения за отмену унии и даже за создание ирландской республики.

Глава XIII

О'КОННЕЛ И ЭМАНСИПАЦИЯ КАТОЛИКОВ

Оправиться от сокрушительного поражения, которое понесли народные массы в Ирландии в 1798 г., было нелегко. Совершаемые в этом направлении попытки делались ощупью и были более ограничены по своим целям, чем прежние, исходившие из требования полной национальной независимости.

Первое движение, ознаменовавшее политический подъем, возглавил Даниэль О'Коннел (1785—1847), блестящий оратор и агитатор, пользовавшийся в современной Ирландии таким влиянием, каким обладали немногие политические деятели. Его победоносная борьба за эмансипацию католиков (1829 г.) служит темой настоящей главы.

Даниэль О'Коннел

О'Коннел родился в Керри, в небогатой, но старинной гэльской семье; сделавшись наследником своего дяди-землевладельца, он сперва готовился к деятельности священника. После якобинской революции (1792—1794) французская семинария, где он учился, закрылась; О'Коннел вернулся в Ирландию и стал изучать право. Свою широкую популярность в стране он приобрел прежде всего выдающимися успехами в качестве адвоката.

Человек крупного телосложения, полный бившей через край кипучей жизненной силы, он во многих отношениях проявлял чисто гэльские качества; ходили бесчисленные рассказы о его уме, о ловкости, с которой он вел перекрестные допросы, о его атлетической силе, любовных похождениях, красноречии и прежде всего о его замечательном голосе, который мог достигать предельного напряжения, не теряя красоты тембра.

О'Коннел особенно выдвинулся во время дебатов, происходивших в Католическом комитете, где он в конце концов стал играть руководящую роль, вытеснив старого Джона Кеога. В 1823 г., когда Католический комитет был распущен, О'Коннел сделал новый ход: он основал Католическую ассоциацию.

Главной его идеей было взимание добровольной «ренты» с каждого католика. Эта «рента» собиралась у входа в церковь через посредство католических священников, которые были объявлены членами Комитета католической ассоциации *ex officio*. Минимальный взнос составлял 1 шилл. в год, или, как любил говорить О'Коннел, «один пенс в месяц, один фартинг в неделю и четыре недели в год — даром»¹. Этим путем О'Коннел 1) обеспечил финансы ассоциации; 2) заручился поддержкой священников; 3) успокоил сомнения иерархии и 4) обеспечил себе руководящую роль, так как этот план стал осуществим лишь благодаря его личной популярности.

Оранжезм, тори и виги

О'Коннел очень обдуманно выбрал время для учреждения своей «ассоциации».

Социальные сдвиги и неустойчивость, созданные промышленным переворотом в Англии и влиянием французской революции, раскаты которой все еще отдавались на континенте и в Америке, говорили о том, что аристократическая олигархия, правившая в Англии с 1688 г., вынуждена будет согласиться на некоторые реформы или вовсе уйти со сцены.

Нарастающий конфликт между интересами тех торгово-промышленных слоев, которые косвенным образом были представлены в палате общин, и интересами землевладения, достаточно широко представленными в палате общин и безраздельно царившими в палате лордов, вел к постоянным ссорам между палатами.

У власти стоял блок умеренных вигов и прогрессивных тори, но он не был устойчивым; его политика характеризовалась постоянными колебаниями и лавированием между сторонниками реформ и радикалами слева и реакционными тори справа.

Для такого правительства существование ассоциации, популярной среди ирландских народных масс и руководимой ответственными и вместе с тем умеренными людьми, было желанным вдвойне: Ассоциация была стабилизирующей силой, которая могла направить недовольство в безопасное русло и тем самым предотвратить взрыв; она была противовесом реакционному оранжистскому ордену, с которым у правительства было немало хлопот.

¹ Пенс = $\frac{1}{12}$ шиллинга; фартинг = $\frac{1}{4}$ пенса. — *Прим. ред.*

Орден оранжистов, деятельность которого распространилась на армию и флот через офицеров — ирландцев и англичан, служивших в Ирландии в 1798 г., и во главе которого официально стоял герцог Кемберлендский (брат Георга IV и Вильгельма IV), слился с крайним антиякобинским крылом тори и превратился в заговорщицкую организацию, которая почти открыто шла к своей цели. Оранжисты стремились совершить контрреволюционный переворот, расправиться с «якобинской демократией» и силой подавить недовольство, бурлившее среди низов, или то брожение, которое всячески поощряли владельцы фабрик шумихой, поднятой вокруг парламентской реформы.

Позднее орден оранжистов задумал также отстранить принцессу Викторию, законную наследницу престола, от престолонаследия на том основании, что молодая девушка, явно находившаяся под влиянием вигов, будет неспособна справиться с растущей волной радикализма. Эта попытка была предотвращена; и после того как герцог Кемберлендский наследовал ганноверский трон¹, руководители заговора покинули страну. Но необходимо подчеркнуть, что в период от 1820 до 1837 г. правительство Англии чаще оказывалось под угрозой контрреволюционного заговора справа, чем вооруженного восстания слева.

Симптомом этой опасности было, например, происшествие, разыгравшееся после того, как вице-король Ирландии, лорд Уэллслей, виг, желая задобрить католиков, запретил обычный парад на Колледж-Грин и украшение статуи Вильгельма III (4 ноября 1822 г.). На вице-короля было произведено нападение в театре: по его адресу выкрикивались угрозы и оскорбления, а с галлерей ему в голову бросали пивные бутылки. Присяжные, состоявшие из оранжистов, отказались признать виновными лиц, которые, как всем было известно, принимали участие в этом скандале. Хотя вся ирландская публика безоговорочно осудила это нападение, английская палата лордов увидела в этом предлог, чтобы отвергнуть законопроект о предоставлении прав католикам, прошедший через палату общин большинством одного голоса.

Именно в этот момент О'Коннел создал Католическую ассоциацию, которая сразу завоевала популярность и на первых порах — искреннее одобрение со стороны вигов.

Ассоциация организовала во многих пунктах читальни и пользовавшиеся громадной популярностью клубы для дискуссий. По предложению О'Коннела ассоциация создала, при добровольном содействии сочувствующих адвокатов и должностных лиц,

¹ В силу «салического закона», действовавшего в Ганновере, Виктория, наследовавшая своему дяде Вильгельму IV на английском троне, не могла наследовать ему в Ганновере. Таким образом, ближайшим наследником в Ганновере был герцог Кемберлендский.

орган для улаживания споров между соседями, а также между лендлордами и арендаторами. Это до некоторой степени предупредило повторение «насилий», применявшихся тайными обществами вроде «Белых ребят», к которым О'Коннел относился с глубоким отвращением.

Но успех, которым пользовался О'Коннел, обернулся против него же. В английском парламенте всполошившиеся реакционеры, подстрекаемые интриганами-оранжистами, вопрошали, что станет с собственностью и с конституцией, если низшие сословия в Англии последуют примеру О'Коннела и создадут подобную ассоциацию, которая будет служить их «разбойничьим» классовым целям.

Под нажимом этих элементов правительство внесло законопроект о роспуске Католической ассоциации и Брунсовикского клуба, легального учреждения, созданного обществом оранжистов в качестве заслона для своих тайных организаций. Законопроект прошел, но не дал на практике никаких результатов. Должностные лица — тори — не желали предпринимать никаких мер против Брунсовикского клуба; О'Коннел, со своей стороны, лишь изменил название своей ассоциации. В ближайшие два года забавная игра в прятки между О'Коннелом и генеральным прокурором Ирландии внесла приятное разнообразие в жизнь ирландского общества. О'Коннел изобретал новые названия и уставы для своей ассоциации, а генеральный прокурор придумывал юридические «зацепки» для уничтожения — в который раз — того, что он уже неоднократно «уничтожал» в теории прежде.

Восстание «сорокашиллинговых» фригольдеров

Во время парламентских выборов 1826 г. случилось событие, коренным образом изменившее всю обстановку.

Семейство Бересфордов, монополизировавшее в течение семидесяти лет парламентское представительство в графстве Уотерфорд, вдруг с изумлением убедилось, что против него выступает от имени вигов другой землевладелец того же графства, Виллье-Стюарт. И, что было еще хуже, — Виллье-Стюарт назначил своим представителем в избирательной кампании Даниэля О'Коннела. Вскоре в графство хлынула целая толпа агентов Католической ассоциации. Но и это само по себе еще не вызвало серьезной тревоги у Бересфордов. Они пользовались поддержкой других землевладельцев графства, им удалось «создать» немало новых голосов из числа «сорокашиллинговых» фригольдеров¹, и они потратили значительную сумму денег на прямой и косвенный подкуп избирателей.

¹ Сорокашиллинговые фригольдеры фактически были арендаторами пожизненно, или, вернее, на срок жизни трех человек, поименованных в договоре.

При выставлении кандидатур предложено было (по тайному соглашению) выдвинуть в парламент самого О'Коннела. Он говорил два часа и, отказавшись баллотироваться, уделил в своей речи главное место истории семьи Бересфордов до и после 1798 г. Во время самого голосования фригольдеры — прежде столь покорные — к ужасу Бересфордов и к приятному удивлению католической Ирландии, почти все до единого взбунтовались. После первого же дня выборов исход их стал ясен: на пятый день Бересфорды сами отказались от борьбы.

Совершеннейший порядок и дисциплина, выказанные крестьянством, изумляли наблюдателей. Крестьяне отправлялись на предвыборное собрание военным строем, неся знамя своей баронии, и возвращались в том же порядке. Обет не прикасаться к спиртным напиткам, пока не кончатся выборы, добросовестно соблюдался всеми. Подобные же «бунты» избирателей, хотя и в меньшем масштабе, происходили на выборах в графствах Уэстмит, Монахан, Арма и Лаут.

В отместку лендлорды накладывали арест на имущество или выселяли всякого фригольдера, за которым числились недоимки — а таковых было не менее 90% всего состава фригольдеров-избирателей.

О'Коннел ответил на это провозглашением кампании за эмансипацию католиков.

Клэрские выборы и эмансипация

Благоприятный момент для О'Коннела наступил с приходом к власти нового министерства, в 1829 г. Он организовал во всех католических приходах собрания, на которых принимались петиции с требованием эмансипации католиков, причем все эти собрания были проведены по всей стране в один и тот же день и час. На собраниях присутствовало не менее полутора миллиона человек, голосовавших за петицию. Судя по некоторым признакам, обе палаты парламента намерены были уступить.

В графстве Клэрском предстояли дополнительные выборы. Правительственным кандидатом был человек, лично пользовавшийся хорошей репутацией, но правительство не брало на себя обязательства провести эмансипацию. Решено было выставить против него другого кандидата, и этим кандидатом был назначен сам О'Коннел.

Спор стал особенно жарким, благодаря двум агентам О'Коннела, знаменитым дуэлянтам, которые предлагали «дать удовлетворение» любому джентльмену, недовольному тем, что его арендаторы собирают голоса в пользу неугодного ему кандидата. Желавших не оказалось. Выборы были точным повторением уотерфордских. На шестой день противник О'Коннела снял свою кандидатуру, и О'Коннел был объявлен избранным.

Католическая Ирландия была вне себя от радости; даже английские солдаты, посланные для поддержания порядка в Эннисе, присоединились ко всеобщему ликованию.

Оранжевская клика угрожала «вышвырнуть короля в Бойн», если сопротивление католическим требованиям ослабнет. Но правительство решило, что дальнейшее сопротивление лишь вызовет серьезные осложнения.

Таким образом, в 1829 г. правительство внесло и провело три акта:

1) Акт о допущении католиков в парламент на высшие государственные должности и на судебные посты.

2) Акт, лишивший избирательного права сорокашиллинговых фригольдеров.

3) Акт о роспуске Католической ассоциации — на этот раз окончательно.

Католиками было внесено предложение собрать для О'Коннела такую же сумму, какая была предоставлена в свое время Генри Граттану. Но, обсудив вопрос, католики решили вместо этого выдавать ему денежную сумму ежегодно, причем средства предполагалось собирать у церковного входа в одно определенное воскресенье. До голодного года средства эти действительно собирались каждый год.

Глава XIV

ВОЙНА ПРОТИВ ДЕСЯТИНЫ

Казалось, можно было ожидать, что, поскольку О'Коннел заседает в Вестминстере, борясь за билль о реформе (1832), в Ирландии будет царить спокойствие.

На самом же деле в Ирландии вспыхнули сильные волнения в связи со сбором десятины. В настоящей главе мы расскажем историю войны против десятины.

Система сбора десятины в Ирландии

В те времена, когда в Англии существовала лишь одна церковь и священник был государственным чиновником, услугами которого пользовались все, необходимость отдавать ему каждый десятый сноп и т. д. не вызывала особого недовольства у крестьян. Между тем в Ирландии десятина предназначалась церкви, услугами которой девять десятых сельского населения не пользовались¹. Более того, десятина взималась через мирян-откупщиков или другим подобным же способом и в силу

¹ Один приход в Арма, где жили всего лишь 4 протестанта, в 1832 г. дал приходскому священнику 216 ф. ст.

злоупотреблений нередко случалось, что она скорее поглощала четверть урожая и скота, чем одну десятую. Были известны случаи, когда десятина фактически превышала арендную плату.

Теоретически существовала возможность апеллировать к судам. В Ольстере, где половина земледельцев были протестанты и диссентеры, владельцы урожая могли рассчитывать на сочувственное отношение со стороны суда. Церковь жаловалась, что в Ольстере суды, разбиравшие дела о налогах, были в заговоре против церкви и грабили ее. В остальной же Ирландии сложилась поговорка, что обжаловать в суде злоупотребления по сбору десятины значит «обращаться с жалобой на дьявола в ад».

Некоторые явления особенно возмущали и раздражали крестьянство. Лендлорды добились освобождения всех пастбищных хозяйств от десятинного сбора. Крестьяне были так бедны, что им было трудно поддерживать даже собственное католическое духовенство. То, что им всецело приходилось нести на себе содержание протестантского духовенства, воспринималось католическим крестьянством как невыносимое притеснение.

Помимо этого, католики обязаны были делать взносы на содержание церковных зданий; и в довершение всего сборщик десятины требовал для себя вознаграждения за свой труд.

Война против десятины. Первая стадия

Эмансипация на практике не внесла ничего нового в жизнь массы землепашцев; но тот факт, что эмансипация была завоевана, пробудил в крестьянстве новые силы и готовность к массовому сопротивлению. Это обнаружилось в марте 1831 г., когда помощник священника в приходе Грайг, в графстве Карлоу, где было лишь семьдесят прихожан-протестантов и свыше пяти тысяч католиков, нарушил обычное право и потребовал десятину у католического священника.

Это вызвало бы недовольство при любых обстоятельствах, но в данном случае личность представителя духовной власти соединяла в себе все черты, делавшие его особенно ненавистным. Это был молодой, чванный и неуживчивый англичанин. Он не знал ни Ирландии, ни ее народа, и не интересовался ими. Как рьяный евангелист, он злобно относился к католикам и горой стоял за «новую реформацию»; он уже и прежде вызывал волнения в приходе своими попытками «обращать» население. В довершение всего он упорно выполнял сам функции сборщика десятины; желая показать, что с ним шутки плохи, он конфисковал у католического священника лошадь.

Католики прихода тотчас же ответили на это тем, что все как один отказались выплачивать десятину.

Тогда помощник священника, приведенный на этот раз в замешательство, обратился к представителю местной власти¹, который в свою очередь обратился к приходскому священнику. Последний ответил, что «контроль вовсе ускользнул из его рук». И это была правда. «Белые ребята» еще раз возобновили свою деятельность и призвали к борьбе до победного конца: «Взоры всей Ирландии обращены на Грайг».

Призванный восстановить повиновение закону представитель власти явился в сопровождении шестисот солдат и полиции. В течение нескольких месяцев он всячески изощрялся, стараясь сломить упорство крестьян, и охотился за скотом по всей округе, но в конце концов признал свое бессилие: ему удалось собрать менее одной трети причитавшейся с населения подати.

Борьба против десятины охватывала одно графство за другим. Столкновения между полицией и народом перерастали в серьезные схватки. Одна такая схватка произошла в Ньютаунберри (расположенном между Уэксфордом и Карлоу) в июне 1831 г. Скот, отбитый крестьянами, снова был захвачен полицией. Дружинники-йоменри открыли огонь; крестьяне, вооруженные только вилами, несколько раз шли в атаку на йоменри, несмотря на то, что дружинники непрерывно палили из ружей и действовали штыками. Наконец крестьяне рассеялись, потеряв двенадцать человек убитыми и много раненых, из числа которых тоже двенадцать умерло. Такие же столкновения, кончившиеся кровопролитием, произошли в Тарле, Каслполларде и в городе Килкенни.

Самый серьезный конфликт произошел в Каррикшоке, в графстве Килкенни. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что крестьяне согласились платить десятину при условии, что им предоставят скидку, ибо прежний священник требовал только 350 ф. ст., а новый — 1700 ф. ст. Получив отказ, крестьяне организовались под руководством «подпольного учителя», старого члена организации «Объединенных ирландцев». Попытки массового вручения повесток в суд привели к столкновению между крестьянами и полицией. Застигнутый на узкой тропе между высокими каменными стенами, отряд полиции, атакованный с фронта и тыла, подвергся почти полному истреблению. Одиннадцать человек было убито и семнадцать ранено. Крестьяне также понесли тяжелые потери.

После этого было заключено перемирие, о котором О'Коннел просил уже после столкновения в Ньютаунберри, но получил отказ.

¹ Так называемому «resident magistrate» — должностному лицу, назначаемому правительством для того, чтобы хоть до некоторой степени удерживать в рамках закона мирowych судей, обычно мелкопоместных помещиков.

Война против десятины. Вторая стадия

Духовенство, как правило, перестало взимать десятину. В ожидании нового закона оно получило от правительства заем в 60 тыс. ф. ст.; в июне и в августе 1832 г. были проведены законы, замснившие десятину твердым денежным налогом, выплачиваемым ежегодно. Однако и доимки предписывалось уплатить сполна. Между тем, перемирие было нарушено.

В апреле 1832 г. в приходе Дун (графство Лимерик) можно было наблюдать необычное зрелище. Одна корова, конфискованная у католического священника, была отведена на аукцион в сопровождении: 1) сильного отряда полиции, 2) отряда улан, 3) пяти рот «гордоновцев»-шотландцев и 4) двух артиллерийских орудий. Среди оглушительного шума корова была продана за 12 ф. ст. брату священника — констэблю, действовавшему по приказу свыше. Затем войска удалились. Но едва солдаты исчезли из виду, как толпа напала на полицейских и угнала их — некоторых за город, других — в казармы. Уланы, вернувшиеся галопом, напали на толпу, которая встретила их градом камней. Но пока не вернулись шотландцы и не открыли огонь по крестьянам, толпа никак не рассеивалась.

Такую же продажу с аукциона под охраной войск пытались произвести в мае в Раткормаке (графство Корк), но здесь толпа была так велика и подняла такие угрожающие крики, что от продажи пришлось отказаться. На импровизированном массовом митинге крестьяне приняли две резолюции:

1) Мы требуем, чтобы ни один аукционист не производил продажи коров, конфискованных за неплатеж десятины.

2) Мы требуем, чтобы никто не покупал коров, конфискованных за невзнос десятины.

3) Постановлено, что граждане не должны иметь никаких сношений или дел с лицом, участвующим в продаже коров, — будь то аукционист или покупатель.

Это было начало общенационального движения за бойкот по отношению ко всем тем, кто платил десятину или содействовал продаже конфискованного скота. Повсюду происходили митинги против десятины; комитет, руководивший движением, заседал в Дублине, а когда парламент санкционировал насильственный сбор недоимок, сопротивление стало всеобщим.

Богатые землевладельцы — и протестанты и католики — были вовлечены в борьбу тем, что их батраки или домашние слуги отказывались работать для лиц, не присоединившихся к протесту против десятины. Наивысшей точкой движения был гигантский митинг, собравшийся вблизи «поля битвы» в Каррикшоке. Сто тысяч фермеров и коттеров отправились на митинг — из них пять тысяч верхом, — все шли военным строем, неся вперед знамена своих бароний; все быстро и точно выполняли приказы избранных ими предводителей. Председательствовал судья-про-

тестант, и резолюции с требованием отмены десятины были приняты единогласно. Собрание разошлось, как и собралось, в полном порядке.

За председательствование на этом митинге судья был уволен с должности, и Дублинский замок предписал судьям «не допускать никаких собраний, которые могли бы повести к нарушению мира».

Это было равносильно запрещению собраний вообще, и Замок, готовясь к борьбе, срочно затребовал войска из Англии.

Но крестьянство нанесло поражение Замку, вовсе отказавшись от собраний. Да в них и не было надобности. Достаточно было и «подпольной организации». Крестьяне были сплочены в своей борьбе против десятины.

Война против десятины. Третья стадия

Война возобновилась в сентябре 1832 г., когда правительственные агенты, под охраной полиции и солдат, явились оценивать фермы, как того требовал закон о десятине.

В Уоллскорте, в графстве Типперэри (приход, насчитывавший более трех тысяч жителей, из которых только один был протестантом), оценщики, совершавшие обход во главе с приходским священником, под охраной полиции и отряда шотландцев, были остановлены на ферме, арендатор которой заявил, что вторжение полиции и войск нанесет ущерб его посевам. Фермера поддержала собравшаяся большая толпа крестьян.

Полиция открыла огонь; крестьяне ринулись на нее, рассеяли полицию и были остановлены лишь шотландцами, образовавшими карре. Началась битва; четыре крестьянина были убиты и многие ранены. Оценку фермы все-таки произвели, и реакционная печать ликовала.

Дублинский замок, вопреки протестам О'Коннела, утверждавшего, что вторжение противоречило закону, заявил, что у него заготовлено двенадцать тысяч приказов о наложении ареста на имущество за недоимки по десятине (которая теперь вносилась в казну), что он намерен взыскать все до последнего пенса, а если понадобится, то получить деньги на острие штыка.

В октябре 1832 г. полиция, которой было поручено доставлять повестки о недоимках по десятине, столкнулась с крестьянами в графстве Корк. По словам полицейского офицера, молодая девушка Катерина Фолей предводительствовала толпой, ринувшейся на полицию. Крестьяне же утверждали, что полиция стреляла без предупреждения, а затем бросилась на них со штыками наперевес. Появление солдат прекратило борьбу; у крестьян было двенадцать человек убитых (включая и названную выше молодую девушку), а также значительное число раненых. Следствие, а затем присяжные, среди которых были видные

граждане, признали полицейского офицера виновным в преднамеренном убийстве. Его арестовали, но вскорепустили без суда. Протестантский священник вынужден был навсегда оставить приход.

Это происшествие подняло на ноги всю округу. Тайные общества возобновили свою деятельность; в деревнях снова начались беспорядки. Стреляли в лендлордов, агентов и сборщиков десятины; многих убили. Снова предпринимались налеты на дома джентри с целью заставить оружием. Полицейские отряды подвергались нападению среди бела дня. Выборы 1832 г. происходили в обстановке смуты. От Ирландии было выбрано восемьдесят два депутата, и все они обязались бороться за отмену десятины; из них сорок пять человек обязались также добиваться отмены унии. Правительство ответило объявлением осадного положения.

В мае 1833 г. отряд солдат вступил в селение Килмерсей, в графстве Уотерфорд; солдаты врывались в дома, хватали скот и задерживали фермеров, как должников казне. В июне между крестьянами и полицией произошла схватка в Кариктугиле, в графстве Кори; она прекратилась лишь тогда, когда один из солдат был случайно застрелен полицией. В июне же семьдесят солдат и полиция были обращены в бегство «громадной» толпой крестьян в Маллинагоне, в графстве Типперэри. Через несколько дней «Газетт» сообщила, что сбор недоимок по десятине будет прекращен.

Между тем, оценка имущества продолжалась. В августе 1833 г. группа оценщиков отбила атаку возле Типперэри. В сентябре в Томастауне (Типперэри) на оценщиков было произведено нападение, и все их рулетки, инструменты и пр. были уничтожены. Тем временем во многих местах стреляли в помещиков, увечили их скот, пороли сборщиков десятины. Повсюду применялись «исключительные меры». В феврале 1834 г. полиции не дали доставить повестки в Палласкенри (графство Лимерик). В апреле 1834 г. крестьяне в столкновении с властями в Ньюкасл-Уэст были разбиты: у них оказалось трое убитых и двенадцать раненых.

Последний раз кровопролитие произошло в Раткормаке (графство Корк) в мае 1834 г. Взыскать недоимку в 40 шилл. с одной вдовы удалось лишь после того, как двенадцать крестьян было убито, семеро смертельно ранено и тридцать пять отделались менее серьезными ранениями. Немало раненых оказалось и среди солдат.

Бойня в Раткормаке вызвала такую бурю, что тории вынуждены были, по крайней мере в принципе, прекратить сопротивление принятию закона о замене десятины. Но на практике они всячески затягивали обсуждение отдельных статей, и закон был принят лишь в 1837 г.

Этот закон уменьшил сумму десятинного сбора, установленную на основании тогдашних оценок, на 25% и превратил остальные 75% в налог на аренду, выплачиваемый непосредственно помещиком, но засчитываемый арендатору при установлении арендной платы.

По первому впечатлению можно было бы подумать, что крестьяне выиграли немного, на самом же деле успех был значителен. Испуганные солидарностью, которую выказало крестьянство, лендлорды во многих случаях не пытались засчитывать крестьянам десятину; другие же взымали только часть ее. Насильственному взыманию был положен конец, в частности притеснениям сборщиков, несвоевременно требовавших наличные деньги с людей, у которых они имелись в том или ином количестве лишь в определенное время года. Сборщик фактически играл на руку своему пособнику — ростовщику, ссужавшему крестьян мелкими суммами; мы знаем, что ростовщичество было проклятием деревни.

Таким образом, акт, при всех его недостатках, означал подлинную победу крестьянства и крестьянской солидарности.

Томас Друммонд

Глава о войне против десятины была бы неполной, если бы мы не упомянули о человеке, который фактически довел эту войну до конца. Им был Томас Друммонд, главный секретарь при вице-короле в 1835—1839 гг. Он положил конец войне тем, что отказался прибегать к помощи войск или полиции при сборе недоимок по десятине, за исключением тех случаев, когда действительно имело место «нарушение общественного спокойствия».

Чтобы перехитрить его, лендлорды, руководимые пэроранжистом, возобновили средневековую процедуру выдачи так называемых «судебных свидетельств на задержание мятежников»; лицо, поименованное в таком документе, имело право требовать у властей предоставления ему вооруженной силы для «задержания мятежника». Друммонд дал приказ всем судьям отказывать в подобных требованиях. Когда лорды обратились в суд, последний признал распоряжение Друммонда правильным. Оранжевский орден требовал от обеих палат увольнения Друммонда; но премьер-министр Мельбурн поддержал его, и реакционеры потерпели поражение.

Друммонд повел контратаку: он дал строгие инструкции полицейским властям положить конец всем стычкам между оранжистами и католиками. Когда один чиновник, занимавший высокое положение в оранжевском ордене, председательствовал на банкете в годовщину «Бубновой битвы», Друммонд уволил его, дав строгий публичный выговор.

Этот курс он проводил последовательно, увольняя любого чиновника полиции, — будь то пристав или околоточный, — если он был изобличен в принадлежности к ордену оранжистов. Когда в апреле 1838 г. магистраты графства Типперэри просили вице-короля, чтобы он предоставил им «самый многочисленный отряд, какой только позволяет закон», для подавления преступлений со стороны крестьянства, Друммонд ответил, что число выселений в Типперэри в 1837 г. удвоилось по сравнению с 1833 г. Он выразил предположение, что лендлорды сами виноваты в своих невзгодах.

«Собственность налагает обязанности, точно так же, как и права. Именно пренебрежению этими обязанностями в прошлом следует, главным образом, приписать дурное состояние, в котором находится наше общество; оно и является причиной всех преступлений».

Бешенство, с которым была встречена эта горькая истина, дает некоторое представление об умонастроении помещичьего класса и его политического орудия — партии оранжистов-тори.

Ранняя смерть Друммонда (1839) была большой потерей для ирландского крестьянства. Друммонд был единственным представителем английской администрации, которого почтили, поставив ему памятник — статую в зале дублинского муниципалитета.

Глава XV

ПЕРЕХОД К АГИТАЦИИ РЕПИЛЕРОВ

О'Коннел более всего известен в Англии как вождь движения за отмену (гереал) Акта об унии. Но серьезную борьбу за отмену унии он начал лишь с 1843 г. Поняв причины, побуждавшие его уклоняться от этой борьбы в период между 1829 и 1843 гг., мы правильнее оценим подлинную роль О'Коннела как национального лидера.

Политическая позиция О'Коннела

Прежде всего надо сказать, что Даниэль О'Коннел был объектом столь чрезмерного поношения и столь чрезмерных похвал, что трудно восстановить объективно правильный образ этого человека.

Даже самые ярые хулители его не отрицают, что он искренне ратовал за эмансипацию католиков; в худшем случае они сомневаются в искренности его агитации за отмену унии, доказывая, что он лишь демагогически использовал это требование,

чтобы поддержать свою популярность и свое политическое влияние на ирландский народ. Именно таков смысл насмешливого прозвища, данного ему современниками: «Великий нищий».

Изучение политической деятельности О'Коннела свидетельствует, что она является живым опровержением этой нелепой теории. Изучение это приведет нас к двум выводам: 1) О'Коннел потратил больше времени и энергии на поддержание спокойствия в Ирландии, чем на попытки всколыхнуть ее, поднять ее боевой дух; 2) уже в период между 1829 и 1843 гг. он стремился добиться отмены унии посредством ловких политических комбинаций, попеременно опираясь то на одну, то на другую английскую партию.

Именно отмена унии, логическое следствие католической эмансипации, была той целью, которую поставил себе О'Коннел. Но он сам ограничивал эту цель стремлением сохранить после отмены унии связь с Англией и органическим сопротивлением всему, что имело хотя бы отдаленное сходство с восстанием или революцией.

О'Коннел, по существу, встает перед нами, как трагическая фигура грандиозных масштабов — человек, рожденный для роли подлинного революционного вождя и одаренный для этого всеми качествами, за исключением одного, весьма существенного — воли к революции¹. Ужас перед революцией, внушенный ему еще в молодые годы событиями во Франции в 1792—1793 гг. и в Ирландии в 1798 г., свидетелем которых он был, постоянно сковывал его, заставлял сводить на-нет результаты собственной работы, именно в тот момент, когда, казалось бы, путь к цели был открыт. Он больше чем кто-либо другой мог бы единым словом призвать всю Ирландию к оружию. Но О'Коннел был именно тем ирландцем, который никогда и ни при каких обстоятельствах не произнес бы этого слова.

В 1829 г. он застиг правителей Англии врасплох. В то время они считали его способным к революционному выступлению; и им было известно, что тогда он нашел бы в Англии большое число сильных союзников. Позже они изучили его лучше; и все же у них оставался страх, что движение, вызванное его агитацией, перехлестнет за рамки, им поставленные, и вырвется даже из-под его могущественного влияния. Его отношение к войне против десятины (а он не только отказывался руководить ею, но делал все возможное, чтобы направить ее в безопасное конституционное русло) и к чартизму (которому он покровительствовал, пока движение было слабым, и против которого он беспощадно боролся, когда оно окрепло) дает нам в руки точное мерило для оценки роли О'Коннела как национального вождя.

¹ Джексон дает здесь психологическую характеристику вместо характеристики классовой, и эта замена не может быть оправдана; Коннолли резко критикует О'Коннела как ограниченного тори-демократа. — *Прим. ред.*

Отношение О'Коннела к чартистам является особенно показательным, так как он вообще сочувственно относился ко всем пунктам «Народной хартии», а чартисты, со своей стороны, всегда стойко защищали требования Ирландии и даже выдвинули в своей второй национальной петиции (1842) требование отмены унии. О'Коннел с самого начала своего вступления в палату общин оказывал помощь сторонникам реформы в их борьбе за законопроект о реформе; фактически законопроект был пропущен в 1832 г. голосами О'Коннела и его приверженцев. Он числился тогда радикалом, и чартисты рассчитывали на его помощь. То, что он впоследствии охладил к чартизму, а в конечном счете стал бороться против него, воспринималось ими, как гнусное дезертирство.

И, однако, объяснения надо искать в другом. Отношение О'Коннела к чартистам обострилось под влиянием личной вражды между ним и чартистскими лидерами Джеймсом Бронтерром, О'Брайеном и Фергюсом О'Коннором; но и сама эта вражда выросла на почве глубокого политического антагонизма. И О'Брайен, и О'Коннор были крестьянскими революционерами, стремившимися покончить с помещичьим землевладением вообще. О'Коннел, сам помещик, склонный лишь к такому восприятию будущего, при котором хорошие помещики смогут «выполнить свой долг», инстинктивно ненавидел все то, за что боролись О'Брайен и О'Коннор. О'Брайен приветствовал каждую новую стадию войны против десятины и порицал О'Коннела за то, что он подрывал движение своим вмешательством. О'Коннор одобрял «славные дела «Белых ребят», которых О'Коннел считал «злодеями», подлежащими истреблению. О'Коннор, чрезвычайно гордившийся тем, что он был племянником одного из руководителей «Объединенных ирландцев» (Артура О'Коннора), всегда мыслил и говорил о революции именно так, как ее мыслили себе «Объединенные ирландцы». Фанатическая ненависть О'Коннела к революции вообще и к французской революции в частности распространялась с той же силой на «якобинцев» у себя дома, т. е. на «Объединенных ирландцев». Таким образом, мировоззрение О'Коннела решительно расходилось с мировоззрением всех чартистских лидеров — за исключением, может быть, одних лишь сторонников теории «моральной силы». Поэтому он употреблял все усилия, чтобы помешать чартистскому движению проникнуть в Ирландию, и принципиально старался не отвлекать беспорядками в Ирландии внимание правительства, когда последнему приходилось чего-либо опасаться со стороны чартистов.

Он с неподдельной гордостью хвастал в парламенте (в июле 1840 г.), что когда Англии угрожало чартистское восстание, то в ноябре 1839 г. в Ирландии царил полное спокойствие:

«Он — защитник Ирландии, и его назначение — бороться за ее дело. Англия была охвачена брожением и разложением — Ирландия оставалась спокойной. Внимание Англии было поглощено борьбой против бесчинствующих банд — чартистов «физической силы». Ирландия не стремилась достигнуть своих целей насилием, сопротивлением закону, разрушением собственности. В Англии мятежную толпу вели на вооруженных солдат, но солдаты знали свой долг и выполняли его. Кто были эти солдаты? Ирландцы! В Англии мятежники угрожали жизни землевладельцев... Разве ирландцы в Англии примкнули к чартистам? Разве они выказали желание связать свою судьбу с этими убийцами? Нет, за немногими ничтожными исключениями. Разве в Ирландии народ стал на сторону чартистов?.. Нет! Брожение в Ирландии улеглось... Численность ее армии уменьшилась. А почему? Потому что войска, которые нужны были для борьбы против мятежа, против смуты и против измены в Англии, не нужны были для поддержания порядка в Ирландии»¹.

Странно было бы читать эти строки — так скоро после войны против десятины, — если бы нам не было известно, что О'Коннел рисовал положение в Ирландии таким, каким он желал бы его видеть, отнюдь не заботясь о точном соответствии своих взглядов с действительностью.

Новая вспышка движения чартистов в 1842 г. застает О'Коннела на посту лорда-мэра Дублина; он находит время использовать весь свой авторитет для поддержания порядка и спокойствия в Ирландии, несмотря на то, что именно чартисты высказались за отмену унии.

Еще до истечения срока полномочий О'Коннела, как лорда-мэра, произошло событие, имевшее важные последствия. В октябре 1842 г. впервые вышел еженедельник «Нация».

«Можете ли вы охарактеризовать тон нового журнала?» — спросил один член Верховного суда другого.

«Это Уолф Тон», — последовал исчерпывающий ответ.

«Нация» и ее сотрудники

Три молодых человека, из которых самому старшему не было еще тридцати лет, — Чарлз Гевэн Даффи из Монохана, Джон Влейк Диллон из Мейо и Томас Осборн Дэвис, родившийся в Маллоу (графство Корк), явились основателями журнала «Нация». Даффи и Диллон были католиками, Дэвис — сын англи-

¹ *M. F. Cusack, Speeches and Public Letters of the Liberator, vol. II, p. 21.*

чанина, военного хирурга — был протестантом. Дэвис и Диллон посвятили себя адвокатской деятельности. Даффи был журналистом. Все они обладали литературным талантом, и все трое являлись ревностными членами Ассоциации репилеров, основанной О'Коннелом в 1841 г.

Они заявили, что журнал «Нация» ставит себе целью «способствовать созданию в Ирландии общественного мнения на почве народности»; для достижения этой цели они обещали приложить все старания, чтобы сделать журнал серьезным, но не скучным, и вдохновлять читателя, избегая всякой истерики. Все трое были лойяльны по отношению к О'Коннелу и горячо желали отмены унии, но они всегда старались разумно обосновать свои цели; поэтому они всеми силами стремились культивировать национальную гордость и национальное самосознание, что было, по их мнению, наилучшим средством воссоздания единой Ирландии. С самого начала они твердо держались той точки зрения, что ирландский народ является по существу нацией и должен требовать соответствующего обращения с собой.

Одна из особенностей журнала «Нация», создавшая ему с самого начала необычайный успех, заключалась в том, что в журнале имелся отдел поэзии, где печатались талантливые баллады, обычно на исторические темы, в которых были сильны и Дэвис и Даффи. Эти баллады стали источником вдохновения для многих молодых писателей, создававших произведения, ничуть не уступавшие тем, что печатались на страницах «Нации». Написанные с таким расчетом, чтобы их можно было петь на все известные мотивы, баллады эти вдохновляли и поднимали боевой дух народа. В передовых статьях и в печатаемой на страницах журнала прозе сотрудники «Нации» твердо держались в рамках программы, намеченной О'Коннелом, но в своей поэзии они перешагнули за эти пределы, воспевая восстания кланов, Оуэна Роэ О'Нейля, ирландскую бригаду в Фонтеное, клэрских драгун, волонтеров «82-го года», людей «98-го года» и Уолфа Тона.

Сотрудники «Нации» в основном являлись группой интеллигентов, принадлежавших к среднему классу; но немало талантливых стихотворений и содержательной прозы было написано для журнала простыми рабочими и трудящимися фермерами.

Наблюдательные люди заметили сходство между группой, собравшейся вокруг журнала «Нация» в Ирландии, и деятельностью Гейне и других в движении «Молодая Германия» тридцатых годов или Мадзини в движении «Молодая Италия». Они довольно метко окрестили группу «Нации» «Молодой Ирландией». Было удачно замечено, что если требования О'Коннела укладывались в формулу «хорошее управление или — отмена унии»,

то требования «Молодой Ирландии», сначала подразумеваемые, а затем и недвусмысленно выраженные, гласили: «Отмена унии или отделения!»

Томас Дэвис

Среди многочисленных сотрудников «Нации» наиболее прочным влиянием пользовался Дэвис. Его взгляды отличались наибольшей ясностью и решительностью, и он сам суммировал их в формуле: «Идеал Ирландии — нация, сбросившая все оковы». О'Коннел, видевший все спасение в том, чтобы убедить ту или иную английскую партию в целесообразности и уместности отмены унии, порой склонен был впадать в жалобный тон, а порой и в неистовство. Дэвис не делал ни того, ни другого. Его проповедь всегда была мужественной, всегда дышала самоуважением, а это было необходимым условием уважения со стороны других. Патрик Пирс говорил:

«Уолф Тон отличался глубоким гуманизмом; и такой же глубокий гуманизм был свойственен Дэвису. Страдания народа поражали Дэвиса, как личные страдания... Он был демократом в том истинном смысле, что любил народ, и любовь к народу была неотъемлемой чертой этого человека и его национального мировоззрения».

Дэвис выказал свой здоровый демократический инстинкт, спокойно настаивая, вопреки О'Коннелу, на необходимости изменить отношение к английским чартистам. Даффи сообщал:

«Дэвис, понимавший, что английская демократия является растущей силой, что ее интересы не противоречат нашим и что она может стать нашим союзником, рекомендовал репилерам договориться с ее представителями, не считая нужным принимать во внимание личную вражду О'Коннела там, где речь шла о национальных целях, как он не считал бы нужным в подобном случае учитывать свои личные чувства и интересы».

И, хотя совету Дэвиса последовали не скоро, именно эта направленность была причиной роста влияния «Нации», влияния, распространявшегося с быстротой степного пожара.

Непосредственный результат сказался в увеличении числа членов Ассоциации репилеров. Движение это ожило внезапно. О'Коннел, быстро подмечавший все изменения в настроениях общества, и в особенности в настроении своих приверженцев, сразу понял, что, если он не предпримет срочных мер, и притом в широком масштабе, молодые люди из «Нации» вырвут из его рук руководство движением, хотя они к этому и не стремятся.

Поэтому в начале 1843 г. О'Коннел заявил, что начинается новая агитационная кампания и что «нынешний год» будет годом отмены унии.

КРИЗИС ДВИЖЕНИЯ РЕПИЛЕРОВ

На протяжении 1843 г. О'Коннел развернул агитацию в невиданных до тех пор размерах. Развитие этой агитации и отношение к ней английского правительства, а также последствия, которые она повлекла за собой, составляют предмет изложения настоящей главы.

Массовые митинги

Своей агитацией за отмену унии О'Коннел всколыхнул всю Ирландию и приковал к ней взволнованное внимание всего мира. Метод его был прост. Местные собрания по приходам предшествовали собраниям в больших городах и графствах. Последние в свою очередь предшествовали грандиозным митингам, на которых присутствовали в громадном количестве жители районов, равных провинциям. И все это было лишь прологом к гигантскому митингу, на котором, как предполагалось, будет провозглашена воля нации.

Точно так же, как на выборах в Уотерфорде и Клэре или во время демонстраций против десятины, порядок, спокойствие и организованность митингов поражали наблюдателя не меньше, чем их необыкновенные масштабы. В процессе подготовки к этим митингам (назначение старшин и начальников, выбор маршрутов и остановок, снабжение людей в пути, а также во время дискуссий, происходивших до митинга и после него, чтение в особых читальнях отчетов печати и корреспонденции, вызванной митингами) весь народ стал организованным и обрел национальное сознание.

Ни один человек не сделал так много, чтобы вывести народ из состояния приниженности, как О'Коннел своей агитацией за отмену унии в 1843 г. Но справедливость требует прибавить, что его работа была значительно облегчена пропагандой журнала «Нация». Незачем говорить, что на всех крупных митингах выступал О'Коннел, который неутомимо контролировал, планировал и вдохновлял всю эту работу.

Установить точное число участников этих грандиозных митингов невозможно. Даффи, обычно очень точный свидетель, говорит, что на митинг в Маллоу собралось 500 тыс. человек. Он не допускает, чтобы число собравшихся в Муллагмасте и в Таре превышало эту цифру, хотя по другим показаниям, о которых упоминает и Даффи, на первом из этих митингов было не менее трех четвертей миллиона человек, а на втором якобы даже миллион. Даффи отмечает, что в Таре ни один из древних памятников не вызывал такого интереса, как «могила людей,

павших в Таре в девяносто восьмом». Он сообщает, что люди, повинувшись стихийному порыву, украшали могилу; они терпеливо ждали своей очереди, чтобы склонить колени у могильной насыпи и прочесть молитву за усопших.

Даже необычайный голос О'Коннела мог быть слышен лишь части громадной толпы. Даффи отмечает, что не было такого пункта, откуда можно было бы обозреть сразу всех собравшихся. «Народ покрыл долину повсюду, куда проникал взор».

Хотя О'Коннел во всех своих речах не забывал упомянуть о том, что репилеры никогда не захотят положиться на физическую силу для достижения своих целей, энтузиазм этой толпы, да и самая грандиозность ее, сообщали боевой задор его речам и заставляли его временами переступать за рамки своих политических воззрений. Отвечая на требование оранжистов подавить движение силой, он бросил на митинге в Маллоу свой знаменитый «Вызов»:

«Неужели нас будут топтать ногами? О, меня по крайней мере им никогда не удастся затоптать! (Крики: Нет! Нет!) Я знаю, может случиться, что они будут топтать меня; но это будет уже мертвое тело, а не живой человек!» (Громкие рукоплескания, не прекращающиеся в течение нескольких минут.)

Вопреки самому себе, О'Коннел был увлечен собственным успехом на грань восстания.

Отклики на агитацию О'Коннела

Агитация О'Коннела всколыхнула все демократические, республиканские и революционные движения в мире. Радикалы на континенте присоединились к ирландским эмигрантам, посылая им приветствия и предложения помощи. Американские политики намекали, что «если Англия поведет войну против Ирландии, она лишится Канады». Английские чартисты, несмотря на пренебрежительное отношение О'Коннела к чартизму и его вождям, заявили, что если на Ирландию нападут, то «английской аристократии придется вести борьбу с двумя нациями вместо одной».

Даже оранжисты начинали заражаться общим духом и примыкать к Ассоциации репилеров, с условием, что они смогут свободно выступать за федеральную связь с Англией в качестве замены унии. Был создан комитет вигов с целью выработать план федерации.

Правящая клика почти потеряла голову от страха. Она предупредила лендлордов, что О'Коннел выдвинул теперь требование «твердой арсенной платы» для крестьян. Люди, отказавшиеся уплачивать десятину, могут с таким же успехом отказать на уплату аренду. Чем же все это кончится?

Забили тревогу английские мануфактуристы. Если репилерам позволено агитировать, каким примером это будет для чартистов! Для фабричных рабочих, требующих закона о десятичасовом рабочем дне! Наконец — для тред-юнионов! Даже либеральные виги, стоявшие за отмену унии, боялись последствий разрешения агитации репилеров.

На первой стадии движения Дублинский замок, под влиянием оранжистов, нанес свой первый удар, вычеркнув из списка судей всех тех, кто поддерживал Ассоциацию репилеров. На это последовал злобный ответ. Десятки видных протестантских судей в знак протеста вышли в отставку и примкнули к Ассоциации. Вскоре они стали председателями добровольных третейских судов по всей стране, так что официальным судам оставалось судить лишь пьяных да воров.

По мере роста движения это «отпадение» магистратов принимало все более тревожный характер. Испуганное правительство начало вводить в Ирландию войска; оно снова воскресило Акт об оружии 1793 г.

Клонтарфский кризис ¹

Ожидалось, что все эти массовые митинги увенчаются последним колоссальным всеирландским митингом на историческом поле битвы в Клонтарфе. По мере того, как назначенный день (воскресенье, 5 октября) приближался, были пущены в ход все средства, чтобы сделать это собрание небывалым по грандиозности.

Власти готовились к нему не менее тщательно. Прибывало все большее количество войск. В полицейских казармах были сделаны амбразуры для стрелков и приняты все меры для сопротивления возможной осаде. Форты и башни — бойницы были подготовлены к обороне, но никто не знал, в какой мере это делалось для застрашивания народа и в какой было признаком реальных намерений правительства.

Правительство тори находилось в затруднительном положении. По крайней мере половина протестантской общины в Ирландии либо всецело перешла на сторону репилеров, либо вместе с вигами лихорадочно искала средств к примирению. Чартисты, разгромленные в 1842 г., теперь оправлялись от поражения. Виги и радикалы агитировали против хлебных законов и, повидимому, склонны были использовать ирландца как своего рода палку, которой они собирались побить собаку тори. Положение было нелегким; но Веллингтон и Пиль решили, что сделать хотя бы какую-нибудь уступку движению значит уступить все, и, следовательно, поддаваться «блефу» О Коннела нельзя.

¹ Клонтарф — местность, где Брайен Бору нанес решительное и окончательное поражение датским завоевателям в 1014 г.

В субботу днем, 4 октября, Дублинский замок особым приказом наложил запрет на клонтарфский митинг.

Между тем, суда привозили пассажиров из Белфаста, Глазго, Ливерпуля и Холихэда; народ все продолжал прибывать. Со всех концов страны ирландцы направлялись на митинг. Днем и в течение ночи ожидалось все новые и новые партии. Лишь незначительная часть этого множества людей могла узнать о правительственном приказе до прибытия на место митинга; им предстояло найти его занятым войсками. Что-то будет?

О'Коннелл, со своей стороны, не колебался. Подчинится ли народ или окажет сопротивление, — и то и другое будет одинаково пагубным для него, как лидера. Если народ подчинится приказу, то правительство поймет, что оно обладает большей властью, чем О'Коннелл. Если народ откажется повиноваться, то либо произойдет бойня, — а он предполагал и даже высказывал мнение, что она произойдет непременно, — либо народ пересилит войска одной своей численностью, но и в том и другом случае О'Коннелл уже не сможет удержать его в своей власти. Возможно даже, что в то время, как войска будут скованы в Клонтарфе, какая-нибудь решительная группа людей займет Дублинский замок, провозгласит республику и раздаст народу оружие. Ответ на бойню, по всей вероятности, будет тот же, что во время войны из-за десятины, но в неизмеримо большем масштабе. Итти по этому пути значило подготовить почву для восстания и революции — а это было бы окончательным крахом политики «моральной силы», следовательно, и руководства О'Коннелла.

Поэтому О'Коннелл быстро принял решение. Совет репилеров выпустил контрприказ с отменой митинга. Посланцы на быстрых конях галопировали по всем дорогам, ведущим из Дублина в Клонтарф, чтобы встретить в пути и вернуть обратно тысячи спешивших на митинг людей. Рабочие разобрали гигантскую платформу, воздвигнутую в Клонтарфе. Толпы, конечно, прибывали, но лишь в качестве зрителей, чтобы убедиться на месте в том, что арена борьбы занята солдатами.

По мнению О'Коннелла, это был выход из положения, но один ветеран 98-го года вынес иное суждение: «Ирландия была завоевана в Клонтарфе — и в Клонтарфе она была потеряна вновь».

Суд над О'Коннеллом и другими.

Вслед за капитуляцией тотчас же начались репрессии. Правительство возбудило судебный процесс против О'Коннелла и восьми других лиц, включая редактора «Нации» Гевэна Даффи.

Обвинительный акт, представленный подсудимым в первый день процесса, 16 января 1844 г., был свитком длиной в сто ярдов.

«В этом объемистом документе подсудимым вменялись в вину сорок семь открытых действий, из которых шестнадцать заключались только в посещении «гигантских митингов». Редакторы журналов «Нация», «Лоцман» и «Журнал свободного человека» обвинялись в опубликовании речей, произнесенных на этих митингах. Пятнадцать других открытых действий сводились к посещению собраний Ассоциации репилеров, где были произнесены мятежные, по определению обвинительного акта, речи О'Коннела и принят план третейских судов. Журналистов обвиняли в «противозаконном, коварном и мятежном» оглашении протоколов этих собраний в их газетах. Один из пунктов обвинительного акта относился к «организации митинга» в Клонтарфе. Десять из одиннадцати оставшихся обвинений были направлены против газет; из них шесть — против материалов, опубликованных в «Нации», в том числе четыре против передовых статей, одно — против поэмы «Кто боится произнести — девяносто восемь?» и одно — против письма с предложением заменить современные названия ирландских городов древними гэльскими названиями»¹.

Можно было заранее предсказать приговор и весь ход процесса; список присяжных был слишком хорошо «подтасован», хотя один из судей все же разошелся в мнениях с остальным составом. После первого возбуждения, связанного с открытием суда, процесс стал невыразимо скучным вследствие отсутствия всяких сомнений насчет его исхода. Все с облегчением вздохнули, когда, наконец, состав присяжных вынес ожидавшееся решение, приговорив всех подсудимых (за исключением одного, который умер) к шести месяцам тюремного заключения и, кроме того, к штрафу. Этот приговор был кассирован через три месяца палатой лордов.

Подсудимым устроили после их освобождения грандиозную овацию.

О'Коннел меняет фронт

О'Коннел, большой мастер по части политических ухищрений, пытался утверждать, что в Клонтарфе народ нанес поражение правительству (подчинившись его приказу) и что решение палаты лордов восстановило положение, существовавшее до Клонтарфа. В действительности же он знал, как и все, что Клонтарф был поворотным пунктом, после которого изменилось самое существо агитации.

Та часть приверженцев О'Коннела, которая была вовлечена в движение лишь го бурным успехом, отошла от него и начала

¹ *Daffy, Jounq, Ireland, pp. 396—397.*

покидать его с той минуты, как пере... а верить, будто О'Коннеллу стоит только приказать — и правительство будет повиноваться. Те участники движения, которые были в большей мере католиками, чем борцами за национальную идею, и существо почитали О'Коннела как «светского папу» всей Ирландии, — попрежнему подчинялись его руководству. Но О'Коннелу было известно, что пассивное повиновение является отрицательной величиной в политической борьбе. Все наиболее мужественные элементы движения, наиболее надежные его соратники, наиболее преданные национальной идее, те, кто следовал за О'Коннелом, как за национальным лидером, прежде всего потому, что он сам шел по желательному для них пути, — с момента клонтарфской капитуляции стали искать путей и средств продолжать борьбу без него. Эта тенденция к разрыву с О'Коннелом была часто неосознанной, но от того не менее реальной. Дэвис, хотя и оставшийся до конца лояльным по отношению к О'Коннелу как лидеру, инстинктивно выразил эту тенденцию в поэме, написанной тотчас же после клонтарфских событий:

Земля довольно ль глубока,
Чтоб скрыть трусливого раба?
Спустись, изменник, в самый ад, —
Огонь отпрянет, скажет: гад!
Но тише, сердце! Ведь сполна
Свой долг исполнит вся страна.
Отвага, мысль, упорство — вот
Что нас к победе приведет!

Накануне суда О'Коннела волновал вопрос о руководстве Ассоциацией во время (ожидавшегося) заключения. Всем ее механизмом управлял под наблюдением О'Коннела его сын Джон и его друг Рэ, но оба они фигурировали в обвинительном акте вместе с редакторами двух журналов («Лоцман» и «Журнал свободного человека»), которые контролировал О'Коннел. Дэвис, человек, которого он больше всего боялся и которого он оценил правильнее, чем оценивал себя по своей скромности сам Дэвис, мог остаться на свободе и беспрепятственно занять в Ассоциации командный пост, принадлежавший ему по естественному праву.

О'Коннел был поэтому более чем кто-либо рад, когда оказалось, что преследование репилов дало Ассоциации нового приверженца в лице Вильяма Смита О'Брайена, сына лорда Инчикина и прямого потомка Брайена Бороимбе. О'Брайен, как член парламента от Лимерика, всегда держался смелого национального курса; но до клонтарфского процесса он оставался в стороне от О'Коннела и его «демагогических» методов. С радостного одобрения О'Коннела Смит О'Брайен был единогласно признан главой Ассоциации репилов.

К своему великому огорчению, О'Коннел убедился, что Дэвис и «Молодая Ирландия» инстинктивно сблизились с О'Брайеном.

Будь О'Брайен хоть сколько-нибудь воином, они снова воскресили бы планы лорда Эдуарда и Тона; но при данном положении вещей Дэвис и О'Брайен взялись за терпеливую идейную и воспитательную работу с целью добиться сплочения организации, что было настоящей необходимостью; в этой работе журнал «Нация» был бесценным помощником, и лишь он один спас после Клонтарфа движение репилеров от упадка и морального разложения.

Вскоре после освобождения О'Коннела в его политике обозначились признаки полной перемены фронта. Агитация не возобновлялась, но политика систематического воспитания рядовой массы, которую повел Дэвис при содействии О'Брайена, организуя сеть читален для репилеров, также не поощрялась О'Коннелом. «Молодые оракулы» из «Нации» стали вызывать у него раздражение; это раздражение перешло в гнев, когда «Молодая Ирландия» ответила презрительным смехом на предположение, что решение палаты лордов было следствием прямого вмешательства провидения, тронутого мольбами верующих. Вместе с тем обнаружилась упорная тяга О'Коннела в сторону своей старой политики — политики сотрудничества с вигами.

Впоследствии публицисты «Молодой Ирландии» приписывали все случившееся чувству ревности со стороны О'Коннела, подрыву его морального духа в тюремном заключении и, наконец, началу того умственного расстройства, которое яснее проявилось в конце его жизни. Но этому есть более простая и очевидная причина: группа «Молодой Ирландии» и журнал «Нация», воскрешая движение репилеров, делали его реальной силой и, таким образом, ставили О'Коннела в то самое затруднительное положение, из которого ему помогло выйти правительство, запретив митинг в Клонтарфе.

Знаменательно, что его первая открытая ссора с Дэвисом и с группой «Нации» была так искусно инсценирована, что он выставил себя борцом за католическую веру против коварного «безбожия». Дэвис одобрял предложение создать университетские колледжи в Белфасте, Голуэе и Корке, с правом поступления независимо от принадлежности к той или иной секте; он приветствовал совместное обучение католиков и протестантов как средство покончить с сектантскими раздорами; и до поры до времени О'Коннел также защищал этот курс. И вдруг без всякого предупреждения он стал нападать на курс, взятый в этом отношении Дэвисом и журналом «Нация», как на «некатолическую» точку зрения. Дэвис защищался и подвергся грубому оскорблению со стороны одного профессионального бандита, причем О'Коннеллы, отец и сын, громко выражали свое одобрение обидчику. Безобразной сцене положило конец личное вмешательство Генри Граттана младшего и Смита О'Брайена, которые заставили О'Коннела скрепя сердце извиниться.

Дело, однако, было сделано. О'Коннел противопоставил «ста-рую» Ирландию Ирландии «молодой» и в качестве средства для этой цели использовал грань между приверженностью к католицизму и «безбожием». Трагическое значение всего инцидента заключалось в том, что именно О'Коннел таким образом противопоставил католицизм национализму, агитировавшему за отделение Ирландии, как взаимоисключающие друг друга, противоположные течения; факт этот приобрел особенно острое значение благодаря тому, что оранжисты тори тоже нападали на колле-джи как «безбожные» учреждения.

Непосредственный результат тотчас же сказался: вся работа, проделанная журналом «Нация», который стремился сплотить ирландцев, «оранжевых» и «зеленых», в единое национальное движение, была сведена на-нет. Никто не доказывал либераль-ным протестантам с таким успехом, как Дэвис, что отмена унии не означает еще главенства католиков. О'Коннел же фактически заявил с трибуны, как лидер, что эти два понятия равнозна-чащи.

Прежде чем зло могло быть исправлено, журнал «Нация» по-нес тяжелую утрату. 15 сентября 1845 г. умер Томас Дэвис, проболев лишь несколько дней. «Нам казалось, — говорит Даф-фи, — что солнце покинуло небеса». «Потеря этого замечатель-ного и благородного ирландца, — говорит Митчел, — была не-восполнима ни для его страны, ни для его друзей».

Глава XVII

ГОЛОД И ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТ СОРОК ВОСЬМОЙ ГОД

Новые усилия воскресить движение «Объединенных ирланд-цев» вылились в неудачную попытку начать революцию в июле 1848 г. Это было восстание, возглавленное Смитом О'Брайеном.

События, вызвавшие это восстание, — в особенности великий голод 1846—1847 гг. — описаны нами в настоящей главе.

Великий голод

Почвой и фоном для политических событий 1845—1850 гг. послужило великое бедствие, которое англичане называют «ир-ландской голодовкой», а ирландцы — «великим голодом».

Вот основные факты, характеризующие этот период: 1) неуро-жай картофеля (последствие нескольких совпавших по времени эпидемических заболеваний корнеплодов) был в Ирландии час-тичным явлением в 1845 г., всеобщим — в 1846 г. и абсолют-ным — в 1847 г.; 2) в результате в эти и в последующие годы

смертность от голода, голодного тифа и холеры достигла таких размеров, что точные цифры стало невозможно установить. Смертность и эмиграция за десять лет сократили население Ирландии на одну треть; это значило, что сельское население сократилось несколько более, чем наполовину; 3) неурожай картофеля по вышеуказанной причине был общим явлением во всей Европе; но голод разразился в одной лишь Ирландии, вследствие того что 4) только в Ирландии крестьянское население всецело или главным образом зависело от урожая картофеля.

Следует сопоставить с предыдущими и другой ряд фактов: 1) в голодные годы Ирландия производила в изобилии продовольствие (зерно, мясо, молочные продукты и пр.); 2) эпидемии не затронули ни богатого урожая зерна, ни скота (эпидемии уносили лишь землепашцев); 3) лендлорд и сборщик налогов не только собирали свою дань, как обычно, но еще пользовались каждым случаем, чтобы выкачать все недоимки; 4) количество хлеба, скота и других продуктов, вывезенных из Ирландии в эти годы, могло бы прокормить вдвое большее количество людей, чем было в Ирландии голодающих; 5) поэтому ирландцы были совершенно правы, говоря, что болезнь на картофель ниспослана свыше, но голод наслали английские лендлорды.

Последующие факты только подчеркивают правоту этого мнения. Английские благотворители, точно так же, как американские и европейские, были тронуты этим бедствием и собрали определенные суммы для организации помощи голодающим. Парламент ассигновал лишь столько, сколько поглощала за полдня последняя война. Но требования «политической экономии» предписывали, чтобы эти суммы не выдавались ирландцам, так как они могут сказать на них «деморализующее влияние»¹ (если какой-нибудь ирландец возражал против «деморализации» лендлордов выдачей им зерна и скота, он подлежал ссылке на каторгу в качестве преступника). Ирландцев заставляли зарабатывать свое пособие трудом — строить мосты через высохшие ручьи, создавать никому не нужные дороги, делать работу, за которую им платили жалкой порцией вареной кукурузы. Но чтобы получить право на пособие, им приходилось расстаться со всей землей, находившейся в их держании, если размеры ее превышали четверть акра. В такой обстановке, когда семьи, державшие ранее двадцать акров, умирали от голода или от холода, поскольку все простыни и одеяла с их постелей продавались вместе со снятой с тела одеждой, чтобы купить какую-нибудь пищу, — трудно переоценить значение этой нормы в одну чет-

¹ Джексон иронизирует над фритредерством, которое требовало невмешательства государства в регулирование спроса и предложения товаров и рабочей силы на рынке; филантропия, по мнению фритредерской школы, могла отучить от «спасительного» труда рабочих, и должна была практиковаться с осторожностью. — *Прим. ред.*

верть акра для лендлордов, желавших «округлить» свои владения, и нелегко подобрать эпитет для государственных деятелей, мечтавших вовсе избавиться от «крамольных» ирландцев.

Англичане предлагали средство, примененное в 1846 г., т. е. отмену хлебных законов, чтобы сделать зерно достаточно доступным для ирландского крестьянина. Но удешевление зерна означало необходимость выращивания в Ирландии еще большего количества зерна для покрытия арендной платы лендлорду. Тому, кто прежде как-то ухитрялся спасти немного зерна для своей семьи, теперь приходилось расстаться со всем урожаем и голодать. У него был еще выбор — быть выселенным! Таким образом, английское лекарство навлекло голод на новые тысячи семейств и сделало выселение еще более частым явлением, чем в обычное время. Кроме того, дешевая пища так же недоступна человеку, у которого нет ничего, как и дорогая. То, что пощадилась болезнь, поразившая урожай, было взято лендлордом. То, что оставил лендлорд, пожрала «политическая экономия» и унесла «дозволенные законом спекуляции». Ирландское зерно, закупленное в Англии, отправлялось комитетами помощи в Ирландию и продавалось здесь за половину своей стоимости. Но у голодающих крестьян не было денег; поэтому зерно скупалось спекулянтами, которые отправляли его обратно в Англию, где комитет помощи покупал его вторично, чтобы снова и снова пустить его по тому же кругу.

Прежде чем крестьяне дошли до слишком большого истощения, бывали (и это следует отметить, как явление положительное) вспышки аграрных «преступлений». Поджигали амбары; производили нападения на мукомольные мельницы; стреляли в лендлордов и в их агентов, а дома их подвергали разграблению и поджогам. Но такие вещи были относительно редки. Между тем, один из членов королевской семьи говорил в Англии:

«Я считаю, что гнилой картофель и морские водоросли или даже трава, — если хорошенько смешать их, — дают полноценную питательную пищу. Все мы знаем, что ирландцы неприхотливы, а в полях ведь достаточно травы даже и тогда, когда не родится картофель».

Наилучшим средством против стихийного бедствия англичане считали эмиграцию. Филантропические агентства оплачивали суда для того, чтобы они могли бесплатно перевозить за океан жертв голода и жертв судебного пристава, производившего выселение с насиженных участков. Суда эти были битком набиты пассажирами, санитарные условия — из рук вон плохи, эмигрантам недоставало наличных денег, продовольствия и одежды. Болезни они были лишь бациллами тифа и холеры, которые привезли с собой с родины. Ужасы голода возобновлялись на эмигрантских судах в открытом море.

Во всем своем объеме бедствия голода обнаружились осенью 1846 г. В период между смертью Дэвиса и этой датой О'Коннел добился своей последней политической победы — он вытеснил «Молодую Ирландию» из Ассоциации репилеров.

В качестве предлога (весьма прозрачное лицемерие) он выдвинул против «Молодой Ирландии» обвинение, что она-де «верит в физическую силу». И она, действительно, в принципе верила в нее; но что касается практики, то О'Коннел так же легко мог бы обвинить ее в намерении украсть и увезти собор св. Павла¹. Это была ловушка, в которую попала «Молодая Ирландия» — и прежде всего Мигер. В пылу спора его завлекли так далеко, что он произнес похвальную речь в честь меча, благодаря которой и получил прозвище «Мигер с мечом»; это и послужило для Джона О'Коннела предлогом, чтобы окончательно поправить с «Молодой Ирландией».

О'Коннел, как и любой человек, яснее ясного видел две единственно возможные перспективы, открытые перед Ирландией и перед жертвами грозного голода: либо 1) восстание с целью удержать урожай в Ирландии (восстание, которое при данных обстоятельствах было бы не только политической, но и социальной революцией); либо 2) полная зависимость от милости и благосклонности правящего класса Англии. С точки зрения О'Коннела, здесь не из чего было и выбирать. Социальная революция для него была немыслима. Он вынужден был прийти к соглашению с вигами, и, чтобы обеспечить наилучшим образом эту политическую сделку, ему прежде всего надобно было всецело заполучить контроль над Ассоциацией репилеров с тем, чтобы превратить ее в аппарат для свертывания агитации и подавления «мятежа».

В «год агитации репилеров» О'Коннел так «хорошо» сделал свое дело, что теперь новую политику, политику союза с вигами, необходимо было преподнести рядовой массе уже с большими предосторожностями. Он знал, что «Нация» и в особенности Джон Митчел, занявший место Дэвиса как руководитель журнала окажет самое решительное сопротивление политике союза с вигами. Он также знал, что «Нация» имеет сильное влияние на рядовую массу репилеров и что оппозиция со стороны журнала может восстановить эту массу против него и разрушить его планы. Поэтому вытеснение «Молодой Ирландии» из Ассоциации, а «Нации» — из репилеровских читален было для него вопросом жизни и смерти в политическом отношении.

Когда это было достигнуто, О'Коннел стал готовиться к отъезду — последнему отъезду из Ирландии — так как он был

¹ Самый большой собор в Лондоне. — *Прим. ред.*

совершенно сломлен и телом и душой. Он тихо стремился попасть в Рим и получить там папское благословение: 15 мая 1847 г. он умер в Женеве от размягчения мозга и старческого маразма.

Его бездарный, злой и бесчестный сын Джон распространял клевету, будто «Молодая Ирландия» «разбила сердце освободителя». Правда заключалась в том, что О'Коннеллы, и старший и младший, сами разбили надежды Ирландии.

Ирландская конфедерация

До ухода О'Коннелла (декабрь 1846) из руководства Ассоциации репилеров «Молодая Ирландия» не делала попытки создать конкурирующую организацию. Отставка О'Коннелла ослабила узы личной привязанности и привычки, удерживавшие тысячи людей в пределах лояльности по отношению к О'Коннеллу, несмотря на резкие разногласия с его политикой. Джон О'Коннелл, которому теперь приходилось пробивать себе дорогу лишь своими личными заслугами, убедился, что его ежедневно покидают сотни приверженцев. Члены «Молодой Ирландии» вынуждены были создать новую организацию, ибо Ассоциация явно разлагалась и вырождалась, превращаясь в пустое понятие.

Ирландская конфедерация была основана на собрании в Дублине (13 января 1847 г.) в присутствии 1500 человек. Она следующим образом определила свои задачи:

«Защищать наши национальные интересы и добиваться независимости ирландского законодательства силой общественного мнения, сплочением ирландцев всех классов и использованием всех политических, социальных и моральных влияний, нам доступных».

Было также постановлено, что конфедерация должна оставаться совершенно независимой от всех английских партий и что те ее члены, которые примут какую-нибудь должность из рук английского правительства любого состава, автоматически будут исключены из числа ее членов. Дискуссии по религиозным вопросам были запрещены.

Конфедерация была задумана лишь как попытка восстановить Ассоциацию репилеров в том виде, в каком она была до Клонтарфа. Но в конфедерации действовали силы, неизбежно толкавшие ее значительно дальше. Работа, проделанная журналом «Нация», в особенности настойчивое подчеркивание опасности, проистекавшей из отсрочки решительной борьбы с голодом, создала перспективу гораздо более широкую, чем простая отмена унии, и это прежде всего обнаружилось в статьях Джона Митчела, которого Даффи привлек в «Нацию», чтобы заполнить пробел, созданный смертью Дэвиса.

Джон Митчел, Даффи, чартисты

Джон Митчел (1815—1875), сын священника унитарной секты, члена организации «Объединенных ирландцев», родился в Дангивене, в графстве Дерри. Джон Митчел был более ярким публицистом, чем Дэвис, и значительно лучшим оратором. Ему нехватало глубины и широты Дэвиса, но это восполнялось большой прямоотой и силой его личной ненависти к английскому владчеству и ко всему, что было с ним связано.

Это был человек, которого лишь с трудом можно правильно оценить; хотя он и был готов сотрудничать со всеми, включая чартистов, якобинцев, крайних республиканцев и социалистов, — всех, кто помог бы ему бороться против британской империи, хотя он и ненавидел класс лендлордов и презирал показной блеск королевской власти, но по существу он не был демократом в том смысле, в каком им был Дэвис. В более поздние годы Митчел удивил и огорчил своих приверженцев, став на сторону Южной конфедерации в гражданской войне в США отчасти потому, что притязания на право конфедерации отложиться от США, по его мнению, соответствовали ирландскому требованию отделения от Англии (в этом он глубоко ошибался), но главным образом потому, что «янки» Севера, например фабриканты и торговцы, казались ему слишком сходными с англичанами, чтобы быть правыми в чем бы то ни было.

Пожалуй, вернее всего будет охарактеризовать Митчела как республиканца-аристократа в согласии с пресвитерианской традицией¹. Он выказал выдающиеся качества ольстерца — качества, которые были извращены и использованы оранжистским орденом для достижения низких антинациональных целей, но тем не менее, эти качества национального характера могут быть названы бесценными и входят неотъемлемой составной частью в общий фонд лучших черт ирландской национальности.

На протяжении 1846 и 1847 гг. Митчел развивал в себе те таланты, которые Дэвис открыл в нем еще прежде самого Митчела. К середине 1847 г. он пришел к убеждению в необходимости более сильного, быстро действующего средства, чем терпеливое построение, камень за камнем, организации всех классов; то была ясная мысль, за которую ухватился Дэвис после капитуляции в Клонтарфе.

Чарлзу Гевэну Даффи, владельцу и редактору «Нации», была совершенно чужда та воля к восстанию, основанному на применении физической силы, которой был так глубоко проникнут Митчел. Даффи был талантливый политик-практик, и его национализм, который лишь на время вылился в прямой сепаратизм, нашел свое выражение в идее независимой национальной партии,

¹ Джексон имеет в виду шотландскую традицию борьбы против английских королей во имя пресвитерианской церкви и господства своей — местной олигархии. — *Прим. ред.*

которая добивалась бы отмены унии чисто парламентским путем и привела бы английские партии к убеждению, что расторжение унии — желанный выход из невыносимого тупика. Парнелл несколько лет спустя приписывал Даффи изобретение той системы, которая впоследствии стала известна под названием «парнеллизма». Дэвис, без сомнения, мог бы побудить Митчела и Даффи работать совместно под его руководством. Предоставленные самим себе, они неизбежно разошлись в разные стороны.

С организационной стороны конфедерация развивалась путем создания политических клубов во всех городах и крупных поселениях Ирландии. Их названия — клуб Сарсфилда, клуб Эммета, клуб Уолфа Тона и пр. — носили на себе неизбежные следы влияния журнала «Нация».

В идеологическом отношении конфедерация руководствовалась письмами и статьями Джеймса Финтена Лалора, одного из представителей семьи фермеров в Лайогисе (графство Королевы), игравшей выдающуюся роль в войне против десятины.

Лалор выдвигал идею морального восстания; по его мнению, фермеры должны были отказываться от уплаты всех налогов и арендной платы до тех пор, пока не будут удовлетворены потребности их семей. В идее этого «восстания» мы можем обнаружить явное влияние войны против десятины; Лалор предлагал организовать «восстание» через посредство Лиги арендаторов в деревне, совета представителей всех отраслей занятий в каждом городе и Генерального совета в качестве общего органа этих организаций, координирующего борьбу и подготовляющего национальный конвент.

Лалор стоял на откровенно сепаратистской точке зрения; прием, который встретили его предложения, доказывает, что «Молодая Ирландия» (с Митчелом во главе) фактически пришла к тем же выводам. Если бы Лалор по своему физическому состоянию не был вынужден устраниваться от агитации среди фермеров с целью привлечь их на свою сторону, — он был болен туберкулезом и почти слеп, — и он сам, и его план приобрели бы гораздо большую известность. Как бы то ни было, дискуссия о предложениях Лалора вскрыла растущие разногласия между двумя группами: Даффи и О'Брайеном, с одной стороны, Митчелом и его друзьями — с другой.

Эти разногласия вынудили Митчела в конечном счете порвать с «Нацией» (декабрь 1847 г.). Поводом к этому послужило опубликование нового Акта об осадном положении, проведенного правительством вигов. Митчел следующим образом излагает свою точку зрения:

«Я следил за развитием «голодной политики» правительства и... пришел к выводу, что всей системе, с начала до конца, необходимо оказать сопротивление, прибегнув к чрезвычайно простым средствам, а именно — следует соз-

дать среди народной массы объединение, чтобы с его помощью не допускать перевозки и погрузки на суда ирландских продуктов продовольствия; отказываться от всякого участия в таких перевозках; разрушать дороги, не позволять никому под угрозой кары покупать зерно или скот, продаваемые на аукционах за долги... Словом, следует оказывать пассивное сопротивление повсюду; но, при случае, если обстоятельства будут этому благоприятствовать, можно пустить в ход оружие» ¹.

Ни Даффи, ни О'Брайен не были подготовлены на этой стадии к отчаянным мерам. Им были совершенно ясны отрицательные стороны плана Митчела — ставка на стихийность, отчуждение со стороны лендлордов, возможные нападки и репрессии в отношении журнала «Нация»; с другой стороны, у них не было той веры в готовность фермеров к революционной борьбе, которая была у Митчела. Тот и другой еще надеялись достигнуть своих целей конституционным путем или, возможно, они боялись оттолкнуть от себя средние классы, прибегая к «неспровоцированным» насильственным мерам. Большинство конфедерации было на стороне О'Брайена и Даффи.

Желание Даффи и О'Брайена ждать более благоприятных обстоятельств, прежде чем ринуться в огонь восстания, можно в значительной степени оправдать тем, что в Англии возникла сильная агитация против Акта об осадном положении, а чартисты, движение которых снова ожило, выдвинули настойчивое требование справедливости для Ирландии. Клубы конфедерации, основанные в Англии ирландскими эмигрантами, примкнули к чартистскому движению; перспективы их совместной агитации казались и были в действительности блестящими.

В парламенте Фергюс О'Коннор (избранный в палату общин от Ноттингема в 1847 г.) стал во главе партии репилеров взамен Джона О'Коннела; он предложил назначить комиссию для обследования положения в Ирландии и оказал такой решительный отпор Акту об осадном положении, что его удалось провести лишь большинством в четырнадцать голосов. Эти факты, естественно, оказали большое влияние на Даффи и О'Брайена.

Между тем, Митчел вместе с Томасом Дэвином Рейли посе-

¹ John Mitchel, Last Conquest, Ch. XVII. Спор о том, «заимствовал» ли Митчел свой план у Лалора, не указывая автора, — пустая трата времени. И тот, и другой исходят в своих предложениях из опыта войны против десятины. План Лалора, как он был впервые изложен, был утопией, как всякая попытка достигнуть революционных результатов пацифистскими методами. Митчел, с другой стороны, желал вызвать восстание, веря, что начать его можно будет экспромтом, без подготовки.

щал клубы конфедерации и убеждал их членов не сдавать оружия, а в случае, если у них оружия нет, вооружаться возможно быстрее, хотя бы копьями. Опасаясь последствий этого курса, О'Брайен предложил Совету резолюцию, запрещающую Митчелу и Рейли проводить эту никем не санкционированную политику. Когда резолюция была принята, Митчел и Рейли со своими сторонниками покинули конфедерацию (5 февраля 1848 г.).

Неделей позже Митчел выпустил первый номер «Объединенного ирландца», взяв в качестве эпиграфа слова Тона о «неимущих людях», как наиболее заслуживающих уважения людей Ирландии; с первого же номера Митчел стал пропагандировать в своем еженедельнике методы уличной борьбы.

Восстание 1848 г.

«Объединенный ирландец» Митчела вызвал сенсацию и в Англии и в Ирландии. Журнал Митчела откровенно обратился за помощью к чартистам, и последние в меру своих сил охотно ему оказывали эту помощь, а друзья Митчела в клубах конфедерации приступили к созданию чартистских организаций в главных городах Ирландии. Английские чартисты продавали журнал Митчела наравне со своими. Чартизм в Англии снова стал «опасностью», а в Ирландии руководители конфедерации убеждались, что вся масса их приверженцев почти сплошь переходит на сторону Митчела.

Английское правительство, католическая иерархия и остатки Ассоциации репилеров — все как один забили тревогу; репилеры обрушились на Митчела со слезливым негодованием, вызванным его презрительной оценкой Даниэля О'Коннела. Тревога эта еще более усилилась накануне появления третьего номера «Объединенного ирландца», когда стало известно о свержении монархии во Франции, о создании республики и об энтузиазме, с каким эти вести были встречены членами конфедерации в Ирландии, чартистами в Англии и радикалами в обеих странах. Раскаты революционной грозы стали доноситься почти из всех стран континента: начался великий год революций — 1848 год.

Французская революция во мгновение ока изменила положение и в Ирландии. Митчел и Рейли без затруднений вернулись в конфедерацию, где их встретили с распростертыми объятиями. «Нация» начала состязаться с «Объединенным ирландцем» в призывах к подготовке восстания. В клубах стали обучаться военному делу и вооружаться. Во французскую республику была послана с братскими поздравлениями депутация в составе О'Брайена, Мигера и одного дублинского ремесленника, Холли-вуда. Альфонс Ламартин, президент французской республики,

встретил ее цветистой речью, но депутация не добилась никаких ощутимых результатов, за исключением преподнесения ирландского трехцветного знамени (в подражание французскому национальному флагу) — зеленого, белого и оранжевого, сделанного по рисунку Мигера дочерьми эмигрантов девяносто восьмого года и потомками «перелетных птиц». Знамя было выставлено сначала в Уотерфорде и затем на публичном митинге в Дублине, где оно было встречено с огромным энтузиазмом.

Английское правительство, встревоженное братанием конфедератов с чартистами и революционной обстановкой в Европе вообще, подготовило новый акт и в один день спешно протасило его через все стадии. Этот акт облегчал судебную процедуру в случаях «мятежа» и «измены»; «измена» стала уже не просто «судебно наказуемым проступком», а «уголовным преступлением». По новому акту при обвинении в мятеже отменялись всякие различия между «политическими» и «уголовными» преступниками. При обвинении в измене смертная казнь заменялась ссылкой на каторгу на тот или иной срок. Это объяснялось тем, что правительство стремилось лишить будущих эмметов их популярности, заменив ореол мученичества каторжным клеймом.

Еще до того, как прошел новый закон, начался процесс против О'Брайена и Мигера (которым вменялись в вину произнесенные ими речи), а также два процесса против Митчела за его статьи в «Объединенном ирландце». Так как суды присяжных отказались осудить О'Брайена и Мигера, правительство отказалось от мысли судить Митчела; после принятия нового акта судебное преследование было возобновлено.

Тем временем правительству удалось дискредитировать чартистское движение. На 10 апреля была назначена демонстрация в Кеннингтон-Коммоне, где предполагалось официально вручить О'Коннору петицию чартистов для представления ее в палату общин. Сначала решено было нести ее в палату, организовав процессию демонстрантов; но когда стало известно о существовании закона (пережитка XVIII в.), запрещающего всякие собрания на расстоянии мили от палаты во время ее заседаний, от этого плана пришлось отказаться. Между тем, правительство делало вид, будто оно верит в угрозу попытке действовать по первоначальному плану, вопреки закону; и оно стало делать такие приготовления, точно Лондону грозило нашествие Наполеона. Когда петиция была отослана в простиом кэбе и собрание рассеялось в полном порядке, пресса по указке правительства стала утверждать, что чартисты трусили. Средние классы лондонского населения стали осыпать чартистов насмешками, вымещая на них ту панику, которой они сами были охвачены, пока не убедились, что 10-е апреля благополучно миновало. Плохо осведомленных чартистов эта пропаганда и насмешки оттолкнули от движения.

Официальная пресса предусмотрительно воздержалась от всякого упоминания о большом отряде лондонских ирландцев-конфедератов, которые явились в Кеннингтон-Коммон со знаменем зеленого цвета и, вопреки полицейским предписаниям, проделали обратный путь тем же строем. Полиция, требовавшая, чтобы ни один отряд чартистов не проходил через мосты военным строем, позволила пройти конфедератам.

В то же время и в Ирландии велась пропаганда, имевшая целью запугать средние классы. Дублин был наводнен плакатами с предостережениями против «ирландских якобинцев» и «коммунистов».

В качестве последней предосторожности Дублинский замок послал оружие «надежным оранжистским ложа».

Подлинной пробой сил был день 25 мая 1848 г., когда Митчела судили за «государственную измену». Приговор не вызывал никаких сомнений, так как шериф сумел «подобрать» состав присяжных. Ветеран 98 года, Роберт Холмс, зять Роберта Эммета, произнес мужественную речь, но судья вынес дикий по своей жестокости приговор — Митчел подлежал ссылке на каторгу сроком на четырнадцать лет. Митчел, окруженный конной полицией с саблями наголо, был увезен с быстротой молнии; на набережной Норс Уолл его ждал экипаж, который отвез его на стоявший в дублинской гавани военный корабль, готовый сняться с якоря в любую минуту, как только пленник окажется на борту.

Власти боялись попытки освободить Митчела; вся стратегия Митчела была основана на убеждении, что такую попытку следовало предпринять и что она будет предпринята. В самом деле, члены дублинских клубов, в особенности рабочие, горели желанием предпринять такую попытку, и Мигер обещал руководить ими. Однако О'Брайен, Даффи и другие полагали, что это было бы равносильно самоубийству. Им удалось убедить Мигера и Рейли обойти дублинские клубы и отменить сделанные приготовления.

Не приходится сомневаться, что попытка отбить Митчела вызвала бы кровопролитие, но немало доводов говорит в пользу того, что этот курс был бы наиболее мудрым. Вполне возможно, что попытка увенчалась бы успехом; возможно, что удалось бы не только освободить узника, но и вызвать всеобщее восстание. Несколько раньше, когда Мигер был арестован в Уотерфорде, члены конфедерации забаррикадировали длинный мост, через который полиции необходимо было проехать, чтобы отвезти его в тюрьму. Сам Мигер приказал членам конфедерации разобрать баррикаду и пропустить полицию. Он держался политики, намеченной Советом конфедерации, который постановил: а) начать восстание осенью, когда будет собран урожай; б) организовать одновременно восстание в сельских районах и

в) строго блюсти мир до тех пор, пока правительство не нанесет первый удар. Педантически-формальное соблюдение буквы этого плана подорвало восстание еще прежде, чем оно могло начаться.

Правительство, со своей стороны, не церемонилось с формальностями. Оно отменило Habeas Corpus Act и начало производить аресты направо и налево.

Через две недели после закрытия «Объединенного ирландца» Далтон Вильямс основал «Ирландскую трибуну». Она была закрыта через две недели, после чего тотчас же начал выходить ее преемник «Ирландский изменник», который издавался близким другом Митчела, Джоном Мартином; Мартин был связан с Джеймсом Финтеном Лалором. Редакции удалось выпустить четыре номера, прежде чем правительство закрыло и этот журнал.

Совет конфедерации убедился, что он стоит перед выбором — либо позволить правительству переарестовать всех поодиночке, либо начать бой всем вместе; тогда Совет решил немедленно призвать своих сторонников к восстанию. Еще до того, как Даффи удалось распространить воззвание, полиция окружила редакцию журнала «Нация». Полицейские разбросали шрифт, прежде чем воззвание было отпечатано и прежде чем официальный представитель власти мог увидеть, что именно собирается печатать Даффи. Вследствие этого чрезмерного (или, быть может, умышленного) усердия, правительству не удалось добиться осуждения Даффи, а также и Вильямса. Джон Мартин был приговорен к четырнадцати годам ссылки на каторгу, как и его друг. Лалор был так болен, что, по мнению властей, не мог уже дожить до суда. Его освободили, прекратив следствие; он медленно умирал еще в течение двенадцати месяцев.

Тем временем руководители конфедерации разъехались по различным районам страны, чтобы на местах убедиться, существует ли готовность к восстанию. В деревне они ее не обнаружили. Голод сломил дух крестьян. Теперь, когда бедствие стало ослабевать, единственной их мыслью была мысль о новом урожае. В городах население местами еще было готово к восстанию; но здесь отсутствовало оружие, а О'Брайен (уехавший в Типперэри) не санкционировал бы никакого захвата оружия до тех пор, пока враг не нанес бы первый удар.

Несколько сот человек собралось в Типперэри на призыв О'Брайена. У них было мало оружия и вовсе не было продовольствия. Отсутствовала организация, которая бы их снабжала. О'Брайен отдал им деньги, которыми располагал, но он не решил им нападать на дома дворян. Он не давал им возводить баррикады, не добившись разрешения на порубку деревьев для этой цели у их владельца. В конце концов восстание бесславно выдохлось, кончившись попыткой убедить полицейских, окружен-

ных на одной ферме, сдать оружие. Когда двое из отряда составших были убиты, О'Брайен приказал остальным рассеяться.

О'Брайен обладал многими хорошими качествами, но отнюдь не теми, которые необходимы для руководителя восстания. Подобно большинству членов Совета, он боялся последствий восстания городских рабочих почти в такой же степени, как и само правительство.

За участие в восстании, в котором со стороны повстанцев не было нанесено почти ни одного удара, О'Брайен, Мигер и другие были приговорены к ссылке на каторгу на продолжительные сроки.

ОТ ЛИГИ ПРАВ АРЕНДАТОРОВ ДО ФЕЕНИАНСКОГО БРАТСТВА

Глава XVIII

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДА

В четвертой части мы проследим процесс национального возрождения в Ирландии после тяжелых бедствий, связанных с голодом и событиями сорок восьмого года, — процесс, прошедший 1) через конституционную агитацию, которую вели Гевэн Даффи и Лига прав арендаторов, и 2) через классический революционный заговор фениев, завершившийся их попытками поднять восстание в 1865 и 1867 гг.

В первой главе четвертой части мы разберем экономические причины, лежавшие в основе этих движений.

Свободная торговля и ее влияние на сельское хозяйство

До 1832 г. английская земельная олигархия полностью контролировала управление страной. В период с 1832 по 1846 г. она сохраняла свое господствующее положение благодаря союзу с той частью промышленников, которые были непосредственно заинтересованы в сохранении в Ирландии резервной армии труда, служившей им источником дешевой рабочей силы. Но с 1846 г. промышленные капиталисты неуклонно усиливали свое влияние вплоть до семидесятых годов, когда они уступили свое место империалистическому финансовому капиталу. Падение мировых цен на сельскохозяйственные продукты означало, что для покрытия сокращения денежных доходов необходимо было по возможности увеличить продуктивность сельского хозяйства. Благодаря этому возникло стремление к «консолидации» ферм, которая была значительно облегчена вследствие пережитых бедствий голода.

Результатом этого явилось, во-первых, исчезновение института посредников и, во-вторых, ликвидация громадного количества мелких арендаторов. Посредники как категория исчезли благодаря тому, что они или продали свои права аренды более состоятельным фермерам (что имело место главным образом в период между 1822 и 1840 гг.), или сами стали землевладельцами.

Избавление от мелких арендаторов было необходимой предпосылкой для создания капиталистического земледелия в сколько-нибудь значительном масштабе, а это, в свою очередь, было необходимо для того, чтобы конкурировать с возрастающими урожаями пшеничных полей Америки (и дополнять их). Для такого типа сельского хозяйства был нужен дешевый труд, а «консолидация» ферм, очищавшая поместья от «излишних» мелких арендаторов, создавала источник дешевого труда.

В 1841 г. было 135 314 держаний размерами менее одного акра. В 1851 г. их численность сократилась до 37 728. В 1841 г. насчитывалось 310 436 держаний от одного до пяти акров; в 1851 г. их было только 88 083. В 1841 г. существовало 252 799 ферм от пяти до пятнадцати акров, а в 1851 г. — 191 854. Число ферм от пятнадцати до тридцати акров соответственно увеличилось, а число ферм свыше тридцати акров увеличилось в значительно большей степени.

С 1845 по 1847 г. насчитывалось 3 тыс. случаев выселения арендаторов, с 1847 по 1849 г. — 25 700, с 1849 по 1852 г. — 58 423 (затронувших 306 120 человек). Значение этого процесса усугублялось горячей привязанностью ирландского крестьянства к насиженным местам, которая послужила в значительной мере источником бедствий в годы голода:

«Класс бедных и обездоленных арендаторов (по закону не имеющих права на получение пособия по бедности, если они не отказались от своих участков) ведет, несмотря на огромные лишения, борьбу за сохранение своих участков и всеми мерами стремится продержаться в период затруднений, видя в этом перспективу возвращения к своему прежнему образу жизни, если только арендаторам удастся сохранить права владения своими участками. В таких случаях длительное потребление недоброкачественной пищи иногда вызывает смертельное заболевание самого арендатора или членов его семьи».

Доклад комиссии по Закону о бедных 1847 г.

В отчете о переписи 1851 г. мы находим еще более откровенные показания. В нем содержится признание, что число умерших в отчаянной борьбе за сохранение своих участков исчисляется тысячами. Статья об участках в четверть акра вообще считалась «облегчающей выселение», и уцелевшие арендаторы были охвачены жгучей ненавистью вследствие той бессердечности, с которой эта статья проводилась в жизнь.

Конечно, неправильно утверждать, что все местные лендлорды или, тем более, английский народ в целом безучастно относились к бедствию. Но политика правительства во имя требований «политической экономии», влекла за собой такие же жестокие

последствия, какие могла бы породить только абсолютная бессердечность. То, что правительство в равной мере применяло ту же «политическую экономию» и к английским беднякам, позволяет говорить о его национальном беспристрастии, но лишь ценой потери уважения к его гуманности и здравому смыслу.

У манчестерской школы была единственная всеобщая панацея — свободная торговля — применение принципа неограниченной конкуренции во взаимоотношениях между лендлордами и арендаторами. Применение этого принципа к ирландским земельным отношениям лежит в основе всех ирландских волнений с 1850 по 1870 г.

Закон о закладных на майораты

Первым шагом в этом направлении был закон о заложенных поместьях (июль 1849 г.). До того времени продажа майоратов могла совершаться только путем длительной и дорогостоящей процедуры через суд и лорда-канцлера. Согласно новому закону, владельцы или кредиторы могли обратиться в специальный суд, который решал дело ускоренным порядком; претензии кредиторов удовлетворялись из сумм, выручаемых от продажи имущества должника по решению суда. На покупателя возлагалось обязательство перевести на себя действующие арендные договоры без права изменения их условий; навсегда удалось покончить со старыми привольными днями, когда пользовавшийся привилегиями арендатор платил столько, сколько он считал возможным, и когда никто не задумывался о наличии недоимок за год или за два года. Покончено было, в частности, и с тем положением, при котором лендлорд знал лично, какие мелиоративные работы произведены его наиболее старательными и предприимчивыми арендаторами. Теперь все эти улучшения рассматривались как неотъемлемая часть приобретенной и оплаченной собственности. О правах арендаторов не приходилось и мечтать.

Было продано более 3000 поместий, и из 80 000 покупателей 90 процентов были ирландцы. Продажная цена этих имений составляла около 25 млн. ф. ст., и почти все деньги перешли к кредиторам. Поместья продавались за половину и за третью часть их оцененной стоимости. Убытки владельцев поместий составили не менее 15 млн. ф. ст.

Как и попытка побудить английских и шотландских фермеров поселиться в Ирландии, этот план окончился провалом. Поместья перешли к спекулянтам, которые думали только о том, как бы выколотить лишний пенс арендной платы за землю, ставшую их полной собственностью. С освященным обычаем и традицией покровительством арендатору было покончено. Появилось постоянное стремление заменять длительные арендные договоры годичными договорами или просто договорами, подле-

жащими расторжению по воле лордов. В результате все земледельческое население, не располагавшее собственными участками земли, могло подвергнуться выселению или узнать о повышении арендной платы, последовавшей вслед за теми мелиоративными работами, которые землепашцы сами поспешили произвести.

При таких условиях вновь должны были появиться «Белые ребята»; теперь их именовали «риббонистами». Капиталистическое землевладение до тех пор было неизвестно ирландскому арендатору. Он вносил свою арендную плату как подать, обеспечивающую ему право постоянного пользования участком земли. Когда арендатор не платил ренты, он признавал права лендлорда; когда лендлорд принимал плату за аренду, он признавал права арендатора. Если арендатор строил изгороди, производил дренаж, расчищал, удобрял и обрабатывал почву, он знал, что имеет право располагать этими улучшениями по своему усмотрению; он мог продать свое право на них, если бы пожелал уйти с участка, мог передать их своим детям или по крайней мере мог беспрепятственно пользоваться своим участком, пока он вносил установленную обычаям ренту. «Право» владельца повышать арендную плату или выселять арендатора по собственному произволу и, даже более того, присваивать произведенные им улучшения — эти обычные явления фритредерства в сельском хозяйстве были для ирландских арендаторов отвратительными явлениями, попирающими все их права.

Против грабительских требований лендлорда они выставили свои требования «трех F» — обеспеченного держания (fixity of tenure), справедливой ренты (fair rent) и права свободной продажи проведенных ими мелиоративных улучшений (freedom of sale). И боролись ли они методами «Белых ребят», или методами парламентской агитации, эти требования всегда были основными целями аграрной борьбы в этот период.

Эмиграция и ее последствия

Чрезмерная раздробленность участков была злом, но предотвращение ее породило другое зло — эмиграцию.

Эмиграция из Ирландии в Америку началась в начале XVIII в.; но более поздняя эмиграция в корне отличалась от более ранней. Первыми эмигрантами были наиболее преуспевающие фермеры или их дети, которые накопили достаточный капитал, оправдывавший их надежды на еще большее преуспевание за океаном. Эмигранты позднейшего периода, в особенности в годы голода и последовавших за ним лет, были вынуждены покинуть родину не в результате своих успехов, а вследствие своих неудач. Они ехали как пролетарии, ищущие работы по найму, и никогда не утрачивали чувства обиды за вынуж-

денное изгнание, к которому их принудили лендлорды, взимавшие непомерную ренту и согнавшие их с земли.

Голод, выселения, разорительная арендная плата, ухудшение условий жизни, вынужденная эмиграция — таковы были основные причины возникновения революционного республиканского движения, известного в истории Ирландии под именем фенианства.

Глава XIX

ДАФФИ И ЕГО ЛИГА ПРАВ АРЕНДАТОРОВ

Чарлз Гевэн Даффи — единственный лидер «Молодой Ирландии», оставшийся в Ирландии на свободе после волнений сорок восьмого года, — пытался организовать конституционную агитацию за обеспечение «трех F». Его Лига прав арендаторов достигла в 1852 г. значительного успеха, но утратила все свое значение благодаря саботажу и дезертирству одной из группировок, известной под ироническим названием «духового оркестра римского папы».

Непрекращающийся аграрный террор

Постоянным фактором в ирландской истории с 1760 до 1922 г. является наличие аграрных преступлений — террористических нападений на лендлордов, их агентов, сборщиков церковной десятины и прежде всего на «захватчиков земли» (т. е. тех, кто домогался аренды ферм, из которых выселялись или подлежали выселению другие лица). Наиболее резкие проявления этих преступлений принимали вид нападений на скот и убийств, причем следует отметить, что такого рода вспышки сходились налет, если развивалось какое-нибудь новое, рождавшее у народа надежды политическое движение, и вновь возникали, как только это движение затухало или заканчивалось неудачей.

Реакционные английские писатели делают из этого вывод о преступной связи между организаторами такого политического движения и организаторами преступлений на местах, но данный Карлом Марксом анализ положения французского крестьянства и его политических организаций даст глубокое разъяснение этому явлению:

«Мелкие крестьяне образуют огромную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные взаимные отношения. Способ производства изолирует их друг от друга... Этому изолированию содействуют плохие французские пути сообщения и бедность... Обрабатываемый ими клочок земли исключает вся-

кую возможность разделения труда, применения науки, а следовательно, исключает и многостороннее развитие... Поскольку мелкое крестьянство живет в экономической обстановке, которая накладывает общую печать на его образ жизни, интересы и умственное развитие и ставит его тем самым во враждебное отношение к другим классам, — оно образует класс. Поскольку между мелкими крестьянами существует лишь локальная связь, поскольку тожество их интересов не создает между ними общей национальной связи, общей политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому не способны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие»¹.

В применении к Ирландии это означает, что поскольку крестьянство не получает ниоткуда помощи, за исключением лишь таких чисто местных организаций, которые оно само может создать, то в периоды крайней нужды на ум крестьянину прежде всего приходила мысль прибегнуть к отчаянным средствам террора.

Если припомнить, в какой степени завоевание англичанами Ирландии вылилось в конфискацию земли и в навязывание чуждых условий землепользования людям, трудившимся на этой земле, то станет понятно, почему традиция сопротивления чужестранцам — в лице лендлорда или его агента — являлась постоянным лейтмотивом в истории ирландской национальной борьбы. Становится также понятным, почему крестьяне, хотя и были ярыми националистами, никогда не начинали сами националистическую агитацию. В то же время они всегда с готовностью отзывались на каждый призыв национальной агитации, когда таковая возникала.

Подобные же соображения применимы и к религиозному конфликту. В 1870 г. священник северо-ирландской протестантской церкви писал:

«Все действительно важное в истории (Ирландии) за три последние столетия заключается в борьбе двух наций за владение землей. Реформация была в действительности только особой формой этой войны за землю. Присяга на верность королю была просто рычагом для изгнания владельцев с земли. Процесс был очень несложен. Король требовал подчинения королевской церкви; отказ являлся государственной изменой, а карой за государственную измену была конфискация поместий и смерть или заключение непокорных. Любому другому закону они могли бы подчиниться и сохранить свои унаследованные поместья. Такой

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 405—406.

закон налагал железные тиски на совесть и исключал возможность подчинения без определенного унижения, делавшего жизнь невыносимой. Поэтому протестантство ненавидели не столько как религию, сколько как орудие ограбления»¹.

Следует также помнить, что во многих районах, как мы имели случай заметить ранее, «Белые ребята», или «риббонисты», действовали в качестве организаций самообороны, аналогичных тред-юнионам.

«Организации «Ползунов по скалам» или «Белых ребят» являются выражением решимости народа не подчиняться тому, чтобы ради выгод другого класса у него был отнят хлеб насущный, была отнята его убогая пища, ибо, кроме нее, у него нет ничего, что бы он мог называть своим»².

Вот как о том же писал премьер-министру один из радикальных членов английского парламента:

«Если бы не спасительный страх перед ассоциацией «Белых ребят», выселения разорили бы Ирландию и, выбрасывая тысячи семей... на гибель в придорожных канавах, уничтожили бы вовсе ее население. Да, система «Белых ребят» является единственным тормозом для системы выселения; и сравнивая одну с другой, ужасы одной с ужасами другой, преступления одной с преступлениями другой, можно сказать, что первая, возможно, является меньшим из этих двух зол»³.

Лига прав арендаторов

Возобновив в 1850 г. издание «Нации», Гевэн Даффи, наряду с освещением широко распространившейся волны риббонистских волнений, должен был уделять место также сообщениям о двух других самостоятельных агитационных кампаниях, поставивших своей целью проведение законодательных мероприятий, ограничивавших алчность землевладельцев нового типа, число которых благодаря деятельности судов по делам заложенных поместий с каждым днем возрастало. На севере эта агитация, руководимая протестантскими и пресвитерианскими священниками, возникла из вполне обоснованного опасения, что новые спекулянты-лендлорды уничтожат (а, согласно новому закону, они могли это сделать) так называемый «ольстерский обычай», дававший арендаторам право собственности на проведенные ими мелноработы. Одновременно на юге группа патриотически

¹ *Rev. James Godkin, Land War in Ireland.*

² *John Stuart Mill, Political Economy.*

³ *Charles Poulett Scrope, Letter to Lord Melbourne (1834 г.).*

настроенных молодых священников вела агитацию за принятие и там «ольстерского обычая» (которому теперь угрожала опасность) в качестве реформы местного права.

Под влиянием «Нации» разобщенные Ассоциации защиты арендаторов объединились и образовали Лигу прав арендаторов. Они пользовались поддержкой со стороны еще остававшихся в парламенте сторонников расторжения унии с Ирландией — репилеров — и со стороны целого ряда английских радикалов, например Шермана Кроуфорда и Поулетта Скроупа. Было достигнуто полное соглашение относительно задач, стоящих перед Лигой. Главной задачей объявлялось проведение земельного акта, который бы воплощал в себе «три F». Было выпущено воззвание, требующее, чтобы избиратели всюду оказывали поддержку только тем кандидатам, которые дадут обещание поддерживать формулированные следующим образом основные положения права аренды:

«Арендная плата должна устанавливаться путем оценки земли; у землевладельца должно быть отнято право повышать арендную плату по собственному усмотрению или требовать платы более высокой, чем установленная в свое время.

Арендатор должен обладать правом обеспеченного держания земельного участка; он не должен подвергаться никаким притеснениям, если он выплачивает установленную путем оценки земли арендную плату. Если он пожелает покинуть участок или не сможет платить аренды, он должен обладать правом на продажу своего арендного договора по его рыночной стоимости.

В оценку не должна включаться и на основании оценки выплачиваться лендлорду какая-либо дополнительная сумма, установленная в зависимости от улучшений, произведенных арендатором или его предшественниками, если лендлорд не оплатил эти улучшения путем снижения арендной платы или каким-либо иным способом».

Кампания в пользу этих принципов была проведена по всей Ирландии; к великому восторгу участников кампании и ко всеобщему изумлению север и юг с энтузиазмом объединили свои усилия. Строго протестантская по принципам, распространенная в кругах убежденных оранжистов газета «Фермана Мэйл» безоговорочно приветствовала это движение. «Все, все объединяются, — писала газета, — чтобы в гармоничном согласии бороться за нашу древнюю любимую землю!»

Лирический энтузиазм «Мэйл» простителен. Движение, в котором католики, включая священников, встречали радушный прием на многочисленных митингах на севере, в то время как протестанты, в том числе и оранжисты, встречали такой же прием на юге; движение, сделавшее возможными митинги, на кото-

рых резолюции предлагались великими магистрами ордена оранжистов и поддерживались католическими священниками; движение, приведшее к посылке на юг делегации пресвитерианских (протестантских) священников, встретившей восторженный прием в Уэксфорде и Килкенни, — такое движение вполне заслуживало того решительного одобрения, которое должна была воздать ему «Фермана Мэйл».

В связи с приближением всеобщих выборов 1852 г. Лига с успехом добивалась от кандидатов публичных заверений о поддержке принципов Лиги. Давая эти обещания, не многие из кандидатов были так красноречивы, как Вильям Кеог и его сочлены по Ассоциации защиты католиков.

«Духовой оркестр римского папы»

В 1851 г. Кеог уже был членом парламента, а возглавляемая им Ассоциация защиты католиков возникла незадолго до этого времени в связи со случайным стечением обстоятельств, которым воспользовались политики-оппортунисты всех мастей в качестве предлога для фальшивого проявления своего усердия.

В этот период римский папа, только что возвратившийся из изгнания, в которое он принужден был удалиться вследствие революции 1848 г., отметил свое возвращение назначением католических иерархов для Англии. Побуждаемый фанатическими противниками папства, премьер-министр в кабинете вигов лорд Джон Рассел тотчас же внес билль, запрещающий католическим прелатам принимать от папы экзекватуру в пределах Британских островов.

Протестанты-лендлорды и фанатики-ультраоранжисты усмотрели в этом прекрасную возможность покончить с Лигой прав арендаторов и с тем единством, которое породила последняя. Через посредство Великой оранжистской ложи они обратились с призывом к протестантам стать твердо на защиту ныне «находящихся под угрозой учреждений Англии». Протестанты-лендлорды собрались в Дублине и стали выражать шумный протест против папских претензий, пока не добились определенных откликов.

Обстоятельства сложились так, что глава католической иерархии в Ирландии (доктор Куллен) незадолго до этого получил свое назначение и являлся наиболее ярым сторонником папской власти. На антипапистский призыв он почти инстинктивно ответил созданием Ассоциации защиты католиков, во главе которой он поставил Вильяма Кеога, адвоката и члена парламента, и Джона Седлэра, учредителя банка в Типперэри, которого в финансовых кругах подозревали в темных операциях.

Когда внесенный Расселом билль о церковных правах — вопреки жестокой оппозиции со стороны тори, руководимых

Гладстоном, и со стороны радикалов, во главе которых стоял Кобден, — проходил через палату общин, Кеог и Седлэр президиали всех яростно своего сопротивления. Вследствие этого Кеогу, Седлэру и группе их последователей было нетрудно выступить на всеобщих выборах 1852 г. в качестве защитников католической церкви в Ирландии, получивших благословение папы.

Кеог, который (как сказал один из его современников) «мог заставить всех и каждого делать все, чего он хотел» и который (как выразился Даффи) «редко бывал искренен, когда подавал свой голос или выражал свои чувства», всегда появлялся в общественных местах в окружении епископов. Он, Седлэр, и их последователи, защищая католичество, так пламенно выражали свою преданность папе, что за ними утвердилась кличка «Духового оркестра римского папы».

Даффи и Лига прав арендаторов с таким успехом выступили против затейного «оркестром» церковного уклона, что все участники последнего публично обязались («Да поможет мне в этом бог», — клялся Вилли Кеог) неуклонно бороться за права арендаторов и сдерживать данные их партией обещания.

Всеобщие выборы осенью 1852 г. закончились избранием пятидесяти членов парламента, давших обещание отстаивать права арендаторов; сам Даффи был избран от Нью-Росса. Соповещение членов парламента — сторонников прав арендаторов (на котором присутствовали Кеог и Седлэр) — решило единогласно «не оказывать поддержки никакому правительству, которое не будет способствовать проведению билля о правах арендаторов».

Когда был созван парламента, правительство вигов обнаружило неустойчивость своего положения. Численность вигов и тори была почти равной, равновесие поддерживала ирландская партия. Вследствие этого правительство дало возможность двум биллям о правах арендаторов (один из них был внесен Шерманом Кроуфордом, а другой внесла Лига) пройти во втором чтении и поступить в комиссию. Вскоре после этого виги уступили место коалиционному правительству.

Казалось, что успех Лиги прав арендаторов очевиден, но, конечно, при условии, что члены этой партии в парламенте будут уважать данные ими обещания и сохранят свою независимость, а с нею и возможность вызвать правительственный кризис.

Великое предательство

Когда было объявлено о назначении новых министров, то, к ужасу и негодованию Лиги прав арендаторов, оказалось, что в состав правительства вошли Джон Седлэр в качестве заместителя министра финансов и Вильям Кеог в качестве генерального прокурора по Ирландии. Вместе с ними на правительствен-

ные скамьи перешли девятнадцать членов Ассоциации защиты католиков. В соответствующее время все они получили крупные награды.

Такое отступничество тотчас же дало правительству возможность не посчитаться с голосами ирландцев. Оба билля о правах арендаторов были спокойно похоронены в комиссии.

Во время дополнительных выборов, вызванных принятием со стороны Кеога и Седлэра правительственных постов, и Седлэр и Кеог подверглись ожесточенным нападкам со стороны Лиги прав арендаторов. В защиту их выступали как протестанты-ленд-лорды, так и высшее католическое духовенство. Последнее утверждало, что Седлэр и Кеог дали обязательство не допустить проведения в жизнь билля о церковных правах. Рассел резко опроверг это утверждение, но на самом деле оно соответствовало действительности. Тем временем высшее католическое духовенство пришло к выводу, что сохранение за епископами их прав — дело гораздо более важное, чем сохранение за арендаторами прав на проведенные ими мелиоративные работы на земельных участках. Поэтому оно защищало Седлэра и Кеога, используя всю свою силу и весь свой авторитет.

Лиге большинством всего лишь в шесть голосов удалось нанести поражение Седлэру. Но она не смогла добиться поражения Кеога, который, как говорит Даффи, «вышел на трибуну, чтобы выразить свою благодарность, поддерживаемый под руки двумя епископами, точно так же как выходил к народу король Ричард III».

В какой мере этот результат был действительно достигнут путем тайного соглашения и в какой мере он был порожден случайным совпадением интересов, выяснить теперь невозможно; но факт остается фактом: католический кардинал Куллен, великий магистр оранжистов, лендлорды, виги и тори были единомышленны. Они заявляли, что Лига прав арендаторов преследует «коммунистические» цели и поэтому ей необходимо решительно помешать.

В течение нескольких недель, последовавших за «великим предательством», молодые католические священники, на которых пачала вся тяжелая работа по организации и проведению агитационной кампании, получили от своих епископов, ставленников кардинала Куллена, указание не покидать пределы своих приходов и строго ограничиваться выполнением своих прямых церковных обязанностей.

Состоявшие в Лиге католики-миряне в отчаянии послали делегацию в Рим просить у папы отмены наложенного кардиналом запрещения. Делегатов приняли учтиво и заверили их, что этот вопрос «будет рассмотрен». Как известно, он рассматривается еще и по сей день.

Потеряв всякую надежду, Даффи оставил борьбу. «Для Ирландии, — сказал он, — осталось не больше надежды, чем для

трупа, находящегося на анатомическом столе». Отказавшись от места в парламенте, он в 1855 г. эмигрировал в Австралию, где сделал затем выдающуюся карьеру.

История «великого предательства» завершилась через несколько лет банкротством Типперэри-Бэнк, разорившим тысячи мелких вкладчиков. Чтобы избежать наказания за целый ряд подлогов и мошенничеств, Седлэр ночью отравился в Хэмпстэд-Хит, городском парке Лондона. Два других крупных деятеля «оркестра» бежали из страны, чтобы ускользнуть от преследования за соучастие в мошенничестве.

Вильяму Кеогу, который хотя и подпал под подозрение, никогда не было предъявлено никакого обвинения. Вместо этого он был назначен Верховным судьей Ирландии и, как мы увидим далее, в качестве такового вынес жестокие приговоры многим из видных фениев.

Глава XX

ФЕНИАНСКОЕ БРАТСТВО

Отъезд Даффи сделал арену (конституционных) политических действий свободной для политических проходимцев и авантюристов. Кеог и Седлэр представляют в этом отношении классические примеры. До возникновения Фенианского братства, обнаружившего свое существование в период гражданской войны в Соединенных Штатах (1861—1865), для политической активности не было иного пути, кроме спорадических проявлений «риббонизма».

Фенианство, или Ирландское республиканское братство, было, по существу, стремлением возродить работу, проделанную «Объединенными ирландцами». Оно представляет собой одно из самых замечательных и самых долговечных революционных тайных обществ, которые когда-либо существовали. В этой главе мы изложим историю его возникновения и развития до кризиса 1865 г.

Тайное общество «Феникс»

От разгромленных в 1848 г. Ирландской конфедерации и Ассоциации репилеров сохранился целый ряд отдельных клубов и местных дискуссионных обществ. Наиболее многочисленны они были в Уэст-Корке и Керри; под воздействием Иеремии С'Донована из Скиберина клубы эти объединились в тайное общество, известное под именем «Феникс», названное так потому, что, подобно легендарной птице, оно должно было возникнуть из пепла разгромленного движения «Молодой Ирландии».

В этот период и в последующее время О'Донован был более известен под именем «Росса», данным ему за огненно-рыжий цвет волос и за его происхождение из района Росс-Карбэри в юго-западном Корке. Он славился высоким ростом и своей пламенной энергией.

В 1857 г. общество «Феникс» посетил Джеймс Стэфенс, из Килкенни, состоявший в 1848 г. адъютантом Смита О'Брайена и после этого живший то в Париже, то в Соединенных Штатах. Стэфенс привез с собой новости об организации в Соединенных Штатах движения, которое станет источником неоценимой помощи для всякого революционного движения в Ирландии. По совету Стэфенса члены «Феникса» начали военное обучение и стали готовиться к сбору оружия.

Революционные связи фениев

Американское движение, о котором сообщил Стэфенс, представляло собой в то время не многим больше, чем только идею и название. Три изгнанника 1848 г. — Майкл Догени, в прошлом школьный учитель, поддерживавший связь с «Нацией», сам Джеймс Стэфенс и Джон О'Магони, полный энтузиазма ученый-гэлист, — разрабатывали идею о связанной клятвой тайной военной организации, которую они, в память о легендарном примере Финна Мак-Кумхолла, называли «Фианна» или «Фенни».

Пребывание в Париже дало возможность этим трем лицам вступить в контакт с красными республиканскими клубами и тайными коммунистическими обществами того времени, в особенности с теми, которыми руководил Огюст Бланки. Именно из идеи Бланки о связанной клятвой, избранной, дисциплинированной «верхушке», которая будет представлять собой действующие под единой командой ударные войска революции, они и заимствовали свое представление о возрожденном и улучшенном варианте заговора «Объединенных ирландцев».

Ни один из трех основателей фенианства никогда открыто не признавал себя ни социалистом, ни коммунистом, но все трое в различное время высказывали полное сочувствие социалистическим и коммунистическим стремлениям. О'Магони, по словам О'Лири, был «передовым демократом и даже социалистом»; Стэфенс одно время «предполагал написать историю социалистических теорий»; Догени весьма симпатизировал аграрному «коммунизму» Финтена Лалора. Все они более или менее ясно намекали на аграрную революцию, как на неизбежное следствие установления Ирландской республики; кроме того, имеются некоторые доказательства, что О'Магони и Стэфенс были персональными членами Международного товарищества рабочих. Это в значительной мере помогает понять неясности в поведении Стэфенса, если представить его постоянные ожидания и надежды

на то, что республиканские и «коммунистические» восстания периода 1848 г. вновь возродятся в грандиозных масштабах.

В 1856 г. (или около этого времени) этот триумвират переселился в Нью-Йорк. Догени, самый старший из них, занялся журналистской работой. О'Магони и Стэфенс, проводя работу среди ирландских эмигрантов, собрали ячейку, которую они считали достаточной для начала дела. Они назвали свою новую организацию «Фенианское братство», но оно прежде всего служило прикрытием (а также и местом вербовки) для «подпольного» И. Р. Б. — эти инициалы, по словам О'Лири, можно было, в зависимости от вкуса, расшифровывать как Ирландское Республиканское Братство или как Ирландское Революционное Братство.

О'Магони остался в Соединенных Штатах для организации сбора средств, оружия и для вербовки опытных офицеров. Стэфенс отправился в Ирландию вербовать армию. Вернувшись в Америку, он сообщил об успехе переговоров с членами общества «Феникс», но в 1858 г. полиция произвела внезапное нападение и захватила всех лидеров «Феникса». В связи с этим дело приняло новый оборот.

«Выслеживание политических преступников»

После отъезда Даффи «Нация» продолжала непрерывно выходить под руководством различных лиц. В 1858 г. ее владельцем и редактором был уроженец Бантри, Александр М. Сулливан, политический курс которого приближался скорее к политике О'Коннела, чем к политике Дэвиса. Будучи не только католиком, но и ярым клерикалом, Сулливан возвел в непреложную догму враждебность О'Коннела к вооруженному восстанию. Никогда ни при каких обстоятельствах ирландцам нельзя братья за оружие, не впадая в смертный грех, если, конечно, их не призывает к оружию церковь.

В начале 1858 г. католический епископ из Керри убедил Сулливана предостеречь народ от «глупых увлечений», вроде стремления к «тайному заговору и восстанию». Сулливан посоветовался с только что возвратившимся из ссылки Смитом О'Брайеном, и последний вполне искренне написал для «Нации» открытое письмо, в котором он на общих основаниях предостерегал против тайных заговоров, ставящих своей целью восстание.

Никто не обвинял О'Брайена — все отлично знали, что он никогда не поддержит революцию, руководство которой не принадлежит джентри и образованным классам. Ярость революционеров вызвало то, что Сулливан присовокупил написанную им самим в свойственном ему сентиментально-красочном стиле статью, в которой он убеждал молодежь, в особенности молодежь Керри и Уэст-Корка, послушаться совета О'Брайена и сле-

довать указаниям своих духовных пастырей. Вскоре после этого полиция арестовала всех лидеров «Феникса» в Керри и Уэст-Корке. Против них полиция смогла выдвинуть очень незначительные обвинения, но они по взаимному соглашению признали себя виновными и были условно освобождены.

Стэфенс никогда не мог простить этого Сулливану, которого он обвинял в исполнении роли охотничьей собаки, указывающей охотнику дичь. Он называл Сулливана «ищейкой», а его пропаганду «моральной силы» — «выслеживанием политических преступников». Эта вражда между Стэфенсом и Сулливаном не прекращалась, придавая постоянный оттенок язвительности всему направлению агитации фениев. Возмущенный «несправедливостью» Стэфенса Сулливан с каждым днем становился все более истеричным и сентиментальным пацифистом, папистом и клерикалом.

Гарибальди и папа

Когда в 1859—1860 гг. Наполеон III по оппортунистическим соображениям оказал поддержку королю Сардинии Виктору-Эммануилу в изгнании австрийцев из Северной Италии, европейские радикалы и республиканцы с возмущением увидели, что долгожданное объединение Италии выдвигается на сцену путем корыстных махинаций короля и императора. Получение Наполеоном III Ниццы и Савойи в качестве своей доли добычи, по мнению радикалов, окончательно испортило все дело. Возмущение радикалов успокоило Сулливана, который воспользовался этим случаем для организации «трюка» — поднесения почетного меча французскому маршалу Мак-Магону на том основании, что последний по имени и происхождению был ирландцем.

То, что все известные предки маршала всегда вели борьбу в Ирландии на стороне противников народа; то, что сам Мак-Магон был таким же авантюристом, как и Луи Наполеон, которому он помог совершить государственный переворот, уничтоживший Вторую республику и заменивший ее Второй империей; то, что до этого Мак-Магон помогал устроить кровавую баню парижским рабочим в июньские дни 1848 г., а впоследствии ему предстояло стать палачом коммунаров 1871 г., — все это ничуть не смущало Сулливана. Мак-Магон был ярым клерикалом, и, следовательно, те самые люди, которые были объаты «ужасом», узнав, что ирландские юноши по ночам проводят военное обучение, могут гордиться им, как «ирландцем», и поднести ему почетный меч.

Несколько месяцев спустя, в Палермо (Сицилия) произошло восстание, и республиканский вождь Джузеппе Гарибальди с тысячей добровольцев совершил свой знаменитый поход, приведший к изгнанию неаполитанских войск с Сицилии. Затем, пере-

правившись на материк, Гарибальди сверг неаполитанского короля с престола.

Даже Сулливан не мог защищать короля-«бомбу», самого ненавистного монарха в Европе, но он мог поднять и поднял тревогу, предвидя гарибальдийско-республиканскую революцию в государствах Центральной Италии, которыми правил папа в качестве светского монарха.

При полном одобрении сторонников папы, с кардиналом Кулленом во главе, Сулливан начал шумную кампанию — «папа в опасности», и тем ирландским юношам, которым, по мнению Сулливана, не следовало по ночам учиться воевать за Ирландию, было предложено вступить добровольцами в Ирландскую бригаду, формируемую на защиту папы.

И опять для Сулливана не имело никакого значения то, что управление в папских государствах было олицетворением невежества и коррупции, как это было доказано хотя бы тем, что по крайней мере половина Ирландской бригады так и не получила в руки оружия. Не смущало Сулливана, что папа вступил в сделку с Виктором-Эммануилом, и это привело к вытеснению Гарибальди. Не смущало его и то, что папа так мало думал о прибывших к нему на помощь ирландцах, что самому Сулливану пришлось вновь собирать деньги, чтобы спасти их от голода и доставить обратно на родину. Все это нимало не беспокоило Сулливана и его друзей. Они сделали «дело» и нашли себе лозунг. Когда фении говорили «ишейка», сторонники Сулливана отвечали «гарибальдиец», что означало — враг папы. В последующие годы «Гарибальди или папа?» звучало открытым вызовом во всех многочисленных фракционных схватках.

Похороны Мак-Мануса

Событием, значительно способствовавшим развитию фенианского движения, явились похороны Теренция Белью Мак-Мануса. Мак-Манус, родом из Ливерпуля, был известным сторонником конфедерации. В 1848 г. он прибыл в Ирландию для участия в восстании и после бегства с Тасмании жил и в течение некоторого времени преуспевал в Сан-Франциско.

Мак-Манус пользовался большим уважением среди своих друзей, и когда в последних числах 1860 г. он умер, было решено отправить его (набальзамированное) тело на родину, чтобы похоронить его в Ирландии. С целью улучшения первоначального плана, что в полной мере использовали в своих целях организаторы Фенианского братства, было принято решение направить тело в Бостон сухим путем, что в те дни считалось опасным делом. На каждой остановке в пути следования проводились траурные собрания, а каждое траурное собрание становилось пунктом вербовки в Фенианское братство и в «Клан на Гэл» (американское название И. Р. Б.). Так много американских

городов с ирландскими колониями требовали включить их в маршрут следования, что тело было отправлено из Америки в Ирландию лишь в сентябре 1861 г.

В Ирландии все было подготовлено для продолжения этой церемонии. И хотя кардинал Куллен дал указание церкви воздержаться от какой-либо поддержки, тем не менее в церемонии приняло участие почти все население Корка. Отмечалось, что к процессии присоединилось значительное число солдат и унтер-офицеров в военной форме

Состоявшаяся 10 ноября 1861 г. последняя процессия в Дублине насчитывала, по различным сведениям, от 50 тыс. до 100 тыс. человек, маршировавших военным строем, причем столько же людей стояло вдоль улиц шпалерами. Процессия останавливалась во всех местах, освященных событиями революционно-республиканской истории Ирландии, — перед домом, где получил смертельное ранение лорд Эдуард, перед домом, где лежало до погребения тело Уолфа Тона, перед церковью, против которой был повешен Эммет, и т. д. Только ночью тело, наконец, было опущено в могилу в Гласневине.

Гражданская война в США и фенианство

Похороны Мак-Мануса доказали наличие среди ирландцев, как в США, так и в самой Ирландии, сильного национального чувства. Гражданская война в Соединенных Штатах между рабовладельческим Югом и антирабовладельческим Севером дала американским ирландцам возможность научиться пользоваться оружием в условиях настоящей войны. Обе стороны организовали ирландские бригады, но бригада под командованием Томаса Френсиса Мигера, сражавшаяся на стороне Севера, пользовалась гораздо большей популярностью среди масс американских ирландцев.

Проводимая Митчелом пропаганда в пользу Юга — поскольку Митчел ожидал, что английское правительство окажет немедленную поддержку Северу, — резко ослаблялась сильными симпатиями по отношению к Югу, проявленными английским правящим классом, который с готовностью признал бы Юг и вступил бы в войну на его стороне, если бы его не останавливало противодействие английских рабочих масс и части средних классов:

«Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увеселения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана».

Стэфенс и О'Магони придерживались гораздо более реалистических взглядов, доказывая, что, поскольку вражда между Анг-

лией и Соединенными Штатами должна завершиться войной или до или после окончания гражданской войны, которую, по их мнению, должен выиграть Север, то все ирландцы, по возрасту годные для военной службы, должны вступать или в федеральную армию, или, если они предпочитают, в английскую армию, чтобы пройти обучение и быть готовыми на случай наступления кризиса.

Знаменательно, что в период гражданской войны 1861—1865 гг. эмиграция ирландцев в Америку заметно усилилась. Когда Север начал явно одерживать верх благодаря победам у Виксбурга и Геттисбурга (обе были одержаны 4 июля 1863 г.), Стэфенс решил начать политическое наступление в Ирландии путем издания революционной газеты.

«Ирландский народ»

Фенианская газета «Ирландский народ» впервые вышла в Дублине 30 ноября 1863 г. Ее редакторами были Томас Кларк Луби и Джон О'Лири, активнейшие деятели сорок восьмого года и близкие друзья Финтена Лалора. К ним присоединился Чарлз Джозеф Кикгем, который был старше их по возрасту и раньше сотрудничал в «Нации». Все они были образованными людьми. Луби происходил из семьи ученого, О'Лири обладал свободными средствами и готовился к врачебной деятельности.

Коммерческим директором газеты был Иеремия О'Донован-Росса, на которого пала большая часть работы по организации распространения газеты.

Основание газеты «Ирландский народ» знаменовало собой поворотный пункт в истории фенианства. Работа по организации ее распространения, налаженные связи, помещаемые корреспонденции, борьба с опиравшимися на духовенство газетами конституционалистов — все это способствовало тому развитию «подпольной» организации, над которым неустанно работали Стэфенс и Луби. Открытая враждебность духовенства и подстрекаемых им работодателей, которые, не задумываясь, увольняли всех, кто был в какой-либо мере связан с «Ирландским народом», делали газету лучшим организатором фенианского движения.

Глава XXI

КРИЗИС ФЕНИАНСТВА

В апреле 1865 г. закончилась гражданская война в Соединенных Штатах. Это освобождало для действий в Ирландии около 200 тыс. человек, которые во время войны принесли присягу и вступили в ряды фениев. Отсюда возникало естественное заключение, что в недалеком будущем должно быть сделана

попытка предпринять что-либо в самой Ирландии. Но первый ход сделали английские власти, совершившие налет на редакцию газеты «Ирландский народ» и арестовавшие ирландских лидеров. Смелый побег Стэфенса возбудил надежды (и опасения), но ничего не было сделано, чтобы воспрепятствовать осуждению и ссылке на каторжные работы других заключенных. Когда предпринятая в 1867 г. попытка восстания окончилась полным провалом, фенианство уже переживало тяжелый моральный распад. Освобождение в Манчестере и взрыв в Клеркенуэлле были завершающими эпизодами в фенианском движении в его классический период.

Аресты шестьдесят пятого года

Прекращение гражданской войны в Соединенных Штатах поставило главного организатора Ирландской республики, «ныне фактически установленной» (как гласила клятва членов И. Р. Б.), Джеймса Стэфенса непосредственно перед необходимостью действовать. Он хвастался численностью фениев в американских армиях, а также и в рядах английской армии. Подаст ли он теперь «команду»? Или будет ждать?

Стэфенс решил ждать. О причинах подобного решения было сделано много догадок. Наиболее вероятное предположение заключается в том, что у него вовсе не было никакого реального плана, и он оппортунистически ждал событий. Английские власти сочли предусмотрительным нанести удар первыми, и в соответствии с этим в ночь на 15 сентября 1865 г. они совершили налет на газету «Ирландский народ» и на дома лидеров фениев. Луби, О'Лири, Росса и многие менее значительные руководители были арестованы.

Стэфенс на некоторое время избежал ареста, а власти в предвидении ожидаемого восстания предприняли ряд широких предупредительных военных мероприятий во всех важнейших центрах Ирландии. Однако ничего не произошло, и месяц спустя в частном доме на окраине Дублина Стэфенс и Кикгем были арестованы. Доставленный к судье, Стэфенс отказался признать себя виновным и, находясь под судом, в ночь на 25 ноября бежал из своей камеры в Ричмондской тюрьме (Дублин). Только много времени спустя власти узнали, что его побег был организован двумя тюремщиками, состоявшими в Фенианском братстве, и действовавшими в контакте с Джоном Девоем, который был главным организатором фениев в английской армии.

После побега Стэфенса все ожидали немедленного начала восстания. И, насколько нам теперь известно, на этом энергично настаивал Джон Девой. Тем не менее, ничего не случилось. Английскому правительству была предоставлена полная возможность заполнять прессу пропагандой, которая взяла своим источником документы, появившиеся на предварительной стадии

разбора дела, возбужденного против заключенных. Благодаря провокационному использованию корреспонденций «Ирландского народа», в особенности не уничтоженных, но считавшихся непригодными для помещения в газету писем, правительственные и конституционалистские газеты могли изображать фениев как людей, замышлявших всевозможные жестокости, включая, конечно, и «истребление» землевладельцев.

Есть веские основания полагать, что если бы совет Джона Девоя был принят, то Ирландия добилась бы того же, что ей было предоставлено по договору 1921—1922 гг., но без расчленения. С другой стороны, также справедливы утверждения, что американские военные эксперты энергично поддерживали Стэфенса, когда он настаивал на отсрочке.

Суд над Луби, О'Лири, Кикгемом и Россом

Общественное мнение Ирландии было глубоко оскорблено, когда стало известно, что судьей, назначенным для ведения процесса лидеров фениев, оказался не кто иной, как Верховный судья Вильям Кеог — «первый тромбон в «духовом оркестре римского папы». Его назначение несколько смягчалось появлением в качестве главного защитника Исаака Батта, лидера дублинских консерваторов, который в 1843 г. защищал унию в споре с самим О'Коннелом. Батт защищал всех заключенных (кроме Россса, который настоял на личном проведении своей защиты) с большой смелостью, упорством и умением. И действительно, он был настолько поражен характером заключенных и логической силой их убеждений, что с этого момента его симпатии начали склоняться к лагерю националистов.

Улики против обвиняемых состояли в том, что лидеры фениев неоднократно и недвусмысленно заявляли о своем желании видеть Ирландию независимой республикой и о том, что для достижения этой цели нет иных средств, кроме вооруженного восстания. Улики, указывающие на фактическую подготовку ими восстания, были преимущественно косвенными и состояли только из документов, найденных в доме Стэфенса. Однако вердикт был предрешен заранее, но приговор поразил даже англичан. Луби, О'Лири и Кикгем были приговорены к двадцати годам каторжных работ. Россс, который больше восьми часов резко и вызывающе спорил с Кеогом, был приговорен к пожизненной каторге.

Восстание шестьдесят седьмого года

Неудача шестьдесят пятого года ускорила резкие внутренние сдвиги в кругах фениев. В Америке был «низвергнут» О'Магони; в результате произошел раскол, и фракция большинства, руководство которой перешло в сомнительные руки,

гастрчивала силы в бесплодных попытках совершить вторжение в Канаду.

Несмотря на награду в 1000 ф. ст., назначенную властями за получение сведений относительно местопребывания Стэфенса, последний оставался в Ирландии до тех пор, пока его покровитель Джон Девой не попал в руки врага. Тогда (в марте 1866 г.) Стэфенс уехал в Америку, где ему удалось временно ликвидировать раскол, дав категорическое обещание, что 1866 год «не пройдет без нанесения удара в Ирландии». Когда же и этот год миновал без всяких событий, движение вновь раскололось. В отчаянии Стэфенс дал указание готовиться к восстанию в начале 1867 г. Но участники движения как в Ирландии, так и в Америке пришли к единодушному решению резко и окончательно отстранить Стэфенса. Не малой загадкой, свойственной странной фигуре Стэфенса, было то, что он не выразил протеста против своего отстранения и с тех пор больше никогда не стремился выйти за рамки частной жизни.

Поставленный во главе центра И.Р.Б. в Ирландии полковник Келли, американец ирландского происхождения, назначил восстание на 11 февраля 1867 г. Через некоторое время дата восстания была перенесена на 5 марта.

Сообщение о перенесении даты не было получено в двух пунктах — в Керри и в Северной Англии.

В Керри фени, насчитывавшиеся там в значительном числе, захватили пост береговой стражи и полицейские казармы. Здесь в их руки попала перехваченная полицией депеша из штаба фениев о назначении новой даты восстания. Командир фениев немедленно приказал своим людям разойтись по домам.

На севере Англии вождь фениев Джон Мак-Кэффerti — опытный командир и отчаянно смелый человек — разработал искусный план захвата оружия, хранившегося в замке Честер. И если бы власти в последнюю минуту не получили сообщение информатора, то внезапность нападения была бы полной. Хотя налет не принес никаких результатов, но власти предприняли меры против возможности его повторения.

Восстание 5 марта было обречено на неудачу. Власти держались настороже, и, в довершение, в эту ночь разыгралась снежная буря, которая, не стихая, бушевала целую неделю. Тысячи молодых людей, в большинстве ремесленники и приказчики, собрались в назначенные пункты, но, поскольку они не были обеспечены теплой одеждой, пригодной для такой погоды, они ничего не могли сделать, и им оставалось только разойтись по домам, причем многие из них на обратном пути были арестованы.

Фенианский генерал Массей прибыл в назначенное время на вокзал Лимерик, но только для того, чтобы обнаружить, что он

находится в руках не фениев, а солдат. Убедившись в провале планов, он сообщил властям все, что ему было известно. Это завершило полноту неудачи.

Освобождение в Манчестере

11 сентября случайно находившийся в Манчестере руководитель центра фениев полковник Келли вместе с другим фением, Дизи, попал в руки полиции. Опознанные дублинскими сыщиками как лидеры фениев, они 18 сентября предстали перед судом. Тюремный фургон, перевозивший их в тюрьму, был остановлен группой вооруженных револьверами местных фениев, которые оттеснили полицейский эскорт, открыли фургон и освободили заключенных. К несчастью, в перестрелке, завязавшейся у запертой двери фургона, был убит полицейский сержант. Несколько человек из числа нападавших пожертвовали собой, чтобы задержать погоню, и четверо из них были схвачены. Им было предъявлено обвинение в «убийстве» полицейского сержанта. Внезапный налет на ирландский квартал закончился целым рядом арестов, и один из арестованных был отобран для предания суду вместе с четырьмя первыми. Он оказался «лояльным» солдатом морской пехоты, находившимся в отпуске и не имевшим никакого представления обо всем случившемся.

Он и четверо других — Вильям Филипп Аллен, Майкл Ларкин, Майкл О'Брайен и Эдуард О'Мара Кондон, — несмотря на все усилия их защитника, лидера чартистов Эрнста Джонса, были признаны виновными и приговорены к смерти.

Присутствовавшие на суде журналисты единогласно выражали уверенность в невинности солдата, и он был «помилован». Кондону, как американскому гражданину, казнь была отменена¹, и по отбытии срока заключения он был освобожден. Остальные трое были повешены 23 ноября 1867 г., несмотря на то, что ни один из них не произвел того рокового выстрела, и смерть сержанта была результатом случайности.

Эта казнь вызвала ужас во всей Ирландии. Для сопровождения украшенных многочисленными венками гробов с начертанными на них именами «манчестерских мучеников» была организована грандиозная траурная процессия. За участие в этих демонстрациях подверглись преследованиям даже люди, настроенные резко враждебно к фенианству, среди них — Джон Мартин, участник событий 48 года, и А. М. Сулливан.

Брат последнего, Тимоти Д. Сулливан, подхватил брошенный со скамьи подсудимых клич: «Боже, спаси Ирландию!» и написал стихотворение, которое сразу же было признано «нацио-

¹ Настроение в США во время гражданской войны (1861—1865) было резко антианглийским, особенно в связи с объединением английских колоний в Канадский доминион. Казнь американского гражданина могла только усилить подобные настроения. — *Прим. ред.*

нальным гимном» Ирландии; эта честь сохранялась за ним до тех пор, пока после событий пасхальной недели 1916 г. его не заменила «Песня солдата».

Взрыв в Клеркенуэлле

Конец года был отмечен происшествием иного порядка. Один видный организатор фениев находился в тюрьме в Клеркенуэлле, и группа сторонников фениев, действуя по собственной инициативе, решила освободить его днем 13 декабря 1867 г. при помощи взрыва бочки пороха у стены, окружающей тюремный двор.

Силой взрыва было вырвано из стены и переброшено через тюремный двор сорок тонн камня. На противоположной стороне был полностью разрушен ряд высоких жилых домов, отделенных от тюрьмы только узким переулком. Четыре человека были убиты наповал, трое умерло от ран, и 120 человек получили более или менее серьезные ранения.

Это не было делом рук организации фениев, все лидеры которой осудили это варварское безрассудство. Но этот случай показал, что наступило вырождение, что дисциплина фениев исчезает, оставляя только безрассудную ненависть и безответственную готовность к актам насилия.

Глава XXII

ПЛОДЫ ФЕНИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Как военный заговор движение фениев окончилось полной неудачей, но тем не менее оно принесло значительные плоды. С одной стороны, для ирландцев оно воскресило идеалы Уолфа Тона и «Объединенных ирландцев» и возродило их в качестве образца ирландской национальной борьбы. Оно показало англичанам и всему миру наличие и размах ирландских стремлений к раскрепощению нации. Оно, по меньшей мере, доказало, что Акт об унии, как средство слияния двух наций в одну, оказался полнейшей неудачей. Английские радикалы и рабочие, главным образом под влиянием Карла Маркса и Международного товарищества рабочих, вернулись к чартистским взглядам и потребовали «справедливости к Ирландии»¹. Ответом Гладстона было отделение (протестантской) церкви от государства в Ирландии (1869).

¹ Джексон допускает ошибку, утверждая, что К. Маркс и I Интернационал требовали возвращения к чартистским взглядам по вопросу о независимости Ирландии. В противоположность чартистам, требования которых ограничивались абстрактным лозунгом о «справедливости к Ирландии», К. Маркс решал вопрос о независимости Ирландии с точки зрения интересов пролетарской революции. К. Маркс всегда считал, что национальное освобождение Ирландии может быть достигнуто только революционной борь-

I Интернационал и фенин

Период агитации фениев в Ирландии совпал с периодом оживления деятельности радикалов и рабочих в Англии.

Международное товарищество рабочих было основано в 1864 г. В 1865 г. под сильным влиянием Интернационала Лига национальной реформы начала свою агитацию за расширение избирательных прав. В 1866 г., когда демонстрация Лиги реформы не была допущена в Гайд-Парк, демонстранты на протяжении полумили разнесли изгородь и силой проложили себе путь. Когда события 1867 г. выдвинули на передний план фениев и ирландский вопрос, Интернационал возглавил кампанию, требующую рассмотрения ирландских претензий, и поставил на обсуждение вопрос о возможности агитации за расторжение унии с Ирландией.

Теоретик и политический вождь Интернационала, Карл Маркс весьма энергично направлял деятельность Интернационала в этом направлении. Он вместе со своим другом Энгельсом проявлял большой интерес к Ирландии еще с тех пор, когда в качестве сторонников чартизма оба они поддерживали требования о расторжении унии. Одна из первых статей Маркса для нью-йоркской «Трибуны» (июнь 1853 г.) была посвящена убедительным доказательствам в пользу прав арендаторов. В ноябре 1867 г., сразу же после казней в Манчестере, Маркс в письме Энгельсу описывал прения в Генеральном Совете Международного товарищества рабочих, где суд и казни были резко осуждены. Поскольку он (Маркс) и Международное товарищество рабочих могли легально вести агитацию только за расторжение унии с Ирландией, он предложил Энгельсу, поддерживавшему тесные связи с руководителями фениев, убедить последних принять программу, содержащую пункты: 1) самоуправление и независимость, 2) аграрная революция, 3) защитительные тарифы, направленные против английской конкуренции.

Не менее замечательное письмо написано Энгельсом Марксу на следующее утро после казней в Манчестере:

«Единственно, чего фениям не доставало, это мучеников. Их дали им... Лишь благодаря казни трех лиц освобождение Келли и Диззи превращается в героическое деяние, о котором будут распеваться песни над колыбелью каждого ирландского ребенка... Ирландские женщины сделают это... ..единственным примером казни по аналогичному делу в цивилизованном государстве был случай с Джоном Броуном в Гарперс-Ферри. Лучшего прецедента фении не могли себе желать...

Как известно, Луи-Наполеон во главе своей босяцкой банды расстрелял в Булони дежурного офицера. Итак, он

бой народных масс Ирландии, при активной поддержке английского рабочего класса (см. В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 405—412, 4-е изд.). — *Прим. ред.*

сделал то, что якобы сделал Аллен, но чего он на самом деле не сделал. За это английское правительство вешает Аллена, а Луи-Наполеона английская королева целует в щеку, английская же аристократия и буржуазия целует ему зад»¹.

Марксу не удалось убедить Международное товарищество рабочих начать агитацию за расторжение унии². В этом ему помешал приход к власти Гладстона и решение последнего немедленно провести билль об отделении церкви от государства в Ирландии (1869). Но Маркс и Энгельс вели энергичную работу в Международном товариществе рабочих за поддержку движения за амнистию, которая 4 января 1871 г. была дана большинству руководящих фенианских узников.

Акт Гладстона об отделении церкви от государства

Протестантская церковь в Ирландии, несомненно, была ненормальным явлением. Она была церковью незначительного меньшинства, но созданной в масштабах, достаточных для обслуживания всего населения. Из 5 750 тыс. населения, четыре с половиной миллиона были католиками, три четверти миллиона — диссентерами и только полмиллиона — последователями, в большинстве только номинальными, епископальной церкви. Из 1478 приходов только в 181 среди постоянного населения насчитывалось более 1000 последователей «церкви». В 201 приходе их числилось менее чем по 40 человек, в 91 приходе не приходилось и по десятку на каждый. Кроме того, был целый ряд приходов, не имевших ни единого последователя протестантской церкви. В течение нескольких столетий церковь была только средством обеспечения жалования, назначенным аристократическими покровителями, но не живущим в своих приходах священникам.

Часть английского духовенства в Ирландии приветствовала реформу, и даже орден оранжистов не смог пожаловаться почти ни на что, кроме заявления Гладстона о том, что ирландская церковь была втянута «в орбиту практической политики» благодаря деятельности фениев. Как только сбор церковной десятины был отменен, протестантская иерархия в Ирландии смогла пользоваться популярностью, и теперь находилась в наилучших отношениях с приходскими священниками. Характерной чертой этого акта было то, что, уничтожив излишние епископские и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XXIII, стр. 472—473.

² Утверждение Джексона является ошибочным. В действительности, I Интернационал под влиянием К. Маркса вел борьбу за расторжение унии (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XIII, ч. I, стр. 347, ч. II, стр. 440—441 и др.). — *Прим. ред.*

другие церковные должности, он создал фонд, из которого многочисленные низкооплачиваемые священники и их помощники получали значительные прибавки к своему жалованию.

Уничтожив только незначительные обиды, церковная реформа не внесла значительных изменений в общее положение в Ирландии кроме устранения почвы для наиболее примитивных форм «католической» демагогии.

Традиции фениев

Важнейшим плодом фенианской агитации было то, что она твердо установила в сознании ирландцев — как на родине, так и в изгнании — традицию стойкости и верности делу национальной свободы, традицию, которую с тех пор уже ничто не могло полностью заглушить. За время своего существования фенианство вовлекло в свои ряды всех членов заговора «риббонистов» и подчинило их своей дисциплине. Возврат к аграрному террору в деревне, последовавший за распадом фенианства, осуждался даже в сельских местностях, как отступничество от фенианского идеала дисциплинированности и мужества. Самодовольные филистеры могли считать глупостью и романтикой идею «ныне фактически установленной» Ирландской республики; тем не менее, составляя неотъемлемый элемент ирландской национальной традиции, она сохраняла свою действенность.

Политическое содержание фенианской доктрины сознательно и намеренно совпадало с учением Тона и Дэвиса и частично с учением Митчела и Лалора. Несколько примеров (взятых главным образом из выдержек из газеты «Ирландский народ», вошедших в 1865 г. в обвинительный материал против фенианских лидеров) иллюстрируют эти положения:

Демократическое кредо фениев подтверждается следующим:

«Двадцать лет тому назад Томас Дэвис призывал аристократию спасти народ своей рукой. Мы не обращаемся с призывом к аристократии... Она — послушное орудие чужеземного правительства, политика которого заключается в том, чтобы убивать народ или сгонять его с земли, как ненужный сброд. Народ должен спасти себя сам».

«Свержение тирании всегда было делом рук народа. Его объединенными и решительными усилиями создаются и низвергаются правители. Славные примеры тому нам дали Америка и Франция».

«Силой оружия Ирландия была вырвана из рук своих законных владельцев — ирландского народа. Никакими иными средствами ее не вернуть».

Аграрный идеал фениев выражен не менее ярко:

«Необходимо даже нечто большее, чем успешное восстание. Что же необходимо? Полная революция, которая

возвратит страну ее законным владельцам. Кто же они? Народ».

«Перед каждым человеком стоит одна простая цель, к достижению которой он должен стремиться. Эта цель — избавить свою землю от грабителей и сделать каждого земледельца хозяином своей земли, полным собственником унаследованного от отцов дома и земли, которые станут наследством, стоящим того, чтобы свободный человек передавал его своим детям, а дети владели им, живя в стране, не сгибающейся ни перед какой силой на земле».

Чарлз Кикгем, сам ярый католик, так писал о клерикализме:

«Ничто не доставило бы нам большего удовольствия, чем избавление от жгучего вопроса об участии священников в политической деятельности... Но нам навязали этот вопрос. Мы поняли, что прежде, чем народ сделает первый шаг по пути освобождения, он должен научиться отличать священника — служителя религии, от священника — политического деятеля... Наша единственная надежда в революции, но большинство епископов и многие из священников против революции... Когда священники превращают алтарь в ораторскую трибуну, когда чтение «Ирландского народа» объявляется «смертным грехом» и даже желание свободы Ирландии тоже объявляется «смертным грехом», когда священники убеждают людей становиться шпионами... одним словом, когда епископы и священники помогают делу врага, мы считаем своим долгом сказать народу, что епископы и священники могут быть плохими политиками и еще худшими ирландцами»¹.

С такой же целью писал Луби:

«Эмансипация² была мероприятием, рассчитанным почти исключительно на благо высших и средних слоев католиков... Отделенная от дела независимости эмансипация превратилась просто в средство... подкупа и развращения богатых или образованных католиков — в средство выманивания их из национальных рядов».

О'Лири следующим образом подводит итог первого года существования «Ирландского народа»:

¹ Кикгем сомневался в том, что О'Лири и Девой вообще верят в бога. Узнав, что они по освобождении с каторги проводили свободное время в Париже, изучая архитектурные памятники, он заметил: «Если этот человек (О'Лири) будет еще долго рассматривать соборы, может быть, его когда-нибудь осенит благодать божия».

² Имеется в виду «эмансипация» католиков. См. гл. XIII данной книги. — *Прим. ред.*

«В одном отношении мы могли только следовать по стопам политики старой «Нации», и, поступая так, мы заслужили ту же награду — ненависть ханжей. Может быть, не будет неуместным привести сейчас сказанные по такому же поводу слова Дэвиса: «Мы считаем явной бессмыслицей страх протестантов перед католиками и страх католиков перед протестантами. Их взаимная неприязнь — нечто гораздо худшее. Однако эта бессмыслица и это преступление разорили страну». Писать об этом сейчас, к сожалению, почти так же необходимо, как и в то время, когда писал Дэвис, и главными виновниками настоящего положения являются наши псевдонациональные газеты».

Включение этих выдержек (кроме последней) в официальный обвинительный материал против лидеров фениев свидетельствует о влиянии их учения.

Наконец, заслуживает внимания, как отмечал и Джеймс Конноли, что фенианство, хотя и было бесспорно национальным, а не классовым движением, все же успешнее всего привлекало к себе наемных рабочих, в особенности в среде изгнанников, поселившихся в Англии, Шотландии, Соединенных Штатах и Австралии. В Ирландии «Ирландский народ» едва удерживал свои позиции, соревнуясь с газетами конституционалистов, которых поддерживала всей силой своего влияния церковь. Там же, где арена была свободнее, а следовательно, страх перед запугиванием клерикалов меньше, как, например, в среде изгнанников, там «Ирландский народ» полностью вытеснял с арены своих противников.

Иными словами: И. Р. Б. представляло крестьянство и пользовалось его широкой поддержкой, но главная сила и главный источник его влияния были в городе и среди пролетариев-эмигрантов. Рабочие, и очень часто неквалифицированные рабочие, составляли подавляющую часть костяка армии, солдаты которой пели:

Плечо к плечу сражались храбро наши деды,
Когда страна не знала поступи раба;
Они со славой шли вперед и умирали,
Когда в родных полях встречал их град свинца.
И мы — наследники их имени и духа —
Под знаменем Свободы в бой пойдем
И всех поклонников саксонского закона
С дороги фениев безжалостно сметем!

Дж. Бойл О'Рейли

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ОТ ПАРНЕЛЛА ДО ПАСХАЛЬНОЙ НЕДЕЛИ И ПОСЛЕДУЮЩИЙ ПЕРИОД

Глава XXIII

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ПЕРИОД 1870—1916 гг.

В этой части мы рассмотрим процесс возрождения в период, последовавший за распадом движения фениев. Наиболее выдающимися явлениями этой эпохи были деятельность Парнелла и его парламентская борьба, совпадавшая с ней по времени борьба за землю и более поздняя революционная борьба, начатая Конноли и Пирсом на пасхальной неделе 1916 г. и завершившаяся договором 1921 г. и расчленением Ирландии в 1925 г.

В настоящей главе мы коснемся экономических корней, которые питали и взращивали эту борьбу.

Развитие сельского хозяйства в Ирландии

До голода 1846—1848 гг. политические экономисты объясняли затруднения Ирландии наличием «излишнего населения». В годы бедствия эти причины были полностью устранены, и, следовательно, с этого момента «прогресс» мог идти по «нормальному» для существовавших тогда условий пути. Характер этих условий можно установить из цифр, приводимых в сравнительной таблице посевных площадей в 1849 и в 1914 гг.

Культура	1849 г. (в акрах)	1914 г. (в акрах)
Пшеница	697 646	26 916
Овес	2 061 185	1 028 645
Ячмень	290 690	179 824
Картофель	718 608	583 609
Брюква	260 069	276 872
Травы	1 141 371	2 487 513*

* В данные за 1914 г. включены цифры, характеризующие площадь лугов и площадь пастбищ.

Все цифры этой таблицы свидетельствуют о неуклонном переходе от пахотного хозяйства к пастбищному, а следовательно, и о непрерывном экономическом вытеснении групп, непосредственно зависящих от обработки земли. Например, площадь под картофелем сократилась приблизительно на одну пятую — это сокращение посевной площади соответствует уменьшению населения. Сокращение площади под пшеницей до одной восемнадцатой площади 1849 г. имеет решающее значение, поскольку показывает непрестанное сокращение площади по сравнению с уровнем 1800 г. Сокращение на половину площадей под овсом, являющимся основной культурой, и сокращение на одну треть посевов ячменя — в обоих случаях значительно большее, чем уменьшение населения, и значительно меньшее, чем сокращение площади под пшеницей, — свидетельствуют, во-первых, о росте значения скотоводства, а во-вторых, о том, что пивоварение и винокурение частично сдерживали общий отход от пахотного хозяйства. Постоянное уменьшение спроса на труд непрерывно ставило низшие слои сельского населения перед выбором между добычей средств к существованию путем обработки мелких участков и эмиграцией. Данные переписи скота за соответствующие годы дают следующую картину:

	1849 г.	1914 г.
Лошадей	525 924	619 028
Крупного рогатого скота	2 771 139	5 051 645
Овец	1 777 111	3 600 581
Свиней	795 463	1 305 638
Птицы	6 328 001	26 918 749

Эти цифры говорят сами за себя. В эти годы Ирландия резко перешла на производство и экспорт скота и птицы для английского рынка. Хотя мы и не располагаем сравнительными статистическими данными, но можно считать, что экспорт яиц, масла и бэкона также увеличился, хотя и в иной пропорции.

При оценке значения этого курса развития надо брать все вышеописанное за исходный пункт. Если сельскохозяйственное производство Ирландии развивалось параллельно с сокращением ее промышленного производства, то развитие промышленности Англии в тот же период намного превосходило развитие ее сельского хозяйства. А поскольку английский спрос на хлеб возрастал с увеличением ее населения, то сокращение ирландского (а также и английского) пахотного хозяйства вызывало рост других, более дешевых источников снабжения. Подобным же образом значение экспорта мясных продуктов надо рассматривать

в свете английского спроса, во-первых, на высокосортное «парное» мясо и птицу для изысканного потребления и, во-вторых, на дешевое мороженое и консервированное мясо для массового потребления. В результате в этот период Ирландия фактически была сведена на положение поставщика продуктов питания почти исключительно для английского рынка, а на этом рынке ее продукция испытывала непрерывно усиливающуюся конкуренцию со стороны пшеницы и других зерновых из заморских стран (в особенности Северной Америки), мясной продукции Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки и т. д., а также со стороны поощряемого государством производства бэкона и молочных продуктов Дании и т. д.

Короче говоря, Ирландия была вынуждена в полной мере испытывать давление развивающейся и усиливающейся мировой конкуренции и ее последствий в виде прогрессирующего падения цен на сельскохозяйственные продукты. В то же время Ирландия была лишена всякой возможности иметь какую-либо компенсацию, извлекая выгоды от возрастающего спроса на промышленные товары, и даже вводить пошлины в интересах своего собственного сельского хозяйства. Способность Ирландии накапливать капитал была сведена к минимуму в результате жестокого сбора лендлордами «дани», большая часть которой шла на увеличение капиталонакоплений Англии. Рассматривая Ирландию в целом, можно сказать, что усиливающееся давление мировой конкуренции неотвратимо порождало прогрессирующее ухудшение условий жизни для ее сельскохозяйственного населения.

Это ухудшение отрицают лица, основывающие свои наблюдения только на изучении условий существования самого низшего слоя населения, причем в наиболее тяжелые периоды времени. Однако надо иметь в виду, что начиная с 1845 г. голод и эмиграция постоянно выкачивали некоторую долю населения, равную численности людей, которые иначе были бы ввергнуты в нищету. Постоянная бедность сельских слоев в Ирландии не является статическим явлением, эта бедность так же неуклонно воссоздавалась, как и «излечивалась» эмиграцией.

Таково в основном фактическое положение, которое находило свое выражение в бесконечных волнениях, с одной стороны, и в постоянном введении чрезвычайного положения — с другой.

Положение в Белфасте

В этот период Белфаст и прилегающий к нему район представляли собой резкий контраст по сравнению с остальной сельскохозяйственной Ирландией. Излюбленным приемом политиков-антинационалистов было указывать на Белфаст и обращаться к националистам с вопросом: «Если Белфаст может процветать, почему же вы не можете добиться того же?»

Неизвращенное изложение фактов разоблачает лицемерие, а также и невежество, заключенные в этом вопросе.

В изучаемый период английские правящие круги настаивали на применении в сельскохозяйственной Ирландии принципа *laissez-faire*, принципа фритредерства в сельском хозяйстве. Белфаст в данном случае достиг процветания благодаря тому, что в каждый критический период принцип *laissez-faire* в отношении его отбрасывался и вводились специальные протекционистские мероприятия.

В 1856 г. парламент предоставил управлению Белфастского порта особые полномочия, а правительство — денежные средства на переоборудование порта, чтобы сделать его доступным в любое время, а не только в момент прилива. Это было проделано с целью расширения возможностей судоремонтной (а впоследствии и судостроительной) промышленности, сконцентрированной на реках Мерсей и Клайд¹. Но этим преследовалась и вторая цель — дать возможность заинтересованным капиталистам избавиться от «жадности» тред-юнионов указанных районов. «Процветание» прилегающего к Белфасту района порождено прежде всего его судостроительной и судоремонтной промышленностью, которая, в свою очередь, обязана своим существованием, во-первых, английскому парламенту, во-вторых, английскому правительству и, в-третьих, классу английских капиталистов, содействие авших развитию Белфаста (при помощи капитала, который был выкачан главным образом из остальной Ирландии), потому что это соответствовало их экономическим и классовым интересам, точно так же, как в XVII и XVIII вв. их интересам соответствовало покровительство и поощрение второй опоры Белфаста — его льняной промышленности.

Установление ольстерского обычая (описанного ранее) в сельскохозяйственном Ольстере явилось еще одним отрицанием принципа *laissez-faire*.

Короче говоря, примеры Белфаста и Ольстера служат уничижающим обвинительным актом против той английской экономической политики, которая была навязана остальной Ирландии.

Борьба за землю 1870—1909 гг.

Только что сделанное заключение можно проиллюстрировать тем, что тори осудили гладстоновский Земельный акт 1870 г. — первый из длинной серии таких актов — как «грубое вмешательство в права собственности», т. е. в право лендлорда «делать со своей собственностью все, что он пожелает».

В действительности акт Гладстона был попыткой распространить ольстерский обычай на остальную Ирландию. Эта попытка

¹ Т. е. для судостроительной промышленности Ливерпуля и Глазго. — Прим. ред.

окончилась неудачей отчасти потому, что в этом акте содержались ограничения, препятствующие арендаторам пользоваться его преимуществами, но главным образом потому, что лендлорды саботировали его осуществление.

Развитие мирового рынка сельскохозяйственной продукции и постоянное падение цен на этом рынке все в большей и большей степени лишало арендаторов возможности выплачивать ренту лендлордам. Последние нашли из этого выход в виде «консолидации» своих поместий — «очищения» их от арендаторов мелких ферм с тем, чтобы освободить место для крупного хозяйства. Одновременно лендлорды повышали арендную плату, отчасти в целях ускорения процесса «очищения», отчасти пользуясь его следствиями. Когда согнанные со своего места, жаждущие получить землю арендаторы начинали жестоко конкурировать друг с другом за те немногочисленные мелкие участки, которые еще можно было где-либо получить, арендная плата сейчас же повышалась. Одновременно происходило падение цен на сельскохозяйственные продукты — одно из следствий политики «расчистки территории» от «маленьких людей».

Эта политика принесла свои плоды: во-первых, организованную Майклом Девиттом и поддержанную Парнеллом и парламентской партией Земельную лигу, а затем Земельный акт 1881 г., вводивший принцип «двойственного владения». Последнее принесло удовлетворительные результаты лишь в той мере, в какой оно облегчало, хотя и в незначительной степени, покупку арендаторами своих участков.

Непрекращающиеся волнения и агитация привели, во-первых, к внесению Gladstone и отвергнутому парламентом первому биллю о гомруле (1885) и, во-вторых, к Земельному акту 1885 г., увеличивавшему возможности покупки арендаторами участков. В этот акт были внесены поправки в 1887, в 1888, (дважды), в 1889 и в 1891 гг., но они не удовлетворяли ни арендаторов, ни лендлордов.

Второй билль Gladstone о гомруле (1893) был задуман прежде всего с целью переложить ответственность за разрешение земельного вопроса на плечи местного ирландского «парламента». Билль прошел через палату общин, но был отвергнут палатой лордов.

Земельные акты в дальнейшем были дополнены поправками в 1894, 1896 и 1901 гг. Затем в 1903 г. секретарь по делам Ирландии Джордж Виндгем (тори) ввел закон, предусматривающий правительственную субсидию с целью побудить лендлордов продавать земельные участки своим арендаторам в рассрочку. Этот закон был изменен либералами в 1909 г. и, в свою очередь, послужил прелюдией третьему биллю о гомруле (1910). После длительной и ожесточенной парламентской борьбы в 1914 г. этот билль стал законом. «Восстание» сторонников

Карсона и начало европейской войны задержали проведение этого закона в жизнь.

Восстание на пасхальной неделе в корне изменило всю обстановку.

Это краткое изложение показывает, что в период с 1870 по 1916 г. аграрная борьба была источником силы парламентской борьбы, а эта последняя, обострив аграрную борьбу, в свою очередь, уступила место вооруженному восстанию. Что национальная борьба в целом явилась результатом экономических последствий английского завоевания, становится совершенно очевидным.

Ирландию фактически принудили ограничиться главным образом сельским хозяйством, причем для продукции этого хозяйства не было других доступных рынков, кроме английского. Но на английском рынке ирландцы были вынуждены продавать свою продукцию по ценам, устанавливаемым в результате мировой конкуренции, тогда как ирландское сельское хозяйство не имело возможности двигаться по пути прогресса в силу того, что оно было обременено паразитическим лендлордизмом.

Лалор и теория аграрной борьбы

Теория о том, что аграрная борьба ведет к борьбе политической, была впервые сформулирована Джеймсом Финтеном Лалором в период существования «Молодой Ирландии». Однако в то время его работа получила известность только в силу своей непосредственной значимости — как одна из многих работ о методах осуществления восстания. Лалор вообще немало способствовал движению «Молодой Ирландии» и оказывал личное влияние на лидеров фениев Луби и О'Лири. Но в качестве мыслителя, выдвинувшего определенную политическую философию, он был впервые признан в Ирландии только благодаря влиянию лидера Земельной лиги Майкла Девитта.

Лалор писал немного и в течение недолгого времени, но его роль была столь велика, что уместно привести несколько цитат из его сочинений;

«Право частной собственности... это — право каждого человека на владение, пользование и передачу во владение или пользование другому всего того, что он создал сам... Но ни один человек не может, основываясь на нем, претендовать на право собственности на землю».

«Я считаю и утверждаю, что вся земля страны по праву принадлежит всему наряду данной страны и является законной собственностью не одного какого-либо класса, а всего народа в целом, находится в его полном владении и может предоставляться тем, кому народ пожелает ее предоставить, на таких условиях землепользования, какие он

желает установить; однако существенно и обязательно одно условие... полная, нерушимая и подлинная преданность стране и законам страны, земля которой дается данному человеку в пользование».

«Более того, я утверждаю, что осуществление народом этого важнейшего права собственности на землю имеет огромное значение, для действенности и жизненности всех иных прав, для их законности, эффективности и ценности, для бесспорного владения этими правами и для неуклонного осуществления их».

«Меня, как и всякого другого, мало тревожит «завоевание», рассматриваемое абстрактно, как некое событие, совершившееся несколько веков тому назад. Но это «завоевание» все еще продолжает существовать со всеми свойственными ему правами, требованиями, законами, взаимоотношениями и последствиями. Лендлорд владеет своими землями по праву завоевания и пользуется своей властью, как может пользоваться только завоеватель».

«Запомните слова этого пророчества — принцип, который я выдвигаю, касается самых основ Европы и рано или поздно заставит Европу восстать. Простые люди будут хозяевами земли. Право народа создавать законы — этот принцип породил первое великое землетрясение современности, позднейшие отзвуки которого даже теперь еще волнуют сердце мира. Право народа владеть землей — этот принцип породит следующее землетрясение. Займитесь физическим трудом, господа-помещики, и обучите труду ваших сыновей. Это пойдет вам на пользу».

Эти цитаты достаточно ясно показывают сущность доктрины Лалора. И неудивительно, что она взволновала Майкла Деви́тта, размышлявшего над ней в камере портлендской тюрьмы, и что после его освобождения она принесла плод в виде Земельной лиги. Неудивительно и то, что одной из первых брошюр, изданных Джеймсом Конноли, была перепечатанная работа Лалора «Символ веры ирландского политического преступника», а также и то, что в тексте декларации о провозглашении республики, объявленном на пасхальной неделе 1916 г., мы находим следующие слова:

«Мы заявляем, что народ Ирландии имеет суверенное и неотъемлемое право владеть Ирландией и свободно распоряжаться судьбой Ирландии».

Этот принцип — заимствовался ли он прямо или косвенно у Лалора или заново выдвигался каждым из последующих лидеров — находит постоянное выражение в ирландской национальной борьбе, и чем больше мы ее изучаем, тем яснее это становится.

ГОМРУЛЬ¹. НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРНЕЛЛА

Результатом массовой кампании за амнистию фениев, осужденных в 1865 и 1867 гг., явилось возникновение агитации за гомруль для Ирландии и создание в 1870 г. ирландской национальной партии в парламенте — партии, которая всецело завладела политической жизнью Англии, отодвинув все остальное на задний план.

В данной главе мы проследим это движение с момента его зарождения до прихода к руководству Чарлза Стюарта Парнелла в 1877 г.

Начало движения за гомруль

Партия гомруля отличалась от ранее существовавших партий тем, что она была создана народным движением, воодушевленным главным образом идеями фениев. В период с 1870 по 1877 г. нечего было и думать о возобновлении вооруженной борьбы. Но чтобы не потерять своих сторонников в Ирландии, возникшая в эти годы партия гомруля должна была стремиться или, казалось, стремилась достигнуть цели фениев, хотя и иными методами.

Горячие симпатии, которые породила борьба фениев, нашли себе выражение прежде всего в требованиях амнистии. Гладстон признавал, что обиды Ирландии были обоснованы. Было поистине жестоко обращаться с людьми, искавшими средств к устранению этих обид, более сурово, чем с самыми закоренелыми преступниками.

Инспирированные Дублинским замком яростные нападения полиции на первые митинги, где выдвигались требования амнистии, только усиливали возмущение.

Руководимые Карлом Марксом и Международным товариществом рабочих английские рабочие с воодушевлением поддерживали требования амнистии, а все английские государственные деятели, начиная с Вильяма Питта, боялись этого единства английских рабочих и ирландского национального движения, как непоправимого бедствия. Гладстон отвратил эту опасность, точно рассчитав свои маневры и во-время пойдя на уступки Ирландии, заключавшиеся в амнистировании около ста осужденных фениев. Освобождение остальных следовало через определенные промежутки времени.

Решение Гладстона было вызвано избранием в парламент О'Донавана Росса от округа Типперэри в 1869 г. Было объявлено, что Росса, как «осужденный преступник», находящийся в заклю-

¹ Home Rule — самоуправление. — Прим. ред.

чении, не имеет права на избрание. Это позволило предотвратить выдвижение кандидатуры Луби от графства Лонгфорд. «Передовые» люди согласились в качестве компромисса на кандидатуру Джона Мартина (связанного с газетой «Ирландский изменник» 48 года), но местному духовенству было предложено поддерживать сына местного лендлорда (Гревиля-Ньюджент), поскольку последний вследствие возведения его в пэры освободил место в парламенте.

Предвыборная борьба велась с чрезвычайным ожесточением; например, набожный сторонник папы, противник фениев А. М. Сулливан за поддержку Мартина, к своему изумлению, обнаружил, что его заклеили «гарибальдийцем», «убийцей священников» и «фением». Победило духовенство, но ценой этой победы было возникновение требования организовать массовое политическое движение, которое было бы способно разбить объединенные силы лендлордов и клерикалов. Справиться с такой задачей могло только национальное движение — движение, в большой мере вдохновляемое духом фениев и связанное их дисциплиной.

Несколько случаев жестоких выселений подтвердили необходимость создания такого движения. В Типперэри один лендлорд, пытавшийся вручить своим арендаторам извещение о выселении, был трижды отбит вместе с сопровождавшим его полицейским эскортом группой объединившихся под руководством фения соседей выселяемых. Попытка захватить врасплох другого арендатора была отбита фениями, которые были вооружены револьверами и ружьями, при этом управляющий имением и один из полицейских были убиты на месте; сам лендлорд и несколько человек из его слуг получили тяжелые ранения, причем двое умерли от ран.

Вышеописанный инцидент вызвал принятие Земельного акта 1870 г. Но это было не все: эти события побудили группу выдающихся лиц, придерживающихся самых различных националистических взглядов, собраться в Дублине в мае 1870 г. и образовать Ассоциацию самоуправления Ирландии. Во главе этого движения стал адвокат Исаак Батт, бывший некогда лидером дублинских консерваторов и впоследствии выступавший защитником на процессе лидеров фениев. Заместителем его был А. М. Сулливан.

Новое движение сразу же добилось успеха на выборах в графстве Мит, когда, несмотря на сильное противодействие духовенства, Джон Мартин одержал победу. Но самое большое испытание движение выдержало в Керри на выборах 1872 г.

Керри считало в как бы собственностью местного лендлорда Кенмара; место в парламенте освобождалось вследствие перехода виконта Кэстельроссе в палату лордов по случаю смерти его отца; новый лорд Кенмар считал само собой разумеющимся,

что он сам может выставить кандидатуру своего преемника. К его ужасу, против его кандидата был выставлен кандидат от партии гомруля, который и был избран, получив значительное большинство.

На выборах в Клэре прошел сторонник гомруля, но для Ирландии это были последние выборы с открытой подачей голосов. Считая, что исход выборов явился результатом «запугивания», парламент немедленно провел Акт о порядке проведения голосования 1872 г.

Через несколько недель на специальной конференции была формально создана Ирландская Лига гомруля, и ее члены обзывались в случае избрания голосовать и действовать сплоченно в качестве самостоятельной партии.

К изумлению всех, всеобщие выборы 1874 г. принесли Лиге успех, превзошедший все ее надежды. Поражение потерпели только два кандидата, причем один из них получил меньшинство только в три голоса. Было избрано шестьдесят сторонников гомруля и выиграно пятьдесят мест. Все места, кроме семи, были отвоеваны у либералов. Познания Гладстона в ирландском вопросе значительно увеличились.

Партия гомруля в парламенте

Создав партию, принявшую на себя обязательство неуклонно противодействовать всякому правительству, которое не включит гомруль в свою программу, и организованно сохранять свободу действий даже по отношению и к такому правительству, которое поддержит гомруль, Лига гомруля открыла новую страницу парламентской истории. Принятие концепции третьей партии и создание таковой из католиков, протестантов, либералов, консерваторов, участников событий 48-го года и фениев было само по себе значительным фактом. Английские партии — либералы и тори — поняли ее значение, неизменно объединяясь, чтобы провалить все ирландские предложения, внесенные новой партией. Само по себе это было успехом, так как значительно способствовало упрочению солидарности и национального сознания этой партии и оказывало еще более сильное воздействие на массы избирателей в Ирландии. До 1874 г. эти массы были или вовсе безразличны к парламенту и его деятельности, или открыто враждебны к нему — как к фактору, отвлекающему умы от «прямого действия» и восстания. Теперь они начали понимать, что и парламентская борьба таит в себе некоторые возможности.

Для непосредственного достижения конкретных целей парламентская партия была в этот период значительно менее надежным инструментом, чем в последующее время. Но в качестве средства воодушевления, мобилизации, воспитания и укрепления

в ирландском народе чувства национального сознания эта партия была — или, во всяком случае, могла стать — чрезвычайно ценной, значительно более ценной, чем представляли себе, за немногими исключениями, ее члены.

Одним из числа этих немногих и единственным наиболее полно представлявшим себе эту ценность был молодой протестант и лендлорд, происходивший из Уиклоу, из семьи, стяжавшей известность в парламенте Граттана, — Чарлз Стюарт Парнелл (1846—1891), избранный весной 1875 г. после смерти Джона Мартина на его место в парламент от графства Мит.

Умелая обструкция: Биггар и Парнелл

Обструкция — «искусство затягивания парламентской работы» — всегда признавалась законным оружием оппозиции, применявшимся в исключительных обстоятельствах. Появившись в парламенте, Парнелл был свидетелем первых попыток прибегнуть к обструкции со стороны член в партии гомруля, решивших применять ее, хотя и не постоянно, а лишь в качестве вызывающего раздражение тактического приема.

Подлинным инициатором этих попыток был Джозеф Джиллис Биггар, белфастский оптовый торговец свининой, член парламента от Кавана. Биггер впервые скандализировал палату, сделав замечание, что он «видит присутствие посторонних», как только принц Уэльский, желавший послушать дебаты об улучшении пород лошадей, занял свое место на галерее. В это время Биггар состоял — хотя об этом не было известно большинству его коллег — членом Высшего совета И. Р. Б. Замечание члена палаты о «присутствии посторонних» означало требование удалить с галереи всех находившихся там, и в том числе наряду с представителями прессы и принца Уэльского. Согласно существовавшим в то время правилам палаты, спикеру оставалось только приказать «посторонним» удалиться.

Члены всех партий, в том числе и его собственная, единодушно осуждали члена палаты от Кавана за его «неджентльменское» поведение. Но поскольку «Джо» Биггар никогда и не стремился называть себя джентльменом, эти красноречивые осуждения растрачивались понапрасну. Столь же бесплодны были и отзывы прессы, подобные приводимому ниже высказыванию «Уорлд» от 5 марта 1875 г.

«Мистер Биггар принес в это высокое собрание манеры своей лавки, но даже и для белфастской лавки его манеры чрезвычайно плохи. Когда он поднялся, чтобы обратиться к палате... в зале почувствовался запах соленой свинины и крепкий дух копченой селедки. Но незнакомому с обстановкой человеку можно простить, если он принял палату общин за собрание кредиторов, а сидящих на пра-

вительственн й скамье достопочтенных джентльменов — за пайщиков обанкротившейся фирмы, которые объявили о невозможности выплачивать даже по девять пенсов за фунт и служили подходящей мишенью для оскорблений со стороны несдержанного кредитора».

Благовоспитанный корреспондент из благовоспитанного «Уорлда» совершенно забыл, что Джо Биггар, не видевший ничего предосудительного ни в соленой свинине, ни в копченой селедке, именно и рассматривал джентльменов, восседавших на правительственной скамье, как недобросовестных должников, которые сами никогда не проявляли милосердия и не имели права рассчитывать на таковое для себя.

В тот вечер, когда Парнелл впервые занял свое место, Биггар «развлекал» палату, выступив с четырехчасовой речью по вопросу о заболеваниях свиней. Батт попросил его заполнить время, чтобы не допустить перехода к следующему пункту повестки дня, — обычный обструкционный прием. Биггар явился вооруженный целой кипой «синих книг»; он настоял на оглашении всех этих документов перед палатой, сопровождая чтение попутными одобрителными и неодобрителными замечаниями или иллюстрируя его анекдотами. Он кончил только тогда, когда у него пропал голос. Для парламента эта выходка была настолько скандальной, настолько доходящей до апогея наглости, что для осуждения ее не нашлось слов.

Парнелл с бесстрастной серьезностью наблюдал за происходящим. Это навело его на мысль, которую он впоследствии подробно разработал совместно с Биггаром. Она была крайне проста. Теперь у парламента никогда не хватит времени для той работы, которую он должен был проводить. Если бы каждый член парламента настаивал на подробном рассмотрении каждой мелочи в обычной деятельности правительства или обращал на них внимание палаты, то сессии должны были бы продолжаться вчетверо дольше, и все же ни на выступления отдельных членов, ни на проведение реформ времени не оставалось бы вовсе. Поэтому Парнелл и Биггар, собрав вокруг себя своих сторонников, взялись за дело с полной добросовестностью. Их деятельности чрезвычайно помогала сложившаяся веками сложная, архаическая процедура палаты — процедура, дававшая богатейшие возможности всякому, потрудившемуся изучить ее правила. Некоторые вопросы нельзя было рассматривать после определенного часа, если против этого выдвигались возражения. Другие вопросы после определенного часа вообще не подлежали обсуждению. В первом случае достаточно было просто сказать: «Я возражаю», а во втором нужно было развить ряд критических замечаний и требовать подробных разъяснений по предшествующему вопросу повестки дня.

Едва ли можно найти более резкий контраст в отношении стиля речи, внешности и манер, чем контраст между Биггаром и Парнеллом. Один из них был приземистый, нескладный и простой, с неприятным и резким, как крик коростеля, голосом, другой — высокий, стройный, аристократический, с выговором, который, несмотря на легкий оттенок американизма, выдавал в нем человека, учившегося в Кембридже.

Палата могла бы простить им, если бы они просто растрачивали время. Но палата не могла простить им их нескрываемого презрения к «высокому собранию» и их ухищрений, направляемых к тому, чтобы всеми мерами мешать разрешению любого вопроса.

Во-первых, ни один из них не говорил быстро. Оба были мастерами ясных формулировок. Биггар получал нескончаемое удовольствие, обращаясь к господину спикеру точно так же, как один белфастский приятель обращается к другому. Парнелл представлял собой чрезвычайно редкий тип: он не только знал, что говорил, но и говорил именно то, что хотел высказать, и ни слова больше или меньше.

Полное отсутствие риторических приемов в речах Парнелла заставило считать его «бесцветным». Но со временем людям пришлось убедиться, что обычная корректность манер Парнелла и его отвращение к риторическим украшениям были лишь выражением строжайшей самодисциплины, которая маскировала глубину политической страсти, в моменты проявления которой все театральные «громы» профессиональных ораторов казались ничтожными. Ораторы вроде Чарлза Джеймса Фокса испепеляли правительственные скамьи жаром своего красноречия. Парнелл замораживал их глубиной своего презрения.

К чести Парнелла и Биггара, необходимо отметить, что, как только возникала возможность заставить правительство провести какую-нибудь реформу, они немедленно ухватывались за нее и делали все, что только можно сделать. В течение сессии 1877 г. — ускорившей кризис — они подробно разработали два билля о тюрьмах, билль о мятеже в армии и флоте и билль о южно-африканском правительстве; даже их противники признавали, что только они и обеспечили внесение ценных поправок (как своих собственных, так и предложенных радикалами) и что без настойчивых усилий Парнелла и Биггара эти поправки не были бы подвергнуты обсуждению. Наиболее занимательным успехом была (частичная) отмена порки в армии и флоте. В течение ряда лет радикалы стремились осуществить эту реформу, но не могли добиться даже ее обсуждения. Благодаря упорству и искусству Парнелла и Биггара этот вопрос впервые был поставлен на обсуждение. Как только подлинные факты стали достоянием гласности, правительству пришлось уступить.

Как это ни странно, но прошло довольно много времени, прежде чем палата смогла понять, что Парнелл и Биггар были не просто чужаками и назойливыми людьми, какими они казались с первого взгляда. Когда же, наконец, стало ясно, что они продуманно стремятся лишить правительство Англии возможности осуществлять свои функции, пока законодательство для Ирландии упорно сохраняется за палатой общин, ярости тори не было пределов.

Характерный инцидент возник, когда Парнелл, выступая против билля о Южной Африке, разъяснил, что он, как ирландец, непосредственно знающий, каково отношение Англии к покоренным народам, испытывает величайшее удовлетворение, «затрудняя и пресекая выполнение намерений правительства». Когда вызванная этими словами буря несколько улеглась и последовало формальное предложение о временном исключении Парнелла, наиболее трезвая часть членов палаты поняла, что «пресечение выполнения намерений правительства» является нормальной функцией оппозиции. Резолюция об исключении Парнелла была снята. Этот инцидент очень типичен и показывает, до какого состояния истерии умудрялись доводить палату Парнелл и Биггар, только лишь поднимаясь с места, чтобы взять слово, что явно доставляло бесконечное удовольствие Биггару, любившему доводить раздражение до предела.

При обсуждении южно-африканского билля они перешли к открытой обструкции. Их и до этого уже обвиняли в обструкции за внесение бесконечных поправок, которые, по общему мнению, были «сформулированы с большим мастерством» и за которые редко голосовало менее пятидесяти членов парламента — англичан. Теперь же по данному вопросу ирландцев никто не поддерживал и они, не стесняясь, прибегли к обструкции.

Когда члены парламента попытались заглушить голос Парнелла кашлем, стоном, свистом и громкими разговорами, Биггар, перекрывая шум резким, как скрип пилы, голосом, заявил, что если достойные джентльмены не приготовились слушать, то дебаты лучше бы отложить, и внес соответствующее предложение. Внесение предложения об отсрочке дебатов, как только палата отказывалась слушать оратора-ирландца, стало обычным приемом. После того, как в течение нескольких дней подряд заседания палаты стали затягиваться до четырех часов утра, один из членов парламента, англичанин, надумал обратиться к лидеру (номинальному) ирландской партии Исааку Батту.

До того как Парнелл и Биггар начали свою кампанию, вмешательство членов парламента — ирландцев — в английские проблемы считалось неуместным. Поколение Батта восприняло этот взгляд, как само собой разумеющийся. Так не сможет ли теперь

Батт что-нибудь сделать с этими людьми, которые превращают «это самое высокое в мире собрание» в какой-то зверинец?

Батт, человек отзвучивший — а в лучшие годы своей жизни бывший весьма смелым и способным, — в этом отношении всегда был щепетильным. Он был джентльменом — ирландским джентльменом старой школы — одним из тех людей, которые могли дать своему извозчику совершенно вместо шиллинга, но могли и сами занять у извозчика полкроны. Да, Батт сможет что-нибудь сделать и, конечно, сделает. Он отправился в палату и прочел там Парнеллу и Биггару целую лекцию о том, «как надо вести себя в высоком собрании».

Старик привел тори и либералов в полный восторг и вполне удовлетворенный удалился. Но добился он только того, что с этого дня он фактически перестал быть лидером ирландской партии. Номинально он сохранял свое положение до самой смерти, последовавшей в 1879 г., но с этого дня подлинным лидером партии стал Парнелл.

Расхождение путей

Разногласие было значительно глубже, чем Батт и люди его школы могли себе представить. По существу это была борьба между парламентариями, которые, между прочим, были ирландцами, и ирландскими революционерами, которые, между прочим, оказались в парламенте: они оказались там лишь потому, что в данный момент революционная работа должна была совершаться в парламенте.

С точки зрения Батта, чрезвычайно важно было считаться с мнением палаты; с точки зрения Парнелла, это не имело никакого значения — и считаться с этим приходилось лишь постольку, поскольку это мнение могло нанести явный вред. Батт искренно желал гомруля, но лишь в качестве реформы механизма управления Британской империей.

Для Парнелла Британская империя представляла то, с чем всеми силами боролись его предки. По материнской линии он был потомком тех людей, которые отторгли значительную часть Британской империи и создали Соединенные Штаты. Его дед по материнской линии был «Нельсоном» американского флота в войне 1812 г. Его прадед по отцовской линии был командиром полка волонтеров в 1782 году — знамена этого полка висели над громадным камином в зале фамильного особняка Парнеллов. Этот прадед вместе со своим сыном был в числе кучки неподкупных, поддерживавших Граттана в его последней борьбе за предотвращение унии с Англией. Парнелл, как настойчиво утверждали его противники, и в самом деле не был знатоком ирландской истории. Но с самых юных лет он видел эти флаги и прекрасно знал их историю. Он так

же хорошо знал повествование о драматическом появлении Граттана в палате, куда последний явился, как восставший из гроба мертвец, чтобы высказать свое презрение и осуждение Кэстльри и другим «рабам, продавшим за золото свою родину, как Иуда продал своего бога». Он слышал рассказы о 98-м годе непосредственно из уст седобородых крестьян в имении своего отца — рассказы о Майкле Двайере и его людях, о Йоменри и их делах. Он мог при желании рассказывать о варварских порках, которые проводили йоменри, слово в слово повторяя слышанное им из уст сохранившихся свидетелей и сыновей погибших.

Короче говоря, Парнеллу не нужно было рыться в библиотеках, изыскивая поводы и основания для того, чтобы «пресекать выполнение намерений правительства». У него они были врожденными, унаследованными от предков.

Имелся еще один пункт, о котором забывал Батт, но который был очевиден для Парнелла. Положение в палате члена парламента — ирландца — вовсе не зависело от его красноречия или от его общественных и личных качеств. Оно зависело, грубо говоря, от того, как много он сможет причинить неприятностей, если он действительно стремился причинить их. Парнелл стремился к тому, чтобы воодушевить ирландский народ. Для этой цели ненависть и оскорбления в палате были во сто раз желательнее, чем любовь и лесть палаты. Он знал, что чем больше англичан — членов парламента — объединится против него, тем сильнее ирландский народ сплотится на его стороне. И вскоре он получил доказательство справедливости своего мнения. В августе 1877 г. многочисленное собрание в Ротунде устроило смуту и Биггару овацию. В ноябре 1877 г. Конфедерация гомруля в Англии — организация выходцев из Ирландии — избрала его, вместо Батта, своим президентом.

Последний барьер на пути Парнелла был устранен смертью престарелого Исаака Батта, скончавшегося от болезни сердца в мае 1879 г. Это событие — как ни печально это отметить — никакого значения не имело.

Глава XXV

ДЕВИТТ; ЗЕМЕЛЬНАЯ ЛИГА И ПАРНЕЛЛ

Война за землю, проведенная (при полной поддержке Парнелла) Майклом Девиттом и Земельной лигой, и совпавший с ней приход Парнелла к руководству парламентской партией неузнаваемо изменили положение в Ирландии в период между 1879 и 1882 гг.

В этой главе рассматривается развитие событий от основания Земельной лиги (1879) до Килменхеймского соглашения (1882).

Положение Парнелла с конца 1877 г. до всеобщих выборов 1880 г. было необычно. В самой парламентской партии он считался только рядовым членом, однако большинство партии хотя и не одобряло линию Парнелла, но не осмеливалось открыто порицать ее, поскольку Парнелл пользовался громадной популярностью среди ирландцев как в самой Ирландии, так и в Англии. Когда Парнелл — по предложению Девитта — возглавил только что организованную Земельную лигу, он этим еще больше укрепил свою популярность.

Подъем волны боевой активности, выражением чего являлась Лига, берет свое начало с момента наступления быстрого общего ухудшения экономического положения сельскохозяйственной Ирландии — такого резкого ухудшения, которое на западе Ирландии по целому ряду причин, (главнейшая из них — неурожай картофеля) вылилось в подлинный голод. Это экономическое ухудшение пролило свет на роль Земельного акта 1870 г. и, в свою очередь, привело к Земельному акту 1881 г.

Основной причиной ухудшения положения было падение мировых цен на продукты сельского хозяйства, что, в свою очередь, было следствием развития крупных хозяйств, в особенности в Соединенных Штатах. Этому также способствовало резкое увеличение и ускорение морских перевозок. В период с 1870 по 1875 г. в Ирландии были хорошие урожаи, и цены стояли достаточно высоко. С 1875 по 1879 г. цены быстро падали, а урожаи были плохими.

Все это выявило роковую слабость Земельного акта 1870 г., который, по замыслу, должен был дать арендатору ограниченное право собственности на произведенные им мелиоративные сооружения в хозяйстве. Пока цены держались высоко, арендатор мог брать ссуды под обеспечение своих мелиоративных сооружений, когда же цены упали, он оказался в «тисках» между ленд-лордом и ростовщиком.

Пока перспективы были благоприятными, ссуды имели широкое распространение и банки процветали. Выгодные проценты побуждали не нуждающихся в ссудах фермеров помещать свои сбережения в местные ссудные банки. Теперь же банки и вкладчики тоже оказались в «тисках», а вместе с ними в тяжелое положение попали и торговцы, которые, пользуясь долгосрочным кредитом в банках, также считали безопасным представлять кредит своим покупателям.

Согласно положениям Акта 1870 г. гарантия сохранения фермы за арендатором полностью зависела от пунктуальной уплаты последним арендной платы. «Есть недоимка — нет гарантии» — было общим правилом. Кроме того, арендатор мог про-

дать за наличные деньги осуществленные им мелиоративные улучшения лишь после того, как он заявлял об уходе с фермы и обращался в земельный суд с просьбой произвести оценку. По установлении оценки лендлорд мог, в свою очередь, опротестовать ее в суде. Таким образом, арендатор практически мог получить деньги за проведенную им мелиорацию лишь после того, как он был выселен, и после длительной судебной процедуры, издержки по которой поглощали большую часть стоимости мелиорации. В результате банки увидели, что они выдавали авансы, которые фактически не могут быть выплачены. Банки терпели банкротства и разоряли своих вкладчиков, но предварительно они разорили торговцев, требуя от последних возврата предоставленных кредитов и заставляя их, в свою очередь, или разоряться или разорять своих покупателей.

Разорения избегли только лендлорды и ростовщики, выдававшие небольшие ссуды, обычно взимая в качестве процентов по шиллингу с фунта в месяц.

На западе Ирландии тяжелое положение усугублялось урожаем картофеля. Общая стоимость урожая этой культуры по всей Ирландии составляла в 1876 г. 12 500 тыс. ф. ст., в 1877—5300 тыс. ф. ст., в 1878 г. — 3300 тыс. ф. ст. Урожай других культур тоже был низким; после 1878 г. стоимость урожая по всем культурам упала в течение трех лет более чем на 26 млн. ф. ст. Кроме того, в 1879 г. непрерывные дожди сорвали сушку торфа, так что во многих местах ко всем бедствиям присоединился еще и топливный голод. В довершение всего неурожай в Англии сократил заработки на уборочных работах, без которых тысячи арендаторов не могли вносить арендную плату.

Извещения о выселении посыпались, как снег на голову. В 1877 г. было выселено 980 семей (намного больше, чем обычно), в 1880 г. — 2110 семей.

Такова была почва, породившая Земельную лигу, во главе которой стояли Девитт и Парнелл.

Девитт, Девой и новая линия политики

До организации Земельной лиги Майкл Девитт, осужденный по делу фениев, находился с 1870 по 1877 г. в заключении в Портлендской тюрьме. Он был освобожден в результате агитации за амнистию, которую Парнелл со своей партией энергично поддерживал в парламенте; по освобождении Девитт совершил поездку в Америку для ознакомления с настроениями лидеров фениев.

Девитт родился в 1846 г. в Мейо, откуда его родители выехали во время голода в Ланкашир в поисках работы; еще совсем ребенком, работая на хлопчатобумажной фабрике, Девитт попал правой рукой в машину, и рука была настолько искалечена, что

ее пришлось ампутировать. Несмотря на это, он в 1865 г. вступил в ряды фениев — «если он не может приложить к плечу винтовку, то он может пользоваться револьвером или, по крайней мере, подносить патроны» — и в качестве лидера своего «кружка» участвовал в «рейде» на Честерский замок. Он стал главным «организатором доставки оружия» для находившихся в Англии фениев и оставался на этом посту до 1870 г., когда был арестован и заключен в тюрьму. Он занимал в среде участников движения исключительно видное место; будучи условно освобожден до срока, он первым делом вступил в контакт с организацией фениев. Его немедленно ввели в состав Высшего совета.

Находясь в тюрьме, он много думал о высказываниях Финтена Лалора и пришел к определенным выводам в отношении возможности и желательности применения методов Лалора в несколько измененном виде. Теория Девитта в общих чертах заключалась в том, что организованное сопротивление выселению и организованное требование снижения арендной платы может со временем привести к такому положению, что переход к вооруженной борьбе возможно будет осуществить с максимальными шансами на успех.

В Америке Девитт обнаружил, что самые непреклонные и уязвимые из лидеров фениев — Джон Девой и Джеймс Бойл О'Рейли — были более чем готовы к соглашению с ним, но при условии, что агитация за землю будет увязана с националистической, политической агитацией, возникшей для поддержки Парнелла и Биггара, и будет осуществляться через каналы последней. Вынудить старую гвардию фениев приступить к обсуждению политики, предусматривающей не только «возню с реформами», но и «компромисс» с ненавистным парламентаризмом, отрицание которого считалось основным принципом фениев, — было делом деликатным. Но Джона Девоя неслегка было испугать, и, к великому удовлетворению его и Девитта, «новая линия» действия путем открытой агитации (сохраняя в то же время «подпольную» организацию готовой к любым действиям) была встречена достаточно благосклонно. Не принадлежавшие к фениям американские ирландцы также с готовностью поддержали лозунг: «Ирландскую землю — ирландскому народу».

Некоторые из членов старой гвардии выражали нечто большее, чем сомнение. Джон О'Лири и Чарлз Дж. Кикгем в Ирландии не желали иметь ничего общего с «новой линией», но они согласились не предпринимать ничего, что могло бы нанести ущерб возможности объективного испытания ее на практике. Находившийся в Америке непримиримый О'Донован Росса не только не желал ее признавать, но и яростно осуждал ее и настолько рассорился с Девоем, что они так и оставались врагами до самой смерти Росса (1915).

В громадном большинстве случаев рядовые фении с готовностью принимали «новую линию», и таким образом препятствие, которое могло бы оказаться роковым для планов Девитта, было устранено.

Парнелл также со своей стороны приветствовал агитацию за землю. Нет никаких причин сомневаться в его осведомленности относительно того, что надеялись извлечь из этой политики фении, но, с его точки зрения, все складывалось благоприятно. Если бы фении оставались враждебно настроенными, он не смог бы поднять всю Ирландию на поддержку своей политической борьбы, а их активная помощь была во много раз ценнее, чем холодное безразличие.

Поэтому, когда Девитт обратился к нему с просьбой выступить 7 июня 1879 г. на митинге в Уэстпорте, в графстве Мейо, Парнелл с готовностью согласился.

За митингом в Уэстпорте последовал митинг в Айриштаун, потом в Мейо, и было решено организовать Земельную лигу графства Мейо. Успех превзошел все ожидания Девитта. Накануне митинга католический архиепископ Туама резко осудил как созыв митинга, так и цели, ради которых он созывался. Но это не испугало Парнелла; на митинге присутствовало более 10 тыс. человек, и в своей речи Парнелл выдвинул лозунг движения:

«Справедливая арендная плата — это такая плата, которую арендатор может вносить в соответствии с урожаем, и нельзя ожидать, что в тяжелые годы арендатор сможет платить столько же, сколько он платил в лучшее время, три или четыре года тому назад. Если с него будут настойчиво требовать такой платы, то мы станем свидетелями повторения событий 1847 и 1848 гг. Что же мы должны теперь сделать, чтобы заставить лендлордов понять положение? Вы должны показать им, что вы решили твердо держаться за свои дома и свои земли. Вы не должны допустить, чтобы вас выселили так, как выселяли ваших отцов в 1847 г. Вы не должны допустить консолидации ваших мелких участков... Вы обязаны помогать друг другу, и мировое общественное мнение будет на вашей стороне и окажет вам поддержку в борьбе за ваши очаги».

Присутствие Парнелла на митинге собрало газетных корреспондентов, поэтому брошенный им лозунг дошел до каждого дома в Ирландии. С этого момента движение стало бурно развиваться.

В сентябре была основана Ирландская национальная земельная лига с Парнеллом в качестве ее председателя. На учредительной конференции ему предложили отправиться в Америку

для «получения помощи», однако его поездка была отложена вследствие репрессивных мер со стороны правительства. Подстрекаемое взбешенными лендлордами, правительство аннулировало приказ о досрочном освобождении Девитта.

Ответом Парнелла был созыв грандиозного митинга протеста в Ротунде (Дублин), на котором он заявил, что назначенный Девиттом для предотвращения угрозы выселения митинг в Балла (графство Мейо) будет проведен в назначенное время и что он сам и другие лидеры заменят Девитта.

Митинг действительно состоялся. На нем присутствовало 10 тыс. человек, явившихся, согласно полученным ими указаниям, «со средствами самозащиты против нападения полиции». Перед лицом такого собрания полиция отменила выселение. Правительству пришлось переменить фронт. Оно восстановило приказ о досрочном освобождении Девитта, но включило его в список лиц, подлежащих преследованию за речи, произнесенные на митинге в Слайго. Когда настало время предварительного разбирательства дела, Лига решила использовать этот случай для организации недели ночных демонстраций. Парнелл и другие выдающиеся ораторы выступали каждую ночь. Пресса обрушилась на правительство, обвиняя его в «рекламировании» Лиги. В конце концов суд так и не состоялся.

Парламент и борьба за землю

Голод 1879 г. не принес повторения всех ужасов 1847 года. На этот раз голод постиг не всю страну, но местные лендлорды, как класс, проявляли теперь значительно меньше сочувствия, чем в 1847 г., когда многие из них разорились, пытаясь облегчить бедствие. Не подлежит сомнению, что Лига предотвратила самое ужасное, пресекая в корне попытки производить опись имущества. Кроме того, она собрала крупные фонды в Америке, где в начале 1880 г. на митингах выступал Парнелл.

Девитт не мог найти достаточных слов для оценки деятельности Парнелла в этот период:

«Она была, безусловно, необходима для внушения стране мужества в проведении политики, сформулированной на митингах на Западе — не допускать ни арендной платы без скидки, ни смиренного подчинения выселению, ни «захватов» земли выселенных... Ни один революционер — участник движения не превозмог Парнелла в бестрашии, с каким он отстаивал эту политику... он открыто бросал вызов закону, навлекая на себя судебное преследование»¹.

¹ Davitt, *Fall of Feudalism*, p. 188.

Когда Парнелла вызвали из Америки ввиду неожиданного роспуска парламента, перед ним встала безнадежная задача провести предвыборную кампанию, не располагая ни партийным аппаратом, ни средствами и почти не имея соответствующих кандидатов. Если бы Девитт не пошел ему навстречу, предоставив (вопреки правилам Лиги и рискуя навлечь на себя неприятности со стороны «крайних» членов — американцев) крупную ссуду из фондов Лиги, старания Парнелла не увенчались бы успехом. Обстановка сложилась так, что ирландцы в Англии и Шотландии единодушно голосовали против Дизраэли и партии тори (лендлордов). В Ирландии Парнелл вел борьбу с «умеренными» сторонниками гомруля, а также с либералами и тори.

Стремление противников Парнелла нанести ему поражение было ему на руку. Лендлорды поносили его, как «коммуниста» и ренегата, покинувшего их ряды. К воплям лендлордов присоединил свой голос и католический архиепископ Дублина. «Умеренные» сторонники гомруля разделяли «опасения архиепископа Мак-Кейба за веру и мораль, покоящиеся на высокой арендной плате и принудительном выселении» (Девитт), и тем самым в значительной степени способствовали своему собственному поражению. С другой стороны, некоторые епископы и почти все священники в пораженных бедствием районах поддерживали Лигу, а следовательно, и Парнелла.

У Парнелла было так мало желательных ему кандидатов, что он вынужден был принимать поддержку отовсюду, где он только мог ее получить. Сам он баллотировался в трех местах — в городе Корк, в графстве Мит и в графстве Мейо — и был избран во всех трех округах. В результате в парламент было избрано шестьдесят восемь сторонников гомруля, но в их числе было менее сорока человек, на безусловную поддержку которых Парнелл мог рассчитывать, хотя и среди них было много противников Лиги. Однако избрание Парнелла «председателем партии» на данную сессию выявило общее направление.

Гладстон располагал абсолютным большинством в палате, но при открытии сессии Парнелл внес билль о предоставлении компенсации всем арендаторам, понесшим ущерб в результате выселения. Гладстон противопоставил ему свой собственный билль. В результате ожесточенной борьбы сторонники Парнелла заставили внести в билль целый ряд поправок. Наконец, билль был направлен в палату лордов и 26 июля 1880 г. с негодованием отвергнут.

Сообщение об этом было гневно воспринято в Ирландии. При выселениях возникали беспорядки; на «захватчиков земли» совершались нападения, у них поджигали скирды и портили скот. В гавани Корк фении захватили канонерку и завладели сорока ящиками винтовок. В глазах властей все это было

достаточно скандальным, но своей речью, произнесенной 19 сентября 1880 г. в Эннисе, Парнелл еще более «оскорбил» чувства правящего класса.

Когда по ходу речи он дошел до вопроса о том, что делать с человеком, помогающим участку земли, с которого выселили другого, в ответ раздались, вызвавшие бурные аплодисменты, громкие крики: «Пристрелить его!» Парнелл со свойственным ему спокойствием продолжал свою речь:

«Мне кажется, я слышал, что кто-то сказал «пристрелить его» (громкие крики: «Совершенно верно!» и новый взрыв аплодисментов), но я хотел бы указать вам гораздо лучший путь — более христианский, более милосердный путь, — который даст заблудшему грешнику возможность раскаяться».

После небольшой паузы, для обеспечения полной тишины, Парнелл спокойно и размеренно продолжал:

«Когда какой-нибудь человек завладевает фермой, с которой перед этим выселили другого, вы должны показывать ему, встречая его на дороге; вы должны показывать ему, встречая его на улице города; вы должны показывать ему, встречая его у прилавка торговца; вы должны показывать ему и на ярмарке и на базарной площади и даже на богослужении — всегда и всюду, не замечая его и отказываясь от какого бы ни было общения с ним, сторонясь от него, как от прокаженного, — вы должны показывать ему свое отвращение к тому преступлению, которое он совершил. И можете быть совершенно уверены, что не найдется ни одного настолько алчного, настолько забывшего стыд человека, который посмеет пренебречь мнением всех порядочных людей и нарушить ваш неписанный закон».

Характерной особенностью Парнелла был чрезвычайно тщательный выбор слов и, когда один из его слушателей в возбуждении вскрикнул вместо «показывать ему» — «наказывать его», Парнелл спокойно и выразительно повторил: «Вы должны показывать ему». При зрелом размышлении становится ясным, что «наказывать» не было (а «показывать» было), именно тем словом, в котором нуждался Парнелл.

Эти слова в сильнейшей степени наэлектризовали слушателей в Эннисе. Они воспламенили сердца всех грузеников земли в Ирландии, а в Англии они воодушевили членов тред-юнионов, прекрасно знавших, что значит иметь дело со штрейкбрехерами. С другой стороны, эти слова вызвали ярость всего класса землевладельцев, которые так же, как и Парнелл, понимали, что при неуклонном проведении эта политика лишит всякой действительности их главное оружие — выселение.

Через три дня их наихудшие опасения были подтверждены событием, которое дало старому греческому остракизму «новую родину и новое имя».

Инцидент с капитаном Бойкоттом

Управляющий поместьем лорда Эрна капитан Бойкотт не согласился с предложенной арендаторами спразедливой арендной платой и разослал предупреждения о выселении. Массовое сопротивление предотвратило осуществление этой меры. Местное отделение Лиги с приходским священником во главе наложило запрет на всякое общение с Бойкоттом. Все слуги и сельскохозяйственные рабочие ушли от него. Торговцы отказались продавать ему, прачка и кузнец не принимали его заказов, полиция была вынуждена сама доставлять ему письма и телеграммы.

Он описал свои злоключения в письме в «Таймс», и посетители всех великосветских салонов Англии содрогались от мысли, что леди из семейства капитана Бойкотта сами стирали свое белье, сами готовили пищу и сами носили себе уголь, (тогда как все пролетарии весело над этим посмеивались).

Для спасения урожая капитану пришлось призвать волонтеров. На призыв отозвались сотни волонтеров в Ольстере. Сохраняя некоторое благоразумие, капитан заявил, что для него достаточно пятидесяти оранжистов. Они прибыли, пройдя десять миль от ближайшей железнодорожной станции пешком под проливным дождем — никаких повозок им не предоставляли ни за какую цену — под охраной крупного отряда полиции и солдат (при двух полевых орудиях). Урожай был «спасен». Но то, что осталось от насаждений, огорода, птичника и свинарника капитана Бойкотта после ухода его спасителей, уже не стоило «спасать».

Когда, совершая обратный переход, волонтеры проходили со своей охраной через деревню, все ставни были закрыты, все лавки заперты. Не было видно ни одного человека, за исключением приходского священника, который шествовал впереди них, чтобы «охранять» их от оскорблений.

Через несколько дней капитан Бойкотт отказался от управления поместьем и вместе со своими дамами ушел тем же путем, каким прошли его «спасители».

Гладстон вводит чрезвычайное положение

Серьезно обеспокоенное происшедшим, правительство возбудило против Парнелла и лидеров Лиги дело по обвинению в организации «преступного заговора». Слушание дела началось 5 января 1881 г. в Дублине и продолжалось двадцать дней. Шансы на обвинительный вердикт были сведены к минимуму

благодаря маневру защиты, вызвавшей в качестве свидетелей всех переживших выселение обитателей рабочего дома в Касл-бар (графство Мейо). Выстроившись во дворе суда, они производили такое впечатление, что не приходилось рассчитывать на то, что их показания будут уместны на суде.

Как только выяснилось, что добиться осуждения не удастся, правительство внесло — хотя и неохотно — билль о введении чрезвычайного положения. На следующий день судебное разбирательство закончилось оправдательным вердиктом, вынесенным присяжными.

Партия Парнелла всеми силами противодействовала прохождению билля о чрезвычайном положении. Дебаты по речи премьера, в которой сообщалось о внесении билля, тянулись одиннадцать заседаний. Первое чтение билля было проведено после пяти следующих заседаний, и то только благодаря резко-му маневру спикера.

В понедельник 31 января правительство заявило о своем намерении провести первое чтение на данном заседании. Парнелл и его сторонники тотчас принялись за дело. Заседание заняло весь вечер понедельника, тянулось весь вторник и перешло на среду, а ирландская группа все еще не прекращала борьбы. Обе стороны перешли на «сменную работу» — пока одни держали линию фронта, другие выходили из зала, чтобы помыться, поесть и поспать хоть несколько часов. «Дежурные» члены палаты старались урвать несколько часов (или минут), чтобы поспать на стуле в библиотеке. Стулья стали высоко цениться, когда невзыскательный Биггар, уловив минуту, составил вместе четыре стула, сделав из них кровать, где он мог бы мирно выспаться, если бы разъяренные тори и либералы не бросали бы со страшным шумом рядом с ним самые тяжелые томы, как только он засыпал. Однако именно Биггар выступал в палате в 9 часов утра в среду, когда вошел спикер, освободивший заменявшего его председательствующего, и махнул Биггару рукой, чтобы тот сел на место.

Спикер объявил свое решение (с которым согласились тори и либералы) прекратить дебаты и приступить к первому чтению. После этого заседание палаты было прервано до двенадцати часов того же дня. Сторонникам Парнелла удалось сорвать остаток дня в среду, однако тем временем правительство выработало новые правила процедуры, которые были поставлены на обсуждение в четверг.

Накануне вечером сторонники Парнелла с возмущением узнали о том, что правительство отменило распоряжение о досрочном освобождении Майкла Девитта, и последний арестован и помещен в Портлендскую тюрьму. На вопрос, заданный при открытии заседания в четверг 3 февраля, министр внутренних дел ограничился кратким подтверждением ареста Девитта. Джон

Диллон поднялся, желая получить более подробную информацию, как раз в ту минуту, когда спикер предоставил слово Гладстону для внесения выработанной им резолюции о процедуре. Диллон попытался говорить, спикер предложил ему сесть. Диллон настаивал на своем, поднялся шум. Диллон возмутился и отказался подчиниться; спикер «указал на него» и исключил на одно заседание.

Палата решила выслушать Гладстона, но едва он успел произнести три слова, как поднялся Парнелл и спокойно внес предложение — «лишить достопочтенного джентльмена слова». Среди поднявшегося яростного шума спикер отказался слушать Парнелла. Последний настаивал, был «указан» и исключен на одно заседание. Во время голосования об исключении Парнелла, присутствовавшие на заседании тридцать два его сторонника отказались участвовать в голосовании. Все они были «указаны» и исключены. Несколько сторонников Парнелла, пропустившие этот трюк, поспешили в палату; они поочередно вносили предложение о лишении Гладстона слова, за что были исключены. Но все они были исключены лишь на одно заседание, и на следующий день партия вновь приготовилась к отчаянной борьбе против билля о чрезвычайном положении.

Акт о чрезвычайном положении давал правительству полномочия арестовывать любого «с достаточными основаниями подозреваемого» человека и содержать его под стражей в течение любого срока, вплоть до 30 сентября 1881 г. Сотни деятелей Лиги были арестованы, но функции каждого из них немедленно переходили к другим лицам.

Однако возбуждение не только не утихло, но достигло невиданной еще силы. Разыгравшееся событие способствовало тому, что «Ложа риббонистов», место которой заняла Лига, принялась за свою прежнюю деятельность, и аресты и выселения стали сопровождаться актами террора. Тем временем правительство, желая подсластить пилюлю чрезвычайного положения, провело Земельный акт 1881 г.

Земельный акт 1881 г.

По замыслу этот акт признавал, с некоторыми ограничениями, «три F», за которые в течение многих лет вели борьбу сторонники аграрных реформ. Но этим целям акт соответствовал лишь частично; наиболее важной в нем была статья, дающая арендатору возможность добиться аренды участка за «справедливую», установленную государственным оценщиком арендную плату. При определении «справедливой платы» в оценку не включались произведенные арендатором мелноративные работы.

Сторонники Парнелла всеми силами стремились улучшить акт; лендлорды в палате лордов всеми мерами старались прова-

лить его. Конфликт между двумя палатами удалось предотвратить благодаря компромиссу, и в августе 1881 г. акт стал законом.

Арендаторы с глубоким подозрением смотрели на установление «юридической» арендной платы правительственным оценщиком. Этот пункт таил в себе очевидную опасность, и прежде чем вынести окончательное суждение Лига решила проверить закон на практике. Для этой проверки был выделен целый ряд участков, а арендаторам Лига рекомендовала воздерживаться в течение некоторого времени от установления оценки.

Однако правительство расценило это как явный саботаж проведенного им закона. Собрания Лиги были «запрещены». Камеры килменхеймской тюрьмы начали пополняться деятелями Лиги, а 12 октября туда был направлен и Парнелл. Узнав об его аресте, магнаты лондонского Сити на банкете в Гилдхолле бурно выражали свою радость.

Лига ответила манифестом, призывающим к общему отказу от внесения арендной платы.

Министр по делам Ирландии Форстер, в свою очередь, ответил на это еще более крутыми чрезвычайными мерами и выделил войска для осуществления выселений. Оказание помощи жертвам этих мероприятий было организовано Женской земельной лигой, которую на случай подобных обстоятельств заранее подготовил Девитт. Особо полезным оказался американский филиал этой лиги. Тем временем, как и предсказывал Парнелл, в сельских местностях вновь появился «капитан Мунлайт»¹.

Килменхеймское соглашение

Видя, что положение ухудшается с каждым днем, правительство решило начать «конфиденциальные» переговоры с Парнеллом, желая найти компромиссное разрешение проблемы. К Парнеллу явился один из его номинальных сторонников капитан О'Ши, действовавший, по его словам, от имени лидера радикалов Джозефа Чемберлена. В действительности же он предложил Парнеллу изложить условия, на которых последний может согласиться на перемирие в возникшей земельной войне, что дало бы правительству возможность испытать действие последнего законодательства.

Со своей стороны, Парнелл ясно видел, что без централизованной организации для руководства аграрной борьбой последняя быстро вырождается в многочисленные, но местные вспышки, которые завершаются или анархическим терроризмом, или капитуляцией, или тем и другим вместе. Большинство арендаторов,

¹ «Капитан Мунлайт» (Лунный Свет) — псевдоним, которым обычно подписывались предостережения террористов, которые в этот период рассылали «ложка риббонистов».

которые могли внести арендную плату, уже уплатили ее и добились законных скидок. Те же из них, которые платить не могли, жили под угрозой, что раньше или позже, но выселение не минует их. Необходимость тактического отступления для обеспечения себе базы для нового наступления была совершенно очевидна.

Поэтому Парнелл принял предложения и, посоветовавшись с Джустинионом Мак-Керти и другими лидерами партии, выдвинул следующие условия: 1) отмена закона о чрезвычайном положении; освобождение всех отбывающих наказание в качестве государственных преступников, в особенности Девитта; 2) оказание государственной помощи для ликвидации недоимок, которые не давали арендаторам возможности пользоваться преимуществами Акта 1881 г. Если эти условия будут выполнены, то 3) для подавления аграрных преступлений будут использованы как правительственный аппарат, так и аппарат Лиги и 4) партия гомруля будет сотрудничать в проведении законодательства, направленного по линии «либеральных принципов».

Эти условия были приняты, и, согласно этому Килменхеймскому соглашению, в мае 1882 г. Парнелл, Девитт и их последователи были освобождены, а «сторонники чрезвычайных мер» вице-король граф Каупер и министр по делам Ирландии Форстер с возмущением подали в отставку.

Убийство в парке Феникс

Парнелл явно одержал крупную победу и обеспечил путь для дальнейших успехов. Но положение полностью изменилось, когда новый вице-король (лорд Фредерик Кавендиш) и его постоянный заместитель Бэрк подверглись нападению убийц, вооруженных длинными ножами, и были убиты в парке Феникс 6 мая 1882 г.

Глава XXVI

ПАРНЕЛЛ — «НЕКОРОНОВАННЫЙ КОРОЛЬ»

Озлобление, вызванное убийством в парке Феникс (май 1882 г.) и нашедшее себе выражение в ожесточенной политической борьбе, породило целый ряд важнейших событий, которые мы и рассмотрим в настоящей главе. Этими событиями были: максимальный рост значения партии гомруля (1880—1885); первый билль Гладстона о гомруле (1885), повлекший раскол либерал-юнионистов (1885); акт Бальфура о введении чрезвычайного положения на неопределенный срок (1887); кампания «Таймс» против Парнелла и его партии (1886—1889) и вызванное ею создание особой комиссии (1888—1900), которая полностью

реабилитировала Парнелла и фактически сделала его «некоронованным королем» Ирландии, а также чрезвычайно увеличила его популярность в глазах английских масс.

Террор левого крыла и национальная борьба

Убийство в парке Феникс убило и Килменхеймское соглашение. Оно лишило Gladstone возможности выполнить свою часть соглашения и положить конец чрезвычайным мерам, оно же не позволило Парнеллу выполнить принятые на себя обязательства. Ни Gladstone, ни Парнелл не могли открыто признать заключение соглашения; Gladstone потому, что он боялся правого крыла своей партии, а Парнелл боялся левого крыла своей. Благодаря этому задуманный стратегический отход на новую линию превратился в беспорядочное отступление к базе, от которой нельзя было предпринять никакого наступления, пока партия не будет перестроена с низу до верху.

Так же как и «динамитная война», объявленная из Америки Росса и его сторонниками, эти убийства были делом рук группы «отколовшихся» от фениев и именовавших себя «непобедимыми». Как то, так и другое весьма напоминает террористическо-анархические выступления, свидетельствовавшие о разброде и вырождении бакунинских секций I Интернационала после падения Коммуны в 1871 г. — выступления, послужившие первыми побудительными примерами для этих квази-«фенианских» извращений.

Террористические выступления характерны для двух периодов революционной борьбы — для периода незрелости и для периода вырождения. Эти выступления надо четко отличать от дисциплинированного применения массового террора, к которому революционная борьба может так же законно прибегнуть, как и то правительство, которое участники революционной борьбы стремятся свергнуть. Момент различия состоит в том, что в одном случае (как, например, в случае восстания) применение насилия способствует, а в другом (как, например, при взрыве в Клеркенуэллской тюрьме) не способствует объединению и развитию революционной массовой борьбы. Попытка Росса «поставить Англию на колени» путем взрывов общественных зданий, железнодорожных станций и т. д. была более чем глупостью с самого начала. Справедливость требует отметить, что исполнители этих актов тщательно старались избежать человеческих жертв. Но некоторые из них сами заплатились своей жизнью, и почти все остальные перенесли унижение и муки длительных каторжных работ, во многих случаях приводившие к потере рассудка. «Динамитная война» не испугала правительство, но она раздражала и отталкивала простых людей. В то же время она создавала чрезвычайные затруднения для связанного дисциплиной постоянного движения, ибо все усилия его участников по

вербовке и организации новых сторонников часто сводились к нулю такими бессмысленными проявлениями жестокости, как убийство в парке Феникс¹. Эти проявления жестокости демонстрировали не силу, а слабость революционного движения и ускоряли тот распад и деморализацию, которые породили их.

В этот период «левизна» была весьма распространена среди ирландцев, живущих в Америке. Горечь, оставленная в их сознании периодом голода, поражением фениев и последовавшими репрессиями в сочетании с отрывом от практической борьбы в Ирландии, заставляла горячих патриотов с готовностью приветствовать все, в чем бы ни выражалась острая непримиримая вражда к Англии. Благодаря таким настроениям американские ирландцы попадались на удочку политических дельцов (действительно ирландского происхождения или приписывающих себе таковое), которые обнаружили, что враждебность ирландцев к английскому владычеству можно использовать в интересах расправляющего крылья американского джингоизма. В результате некоторые из этих обманутых людей с еще большей легкостью поддавались пропаганде искренних фанатиков, воспевавших «динамитную войну» против Англии.

Личное влияние Майкла Девитта, Джона Девоя и Бойля О'Рейли уберегло организованное ядро американского фенианства и от политических бандитов справа, и от динамитчиков слева. Все входившие в это ядро были более революционны (в смысле готовности отстаивать вооруженное восстание и участвовать в нем), чем Парнелл, но все они понимали, что в данный момент больше всего соответствовало реальной обстановке в Ирландии.

Девитт в особенности заслуживает высокой похвалы за лояльность по отношению к Парнеллу во время этого кризиса.

Лояльность Девитта прошла тяжелое испытание, когда Парнелл настаивал на роспуске Женской земельной лиги и на приостановке аграрной агитации. Но даже Девитту становилось все более и более ясно, что возможность, которой так боялся Джон О'Лири и другие деятели старшего поколения, возможность того, что поглощенность борьбой каждого отдельного человека за свой отдельный клочок земли может заслонить собой борьбу за национальные цели, — эта возможность быстро перерастала в подлинную опасность. Поскольку монополия лендлордов была сломлена — а она была сломлена Актом 1881 г., — наступление на ирландских лендлордов перестало быть наступлением на главную цитадель английского владычества. Аграрная борьба имела тенденцию вырождаться в реформизм.

¹ Едва ли кто-нибудь нанес ирландской национальной борьбе больше вреда, чем наглый хвастун П. Д. Тайнан, который стремился показать миру, что среди членов заговора «непобедимых» он был «первым» (чем он, по всей вероятности, не был), и который в объемистом томе старался прославить это убийство как героический военный подвиг.

Теперь, когда государство взяло на себя создание, а в известной степени и регулирование двойственного владения землей, прямая политическая борьба против британского правительства приобретала новое значение. Поэтому в данный момент была нужна новая массовая организация, ориентирующаяся на политическую борьбу, и эта цель была достигнута в 1882 г., когда была создана Ирландская национальная лига, которая была одновременно и возрожденной Земельной лигой и Земельной лигой, преобразованной в массовую политическую партию.

Поворот Гладстона к гомрулю

К изумлению как поборников, так и противников Земельного акта 1881 г., последствием этого акта было снижение валового дохода ирландских лендлордов на целых двадцать процентов. Частичной причиной этого снижения была ошибка в формулировке указанного акта, но основная причина заключалась в продолжающемся падении цен на сельскохозяйственные продукты. Это повлекло за собой падение политического значения ирландских лендлордов для английского капитализма в целом. Двойственное владение давало арендатору возможность проявлять инициативу в развитии производственных ресурсов страны, но лишь в той мере, в какой у него были возможности заимствовать оборотный капитал. Это стремление к получению ссуд способствовало перемещению политического центра тяжести от ирландских лендлордов к английским ссудным банкам и финансистам.

Две поправки к Земельному акту, внесенные в 1883 г., служат тому иллюстрацией. Одна предусматривала государственную субсидию для помощи арендаторам в уплате ими недоимок, что давало арендаторам право на установление «юридической» арендной платы. Другая поправка обязывала лендлордов предоставлять сельскохозяйственным рабочим коттеджи (с участком земли в пол-акра при каждом) по номинальной плате. Наблюдение за осуществлением этого акта было поручено коллегиям выборных попечителей. В последующие годы этот дополненный поправками и расширенный (по инициативе Девитта) акт оказался полезным для сельскохозяйственных рабочих, но непосредственно он был выгоден ссудным агентствам.

Эти акты иллюстрируют пути, которыми велась политическая игра. Ирландская партия вносила билли, против которых объединялись либералы и торы, объявляя их грабительскими и разорительными. Перед лицом ирландской агитации либералы и торы соперничали друг с другом, стремясь добиться власти, чтобы одной рукой подавлять эту агитацию, а другой выполнять

некоторые из выдвигаемых ею требований. Либеральный Codlin и торийский Short стремились превзойти друг друга, становясь в позу друзей ирландской реформы, и извлечь из этой «добродетели» непосредственную выгоду.

Земельный акт 1883 г. сопровождался жестоким Актом о пресечении преступлений, против которого партия Парнелла вела яростную борьбу, приведшую к поголовному «исключению» на несколько заседаний всех ее членов. Это, однако, не имело ни либералу Гладстону, ни радикалу Чемберлену, ни тори-демократу Рандольфу Черчиллю, ни тори лорду Карнарвону, каждому поодиночке (соблюдая при этом строгую тайну), обращаться к Парнеллу с предложениями о политическом сотрудничестве.

Парнелл мастерски отвечал на эти предложения. Как бы ни была мала предлагаемая ему уступка, он не отвергал ее, если она оставляла ему свободу дальнейшего ведения борьбы за законодательную самостоятельность Ирландии; но он не принимал никакой уступки, как бы значительна она ни была, если она не оставляла ему этой свободы. Он поддержал реформу избирательного права Гладстона, поскольку, увеличивая число избирателей в Ирландии, она расширяла базу для собственной партии Парнелла, а также и потому, что (как настойчиво убеждал его Девитт) она давала Ирландии ценного союзника в лице английской и шотландской демократии. Однако Парнелл гораздо лучше, чем кто-либо из его современников, понимал, что представляет собою Гладстон.

Он видел, что Гладстон перестраивает свою политику с учетом того, что основная сила внутри блока лендлордов и капиталистов перемещается от крыла аристократов-лендлордов к крылу промышленных и финансовых капиталистов и становится там все более прочной. Гладстон понимал, что если этот процесс не встретит противодействия, то он приведет к переориентации консервативно-империалистического блока. Поэтому он стремился найти противовес в лице многочисленного среднего класса, по традиции тяготеющего к либералам и враждебного протекционистской политике тори.

Гладстон видел также и другую потенциальную опасность (которая, с другой стороны, могла бы дать нового союзника) в лице растущей политической сознательности рабочего класса. По мере развития капитализма рабочий класс становился все более сплоченным и все более способным оказывать сопротивление капиталистическому наступлению. Следовать традиционной политике вигов и тори по отношению к рабочему классу — безусловно означало оказать содействие образованию самостоятельной рабочей партии, которая в союзе с ирландцами могла бы полностью лишить Гладстона поддержки со стороны среднего класса. Раньше чем кто-либо из его современников Гладстон понял, что *самостоятельная партия рабочего класса*, при-

влекая искренних радикалов на сторону пролетарской и социалистической доктрины и одновременно отталкивая умеренных либералов в лагерь тори, приведет к распаду либеральной партии.

Для спасения положения необходимо было, во-первых, сохранить приверженность рабочих к «великой либеральной партии» и, во-вторых, совершенно отделаться от ирландской партии или подорвать ее независимость и добиться ее постоянного союза с либеральной партией. История этого периода показывает, с каким искусством Гладстон стремился достичь этой двойной цели. Реформа избирательного права и реформа муниципального и местного управления были его первыми шагами. У него не было уверенности в ирландцах, но еще задолго до 1885 г. он решил, что в отношении Ирландии необходимо что-либо предпринять. Однако в силу того, что длительная борьба с палатой лордов по поводу Акта о реформе избирательного права, одно время казалось, дала ему в руки предвыборный лозунг, который мог бы принести ему победу, лозунг «долой палату лордов», на некоторое время отпала необходимость срочно принять какое-нибудь решение. Но пары уступили, и для выборов 1885 г., первых выборов при новом избирательном праве, Гладстон должен был найти новый лозунг.

Оценивая лидеров партий, Парнелл скоро понял, что на Джозефа Чемберлена рассчитывать нельзя. «Он будет поддерживать Гладстона, — говорил Парнелл, — но не в вопросе о гомруле». Некоторые возможности имелись у Рандольфа Черчилля, но наилучшие перспективы связывались с лордом Карнарвоном, поскольку он занимал высокое положение в партии тори и был почти сторонником гомруля. Парнелл предвидел, что переход Гладстона на сторону гомруля — вопрос времени, а это означало, что всегда есть шансы на то, что тори могут первыми ухватиться за гомруль с целью «обойти вигов». Если бы билль о гомруле внесли тори, это имело бы то преимущество, что по партийным соображениям он не встретил бы оппозиции в палате лордов.

Поэтому Парнелл «спокойно выжидал», пока в мае 1885 г. Гладстон не открыл перед ним возможности, заявив (под давлением правого крыла своей партии), что правительство намеревается возобновить Акт о пресечении преступлений, срок действия которого подходил к концу. Парнелл ответил переходом ирландской партии в оппозицию при голосовании бюджета, что привело к поражению правительства. Пришедшее к власти правительство тори всецело зависело от совместной поддержки ирландцев и радикалов. В течение нескольких месяцев, прошедших до неизбежных всеобщих выборов, Парнеллу удалось не допустить возобновления Акта о пресечении преступлений и обеспечить прохождение Акта об ассигновании 5 млн. на оказание помощи ирландским арендаторам при выкупе своих держаний.

Лозунгом Гладстона на выборах 1885 г. стал призыв к созданию достаточно солидного большинства, чтобы сделать его независимым от объединенной оппозиции тори и ирландцев. Ответом Парнелла было: «Единодушно голосуйте против Гладстона и чрезвычайного положения». Исход выборов был идеальным: либералы получили на 86 мест больше, чем тори, что как раз равнялось числу мест, полученному ирландской партией. Равновесие сил полностью зависело от Парнелла.

В Ирландии этот результат явился плодом долголетней работы и доказывал значение Ирландской национальной лиги. В Ольстере большинство в 17 мест против 16 перешло к националистам; в остальной Ирландии только два тори, избранные от Дублинского университета, нарушали полноту триумфа националистов. Виги, тори и беспартийные гомрулеры были отмечены прочь, и Ирландия была представлена в парламенте 18 тори и 85 националистами. Еще один националист (Т. П. О'Коннор) был избран от Ливерпуля, и, таким образом, общее число мест националистов составило 86.

Через несколько дней Гладстон вернулся к власти и сразу же объявил о своем намерении немедленно внести билль о гомруле для Ирландии.

«Иуда» Чемберлен

Билль Гладстона о гомруле (апрель 1885 г.) почти означал возрождение парламента Граттана. Предусматривая ответственность министров перед ирландским парламентом, этот билль шел дальше предложения Граттана, но в другом отношении он давал меньше, не предоставляя ирландскому парламенту никаких прав в отношении таможенных пошлин. С ирландской точки зрения, у него были и другие серьезные недостатки. Но его крупным достоинством было признание в принципе национального права Ирландии на самоуправление.

Однако с самого начала билль был обречен на провал. Не говоря уже о наличии сильнейшего предубеждения против ирландцев, созданию чего содействовал сам Гладстон, виги в его лагере были преисполнены чрезвычайных опасений. Их раздражала зависимость от союза либералов с ирландцами, но если бы ирландцы убрались к себе в Дублин, то имелись все основания опасаться того, что Гладстон будет продолжать свою политику «капитуляции», делая крупные уступки радикалам из среды рабочих, входящих в левое крыло его партии. Гладстон предвидел отступничество правого крыла вигов и мог обойтись и без них. Этот отход можно было компенсировать получением поддержки со стороны либерал-консерваторов. Но ничем нельзя было компенсировать того, что вместе с вигами дезертировал и Чемберлен со своими сторонниками, в число которых входили многие

радикалы из левого крыла. Билль о гомруле не прошел второго чтения.

Оппозиция Чемберлена Гладстону была совершенно беспринципной и оппортунистической. Он разделял недовольство вигов склонностью Гладстона к «социализму»¹, не представляя себе так ясно, как Гладстон, насколько важно было оттянуть образование самостоятельной партии рабочего класса. В то же время он чрезвычайно любил демагогически выставить себя другом бедных и врагом богатых. В этот период карикатуристы тори любили изображать его «Джеком Кэдом»². В основе его оппозиции лежал холодный расчет на то, что в недалеком будущем Гладстон (которому в это время было больше семидесяти лет) должен или умереть, или уйти в отставку. Считая, что пост лидера либеральной партии должен перейти к нему, как к законному наследнику, Чемберлен продуманно саботировал билль Гладстона о гомруле, чтобы создать благоприятные условия для внесения своего собственного билля о гомруле. Многие из его последователей — радикалов — высказывались против билля потому, что он «шел недостаточно далеко».

Вторая возможность, которую Чемберлен рассматривал в качестве «спасительного выхода», состояла в том, что тори чрезвычайно нуждались в лидере партии в палате общин и могли бы принять его (вместе с его сторонниками) в свои ряды в качестве такового, открывая перед ним дорогу к желанному посту премьер-министра, которого он домогался со страстью скупца.

События развернулись таким образом, что он проиграл обе игры. Гладстон не ушел со сцены, пока Чемберлен не стал проводить в парламенте всю черную работу для тори, но тори, со своей стороны, никогда не доверяли человеку, который мог так бесстыдно покинуть своего вождя, как бесстыдно Чемберлен обманул Гладстона. Едва ли можно сомневаться в том, что его окончательное решение саботировать билль Гладстона исходило из преднамеренного стремления удержать ирландцев в Вестминстере — его подручный О'Ши убедил его в том, что Парнелла и его партию можно легко использовать для собственных оппортунистических целей Чемберлена.

Гладстон немедленно апеллировал к нации по вопросу о гомруле и потерпел жестокое поражение. Что касается Парнелла, то он сохранил за собой в Ирландии всех своих последователей.

¹ «Социализм» Гладстона, конечно, ни в какой мере не напоминал подлинного социализма. В той степени, в какой он не был плодом воображения тори, он был предвосхищением тактики Ллойд Джорджа, заключавшейся в затруднении развития подлинного социализма путем манипуляций с уступками низшим слоям среднего класса и консервативной верхушке пролетариата.

² Джек Кэд — руководитель крестьянского восстания, к которому прикнула часть рыцарства в Англии в XV в. — *Прим. ред.*

По числу поданных голосов поражение Гладстона на выборах 1886 г. было очень незначительным; переход на его сторону 100 тыс. из общего числа 4 млн. избирателей дал бы ему большинство. По числу мест блок тори и либерал-юнионистов располагал большинством против либералов и ирландцев, взятых вместе, и новый премьер-министр лорд Сэлсбэри вскоре дал понять ирландцам, что им нечего от него ждать. Он сравнивал их с «готтентотами и другими неспособными к самоуправлению расами». Он заявил, что скорее потратит государственные деньги на обеспечение эмиграции миллиону ирландцев, чем на выкуп держаний хотя бы у одного лендлорда, и что Ирландия нуждается лишь «в двадцати годах пребывания у власти решительного правительства». Короче говоря, он дал им понять, что одновременно с отходом Чемберлена от Гладстона точка равновесия классовых сил переместилась в сторону тори. Новые «юнионисты» все еще считались аристократами, но они скорее были представителями финансовой империалистической олигархии, чем земельными собственниками, и, как таковые, они были намерены консолидировать империю и не потерпеть никаких глупостей ни со стороны ирландцев и националистов колоний, ни со стороны социалистов.

Если бы не нежелание английских капиталистов вступить в такую рискованную область, как ирландское земледелие, то политика тори была бы возвратом к политике «расчистки и колонизации» елизаветинских времен. Иной путь заключался в открытом применении чрезвычайных мероприятий.

В это время состояние здоровья Парнелла было настолько плохим, что он вынужден был почти полностью передать руководство партией своим подчиненным, и они, или, вернее, один из них, редактор партийной газеты «Объединенная Ирландия» Вильям О'Брайен, разработали план кампании.

Этот план исходил из того, что непрерывное падение цен на сельскохозяйственные продукты и интенсивная конкуренция со стороны стандартизированного и получающего государственную помощь скотоводческого хозяйства Дании, Америки, Австралии и Новой Зеландии автоматически превратила арендную плату, бывшую в 1882 г. «справедливой», в разорительную арендную плату в 1886—1887 гг. План состоял в следующем: во-первых, в каждом округе земля должна быть переоценена специальным агентом, выделенным местным отделением Лиги; во-вторых, арендаторы должны внести установленную таким порядком арендную плату Лиге, которая предложит лендлордам принять ее в качестве полного погашения всех их претензий; в-третьих, если это предложение будет отвергнуто, то деньги будут использованы на оплату судебных издержек и на выплату компенсации выселенным арендаторам.

Тори не сочли нужным разобраться, есть ли в этом плане достоинства и недостатки. Они рассматривали его как всеобщий бунт и в марте 1887 г. ответили на него внесением билля о введении чрезвычайного положения на неопределенный срок.

Согласно этому акту, Лига была распущена, газеты ее конфискованы, ее собрания запрещены. Ни одно обвинение не считалось слишком фантастическим. Десятилетний мальчик был обвинен в «запугивании» констебля (насытиванием мотива «Харвей Дафф»); итальянец-шарманщик, научивший свою обезьянку выхватывать игрушечный пистолет и стрелять из него, был оштрафован по закону о хранении оружия, и игрушечный пистолет был конфискован.

Но были и более серьезные происшествия. В Митчелстауне (графство Корк) 8 тыс. человек, собравшихся на политический митинг, настолько забили базарную площадь, что полицейский стенограф не смог туда пробраться. Полицейские пытались расчистить путь дубинками, но были отеснены к своим казармам, откуда они открыли огонь из окон по толпе и убили трех человек.

Только вмешательство священников и нескольких случайно оказавшихся на месте солдат спасло полицию от расправы. В это утро начальник полиции района отдал телеграфное приказание «открывать огонь без колебаний». Текст этой телеграммы и призыв «помните Митчелстаун» стали лозунгами последовавшей ожесточенной борьбы.

Тори увидели, что нельзя полагаться только на чрезвычайные меры. Необходима была также и реформа. Вследствие этого появился на свет Земельный акт 1887 г. (беззастенчивый плагиат плана партии Парнелла), предоставлявший возможность приблизительно 150 тыс. арендаторов пользоваться преимуществами Акта 1881 г. Он, кроме того, отвечал основному требованию плана (кампании), предоставляя земельным судам возможность по своей инициативе снижать установленную юридически арендную плату. Таким образом было достигнуто снижение арендной платы в среднем на 28 процентов.

Одновременно тори начали закулисные переговоры с римским папой, стремясь заручиться его помощью. Еще в 1883 г., обратившись по телеграфу в Ватикан, английские католики получили папское осуждение национальных сборов в фонд Парнелла. В результате фонд устроился и через несколько дней достиг суммы в 38 тыс. ф. ст. Тогда тори вновь телеграфировали в Ватикан и получили папское осуждение системы бойкота и плана кампании (партии Парнелла). Но лишь несколько епископов приняли его во внимание: большинство духовенства и все светские ирландцы игнорировали этот запрет.

Чтобы убедить англичан, тори полагались главным образом на пропаганду, призванную возложить на Парнелла и его партию прямую ответственность за «преступления», в особенности за убийство в парке Феникс.

В 1886 г. «Таймс» начала печатать целую серию статей под общим заголовком «Парнеллизм и преступление», сначала для воздействия на исход выборов, впоследствии для опраздания чрезвычайных мероприятий. Основным методом этой серии статей было сопоставление очередной речи Парнелла с «преступлением», совершенным в том месте, где произносилась речь, или где-либо поблизости. Большинство из этих «преступлений», как-то: бойкотирование или сопротивление выселению, никогда не встречало осуждения со стороны умеренных англичан. Всячески раздувался тот (никогда никем нескрываемый) факт, что Девиtt и другие лидеры раньше были фениями. Естественно, что наиболее неистовые высказывания «левых» фениев в Америке были манной небесной для поставщиков «зверств» из «Таймс». Кульминационным пунктом этой серии было помещение «факсимиле», якобы написанного самим Парнеллом письма, в котором высказывалось одобрение убийству в парке Феникс. Оно появилось в газете утром в тот самый день (в апреле 1887 г.), на который было назначено второе чтение внесенного Бальфуrom билля о введении чрезвычайного положения на неопределенный срок.

В этот период правительство тори опиралось на непрочный союз сохранивших старые взгляды тори и бывших гладстоновцев, относившихся отрицательно к гомрулю, но так же отрицательно относившихся и к чрезвычайным мероприятиям. Подложное письмо Парнелла предназначалось для того, чтобы убедить колеблющихся и одновременно дискредитировать не только Парнелла, но также и его временного союзника Гладстона. Одним словом, это письмо создало положение, из которого мог извлечь выгоду не кто другой, как Джозеф Чемберлен.

Парнелл немедленно опроверг это письмо, как очевидную фальшивку. И действительно, было нелепо предполагать, что Парнелл, или иной человек в его положении, мог написать письмо, выражая в нем чувства, которых, как всем было известно, он никогда не разделял. Однако «Таймс» продолжала вести свою линию, как будто не было сделано никакого опровержения.

Партия Парнелла потребовала парламентского расследования. Правительство отказало и предложило возбудить дело о клевете. Таким образом, к оскорблению присовокуплялась и несправедливость, ибо в гражданском процессе судья не имел

права требовать представления улики, а присяжные из числа дельцов Сити, несмотря ни на какие доказательства, с готовностью вынесли бы вердикт против Парнелла. Поэтому партия Парнелла была вынуждена оставить на некоторое время это дело без движения, в полной уверенности, что и «убийство будет раскрыто».

Ко всеобщему изумлению, один из бывших членов партии Парнелла — Ф. Хью О'Доннел (который вышел из партии в знак презрения к «бездельникам из низких профессий», избираемым Парнеллом себе в помощники, и который в данное время считался сторонником Джозефа Чемберлена) — возбудил против «Таймс» дело о клевете на том основании, что на него падает обвинение как на одного из членов партии, в которой он состоял в указанный период.

Обвинение было фантастическим. Процесс о клевете требовал больших издержек. О'Доннел был всего лишь иностранным корреспондентом торийской газеты. Тем не менее, процесс начался. Когда открылось слушание дела, адвокат истца не представил никаких доказательств кроме экземпляра «Таймс», против которого было возбуждено дело. В обычном случае адвокат ответчика немедленно обратился бы к судье с просьбой прекратить дело. Это, в конце концов, и сделал адвокат «Таймс», но прежде он использовал целых три заседания суда на перечисление всех доказательств, которые он может, если потребуется, представить, включая большую связку якобы подлинных, никогда, однако, не опубликованных, но крайне дискредитирующих (Парнелла и других лиц) писем.

«Таймс», конечно, добились нужного ей вердикта и сделала из него все, что могла. О'Доннел (урожденный Мак Дональд, ставший сначала «Мак Доннелом», а затем О'Доннелом) исчез со сцены. Он совершил все, что от него требовалось. Он создал положение, которое дало возможность правительству назначить (а Парнелла лишило возможности отказаться от этого) специальную комиссию для расследования обвинений, выдвинутых против «некоторых членов парламента и других лиц».

Специальная комиссия по делу «Таймс»

Преимуществом специальной комиссии было то, что судьи, на которых возлагалось расследование, имели право потребовать представления любых доказательств, какие они сочтут нужными для выполнения возложенных на них задач, и могли обязать эти доказательства представить. Формально предметом расследования было поведение «Таймс», фактически комиссия судила всю партию Парнелла. А то, что защитой «Таймс» руководили (в качестве «частных лиц») генеральный прокурор и генеральный стряпчий, делало перспективу этого суда весьма мрачной.

Самым важным моментом расследования было доказательство достоверности «факсимиле» письма (а также других «подлинных писем», представленных на процессе О'Доннела); но поверенные «Таймс» проявляли чрезвычайное нежелание подойти к этому пункту. Вместо этого они углублялись в подробное изложение всей истории аграрных преступлений в Ирландии и приводили всевозможные тенденциозные свидетельства с целью «доказать» то, что, собственно, никогда и не оспаривалось, т. е. что «преступления» действительно были совершены. Наконец, после многих дней разбирательства и нескольких длительных перерывов пришлось подойти и к этому пункту, и поверенный «Таймс» начал рассказывать мрачную историю о том, как агент «Таймс» купил (за наличные деньги) эти письма в номере Парижской гостиницы у некоего Ричарда Пиготта, который выступил в качестве посредника от имени некоторых (оставшихся неизвестными) «фениев», которые, в свою очередь, «обнаружили» эти письма в черном мешке в номере гостиницы, где их оставило «некое лицо», которое, так же как и «фении», интересовали общественное мнение.

Едва ли было необходимо подвергать Пиготта мукам двухдневного перекрестного допроса со стороны сэра Чарлза Рассела. Репутация Пиготта в Дублине в качестве владельца «фальшивой» фенианской газеты, обманщика, шантажиста, порнографа, вымогателя и информатора давала все основания подозревать его с самого начала. Заслугой Девитта было то, что он добился вручения Пиготту повестки о явке в суд в самом начале разбирательства, и «Таймс» была вынуждена выслушать его свидетельские показания. К исходу второго дня допроса Пиготт был доведен до такого состояния, что сами судьи презрительно смеялись над ним. Наступило воскресенье. В понедельник Пиготт не отозвался на вызов к свидетельскому пульту; он скрылся под чужим именем, оставив полное признание в совершенном им подлоге в руках двух журналистов (Лабучери и Сала), сумевших разузнать его тайну. Он бежал в Мадрид, где его настигло предписание о выдаче, но он предпочел пустить себе пулю в лоб до ареста.

Поверенные «Таймс» с сожалением должны были изъять из разбирательства материалы, основанные на этих подложных письмах, которые по существу во всем этом деле единственно и интересовали общественное мнение.

Не следует думать, что Пиготт был единственным пятном в доводах «Таймс» и ее поверенных. Они имели полную возможность (которой не имел ни один обычный адвокат) свободно пользоваться материалами Скотланд-ярда и секретной службы. Они выставили в качестве своих свидетелей содержащихся в тюрьмах преступников и профессиональных информаторов. И в числе их свидетелей был капитан О'Ши, вызванный, как видно,

с единственной целью выразить свою уверенность в аутентичности подложных писем. При перекрестном допросе он признал, что был связан с шайкой известных провокаторов, несколько человек из числа которых были замешаны в фальсификации «динамитных преступлений». (Теперь нам известно, что именно эта шайка мошенников сострепала для О'Ши доказательства его безупречного патриотизма, побудившие Джо эфа Чемберлена оказать ему моральную поддержку и просить Парнелла в качестве личного ему одолжения обеспечить О'Ши место в палате.) Парижский филиал этой шайки специализировался на производстве «секретной информации» о деятельности фениев для продажи ее наиболее легковерным редакторам газет как в Англии, так и вне ее. Самый факт, что «Таймс» опустилась до использования такой шайки, доказывает, как далеко зашло предубеждение против Парнелла и ирландцев.

Работа комиссии в результате различных проволочек затянулась более чем на семь месяцев. После этого судьям потребовалось еще три месяца на выработку своих заключений. Но фактически суд закончился с исчезновением Пиготта. С этого момента защищаться пришлось «Таймс» и правительству, и они вели энергичную борьбу за спасение тех остатков доверия, которые еще можно было спасти.

Английский народ и ирландская партия

Массы английского народа вынесли свой приговор, как только закончился допрос Пиготта. Парнелл и его коллеги с трудом могли проложить себе путь сквозь толпы восторженно приветствовавших их людей. В течение нескольких дней их появление где бы то ни было вызывало новые взрывы энтузиазма. Парнелл, войдя в палату в тот день, когда стало известно о признании, бегстве и самоубийстве Пиготта, был встречен овацией. Вся либеральная партия, подчеркнуто возглавляемая Гладстоном, ирландская партия и многие из числа тори стоя приветствовали его, пока он шел к своему месту в палате. В течение нескольких месяцев сторонники Парнелла были самыми популярными людьми в Англии.

Дело в том, что все обвинения, кроме заключавшихся в подложных письмах, выдвигавшиеся против ирландской партии, только поднимали ее в глазах английских народных масс. То, что Лига представляла собой (а комиссия признала, что это так) по существу тайный заговор, ставящий себе целью изгнание лендлордов из Ирландии, весьма способствовало повышению ее репутации в глазах английских радикалов и либералов из среды рабочего класса. Бойкотирование и «запугивание» захватчиков земли, весьма напоминавшие традиции английских тред-юнионов, вызывали только одобрение английских масс. Английские рабочие считали, что если доведенные до величайшего

озлобления нестерпимым к ним отношением ирландские крестьяне жестоко мстили своим угнетателям, то это было единственным, чего только и можно было ожидать. Короче говоря, попытки тори и либерал-юнионистов путем тайного сговора очернить Парнелла и его партию обернулись против самих заговорщиков. Поэтому массы английского народа приветствовали партию Парнелла и не испытывали ничего, кроме презрения, к ее противникам.

И чтобы доказать искренность своего восхищения перед ирландской партией, эти массы стали требовать организации рабочей партии по образцу ирландской. Повсюду стали слышны толки об Объединенной земельной и рабочей лиге. Начало возрождения активной, самостоятельной политической организации среди английских масс восходит ко времени этого возбуждения.

Однако заговорщики из среды тори и либералов-юнионистов все еще не сдавались.

Комиссия закончила свое разбирательство в ноябре 1889 г. Решение было объявлено в феврале 1890 г. В декабре 1889 г. в суд поступило прошение о разводе (поданное в первую инстанцию теми же поверенными, которые защищали интересы «Таймс») от имени капитана О'Ши. Парнелл привлекался в качестве соответчика. Заговорщики из кожи вон лезли, чтобы «в бракоразводном суде восстановить репутацию, потерянную в специальной комиссии».

Глава XXVII

ПАРНЕЛЛ ПРЕДАН. СМЕРТЬ ПАРНЕЛЛА

17 ноября 1890 г. суд, разбиравший дело О'Ши против О'Ши и Парнелла, вынес решение в пользу истца. Представитель госпожи О'Ши на суде присутствовал, но обвинение не оспаривал. Парнелл на суде представлен не был.

Это решение суда вызвало политический кризис, который по стремительности своего развития, по ожесточению проведенной борьбы и по трагичности своего исхода не имел себе равного во всей истории Ирландии.

Треугольник О'Ши — Парнелл

Парнелл и Катрин О'Ши впервые встретились, по ее инициативе, в 1880 г. Вскоре их отношения стали близкими, и в феврале 1882 г. у них родился ребенок, проживший всего несколько недель. В дальнейшем с мая 1882 г. Парнелл и Катрин О'Ши жили фактически в супружеских отношениях, что не скрывалось от лиц, знавших их или посещавших их дом. В 1883 и 1884 гг. у них родилось еще двое детей.

В течение второй половины указанного периода Парнелл был серьезно болен. Его болезнь с краткими периодами улучшения продолжалась до 1890 г., когда здоровье Парнелла, казалось, было полностью восстановлено. Катрин О'Ши сделалась хозяйкой дома Парнелла и незаменимой сиделкой. Едва ли можно сомневаться в том, что только благодаря ее заботам Парнелл не умер на несколько лет раньше.

Прежде чем вынести суждение, весьма важно вспомнить, что капитан и госпожа О'Ши жили отдельно — фактически разошлись по взаимному соглашению раньше, чем она впервые встретила Парнелла. Также существенно напомнить, что хотя О'Ши и был раньше гомрулером, он никогда, даже формально, не подчинялся дисциплине партии Парнелла.

О'Ши, бывший капитан гусарского полка, был по существу запутавшимся в долгах мелкопоместным аристократом. Сын богатого стряпчего посредника (который после введения закона о заложенных поместьях приобрел себе имение), он, унаследовав от отца это имение, промотал его, как это обычно и бывает. Грубо говоря, в 1890 г. капитан О'Ши находился по существу в положении теккереевского Роудона Кроули, за исключением лишь того, что он не столь блестяще играл на билларде и охотнее искал источник доходов в политической карьере, чем в картежной игре. Со своей стороны, миссис О'Ши имела богатую престарелую тетушку, которая очень любила ее и ее общество и регулярно предоставляла ей и «капитану» в отдельности определенные суммы денег.

Аналогия с «Роудоном Кроули» идет и еще дальше, вплоть до того, что О'Ши до 1880 г. весьма желал видеть Катрин, прекрасно сложенную, светскую, достаточно образованную и весьма привлекательную собой, играющей роль Бэки Шарп по отношению к какому-нибудь обладающему состоянием и положением человеку, если из этого можно извлечь «дивиденд» в его, О'Ши, пользу. С этой целью он содействовал развитию дружбы между ней и Парнеллом. Он даже желал (как он впоследствии говорил), чтобы эта дружба дошла до «романа». Но Парнелл не был лордом Стейн, и Катрин смогла лишь до известной степени играть роль Бэки Шарп.

Весьма огорченный, О'Ши нашел себе утешение в средстве, которое по всем целям и намерениям было не чем иным, как шантажом. Если бы Парнелл пожелал защищаться на бракоразводном процессе, то его чековой книжки было бы достаточно для ликвидации всех претензий О'Ши. С другой стороны, если бы Катрин О'Ши решила настаивать на своих контробвинениях, она могла бы предоставить доказательства, вызвав «примерно семнадцать» соответчи.

Но иск не оспаривался. Сущность трагедии в ее личном аспекте состояла в том, что Парнелл настолько желал урегулировать

ровать свои отношения с Катрин, что был готов некоторое время носить пятно, которое на него набрасывал бракоразводный процесс. Сущность предательства, приведшего к смерти Парнелла, заключалась в том, что эту травлю Парнелла осуществляли люди, знавшие в течение многих лет, что данное дело обстояло именно так, как мы его изложили.

Всем ирландским националистам в парламенте были известны — за много лет до возбуждения О'Ши бракоразводного процесса — отношения между Парнеллом и Катрин О'Ши. Они были известны всем членам кабинета Гладстона еще в мае 1882 г. О них знали и все тори, и либералы — члены парламента, — и все журналисты в палате, и все крупные журналисты в провинции. Эти факты были известны всем и каждому, кто мог слушать пересуды этих лиц, и о них знали так давно, что это уже утратило всякий привкус скандала.

Наконец, свидетельское показание, приведенное на суде, в котором Парнелл изображался состоящим в тайной связи с женой ничего не подозревающего мужа, было, с одной стороны, юридической дымовой завесой, изобретенной для затушевывания роли О'Ши, содействовавшего возникновению этой связи, а с другой стороны, оно было предумышленным лжесвидетельством, тщательно разработанным для дискредитации Парнелла.

Все это объясняет нам выбор наиболее неблагоприятного времени для начала бракоразводного процесса. До середины 1889 г. О'Ши, живший «ожиданиями» наследства по завещанию тетки Катрин, не только не мог ничего выиграть от возбуждения процесса, но должен был все потерять. Даже к исходу 1889 г. его положение было не из завидных, учитывая те репрессивные меры, которые могли применить Катрин и Парнелл. Имеются достоверные данные, что от О'Ши можно было откупиться суммой в 20 тыс. ф. ст. наличными деньгами. К несчастью для Катрин и Парнелла, завещание ее тетки было оспорено, и эта сумма превышала их возможности. Но есть доказательства, что даже и в этом случае О'Ши возбудил дело весьма неохотно, как человек, вынужденный поступить против своей воли.

Кто же был тем лицом, которое могло оказать и столь успешно оказало такое давление?

О'Ши в это время именовал себя «либерал-юнионистом». Имеются сведения, что когда было вынесено решение суда по оспариваемому завещанию и надежды О'Ши в этом отношении (как он и опасался) вследствие его бракоразводного процесса далеко не осуществились, он высказал Джозефу Чемберлену горькие жалобы «на всех и на вся»; что он пытался убедить Чемберлена устроить ему место в парламенте в качестве «либерал-юниониста». После этого Чемберлен резко прервал всякие сношения с О'Ши, который (что было ему совершенно

несвойственно) безропотно умолк и исчез со сцены. Учитывая, что после этого разрыва в руках Чемберлена остались все документы, при помощи которых О'Ши мог бы доказать существовавшие между ними связи, нетрудно вывести заключение о причинах молчания О'Ши. Он сделал свое «дело». Можно думать, что он получил свою «плату».

Сектантская мораль

Первой реакцией национальной партии и ирландского народа на решение суда по бракоразводному процессу было бурное выражение протеста. Народный инстинкт интуитивно и безошибочно считал это решение упорными происками врагов, которые, не добившись своей цели через специальную комиссию по делу «Таймс», теперь стремились достичь своего, нанеся «предательский удар из-за угла».

На массовых митингах в Дублине, в Англии и в Америке было объявлено о полном доверии Парнеллу. На собрании в палате общин национальная партия 25 ноября 1890 г. единогласно переизбрала Парнелла своим председателем.

Однако на следующий день было созвано «внеочередное» собрание этой партии, и Парнеллу было предложено подать в отставку. Что же случилось за этот день? Гладстон предъявил ультиматум, фактически угрожая прекратить борьбу за гомруль, если Парнелл не самоустранится или не будет отстранен от руководства национальной партией.

Он намекнул, что это является необходимой уступкой бурным проявлениям сектантской морали; и, в самом деле, самозванные выразители этой «морали» весьма энергично подняли свой голос.

Но Гладстон знал, что эти бурные протесты не надо принимать за чистую монету, что они в действительности выражают то же, что испытывал и сам Гладстон, — чрезвычайное раздражение тем чувством постоянной зависимости, которое либеральная партия испытывала в парламенте от поддержки со стороны Парнелла и националистов.

Пока Парнелл занимал положение лидера ирландской нации, сплоченный вокруг него ирландский национализм составлял силу, уступать и оказывать сопротивление которой было одинаково опасно. Гладстон выдвинул гомруль, чтобы успокоить возбуждение ирландцев, но Чемберлен утверждал, что очень многие английские политические деятели и избиратели опасались, как бы предоставление гомруля не ускорило требования полного отделения со стороны ирландских националистов. Парнелл никогда не высказывался за отделение, но он никогда не высказывался и против него. Кроме того, нельзя было отрицать, что под его руководством ирландцы стали политической силой более грозной, чем когда-либо со времени Дэниеля

О'Коннела, если не более грозной, чем вообще когда бы то ни было раньше.

С устранением Парнелла, оставшись без лидера, ирландцы волей-неволей должны будут плестись в хвосте «Великой либеральной партии». И, более того, у Чемберлена (который тоже был сектантом) будет отнята возможность подрывать преданность сектантов-либералов выпадами против «рабской зависимости» либералов от «папистов» и «мятежников». Одним словом, Парнелл был опасен Британской империи, английскому капитализму, самому Гладстону и политическим подручным Гладстона. Поэтому Парнелл должен уйти — бракоразводный процесс и сектантская мораль только предоставили своевременный повод.

Почему же члены партии Парнелла попались в эту политическую ловушку? Отчасти потому, что они подпали под гипноз личности Гладстона, который, безусловно, был мастером парламентской игры. Отчасти потому, что они были напуганы, поскольку они не понимали, до какой степени эта «сектантская мораль» была «блефом». Но основная причина состояла в том, что многие из них были похожи на Гладстона; в глубине души они боялись Парнелла, и боялись его потому, что за ним стоял сплоченный простой народ. Большинство членов партии Парнелла так же боялись сепаратизма, как его боялся Гладстон. Поэтому они поспешили откликнуться на просьбу Гладстона.

Раскол партии

С 15 ноября до 6 декабря с несколькими перерывами различной длительности в палате общин в комнате № 15 кипела жаркая битва.

Формально стоявшим на обсуждении вопросом было предложение одного из сторонников Парнелла оставить вопрос о руководителе партии открытым до тех пор, пока члены парламента не обсудят его в своих избирательных округах, после чего вопрос должен быть разрешен на собрании в Дублине.

Фракция противников Парнелла яростно возражала. Из сообщений, относящихся ко времени дебатов, совершенно очевидно, что как враги, так и друзья Парнелла были вполне уверены, что если вопрос будет решаться таким путем, то массы в Ирландии и в особенности в Дублине, не колеблясь, выскажутся за Парнелла.

Ничем другим нельзя объяснить истерическую, доходящую до оскорблений ярость, с которой Тимоти Хили возражал против этого предложения. Обе стороны беспрерывно рассылали и получали по телеграфу горячие призывы и контрпризывы. Парнелл мастерски пользовался всеми средствами техники, чтобы не дать дебатам замереть. Он отказался принять

предложение о своем смещении. «Не вы поставили меня на этот пост, — заявил он, — а ирландский народ. И только он сместит меня».

3 декабря положение Парнелла было резко поколеблено манифестом католической иерархии в Ирландии. В нем содержалось осуждение Парнелла на «моральной» основе, но в нем приводилось также и политическое обоснование — «неизбежность раскола, если Парнелл будет сохранен». Совершенно ясно, что начатая Гладстоном интрига имела под собой глубокие корни.

Через три дня дебаты достигли крайнего напряжения, и грубые выпады Хили настолько вывели из себя Парнелла (и нескольких его сторонников), что он, как клялся Хили, хотя его словам и нельзя верить, выхватил бы свой револьвер, если бы его не удержали силой. Хили, конечно, из всех сил старался добиться такого результата, но в этот момент возглавивший антипарнелловское большинство Джустин Мак-Керти вместе со своими сторонниками покинул заседание. Сорок пять человек ушли с Мак-Керти. Двадцать шесть — остались с Парнеллом.

Приверженцы Парнелла решили обратиться к ирландскому народу непосредственно. Когда Парнелл занял свое место в поезде, громадная толпа лондонских ирландцев окружила его и устроила ему овацию. Тимоти Харрингтон, один из членов делегации, совершившей поездку по Америке в период раскола, рассказал волнующую историю. Когда он покидал нью-йоркский отель, чтобы, возвратясь в Англию, поддержать Парнелла, все ирландцы, служители отеля, собрались, чтобы проводить его, и все они, некоторые со слезами на глазах, просили: «Вы ведь не покинете его, не покинете, мистер Харрингтон?»

В Ирландии, в Англии и в Америке дело в общих чертах приняло следующий оборот: молодежь, промышленные рабочие, чернорабочие и беднейшие арендаторы были на стороне Парнелла; высшие и средние классы в городе и деревне отзывались на призыв католической иерархии и заманчивые обещания политических деятелей.

В нескольких избирательных округах предстояли дополнительные выборы. Парнелл вел предвыборную борьбу во всех из них и в каждом случае потерпел поражение.

Хили перенес в Ирландию все грубые выпады, которые он широко применял в спорах парламентской фракции; в то же время страницы прессы и выступления с ораторской трибуны были наполнены грязью, распространявшейся во имя «религии» и «морали».

Парнелл никогда не терял мужества. Он знал, что борьба будет тяжелой, но он был уверен, что если он и его сторонники смогут только продержаться пять лет, то он выиграет бой.

Смерть Парнелла

К концу 1891 г. борьба стала принимать все более ожесточенный характер, и, по мере того, как положение все более ухудшалось, у Парнелла начали проявляться признаки переутомления. В сентябре, во время поездки в Креггс (графство Голуэй), где он выступал с речью под проливным дождем, он уже был серьезно болен. Когда он на обратном пути прибыл в Дублин, доктор сказал ему, что продолжать путешествие для него опасно. Парнелл настаивал на том, что ему необходимо ехать домой. «Но я вернусь в субботу на будущей неделе». Парнелл сдержал свое слово, но вернулся он в гробу.

Он умер в Стейнинге, близ Брайтона, утром 6 октября 1891 г. На всех станциях, когда гроб нужно было переносить из одного поезда в другой, толпы ирландцев всегда были готовы выполнить эту работу. В Дублине гроб с телом Парнелла был выставлен для прощания в Сити-холл, затем был перенесен к подножью статуи О'Коннела, и десятки тысяч человек проходили мимо гроба. Артур Бальфур, бывший тогда министром по делам Ирландии, много лет спустя признался, что единственной толпой, которой он боялся, была толпа, состоявшая из 150 тыс. ирландцев, с мрачными лицами проходивших военным строем мимо гроба своего скончавшегося вождя. Затем при свете факелов они перенесли его на кладбище в Гласневин.

Вместе с ним были на целое поколение похоронены надежды Ирландии.

Глава XXVIII

ГОДЫ ЗАТИШЬЯ

После смерти Парнелла и внесения второго билля о гомруле (1893) в Ирландии наступил период относительного спокойствия, продолжавшийся до 1910 г., когда внесение третьего билля о гомруле и вызванное им возбуждение привели к кризису 1912—1914 гг.

В этот период и общее положение, и партии претерпели коренные изменения. Наиболее знаменательными факторами этого времени были следующие: 1) политика консерваторов, направленная на скрытый подрыв гомруля, 2) вырождение парламентской национальной партии, 3) возникновение целого ряда народных движений, оппозиционных по отношению к партии (Гэльская лига, шин-фейнеры, социалистическая и тред-юнионистская пропаганда Конноли — Ларкина).

Тори подрывают гомруль

Вернувшись в 1892 г. к власти в результате выборов, поставивших либералов в зависимость от ирландской партии (раско-

ловшейся), Гладстон объявил о своем намерении немедленно внести второй билль о гомруле. Этот билль прошел через палату общин, но был немедленно отвергнут палатой лордов (1893). Гладстон подал в отставку, и тяготившиеся своей зависимостью от ирландцев либералы рассчитывали добиться облегчения в результате выборов 1895 г. Однако эти выборы принесли победу тори, и либералы были отстранены от власти до конца 1905 г.

В течение своего десятилетнего пребывания у власти тори всеми мерами старались сломить ирландское национальное движение, подрывая самые его корни. Давая крестьянам возможность выкупить свои держания, они стремились привлечь их на свою сторону, а предоставляя лендлордам субсидии, они добивались расположения последних. Умиротворению среднего класса в городе и деревне способствовало расширение местного самоуправления и продуманное распределение государственных должностей, а также широкое повсеместное проведение мелиоративных работ.

С 1906 по 1910 г. этой же политики придерживались и либералы, пока целый ряд причин не вызвал внесения третьего билля о гомруле. Принципы этой политики наиболее ясно проявляются в целой серии земельных актов, завершившихся актами 1903 г. (тори) и 1909 г. (либералы), общее назначение которых заключалось в предоставлении крестьянам возможности приобрести свои держания в рассрочку.

Земельные акты 1870—1909 гг.

«Виндгемский» акт 1903 г. (дополненный только незначительными поправками в 1909 г.) явственно обнаружил общую направленность всего английского земельного законодательства. Его основной предпосылкой являлось постоянное падение рыночных цен на продукцию сельского хозяйства, а следовательно, и на самую землю. Он обеспечивал лендлорду, продающему свое поместье, значительно более высокую цену, чем тот мог бы получить на рынке, где господствовала конкуренция. Акт 1903 г. давал непосредственное облегчение арендатору путем снижения суммы его ежегодных платежей (которые считались выкупными взносами) и благодаря выплате государственной дотации лендлорду заполнял разрыв между продажной и покупной ценой на землю. Арендатор в среднем выплачивал за свой участок двойную, по сравнению с рыночной, стоимость земли, но даже и это было меньше прежней арендной платы.

В период между 1870 и 1910 гг. свыше 10 тыс. поместий общей площадью более 13 млн. акров были распроданы почти полумиллиону арендаторов; общая покупная цена составила 120 млн. ф. ст.; из этой суммы арендаторы уплатили 2 млн.

наличными, а остальные погашали путем ежегодных взносов. Затраты государства (не включая административных расходов) составили 25 млн.

Лендлорд обнаружил, что в качестве случайного следствия акта Виндгема перед ним открывается возможность с помощью государства выкупить свою собственную (не сданную в аренду) землю и таким образом избавиться от задолженности по ипотеке. Он продавал государству, и государство выплачивало ипотечный долг (по которому лендлорду приходилось платить от 8 до 10 процентов). Затем он выкупал эту землю обратно у государства со скидкой в $3\frac{1}{2}$ процента, сохраняя таким образом разницу. Одно только это обстоятельство, как только оно стало известным, устранило всякую оппозицию этому акту.

Выгоды, полученные арендатором, обесценивались тем, что, едва избавившись от лендлорда, арендатор тотчас же попадал в тиски к ростовщику. Все эти акты ничего не предусматривали в смысле приостановки падения мировых цен на продукцию сельского хозяйства, и их преимущества для мелких держателей нерентабельных участков были едва заметны¹.

Некоторую помощь этим «нерентабельным» хозяйствам оказывало (начиная с 1891 г.) Бюро перенаселенных районов — вспомогательный орган государственного департамента сельского хозяйства. Наиболее полезная деятельность этого бюро — выкуп земли тех лендлордов, чьи арендаторы имели участки меньше предусмотренного земельными актами минимума, покупка земли лендлордов, не сдававших свою землю в аренду, и предоставление арендаторам ферм рентабельных размеров — вначале выходила за рамки его официальных полномочий: члены бюро рисковали отстранением от должности и штрафами. Гораздо больше пользы для мелких и средних фермеров принесло основанное в 1893 г. сэром Горацием Планкетом Общество ирландских сельскохозяйственных организаций, стремившееся улучшить как методы ведения хозяйства, в особенности молочного, так и сбыта путем обучения лучшим способам ведения хозяйства и внедрения кооперации. Это общество развивалось вопреки резкому политическому противодействию со стороны класса ирландских «кулаков» — ростовщиков и «скотоводов», — и свидетельством его успехов и приносимых им выгод являлись многочисленные, разбросанные по всей стране кооперативные маслодельные заводы (большинство которых было сожжено «чернопегими» в 1920—1921 гг.).

Однако большая доля выгоды, получаемой в результате деятельности. Бюро перенаселенных районов и Общества

¹ Апологетам английского управления в Ирландии необходимо обратить внимание, что предоставление реальному держателю возможности выкупать свое держание увлекательно конечный результат векового английского господства и эксплуатации.

ирландских сельскохозяйственных организаций, терялась благодаря эксплуатации со стороны транспортных агентств, ирландских железнодорожных и судоходных компаний, в которых преобладал английский капитал. В 1906 г. один европейский эксперт-наблюдатель следующим образом определил результат всех этих общественных и частных усилий добиться улучшения положения:

«Если бы ирландец не мог снижать свой жизненный стандарт до самого крайнего предела, то длительное существование многих фермерских хозяйств было бы невозможно»¹.

Возникали и другие проблемы. Раньше английский капитализм поощрял переход от пахотного хозяйства к пастбищному, поскольку это способствовало достижению его целей — получению дешевых пищевых продуктов, необходимых для существования дешевой рабочей силы, а также и для получения дешевой шерсти для английской промышленности. Развитие других источников снабжения (США, Канада, Аргентина, Австралия) и давление со стороны судовладельцев значительно ослабили необходимость для английского капитализма дальнейшего осуществления этого процесса в Ирландии. Тем не менее этот процесс не остановился, поскольку арендаторы, сделавшись владельцами участков, вынуждены были специализироваться на снабжении английского рынка как мясом для изысканного потребления (живой или битый скот), так и молочными продуктами. Таким образом, ни в области улучшения положения безземельных батраков, ни в смысле ослабления того земельного голода, который являлся следствием естественного роста населения, эти земельные акты не давали почти ничего.

Следовательно, выгоды, которые эти акты действительно приносили, полностью зависели от непрерывной работы эмигрантского корабля. Как только его деятельность прекращалась, вся проблема возникала вновь.

Распространение на Ирландию английской системы местного управления тоже было «реформой», служившей скорее поддержкой английскому владычеству, чем ирландскому народу, поскольку она создавала у нового покровительствуемого господствующего класса глубокую заинтересованность в сохранении связи с Англией, ибо проведение этой «реформы» гарантировало распределение и закрепление среди представителей этого класса некоторой части государственных постов. Осуществлявшаяся через высший суд Ирландии диктатура лендлордов была сломлена. Но замена лендлорда *ростовщиком*, протестантского приходского священника — католическим и протестанта-юристом в Дублинском замке — католиком-карьеристом была достиже-

¹ *Moritz I. Bonn, Modern Ireland and her Agrarian Problem.*

нием сомнительного свойства, в особенности в силу того, что Дублинский замок, взяв в свои руки сбор половины местных налогов, что раньше являлось обязанностью лендлордов, присвоил себе этим самым и право абсолютного вето в отношении всех местных расходов¹.

Для завершения картины необходимо напомнить, что полицейскую службу во всей Ирландии, кроме Дублина, несли полувоенные части королевской ирландской полиции, непосредственно подчиненной Замку, который также контролировал и (невооруженную) дублинскую столичную полицию.

Еще в 1844 г. Томас Дэвис заранее предрекал неудачу подобных попыток остановить развитие ирландского национализма путем подачек в виде частичных «реформ»:

«А теперь слушайте нас, англичане. Хотя бы вы дали нам завтра наилучшие в мире условия аренды; хотя бы вы уравнили в правах католиков, пресвитериан и членов епископальной церкви; хотя бы вы дали нам самое полное представительство в вашем Сенате; хотя бы вы восстановили в правах наших изгнанников, избавили нас от долгов и вознаградили все несправедливо взысканные с нас поборы и хотя бы, сверх всего этого, вы разграбили все сокровищницы мира, чтобы рассыпать золото у наших ног, и истощили все ваши духовные возможности, чтобы превозносить и возвеличивать нас, — мы все же заявляем вам... что мы с презрением отвергли бы ваши дары, если бы Ирландия продолжала оставаться провинцией. Мы заявляем вам и всем, кого это может касаться, что, несмотря ни на что, — ни на подкуп, ни на хитрость, ни на суды, полицию или войну, — мы заявляем вам от имени Ирландии, что Ирландия будет нацией».

Вырождение парламентской партии

Создание в 1900 г. Объединенной ирландской партии с парнеллитом Джоном Редмондом в качестве ее номинального лидера положило конец делению партии на две фракции — непримиримых парнеллитов и антипарнеллитов. Общая численность обеих фракций партии в период раскола никогда не была меньше 80 человек. Однако она никогда уже не смогла восстановить свою утраченную моральную и политическую силу. Вызвавший раскол фракционный оппортунизм в точности воспроизводился и на местах; и та истерическая ругань, посредством которой Парнелла затравили до смерти, стала основным тоном

¹ Сохранение этой системы после Договора объясняет непонятное при иных обстоятельствах безразличие ирландцев к органам местного управления.

для ростовщиков в их борьбе за контроль в своем округе над аппаратом партии. Вскоре, если не считать показной величины и «единства», от дисциплинированной армии Парнелла не осталось ничего, кроме аппарата, за овладение которым враждовавшие между собой оппортунисты вели непрерывную грызню и интриги.

Вырождение партии проявлялось в отказе от стремления Парнелла использовать конституционную борьбу как способ достижения революционной цели. Парнелл четко изложил свою позицию в Корке в 1885 г.:

«По положениям Британской конституции мы не можем просить большего, чем восстановление парламента Граттана, но ни один человек не имеет права устанавливать предел развития нации. Ни один человек не имеет права сказать: «Ты дойдешь до сих пор, и ни шагу дальше». Мы никогда не пытались и не будем пытаться установить конечный предел национального развития Ирландии».

После Парнелла партия быстро докатилась до такого состояния, что национальное существование стало лишь громким словом, которым демагогически бросались, чтобы набить цену в парламентских сделках и комбинациях, целью которых был раздел добычи, награбленной во всех уголках Британской империи. Для английских «главнограбительствующих» ирландский голос в парламенте был очень ценен, и за привлечение его надо было расплачиваться предоставлением государственных постов ставленникам ирландских членов парламента.

Еще одна серьезная причина вырождения партии заключалась в возврате партии к религиозному обособленчеству, которое послужило основной причиной неудачи О'Коннела и с которым вели упорную борьбу и Дэвис, и Фенин, и Парнелл. Парнелл оказался сильнее любителей посылать политические телеграммы в Ватикан, и это послужило одной из причин той готовности, с которой католическая иерархия пошла навстречу Гладстону и пустила в ход весь свой авторитет для того, чтобы погубить Парнелла. Как только Парнелла не стало, члены фракции Сулливана, возглавляемой «сквернословом» Хили, вновь сделались «большими католиками, чем сам папа». Благодаря этому после 1910 г. господство в аппарате партии перешло к «Совету Эрин»¹ — группе, отколовшейся от ирландо-американского общества взаимной помощи, Древнего ордена хибернианцев².

Основанный первоначально в Ольстере официально для защиты торговцев и рабочих католиков от вымогательства со стороны оранжистов, «Совет Эрин» (Древний орден хибернианцев)

¹ Эрин — поэтическое название Ирландии. — *Прим. ред.*

² Ирландцев. — *Прим. ред.*

выродился в католическую «банду» и воспроизвел и даже превзошел самые худшие проделки оранжистов. Отпадение масс от партии дало этим мошенникам возможность захватить в свои руки контроль над аппаратом партии.

Патрик Пирс говорил:

«Сужение национализма до небольшого круга лиц одного вероисповедания является самым роковым из всего, что произошло в Ирландии со времен «Духового оркестра папы».

Конноли именовал «Совет Эрин» «самой мерзкой шайкой из всех, когда-либо появлявшихся в Ирландии».

Переход руководства к этой группировке был прелюдией гибели партии.

Элементы национального возрождения вне партии

После падения и смерти Парнелла, сократившись в численности и переживая общий разброд (фенианское), И. Р. Б., вербовавшее своих сторонников из среды интеллигентов и лиц низших профессий, продолжало, тем не менее, оказывать влияние, явно не пропорциональное его численной силе. Оно ничего не предпринимало от своего собственного имени, предпочитая «притворяться умершим», но всякое движение, в той или иной мере стремящееся к сепаратизму, неизменно получало (и не подозревая об этом) поддержку фениев.

«Когда требовались деньги для каких-либо организаций, которым И. Р. Б. придавало серьезное значение, оно изыскивало деньги (обычно из источников, контролируемых Джоном Девоем). Гэльская гимнастическая ассоциация, Гэльская лига, шин-фейнеры, фианна (гэльские бойскауты), ирландские волонтеры — необычные и недолговечные комитеты и общества постоянно всплывали на поверхность, выполняя то или иное национальное дело. И. Р. Б. создавало их, И. Р. Б. руководило ими, И. Р. Б. снабжало их деньгами. И когда их дело было сделано, И. Р. Б. распускало их»¹.

Хотя в этом утверждении О'Хегарти есть некоторая доля преувеличения, но все же по существу он прав. Из перечисленных им организаций особого внимания заслуживают две — Гэльская лига и шин-фейнеры.

Основанная в 1883 г. лицами, не интересующимися никакой партийной политикой, Лига поставила перед собой задачу возродить в ежедневном обиходе пользование гэльским языком. Лишь небольшой слой обедневшего крестьянства на западном

¹ P. S. O'Hegarty, Victory of Sinn Fein.

побережье и на прилегающих к нему островах еще говорил на гэльском языке. Лига стремилась ввести обучение на гэльском языке в прилежащих к побережью районах и в то же время развивать преподавание гэльского языка в школах и среди населения остальной Ирландии.

Лига добилась изумительного и длительного успеха. Возрождение интереса к языку привело к возрождению интереса к гэльской музыке, танцам, искусству и ремеслам.

Пионеры возрождения языка в своем рвении смело отвергали все попытки как парламентариев, так и теологов навязывать условия его развития. Когда один приходский священник выдвинул возражения против совместного обучения мужчин и женщин под

«благовидным предлогом сохранения общественной морали, Лига отстояла свое право самой контролировать свою деятельность и, поскольку этот вопрос был затронут, раз и навсегда установила, что сфера деятельности духовенства не распространяется на всю жизнь человека»¹.

Революционное и освободительное значение возрождения гэльского языка было омрачено более поздними (и ошибочными) попытками сделать обязательным преподавание всех школьных предметов на гэльском языке для школьников, обычно говорящих по-английски. Революционные плоды, которые в этот период дало изучение гэльского языка этими ирландцами и ирландками, вовсе не зависели от какого-либо магического свойства самого языка. В конце концов вся Ирландия, кроме городского населения, в дни гонений говорила на гэльском языке и не выдвинула ни одного революционного вождя. Вторичное открытие этого языка имело другое значение. Остановленный в своем развитии на сравнительно ранней стадии, гэльский язык заставлял человека, изучающего данный предмет и знакомого с более развитыми современными языками, сразу же почувствовать разницу между эволюционной подвижностью языка и его статическим характером. Знание гэльского языка также открывало полное значение названий различных пунктов в Ирландии и освобождало их от нелепостей и бессмысленности английских извращений. Например, гэльское название «Феникс-парк», означавшее «светлая весна», смешивалось с именем легендарной птицы. Кроме того, сохранившаяся литература на гэльском языке ценилась не только за свою древность, но и за глубину внутреннего содержания. Изучение этой литературы наряду с изучением огромного богатства народных песен и сказаний позволило молодежи Ирландии восстановить подлинные черты той гэльской культуры, которую уничтожило английское завоевание. Это помогло ирландцам уяснить себе революционную

¹ *Mitchell Henty, Evolution of Sinn Féin.*

истину, что раз английский капитализм имел начало, то весьма вероятно, что ему можно положить конец.

Перед энтузиазмом молодежи все силы ортодоксии и консерватизма были вынуждены отступить. Гэльское возрождение имело такой успех, что оно даже встретило подражание со стороны демагогов — политических деятелей и смешанных гэлов. Наиболее здоровым и долговечным плодом гэльского возрождения было влияние на появление гэлистического взгляда на ирландские литературные и драматические произведения, написанные на английском языке.

Движение шин-фейнеров¹, впервые проявившееся в период между 1900 и 1903 гг., было порождено влиянием фениев, с одной стороны, и гэльским возрождением — с другой.

Влияние фениев привело к возникновению целого ряда литературных и исторических «дискуссионных клубов», объединившихся для празднования столетней годовщины 98-го года. С этого времени они слились в республиканскую федерацию, которая могла бы заменить парламентскую партию. Вооруженное восстание, как идеал, никогда не упускалось из виду ее членами, но они не выработали никакой практической программы, пригодной для непосредственного применения в жизни.

Такую программу выдвинул Артур Гриффит в своей газете «Объединенные ирландцы», основание которой в 1899 г. явилось прямым результатом проведения празднования годовщины 98-го года.

Гриффит взял старую доктрину («пользуйтесь только изготовленным в Ирландии») и разработал на ее основе программу и политический курс. Он предложил, чтобы приверженцы Гэльской лиги не только распространяли ирландский язык и ирландскую культуру, но также требовали бы приобретения товаров только ирландского происхождения. Это требование обеспечит спрос, который породит предложение, и, таким образом, будет способствовать развитию ирландской национальной экономики. Затем следует отозвать из Вестминстера ирландских членов парламента, чтобы образовать из них Ирландский национальный совет, который вместе с органами местного управления будет содействовать промышленному развитию Ирландии и обеспечит возможности для ирландской внешней торговли. Эта политика «самопомощи» будет содействовать приливу капиталов в Ирландию, прекращению эмиграции и, наконец, даст Ирландии возможность осуществить возрождение парламента Граттана.

Программа Гриффита имела две характерные черты: во-первых, она создавала практическую альтернативу парламентаризму, не прививая никому фенианского «романтизма», и,

¹ Шин-фейн буквально означает «мы сами». Под этими словами подразумевалась «самопомощь» в общенациональном смысле.

во-вторых, она, как и программа парламентской партии, ограничиваясь в своих стремлениях парламентом Граттана, предоставляла своим последователям, если они желали, добиваться большего. Однако следует заметить, что политика Гриффита исходила из чисто буржуазно-капиталистических предпосылок.

В период 1903—1908 гг. движение настолько окрепло, что смогло создать новую политическую организацию — шин-фейнеров — и приступить к изданию недолго просуществовавшей ежедневной газеты под тем же названием.

Социалисты-республиканцы

Кроме перечисленных организаций, необходимо также упомянуть и Ирландскую социалистическую республиканскую партию, основанную в 1896 г. Джеймсом Конноли. Хотя ей никогда не удавалось добиться влияния на массы и она не пользовалась известностью вне пределов Дублина и Корка, все же благодаря влиянию личности Конноли она оставила неизгладимые следы. Ее главной заслугой было то, что она популяризировала открытое применение понятия «Республика» в качестве цели, к которой должна стремиться Ирландия.

Это оказало сильное влияние на молодых республиканцев из литературных кругов и заставило их последовать примеру Конноли. Проведение празднования столетия 98-го года также пользовалось его мощной поддержкой.

Влияние Конноли сказалось, наконец, в возрождении тред-юнионистского движения в Ирландии, которое принесло значительные результаты. Его утверждение, что именно в социалистическом рабочем движении массы Ирландии могут преодолеть и преодолеть сектантские разногласия, никогда еще не было опровергнуто. Ему лично удалось добиться успеха в этом отношении, и, следуя по его стопам, другие могут добиться победы.

Вначале Конноли пользовался большим влиянием в Англии и Шотландии, чем в Ирландии. Он родился в Монахане, но в раннем возрасте вместе с родителями переехал в Шотландию, и когда он решил вернуться в Ирландию, чтобы попытаться создать там социалистическое движение, он уже пользовался известностью в кругах марксистского социалистического движения.

Лидеры Независимой рабочей партии и Социал-демократической федерации восприняли как «опасную ересь» его теоретическое утверждение, что в угнетаемой стране национализм и социализм не противостоят друг другу, как считал механистический псевдомарксизм, а дополняют друг друга. Между тем именно это положение было принято и одобрено группой молодежи из среды левых — английских и шотландских марксистов.

стов — и в конце концов было подтверждено учением Ленина и Сталина.

Популярность Конноли среди левых обеспечила ему поддержку, когда на Международной социалистической конференции в 1900 г. он потребовал предоставления Ирландии отдельного голоса как отдельной стране. Представленное на отзыв английской делегации требование Конноли было под давлением левых одобрено. Поэтому оно было утверждено и конференцией, и признание Ирландии в качестве отдельной страны было таким образом установлено как постоянный прецедент в Интернационале.

Тяжелое материальное положение заставило Конноли в конце 1903 г. эмигрировать в Соединенные Штаты. Во время его отсутствия Ирландская социалистическая республиканская партия прекратила свое существование, но возрождение рабочего и социалистического движения под руководством Джеймса Ларкина потребовало возвращения Конноли в Ирландию в 1910 г.

К этому времени силы шин-фейнеров были истощены, а парламентская партия переживала возрождение в результате внесения либералами третьего билля о гомруле.

Глава XXIX

КРИЗИС ГОМРУЛЯ (1912—1914 гг.)

Соппротивление тори (и оранжистов) третьему биллю о гомруле дошло до таких пределов, что гражданская война казалась неизбежной и была предотвращена лишь началом европейской войны в августе 1914 г. Совпавшая по времени, но не связанная с этим кризисом война рабочих в Дублине в 1913 г. принесла последствия, оказавшие сильнейшее влияние на исход кризиса.

В этой главе мы проследим как общий процесс этого кризиса, так и отдельные его стадии.

Парламентский акт 1911 г.

Косвенной, но существенно важной причиной кризиса гомруля был проведенный в 1911 г. Парламентский акт, ликвидирующий абсолютное вето палаты лордов. Мы прежде всего должны проанализировать, как создалось это положение.

В январе 1906 г. либералы вернулись к власти, располагая небывало крупным большинством. Их большинство было настолько велико, что они более чем на сто мест превосходили взятых вместе тори (133), лейбористскую партию (29) и ирландских националистов (83).

Однако в этом таилась опасность. Численность руководимых Ллойд Джорджем левых радикалов была весьма велика, и создавалась возможность, что при поддержке лейбористов и ирландцев это левое крыло может помешать длительному существованию правительства. Поскольку равновесие было в руках Ллойд Джорджа, командовавшего положением, он воспользовался этим, чтобы принудить внести целый ряд реформ, направленных к тому, чтобы, во-первых, похитить «громы» социалистов, удовлетворив при этом реформистов, и, во-вторых, создать таким образом препятствия развитию подлинного социализма.

Основным ключом к пониманию запутанных событий того периода является одно обстоятельство, которое необходимо помнить, — а именно, что страх перед рабочим классом вообще (и страх перед объединением английских рабочих и ирландских националистов в особенности) был основным, определяющим моментом политики как тори, так и либералов и радикалов при любой расстановке политических сил.

Мастерски играя на слабости тори, Ллойд Джордж умышленно старался создать впечатление, что все его либеральные реформы — «социалистические» гораздо более, чем это было на самом деле. Он обдуманно усиливал тревогу тори для того, чтобы заставить их оказывать всемерное сопротивление в палате лордов тем мероприятиям либералов, принятию которых лорды не могли помешать в палате общин. Это воссоздавало традиционное положение: лорды против общин, которым и воспользовался Ллойд Джордж, внося в бюджет на 1909 г. земельный налог, который хотя и был незначителен по размеру, но выставлялся перед общественным мнением, в том числе и перед тори, как первый шаг к программе, предусматривающей экспроприацию лендлордов. Лорды попались на удочку и отвергли бюджет.

Это открыло возможность внесения Парламентского акта, предусматривающего, что всякий акт может стать законом без согласия палаты лордов, если он трижды будет принят без изменения одним составом парламента. Для проведения этого Акта потребовалось еще двое выборов (в январе и декабре 1910 г.); необходимость вторых из них была вызвана восшествием на престол нового короля (Георга V) и его колебаниями. Но в 1911 г. цель была достигнута.

Поскольку еще существовала палата лордов, в которой господствовали тори, и ее полномочия не были уменьшены, либералы могли оставить в своей программе гомруль, не рискуя отпугнуть умеренных и империалистов из своего правого крыла. Гомруль импонировал их радикальным левым и спасал лицо их союзников-националистов. И поскольку всегда можно было предполагать, что палата лордов отвергнет его, он служил

средством привлечения поддержки левых без риска потери поддержки правых. Иными словами, либералы желали отстаивать гомруль, пока было невозможно провести его в жизнь.

Выборы 1910 г., которые тори проводили под лозунгом жесточайшей вражды к «социализму», «отобранию имущества» и «предательству ирландцев», низвели либералов до полной зависимости от националистов (83) и лейбористской партии (41). Ценой, которую либералам пришлось уплатить за Парламентский акт 1911 г., от которого зависело их дальнейшее политическое существование, было обязательство внести билль о гомруле, как только вышеназванный Акт станет законом.

Оппозиция тори гомрулю

Прохождение Парламентского акта поставило правящую клику империалистов — финансовых магнатов и капиталистов — лицом к лицу с угрозой поднимающегося воинственного пролетариата. Объединение ллойд-джорджевской социал-демократии, лейбористского социализма и ирландского национализма могло, если не поставить препятствия на его пути, с каждым часом стать все более угрожающим. Палата лордов перестала служить непреодолимой защитой их привилегий и собственности, поэтому им было необходимо найти новое оружие. И они нашли его в виде открытого заговора для подавления воли демократии силой и оружием.

Тори были слишком предусмотрительны, чтобы пытаться достигнуть цели фронтальной атакой на самый институт парламента (хотя и были разговоры о «прекращении фарса демократии»). Поэтому они избрали метод фланговой атаки и под флагом защиты «верности», «свободы», «религии» и «собственности» «преследуемого меньшинства» организовали свои контрреволюционные вооруженные силы в Ольстере, создавая видимость движения «волонтеров» для коллективной самозащиты и противодействия гомрулю.

Весьма важно помнить следующее: то, что выдавалось за «стихийное» сопротивление Ольстера против «угрозы» гомруля, было, во-первых, не стихийным, а продуманно подготовленным, сопровождавшимся достаточно широким применением морального шантажа и экономического насилия; во-вторых, это «сопротивление» зародилось не в Ольстере, а в высших кругах английской консервативной плутократии; в-третьих, оно было воспринято с гораздо большим энтузиазмом среди молодых контрреволюционеров, принадлежащих к английской аристократии, и военных, чем среди населения Ольстера; в-четвертых, оно охватило лишь часть Ольстера и при этом лишь меньшинство его населения, и, в-пятых, оно было направлено не против «угрозы» (поскольку никакой угрозы в гомруле не содержалось),

но на сохранение привилегированного положения кастового меньшинства в Ирландии и являлось составной частью процесса сохранения этого привилегированного меньшинства в качестве подлинных правителей Англии и эксплуататоров богатств английской империи.

Весь процесс сопротивления доказывает нам вышеизложенное. Агитацию в Ольстере вел сэр Эдуард Карсон, уроженец Дублина, бывший генеральным стряпчим в правительстве тори с 1900 по 1906 г. В Англии сопротивление приняло форму демагогической кампании «лойялистов» и «протестантов» против «непатриотических» социалистов, «папистов» и их радикальных союзников — сторонников «малой Англии». Сопротивление гомрулю выдавалось за «защиту империи», за «защиту собственности и прав личности» и за «защиту протестантской религии». Все великосветские салоны превратились в вербовочные пункты, вовлекавшие в заговор молодое офицерство, и организаторы кампании не стеснялись утверждать, что в их бунте против «тирании палаты общин» они пользуются сочувствием (если не поддержкой) «весьма высокопоставленных лиц в стране».

Оппозиция в Ольстере

В Ольстере первым ходом был массовый сбор подписей под конвенантом — обязательством оказывать сопротивление гомрулю. Хотя в создавшихся условиях собрать 500 тыс. подписей не представляло трудности, все же ничего не было оставлено на волю случая. Предпринимателям давали понять, что отказ подписать конвенант может иметь «последствия» для неподписавших. Лендлорды передавали «лист» своим арендаторам, покупатели — торговцам. Оранжевистские агенты на Белфастских верфях следили за тем, чтобы неподписавших немедленно увольняли с работы, как «папистов».

Затем, в критический период было собрано 80 тыс. волонтеров, и в это число вошли все хулиганские элементы Белфаста, специально отобранные за их безотчетную озлобленность против католиков. Командный состав, обучавший эти войска, почти исключительно состоял из офицеров английской армии и флота. Часть волонтеров была с самого начала вооружена винтовками, большинство — револьверами. Оружие предоставили джентри; кроме того, оружие было собрано и хранилось в торийских клубах в Англии и в ложах оранжевистов в Ольстере.

Наконец, когда билль о гомруле был дважды отвергнут палатой лордов, а затем внесен в палату общин в третий раз, Карсон назначил временное правительство для шести графств северо-восточного Ольстера и объявил, что оно начнет функционировать с того дня, который будет объявлен днем введения в силу акта о гомруле. Были предприняты соответствующие

шаги для доставки винтовок, пулеметов и т. д. для всей армии ольстерских волонтеров.

Умеренные участники заговора надеялись настолько запугать этим либералов, чтобы последние не отважились использовать предоставленные им Парламентским актом права. Когда же это не удалось, они волей-неволей примирились с политикой контрреволюционного восстания экстремистов.

Классы в сопротивлении Ольстера

Само собой разумеется, что к услугам тори был весь аппарат оранжизма — движения антидемократического и контрреволюционного с самого своего возникновения в 1795 г. Мы уже много раз показывали, что оранжистский орден существовал исключительно для сохранения политической, социальной и экономической власти немногочисленной олигархической группировки. Надо лишь разъяснить, что пролетарские массы Белфаста и промышленного северо-востока все еще были настолько ослеплены сектантскими взглядами, что, когда агенты оранжистов и конспираторы тори, желая запугать их, выставили свое пугало «папства», они реагировали именно так, как этого от них и хотели.

Причина подобного положения кроется в том, что, хотя в Белфасте заработная плата в среднем была в общем выше, чем в остальной Ирландии, она в то же время была ниже, чем для соответствующих профессий в Англии и Шотландии. Белфастское «процветание» (для предпринимателей) и, попутно, его значение для английского капитализма в целом на своих ранних стадиях возникло из «свободы от тред-юнионизма». А это, в свою очередь, было плодом сектантских разногласий, которые старательно раздувались предпринимателями. Поскольку католиков и протестантов приучали смертельно ненавидеть друг друга, предприниматели взяли себе за правило принимать на работу последователей той или другой враждующей секты поровну, чтобы обеспечить полную невозможность стопроцентной солидарности.

Оранжистский орден расходился с предпринимателями по этому вопросу, стремясь полностью вытеснить рабочих-католиков с верфей, но чаще всего оранжисты выступали заодно с предпринимателями, выполняя функции агентства по «вербовке штрейкбрехеров» и «шантажиста», следившего, чтобы все назначения на посты мастеров, старших рабочих и т. д. распределялись только среди привилегированного круга оранжистов.

Как мы уже указывали, «Древний орден хиберниан» был создан с целью борьбы с подобными действиями оранжистов, но этот орден значительно осложнил положение, поскольку под влиянием клерикалов он стал прежде всего противником тред-

юнионов. Неоднократные умышленные срывы стачек, осуществленные «Молли», вызывали ненависть к ним со стороны рабочих — как католиков, так и протестантов. Но основным результатом деятельности ордена хиберниан было возрождение сектантской вражды в тех социальных слоях, где эта неприязнь в противном случае изгладилась бы полностью вместе со всяким интересом к догматической теологии. Как заявил в этот период Джеймс Конноли:

«Если бы не наличие «Совета. Эрин», общество оранжистов давно бы прекратило свое существование. Своим развитием движение сопротивления гомрулю в Ольстере обязано главным образом не брату Карсону, а брату Дельвину, великому магистру «Древнего ордена хибернианцев».

Инцидент в Кэрра

Необходимость пресечь агитацию карсоновцев, вне зависимости от того, была она или нет по замыслу «блефом», становилась очевидной. Под давлением широких масс правительство было вынуждено в конце концов запретить (4 декабря 1913 г.) ввоз оружия и боеприпасов в Ирландию, а затем приказало офицерам в лагере Кэрра, «приготовиться» к исполнению обязанностей в Ольстере (март 1914 г.) для подавления организованного сопротивления законным властям.

Пятьдесят семь офицеров немедленно подали в отставку; многие другие дали понять, что они готовы сделать то же самое.

Перед лицом такого подлинного бунта, который, как можно было предполагать, потенциально охватывал большинство офицеров армии и флота, правительство капитулировало. Оно заявило, что в его намерения не входит «усмирение» Ольстера. Заговорщики, почуяв победу, держали себя все более и более вызывающе.

Причины колебания либералов были весьма сложны. Биографы Рэдмонда утверждают, что он лично резко воспротивился предложению о преследовании Карсона. Он опасался, что это развяжет гражданскую войну в Ирландии. Карсон, со своей стороны, не скрывал заверений, полученных им от его друзей в судебных кругах, в том, что его «измена» останется безнаказанной. У либералов также имелись основания опасаться гражданской войны в Англии, поскольку, если бы она не кончилась победой торийской контрреволюции, она могла бы создать условия для пролетарской социалистической революции.

Два предшествующих события: 1) борьба дублинских рабочих под руководством Ларкина (1913 г.) и 2) сформирование

Ирландских волонтеров в ноябре 1913 г. — послужили почвой для таких настроений.

Борьба рабочих под руководством Ларкина

Развивая деятельность на подготовленной Конноли почве, Джеймс Ларкин с 1907 г. стремился создать боевой тред-юнион нового типа — ирландский союз транспортных и неквалифицированных рабочих. Он охватывал главным образом неквалифицированных и до сих пор не организованных рабочих и чаще всего прибегал к испытанному средству «молниеносной» стачки, опиравшейся на поддержку и сочувственные действия рабочих смежных профессий.

В 1913 г. В. М. Марфи — самый богатый человек в Дублине, председатель федерации предпринимателей, фактический владелец дублинского трамвая и владелец газеты «Индепендэнт» — обрушился в своей газете на некоторых бастовавших в то время рабочих. Ларкин призвал к бойкоту газеты «Индепендэнт», а Марфи ответил призывом к предпринимателям бойкотировать союз, уволил всех рабочих трамвая — членов союза — и локаутировал всех членов союза, работавших на контролируемой им бисквитной фабрике Джэкобса.

Члены союза транспортных рабочих вели борьбу со штрейкбрехерами, обслуживавшими трамвай, газетчики вели борьбу со штрейкбрехерами, набранными Марфи для продажи своей «Индепендэнт». К борьбе присоединились и другие рабочие: железнодорожники, водители транспорта, докеры и моряки отказались перевозить бисквиты Джэкобса, а также и товары всех фирм, присоединившихся к войне Марфи с «ларкинизмом». Вскоре стачка охватила половину Дублина, а волнения — весь Дублин. Стойки с полицией происходили ежедневно.

Подробному описанию этой борьбы нужно было бы посвятить целый том. Для наших целей достаточно указать, что рабочие массы столкнулись с объединенными силами Дублинского замка (с его полицией), торийско-оранжистских судей, националистов-предпринимателей и католической иерархии. Чтобы завершить полноту единого фронта, Артур Гриффит беспощадно клеймил Ларкина от имени шин-фейнеров.

Крайне нуждаясь в средствах для ведения этой борьбы, Ларкин и Конноли обратились за помощью к Англии и Шотландии; ответом был взрыв энтузиазма и солидарности, такой силы, какой не знали с великой стачки докеров 1888 г. Все тред-юнионы, совет тред-юнионов, лейбористская партия и кооперативный союз выделили фонды. Бисквиты Джэкобса подверглись всеобщему бойкоту, и тред-юнионы и социалистические общества собрали средства на отправку корабля с продовольствием, которое кооперативное общество оптовых торговцев

предоставило по себестоимости, и в качестве своей доли оплатило фрахт. Английские и шотландские социалисты предложили предоставить «временный» приют детям стачечников. Партия из трехсот детей уже направлялась на корабль в Норт-Уолле, но их вернула толпа возбужденных, распевавших церковные гимны женщин, со священниками во главе, боявшимся, что пребывание детей в течение месяца в домах «безбожных» английских и шотландских социалистов повлияет на их «души». Две представительницы среднего класса—Дора Монтефиори и Луиза Рэнд были даже арестованы по обвинению в «попытке похищения детей».

В конце концов стачка сошла на-нет, не дав решающих результатов. Но она оставила неизгладимый след, вызвав резкий рост классового сознания среди дублинских рабочих, значительное повышение репутации лидеров Ларкина и Конноли и установление тесных взаимоотношений между молодыми интеллигентами из среды нео-фениев и рабочим движением.

Решающее значение имели и два побочных следствия этих событий: во-первых, в Англии высоко поднялась волна воинственного («синдикалистского») тред-юнионизма, создавая угрозу величайшего промышленного конфликта в истории, и, во-вторых, в Ирландии «армия» союза транспортных рабочих, сформированная из вооруженных дубинками людей, охранявших трибуны стачечных митингов от нападений полиции, положила начало гражданской армии, которая, в свою очередь, приобрела еще большее значение благодаря созданию Ирландских волонтеров.

Ирландские волонтеры

В ноябре 1913 г. группа лиц, пользующихся всеобщим уважением, не имевших тесных связей с национальной партией и вовсе не связанных — насколько известно — ни с какой боевой или республиканской организацией, организовала в Ротунде (Дублин) митинг для обсуждения вопроса о создании национальных войск волонтеров для защиты гомруля от нападения сторонников Карсона. На митинге в Ротунде и параллельных митингах на прилегающих улицах присутствовало более 30 тыс. человек. В тот же вечер в число участников митинга записалось 4 тыс. человек.

Через десять дней (4 декабря 1913 г.) была объявлена прокламация правительства, запрещающая ввоз в Ирландию оружия и боеприпасов. В течение одиннадцати месяцев правительство, не говоря ни слова, спокойно наблюдало за вооружением и обучением сторонников Карсона. Когда их примеру последовала национальная Ирландия, правительство немедленно приняло меры.

Вывод ясен: либералы, занимая неустойчивые позиции, меньше боялись поражения в борьбе с тори, чем победы над ними с помощью воинственного английского пролетариата и вооруженных ирландских националистов.

Вербовка волонтеров тянулась одну-две недели. Различные организации — отделения Объединенной ирландской лиги, американские хибернианцы, шин-фейнеры и гражданская армия — решили влиться в полный состав. Руководители волонтеров настаивали на индивидуальной вербовке, по строго территориальному принципу. Члены И. Р. Б., действуя исподволь, но фактически осуществляя руководство, настаивали на этой мере предосторожности, как на средстве сохранения контроля в своих руках; но, конечно, они не могли говорить об этом во всеуслышание. Обиженная отказом гражданская армия стала проводить вооружение и снаряжение самостоятельно. В течение нескольких месяцев отношения между волонтерами и гражданской армией были резко враждебными.

Инцидент в Кэрра в марте 1914 г. и похищение оружия в Ольстере в ночь с 24 на 25 апреля (когда ольстерские волонтеры захватили порты и таможни в Ларне и Донахэди и выгрузили крупную партию германских винтовок Маузер и патронов) изменили ситуацию, в особенности когда стало ясно, что против такого открытого нарушения закона не было предпринято никаких мер. Было также совершенно очевидно, что власти оказали ольстерцам содействие, поскольку ирландское побережье патрулировали военные суда со специальной целью не допускать подобных действий и невозможно было предположить, чтобы они не знали о похищении оружия.

Приняв эту нависающую угрозу как вызов, ирландские националисты ежедневно тысячами вливались в ряды Ирландских волонтеров и резко требовали, чтобы Рэдмонд занял твердую позицию и добился наложения запрета на ввоз оружия, которое в данное время служило всецело интересам Карсона.

Рэдмонд, в конце концов, занял твердую позицию, но не там, где этого ждали. Он потребовал (в июне 1914 г.), чтобы исполнительный орган волонтеров, для того «чтобы сделать эту организацию представительной», ввел в свой состав двадцать пять членов партии по его, как председателя партии, собственному выбору. Большинство, хотя и неохотно, но согласилось. Пирс и его товарищи-фении протестовали, но подчинились.

Добившись желаемого, Рэдмонд потребовал (в июле) наложения запрета. Он и до этого конфиденциально выражал протест, но теперь воинственность ольстерских волонтеров переходила все границы. Они уже толковали о «походе из Белфаста в Корк». Их главнокомандующий, генерал Ричардсон, несмотря на свою связь с политикой экстремистов занимавший высокий пост в конной гвардии, приказал всем волонтерам (начиная с

1 июля) «открыто носить оружие и оказывать сопротивление всякой попытке разоружить их». 25 июля 5 тыс. ольстерских волонтеров организовали парад в Белфасте; они были в полном вооружении и имели четыре пулемета. А Рэдмонд все еще не получал никакого ответа на свое требование.

В воскресенье 26 июля в Дублине помощник начальника полиции Харрелл получил потрясающее известие. Он узнал, что частная яхта выгрузила в Хоуте 1100 винтовок и партию патронов. Все это было получено отрядом Ирландских волонтеров, которые в данное время возвращаются в Дублин с этим оружием.

Помощник начальника полиции Харрелл сразу же понял, что судьба всей Британской империи зависит от него одного. Он собрал наличные полицейские силы, вызвал роту шотландских пограничников и отправился совершать «подвиги». «Противника» он встретил у Клонтарфа.

Патроны еще не были розданы, но у некоторых людей были револьверы, и настоятельное требование Харрелла сдать оружие было решительно отклонено. Тогда Харрелл приказал полиции отобрать оружие. Произошла стычка, раздались выстрелы, несколько человек было ранено. Офицер, командовавший шотландскими пограничниками, потребовал переговоров, и инцидент закончился нелепостью.

Пока командиры волонтеров выражали протест, спорили с Харреллом и угрожали раздать патроны и начать бой, волонтеры, начиная с задних рядов, входили в расположенные по краям дороги дома, перелезали через заборы садов и исчезали в полях, унося с собой оружие и патроны. Помощник начальника полиции Харрелл все еще раздраженно настаивал на том, что волонтеры нарушают закон, как вдруг он заметил, что перед ним осталась лишь небольшая группа офицеров и несколько волонтеров, чье оружие каким-то образом уже исчезло.

Оскорбленный в своем достоинстве, Харрелл отдал приказание возвращаться в Замок. К несчастью, эта новость стала известна. Улицы наполнялись народом, и, когда полиция и солдаты приближались к центру города, их встретили улюлюканьем и свистом, а затем полетели и камни.

Командир шотландцев остановил свою роту на Бачелор-уок и приказал солдатам приготовиться открыть огонь. Несколько солдат, не разобрав приказания, сразу же начали стрелять, другие, подумав, что последовало приказание, тоже начали стрелять. Через несколько секунд три человека были убиты и около тридцати ранены.

Но едва лишь вспыхнул гнев в Ирландии, как волна войны, расплескиваясь во все стороны от Вены, захлестнула весь мир. 4 августа 1914 г. Британия вступила в войну, и все остальное на некоторое время было забыто.

ПУТЬ К КРОВАВОЙ ПАСХЕ

Когда в августе 1914 г. вспыхнула война, общим чувством в националистической Ирландии было чувство искренней симпатии к Британии и Франции, внезапно оказавшимся перед лицом бедствий войны. Это была традиционная симпатия к Франции и только что возникшая симпатия к Англии, основывавшаяся главным образом на уверенности в том, что вопрос о гомруле решен и, как только кончится война, гомруль автоматически вступит в силу.

Эта глава посвящена рассмотрению вопроса, благодаря какому процессу эта сердечность превратилась в настолько противоположное чувство, что на пасхальной неделе 1916 г. была сделана попытка установить Ирландскую республику.

Рэдмонд, национальная партия и война

Давая обзор создавшегося в первые дни войны положения, премьер-министр Асквит имел возможность сказать, что «Ирландия является единственным светлым пятном на этой картине». Джон Рэдмонд в порыве внезапного великодушия заявил палате, что англичане могут вывести всех своих солдат из Ирландии и доверить ее защиту волонтерам Севера и Юга.

С политической точки зрения это была роковая ошибка — ошибка, раз и навсегда обрекающая на гибель Рэдмонда и его партию. Однако сущность трагедии заключается в том, что она могла бы и не быть ошибкой, если бы только ольстерские заговорщики руководствовались иными мотивами. Если бы «ольстерская» агитация была честной и допускающей соглашение, тогда искреннее стремление Рэдмонда удовлетворить все претензии расчистило бы путь для дружественного разрешения вопроса.

Рэдмонд допустил необычную ошибку. Она, как в зеркале, показала, что он был чрезвычайно замкнутым и сентиментальным ирландским джентльменом — единственным сохранившимся представителем уже исчезнувшего типа людей, — потерявшим всякую связь с политической реальностью. Он избрал себе для жительства (когда ему не нужно было присутствовать в Вестминстере) уединенное жилище в отдаленном районе графства Уиклоу, в той части Ирландии, которая фактически была более глухой, чем даже западные острова. Он любил этот дом за то, что он раньше принадлежал Парнеллу, и его главным занятием там были размышления о своем скончавшемся вожде и о еще более далеких днях, когда его предки были вовлечены в роковую борьбу на той и другой стороне в 98-м году. С горечью и

печалью ему пришлось убедиться, как сильно изменился окружавший его мир.

Случившееся в действительности было трагически непохоже на то, что, по представлениям Рэдмонда, должно было произойти. Билль о гомруле получил королевскую санкцию, но затем был отложен на «некоторое время» при условии, что одновременно с ним должен войти в силу и «дополнительный» билль (временно?), исключающий распространение гомруля на шесть графств.

Между тем английские войска не были выведены из Ирландии, а наплыв ирландцев в ряды британской армии встретил оскорбительное и высокомерное невнимание. Во всем ясно сказывалось, до какой степени офицерская каста была пропитана идеологией твердолобых тори — принципиальной враждебностью к ирландцам, как к демократам, католикам и националистам.

Достаточно привести несколько примеров. Систематически скрывалось, что число записавшихся в английскую армию, приходящееся на каждую тысячу человек населения в националистической Ирландии, значительно превышало соответствующее число в Ольстере. «Ольстерские» полки сводились в особые бригады, у них имелись свои ольстерские офицеры, они носили особую отличительную кокарду и их широко рекламировали.

Из населения всей остальной Ирландии была сформирована единственная «ирландская» дивизия, но ее командный состав комплектовался почти исключительно из английских офицеров, большинство которых принадлежало к твердолобым тори. Дивизии было отказано в праве носить свою отличительную ирландскую кокарду, а когда группа ирландских лэди из высшего общества изготовила знамя для дивизии, просьба о разрешении пользоваться им была резко отклонена. Ирландским новобранцам практически не разрешалось избирать себе воинскую часть, и они были рассеяны по многочисленным английским и шотландским полкам. Когда же благодаря такой системе пополнения убыли во время войны ирландская дивизия уменьшилась в численности, она была реорганизована и вовсе утратила свой ирландский облик. Ирландцам всеми мерами препятствовали проявлять свое общенациональное самосознание и какую бы то ни было национальную гордость, вполне заслуженную той доблестью, которую ирландцы проявили на поле боя.

Когда один английский офицер, симпатизирующий гомрулю, позволил себе выразить эти симпатии в речах на вербовочных пунктах в исключительно националистическом районе, он получил выговор и приказание представить свои записки. Когда же генерал Ричардсон предложил оранжистам вступить в армию и м е н н о о р а н ж и с т а м и, чтобы «научиться, как посылать к чертям гомруль», он не услышал ничего, кроме одобрения.

Когда оскорбленные националисты жаловались на это, фении с презрением разъясняли им, что, взявшись служить делу Англии, они получают по заслугам. Потребовалось некоторое время, прежде чем официальная политика принесла свои естественные плоды в виде отчуждения масс национальной Ирландии, но все же это было сделано, и сделано непоправимо.

Раскол волонтеров

Обиды и оскорбления, наносимые ирландским националистам как молодыми, так и старшими представителями офицерской касты, для которых контрреволюционная враждебность к демократии и демократическому национализму были «правильным понятием», вызвали критику всей линии парламентской партии со времени устранения Парнелла.

Парламентский национализм во всей своей деятельности фактически исходил из следующих предпосылок: во-первых, «национальное существование» Ирландии — понятие чисто относительное и условное, тогда как связь с Англией постоянна и неизбежна; во-вторых, имперская целостность Англии жизненно необходима для продолжения существования Ирландии; в-третьих, национальное сознание Ирландии в лучшем случае соответствует местному патриотизму уроженца Восточной Англии или Уэссекса или чувствам йоркширца, гордящегося своим графством; в-четвертых, фактически полностью отрицалась реальность ирландского национального существования — за исключением лишь пережитков прошлого, которое хотели бы забыть.

«Ирландская история — это то, что каждому англичанину следует знать и о чем каждому ирландцу следует забыть». Так звучал успокоительный парадокс, на который твердолобые тори отвечали делами, показывающими, что, по крайней мере для них, ирландцы были — как и для вигов времен карательных законов и для тори в дни унии — «врагами по крови, по языку и по религии».

Таково было трагическое пробуждение, ожидавшее Рэдмонда и его партию.

Однако они оставались верны своему слову и начали проявлять серьезное беспокойство по поводу антивоенных взглядов, которые выражали три различные течения в республиканском движении, начавшие заявлять о своем существовании.

Республиканцы традиционной школы, старые фении, представителем которых был Том Кларк, видели в войне лишь «затруднения Англии и возможности Ирландии». После объявления войны немедленно был созван Высший совет И. Р. Б., в принципе решивший, что необходимо стремиться поднять восстание до окончания войны. Следуя старой традиции, они искали помощи извне. Поскольку поддержка была абсолютно необходима,

они рассчитывали на Америку в отношении помощи деньгами и, возможно, оружием и на Германию в отношении военной помощи. Относительно Германии у них не было никаких иллюзий.

Они смотрели на Германию так же, как один твердолобый оранжист, протестовавший против истощения сил ольстерских волонтеров «исключительно ради европейской неурядицы». «В конце концов, — заявил он, — кайзер — хороший протестант». Фенин-традиционалисты это прекрасно понимали, но считали, что то преимущество, что Германия воюет с Англией, восполнит все недостатки. И во всяком случае, поскольку это для нее выгодно, Германия, воюя с Англией, может с радостью послать в Ирландию оружие и офицеров.

Гэльские республиканцы, наиболее ярким представителем которых был Патрик Пирс, относились скептически к помощи со стороны Германии. Они понимали — чего не поняли традиционалисты, — что в 1796 г. Тон обратился за военной помощью к Франции не только, и даже не главным образом потому, что она вела войну с Англией, а потому, что в то время она стояла во главе сил, несущих освобождение миру. Французская республика, к которой обратился Тон, была воплощением и носителем принципов народной свободы и международной солидарности освобожденного мира. Будучи демократом-республиканцем, он обратился к своим единомышленникам демократам-республиканцам. Но в 1914 г. никто не мог усмотреть ни в кайзере, ни в кайзеровской империи чего-либо подобного. Доктрина Пирса, которую он иногда выражал в мистических выражениях, затуманивающих ее реальное содержание, заключалась в том, что Ирландия должна сама развивать те силы, которые принесут ей свободу. Его доктрина о магической силе «кровавой жертвы» практически сводилась к этой элементарной истине.

Взгляды Джеймса Конноли и социалистов-республиканцев отличались от взглядов Пирса. Конноли еще меньше, чем Пирс, верил в помощь со стороны Германии. «Мы служим не королю и не кайзеру, а Ирландии». Таков был с самого начала его лозунг, но в то же время он был страстно заинтересован в судьбе рабочих и крестьян всех стран, которых теперь заставляли истреблять друг друга в интересах грабительских империалистических стремлений их правителей. Он пылливо присматривался ко всему, надеясь обнаружить признак того, что он так желал увидеть, — признак всеобщего восстания масс против правителей, превративших мир в бойню. И с каждым днем он все больше и больше надеялся и верил, что народное восстание в Ирландии послужит сигналом для народного восстания повсюду. Слухи (тогда ложные) о расстреле германского левого социал-демократического лидера Карла Либкнехта за ведение антивоенной пропаганды вынудили Конноли высказать свои мысли:

«Война покоренной нации за независимость, за свое право жить своей жизнью, идти своим собственным путем может и должна быть оправдана, как священная и справедливая война. Война угнетаемого класса за освобождение от унижительных условий политического и экономического рабства должна во всех случаях избирать свои собственные средства и считать их священными орудиями справедливости. Но война одной страны против другой в интересах венценосных пиратов и международных воров является проклятием.

Так обратимся же к нашим товарищам на континенте, которые в мире империалистических и финансовых бандитов и трусливых приспособленцев и оппортунистов показали человечеству, что люди еще умеют умирать за священнейшее дело — за святость человеческой души, за подлинное братство человеческого рода».

В организационном отношении традиционные и гэльские республиканцы составляли одно целое и были объединены в И. Р. Б. и в частях волонтеров. Конноли и гражданская армия, все члены которой были также и членами тред-юнионов, не только держались обособленно от республиканцев. Их разделяла некоторая враждебность, частично смягчить которую стремились некоторые лица. Пирс, в силу своих демократических симпатий и своего уважения к Конноли, также стал оказывать свое влияние для достижения единства.

В то же время все они ощущали необходимость порвать с рэдмондовским национализмом. В соответствии с этим в сентябре 1914 г. республиканские элементы в исполнительном комитете волонтеров осудили обещание Рэдмонда оказывать поддержку английскому правительству и изгнали его ставленников из комитета. Они обратились с призывом созвать национальный конвент для выборов постоянного исполнительного органа и выработки политической линии новой организации.

Рэдмонд ответил контробвинением и призвал всех лояльных членов национальной партии бойкотировать конвент и лиц, ответственных за его созыв.

Таким образом, одним ударом движение волонтеров раскололось на республиканцев, сохранивших первоначальное название «Ирландские волонтеры», и рэдмондистов, принявших имя «Национальные волонтеры». Из числящихся в списках ко времени раскола 200 тыс. волонтеров только 12 тыс. отозвались на призыв и послали делегатов на конвент, открывшийся 25 ноября 1914 г. Рэдмонд в насмешку назвал их «волонтерами шинфейна». Это название привилось и создавало впоследствии бесконечную путаницу.

Несмотря на то, что Национальные волонтеры (рэдмондисты) составляли большинство, они с момента раскола стали терять это преимущество. К апрелю 1915 г. их численность упала до одной десятой первоначальной, а через год сохранилось всего лишь несколько рот. Численность же Ирландских волонтеров неуклонно возрастала, пока не достигла максимальной, составлявшей 18 тыс. человек, четвертая часть которых была набрана из Дублина и его окрестностей. Дублинские волонтеры были полностью снабжены оружием и патронами. Вне Дублина полностью снабжено было только несколько рот.

Гражданская армия имела оружия только на 200 человек. Если бы у нее было оружие, она могла бы выставить в десять раз больше людей. Многие, желавшие вступить в гражданскую армию, вступили в число волонтеров, чтобы только получить оружие. Вскоре гражданская армия и волонтеры стали проводить совместные парады и обучение.

Борьба с властями

В октябре 1914 г. Джеймс Ларкин уехал из Ирландии в Америку, чтобы избежать ареста и высылки в Англию. Джеймс Конноли стал фактическим вождем союза транспортных рабочих, командующим гражданской армией и редактором «Ирландского рабочего». Он много писал также и для английских лейбористских и социалистических газет, всегда мобилизуя революционную пролетарскую солидарность на борьбу против «войны коршунов и воронов».

В Ирландии он сочетал эту общую пропаганду с более узкой агитацией за национальные требования Ирландии и заранее отвергал гомруль, как ни в коей мере не удовлетворяющий этим требованиям. Он постоянно обращался к рабочим Белфаста и шести графств, убеждая их не поддаваться на уловки хозяев-капиталистов, заинтересованных в сохранении связи с Англией только ради того, чтобы иметь возможность использовать войска для удержания рабочих в повиновении.

Социалистическое республиканское учение, бесстрашно и с неугасающим рвением распространяемое Конноли, оказывало глубокое влияние на молодых лидеров фениев — Пирса, Мак-Донага и Мак-Дермотта, последний из которых был редактором газеты И. Р. Б. «Айриш фрийдом» («Ирландская свобода»).

«Лойяльная» националистская пресса нападала на них, как на «прогерманцев», и по незнанию или умышленно смешивала их с шин-фейнерами, с которыми ни один из них не был связан и которые, как партия, сошли на-нет. Артур Гриффит продолжал издавать свою газету «Объединенный ирландец» и неуклонно критиковал военную политику Рэдмонда, но он порвал свои связи и с И. Р. Б. и с волонтерами.

Министр по делам Ирландии Августин Бэррелл регулировал положение с необычной для занимающего этот пост дипломатической. Будучи радикалом, он был против запрещения газет. С точки зрения тактики своей партии, он не считал мудрым «создание мучеников». Но каждому издателю республиканских газет было лично и мягко указано, что, если они будут продолжать печатать неприемлемый для властей материал, их предприятия могут быть реквизированы «для военных нужд». Дело дошло до того, что «Ирландскую свободу» пришлось печатать в Белфасте, а «Ирландского рабочего» — в Глазго (в основанной с помощью Конноли типографии социалистической рабочей партии).

В Белфасте Ирландские и ольстерские волонтеры, случайно встречаясь при прохождении в строю, церемонно приветствовали друг друга. Они сходились по крайней мере в одном пункте — общей ненависти к «Совету Эрин», который отвечал и тем и другим такой же ненавистью.

По мере того как сгушался туман войны и всякая пропаганда, кроме военной, сталкивалась все с большими и большими затруднениями и опасностями, Конноли с разгорающимся нетерпением искал возможности сделать или начать что-либо, могущее возбудить всеобщее восстание эксплуатируемых и угнетенных, которого он так страстно ждал. Он неудержимо стремился поднять восстание во главе горстки своих доблестных солдат гражданской армии и был уверен, что стоит только начать, как феники не преминут присоединиться.

Конноли поистине стал каким-то наказанием для вождей И. Р. Б. Они узнали о его решимости с самого начала войны, когда он совместно с Томом Кларком и Шином Мак-Дермоттом организовал группу для захвата Дублинского Мэншен-хауз накануне крупнейшего митинга, посвященного вербовке в армию, на котором должны были выступать Асквит и Рэдмонд. Конноли намеревался удерживать Мэншен-хауз силой оружия и никого туда не допустить. Этот план сорвался; солдаты были уже размещены в Мэншен-хауз, и захватить его врасплох было невозможно.

К февралю 1916 г. Конноли едва мог сдерживать свое нетерпение. Его статьи в «Уоркерс Рипаблик» («Республика рабочих»), которую он теперь печатал на своем собственном печатном станке в Либерти-холл под охраной солдат гражданской армии с заряженными ружьями и привинченными штыками, стали напоминать статьи Джона Митчела в 1848 г. Вожди И. Р. Б. стали опасаться, как бы он не заставил власти насторожиться. Они похитили Конноли и в безопасном месте посвятили его в свою тайну и планы относительно решения поднять восстание на пасхальной неделе 1916 г. Конноли согласился присоединиться к их плану, и с этого момента он стал кооптированным членом военного директората И. Р. Б.

План восстания был известен лишь очень узкому кругу лиц, в числе которых был ветеран 65-го года Джон Девой. В целом план исходил из того, что масса волонтеров была достаточно ирландской, чтобы с готовностью отозваться на призыв осуществить государственный переворот, и что если восстание продержится неделю или две, то национальный инстинкт и традиции побудят массы ирландцев присоединиться к восстанию. Если же последует поражение, то репрессии и самый факт осуществления попытки восстания пробудят и возродят национальные стремления к республиканской независимости. В отношении конкретных мероприятий план предусматривал, во-первых, получение оружия и боеприпасов из Германии; во-вторых, прибытие офицеров и инструкторов, а также и оружия от фениев из Соединенных Штатов, и, в-третьих, возможное (хотя и мало вероятное) формирование ирландской бригады из числа находящихся в Германии военнопленных.

Последний из этих пунктов был излюбленным планом Роджери Кейзмента. Он взял на себя роль Уолфа Тона в этом «новом 98-м году» и исполнял свою роль блестяще, хотя не совсем в духе своего великого предшественника.

Кларк, Конноли и Девой возлагали большие надежды на второй пункт. Но в конечном счете из этого ничего не вышло, поскольку власти США, узнав про этот план, перевели германские суда, которые предполагалось захватить и использовать для доставки людей и оружия в Ирландию, с места их стоянки на реке Гудзон на якорную стоянку за Сэнди Хук. В отношении первого пункта все было согласовано и почти осуществлено.

Количество находящегося в их распоряжении оружия было невелико. Кроме партии, доставленной в Хоут, через несколько дней ночью на пустынном берегу в графстве Уиклоу была выгружена еще одна партия в восемь раз больше первой. Некоторая часть этого оружия в результате раскола волонтеров пропала, но при этом все же ухитрились организовать дело так, что большая часть сружия осталась в «нужных» руках. В военное время было трудно доставить винтовки и пулеметы, но Конноли и его сторонники обходились как могли дробовиками, спортивными ружьями и «добытыми» у военных винтовками (а также револьверами и автоматическими пистолетами). Они лишились многих активных организаторов, которые были арестованы и высланы в Англию, но на их место встали другие энтузиасты-волонтеры. Масса участников движения ничего не знала об этом конкретно существующем плане, но атмосфера была заряжена духом восстания и ожиданием, что скоро что-то должно совершиться.

Британские власти знали не многим больше, чем рядовые волонтеры. Им, конечно, были известны неудавшиеся попытки

Кейзмента собрать ирландскую бригаду из военнопленных; они располагали также еще некоторыми сведениями из Германии, поскольку их разведывательная служба была поставлена хорошо.

Германское правительство знало очень мало. Оно знало только то, что ему мог сообщить Кейзмент, а он мог сообщить очень немногое. По существу же немцы очень мало интересовались национальной Ирландией. Они рассчитывали на то, что «восстание» Карсона достаточно свяжет руки англичанам, чтобы удержать их от военных действий, пока не будет разгромлена Франция. Поскольку Карсон обманул ожидания немцев, у них не было уверенности и в остальной Ирландии. Они, правда, послали судно, груженное оружием, за которое они взяли наивысшую цену и получили ее наличными, но они сделали это скорее для того, чтобы угодить своему послу в Америке, считавшему, что ирландское восстание удержит Америку от вступления в войну, чем в надежде на военные успехи.

К несчастью для организаторов восстания, их телеграмма с просьбой отложить на три дня срок прибытия судна с оружием не попала в Германию. Она была захвачена при налете американских властей на конспиративную квартиру германского военного атташе (где она оказалась аккуратно подшитой к делу!), и о ней немедленно было сообщено британскому правительству. Благодаря этому британские миноносцы вышли к побережью как раз к измененному сроку прибытия судна.

Обстоятельства сложились так, что эти три дня могли бы спасти все положение, но, к несчастью, выделенная для указания места выгрузки группа волонтеров с сигнальным аппаратом, спеша к месту встречи, в темноте не сделала нужного поворота. Автомобиль со всеми находившимися в нем людьми на полной скорости слетел с набережной и упал в глубокую воду.

Судно с оружием прибыло точно в первоначально назначенное время и в течение трех условленных дней ждало сигнала, который так и не был подан. Вместо сигнала появились английские миноносцы, и, во избежание захвата, судно пришлось потопить. Груз, доставленный на этом судне, изменил бы всю обстановку.

В то время как прибывшее с оружием судно стояло у побережья, Кейзмент с двумя товарищами высадился с подводной лодки на побережье Керри. Почти сразу же он попал в руки полиции. Он возвращался с решением добиться отмены восстания, поскольку считал его безнадежным, и для достижения этой цели и предотвращения кровопролития он сообщил властям о назначенном восстании.

Тем временем номинальный вождь волонтеров профессор Эоин Мак-Нийл получил страшный моральный удар. Члены исполнительного комитета Кларк, Пирс и Мак-Дермотт учтиво сообщили ему, что восстание состоится в пасхальное воскресенье.

Со времени создания организации волонтеров походы и полевые учения составляли значительную часть их тренировки. Власть считала за лучшее не вмешиваться, а полиция и население настолько привыкли к этому, что они ни у кого не вызывали тревоги — даже тогда, когда гражданская армия разыгрывала подлинный «штурм» Дублинского замка, останавливаясь только у самых стен, к которым даже подставлялись штурмовые лестницы. На пасхальный «уик-энд»¹ были запланированы маневры в «праздничном» масштабе. Всем бойцам было приказано иметь при себе трехдневный рацион.

К своему ужасу, Мак-Нийл узнал, что вместо праздничного «выхода в поле» запланировано настоящее выступление.

Почему же ему об этом сказали? Отчасти из вежливости и отчасти на случай, если бы он пожелал присоединиться к этому плану. Но главным образом потому, что заговорщики считали, что он уже ничем не может помешать, так как было слишком поздно. Но они ошиблись. В воскресенье утром все газеты поместили подписанное Мак-Нийлом, как начальником штаба, объявление об отмене всех назначенных на пасхальное воскресенье маневров. Телеграмма и письма такого же содержания были уже разосланы.

Дублинский замок, крайне испуганный сообщенными Кейзментом сведениями о запланированном восстании, вздохнул с глубоким облегчением. Если ничего не произойдет в пасхальное воскресенье, то можно спокойно провести желанные праздники.

Пасхальный понедельник 1916 г. в Дублине

Яркие солнечные лучи заливали улицу О'Коннела. Праздничные толпы плотно окружали трамвайную остановку у колонны Нельсона.

Со стороны Абби-стрит показался небольшой отряд вооруженных людей в военной форме; большинство было в темнозеленых с опущенными полями шляпах гражданской армии, некоторые в серо-зеленой форме Ирландских волонтеров. Отряд пересек улицу, повернул направо и направился к колонне и к главному почтамту.

Никто не обратил на него особого внимания. «Компания Конноли из Либерти-холл!» — заметил кто-то. «Что за команда!» — проворчал английский офицер, наблюдая из окна почтамта.

Поровнявшись с фасадом главного почтамта, колонна внезапно остановилась, повернулась фронтом к фасаду, солдаты сомкнули штыки и по команде устремились в здание.

¹ Свободное время от окончания работы в субботу до начала работы в понедельник. — *Прим. ред.*

Через несколько секунд из окон посыпались стекла, и публика была удалена. Затем, когда служащие вышли через заднюю дверь, из главного входа показалась группа офицеров, старший из которых держал в руке лист бумаги.

Над фронтоном фасада взвились три флага — два трехцветных (зелено-бело-оранжевые) республиканских по бокам, а в середине большое зеленое знамя с надписью золотыми буквами: «Ирландская республика». Офицер с бумагой в руке — председатель временного правительства Патрик Пирс — начал читать:

«Ирландцы и ирландки! Именем бога и прошлых поколений, от которых она получила свою древнюю традицию национального существования, Ирландия в нашем лице призывает своих детей под свой флаг и к борьбе за ее свободу...»

Он продолжал читать. Стоявшие достаточно близко и не потерявшие от изумления способность понимать обратили внимание на замечательную фразу:

«Мы заявляем, что народ Ирландии имеет суверенное и неотъемлемое право владеть Ирландией и свободно распоряжаться судьбой Ирландии.

А после еще нескольких фраз, как трубный призыв, звучало заключение:

«Подписали от имени Временного правительства Томас Дж. Кларк, Шин Мак Диармада¹, Томас Мак Донаг, П. Х. Пирс, Эамонн Сеант, Джеймс Конноли, Джозеф Планкетт».

Как только закончилось чтение, вместе с общим возгласом «Боже, спаси Ирландию» прозвучал треск ружейных выстрелов на другом берегу реки, подтверждая, что Ирландская республика была провозглашена как словами, так и оружием.

Взглянув на развевающиеся под лучами солнца флаги, Джеймс Конноли со слезами радости на глазах сжал руку не менее взволнованного ветерана Тома Кларка и сказал: «Возблагодарим бога, Том, что мы дожили до этого дня».

Глава XXXI

ВОССТАНИЕ НА ПАСХАЛЬНОЙ НЕДЕЛЕ

Восстание было полной неожиданностью для властей, но после целой недели упорных боев они сумели подавить его. Затем последовали казни и многочисленные ссылки. Для

¹ Мак-Дермотт (Прим. ред.)

поверхностного наблюдателя неуспех восстания был полным, но по существу Пирс и Конноли оказались правы. Самый факт провозглашения Ирландской республики в результате этого восстания полностью изменил всю последующую историю Ирландии.

Битва за республику

Учитывая всю обстановку, надо признать, что восстание, рассматриваемое как чисто военная операция, полностью себя оправдало. После того как контрприказ Мак-Нийла разрушил первоначальный план, повстанцы, решившись действовать без подготовки, вначале насчитывали в своих рядах не более 750 человек. В это число входило 200 солдат гражданской армии — фактически весь ее наличный состав, — а 50 человек были неожиданным подкреплением в лице отряда хибернианских стрелков, состоявших членами американского Древнего ордена хибернианцев. В течение недели численность повстанцев возрастала, достигнув максимума, составлявшего почти 2 тыс. человек. Небольшие группы из Мита, Килдэра и Килкенни успели во-время прибыть в Дублин и принять участие в восстании. Достоверно установлено, что ирландцы — солдаты британской армии, прибывшие в отпуск из Франции — участвовали в боях (в штатском платье), а после капитуляции, не будучи опознанными, вновь надели свою форму и возвратились во Францию. В восстании участвовало семьдесят женщин и девушек в качестве машинисток, поваров и сестер милосердия; некоторые из них непосредственно участвовали в боевых действиях. На Сан-Стэфен Грин заместителем командующего была его собственная жена. Даже при поверхностном взгляде социальный состав повстанцев дает яркое доказательство готовности всех слоев населения принять участие в восстании.

Тактический план восстания — удерживать район, окружающий Дублинский замок, — был, или, вернее, мог бы быть вполне правильным при наличии достаточной численности восставших. Недостаточная численность и нечеткость послужили причиной неуспеха двух важнейших операций — попытки вывести из строя телефонную станцию и попытки овладеть Дублинским замком путем стремительной внезапной атаки в самом начале восстания. Ошибочный расчет — уверенность в том, что власти не решатся применить артиллерию в густонаселенном городе, — привел к тому, что штаб восстания расположился в главном почтамте, где он был подвергнут артиллерийскому обстрелу с канонерки, стоявшей на реке Лиффей. (Обстрел велся с большим искусством перекидным огнем через железнодорожный мост и окружающие дома.)

К исходу дня в пятницу Джеймс Конноли, выполнявший обязанности командующего, получил два опасных ранения, а обстреливаемый зажигательными снарядами почтамт был настолько охвачен пожаром, что его невозможно было долее удерживать. Все опорные пункты в районе восстания к этому времени капитулировали. Днем в субботу сдался Пирс. В течение субботы капитулировали и командующие других опорных пунктов. Изолированные группы и отдельные снайперы держались до следующего вторника.

В провинции в нескольких местах также произошли восстания. Лиам Меллоуз (графство Голуэй) захватил Атенри и готовился идти на город Голуэй, но вмешавшиеся священники уговорили его людей разойтись. В графстве Дублин отряд полиции нарвался на засаду, и победители под руководством Томаса Аше захватили другой полицейский отряд у Ашборна в графстве Мит. В Уэксфорде восставшие основательно укрепились на Винегархилл, но сообщения о капитуляции заставили их тоже отказаться от борьбы.

Потери восставших, как считалось, несколько превышали 3 тыс. человек. Из этого числа 56 были волонтерами, погибшими в боях. Потери английской стороны составляли 130 убитых, в том числе шесть волонтеров Рэдмонда.

Кровавый разгул реакции

Самым отвратительным инцидентом была ничем не оправданная казнь (когда восстание еще продолжалось) выдающегося ирландского социалиста-пацифиста Френсиса Шихи Скэффдингтона. Он и два редактора газет («Сэрчлайт» и «Тойлер») были расстреляны в бараках Портобелло по приказу офицера, которого впоследствии объявили ненормальным. Совершенно справедливо, что расстрел пацифиста и двух редакторов, чьи газеты — одна была просто скандальным листком, а другая антитред-юнионистской газетой¹ — всегда поддерживали Замок, было проявлением ненормальности. Но отношение «ненормального» капитана к ирландским повстанцам и социалистам — отношение, выразившееся в произвольном расстреле без суда, — вполне соответствовало взглядам и разговорам офицерства и твердолобых, которые управляли всеми нитями карсоновского заговора. Он был «ненормальным» в том смысле, что он принял эти разговоры за чистую монету и действовал в соответствии с этим.

Это было продемонстрировано, как только кончилось восстание. Английские офицеры, хотя и были джентльменами, «интере-

¹ Газету «Тойлер» субсидировали предприниматели для дискредитации Ларкина и союза транспортных рабочих. Одной из специальностей этой газеты было стремление «доказать» путем подложных фотографий и т. п., что Ларкин был незаконным сыном Кери, лидера «непобедимых», ставшего информатором.

совались, сколько марок было в кармане у Пирса, когда он сдался». Отожествление — по невежеству — восставших с и-фейнерами позволило властям поднять громадный шум и арестовывать всех, когда-либо занимавших видное положение в этой партии. В этом было и свое преимущество, поскольку английские власти были избавлены от необходимости признаться, что фений, которых англичане считали давно умершими и похороненными, вернулись к жизни с достаточной силой, чтобы провести бой за Ирландию в невиданном с 98-го года масштабе.

Рэдмонд выразил в палате свой «ужас и отвращение» перед восстанием. Его примеру последовали советы графства и муниципалитета, в которых преобладали его сторонники. Сэр Джон Максвелл, управлявший Ирландией в порядке осадного положения, приказал вырыть траншею, достаточную для сотниtrupов, и ввел военнопольные суды.

3 мая были расстреляны трое из семи, подписавших прокламацию: Томас Джеймс Кларк, Патрик Пирс и Томас Мак-Донаг. Один из подписавших, Джозеф Планкетт, и четверо менее известных лиц, среди них Эдуард Дэйли, Майкл О'Ханрахан и Вильям Пирс, были расстреляны 4 мая. На следующий день был расстрелян майор Джон Мак-Брейд (который в период англо-бурской войны сражался на стороне буров и до начала восстания ничего о нем не знал, но немедленно к нему присоединился). 8 мая был расстрелян еще один из подписавших прокламацию — Эамонн Сеант, — и еще три человека — Майкл Моллин, Кон Колберт и Шин Хьюстон. Через день в Корке был расстрелян Томас Кент из Корка, который вместе со своим братом оказал сопротивление при аресте и убил полицейского после того, как был убит его брат.

Казалось, что хладнокровным убийствам не будет конца. Распространились слухи, что девяносто заключенных уже приговорены к смерти и их приговоры только ждут утверждения. Ирландцы, и не только ирландцы, не преминули заметить, что в состав утверждавшего приговоры военного кабинета входили Эдуард Карсон и его подстрекатель — тори Бонар Лоу.

«Манчестер Гардиан» резко отметила: казни «переходят в зверство». Бернард Шоу, предрекая, что казненные займут место рядом с Эмметом и манчестерскими мучениками, выразил свой протест:

«Я вынужден опровергнуть все утверждения, будто я могу считать предателем любого ирландца, захваченного в бою за ирландскую независимость, против британского правительства. Это был честный бой во всех отношениях, кроме того колоссального неравенства сил, с которым пришлось столкнуться моим соотечественникам».

Когда Асквит огласил список казненных, член парламента от Уэстмита, Лоренс Джиннелл крикнул на весь зал: «Убийство!».

Джон Диллон, который не мог выйти из своего дублинского дома во время восстания, поднялся с места и почти истерически заявил свой протест. Асквит резко ответил, что рядовые участники восстания будут пощажены, но подстрекатели не могут рассчитывать на милосердие. Эти слова звучали зловеще. Из семерых подписавших прокламацию осталось двое: Конноли и Мак-Дермотт. 12 марта были казнены и они. Ни один из них не мог идти к месту казни. Мак-Дермотт страдал ревматическим артритом, а у Конноли была ампутирована нога, и он настолько ослабел от потери крови, что не мог стоять. Он был расстрелян на стуле. Реакция в Ирландии была в начале резко различной. Рэдмондисты, воспитанные на доктрине О'Коннела о греховности вооруженного восстания, вначале громко выражали осуждение. Газета Мэрфи «Индепендэнт» выступала настолько резко, что Мэрфи даже обвиняли в том, что он воспользовался случаем для вымещения своей личной озлобленности против Конноли и союза транспортных рабочих. Он отрицал это, но его другая газета «Ирландский католик» была еще хуже. Еще до казней (29 апреля) она писала:

«Это движение... было так же преступно, как и безумно».

После казни Пирса она заявила:

«Пирс был человеком ненормальным, если не вовсе безумным... избрания его на пост верховного судьи было достаточно, чтобы возбудить сомнение в умственных способностях одоббивших выбор... безумный, дерзкий школьный учитель... необычайное сборище мошенников и дураков...»

После расстрела Конноли:

«То, что пытались совершить, было чистым и простым разбоем... нет никаких причин сокрушаться о том, что виновных в этом постигла судьба... уготованная для всех предателей».

Расправа с восставшими оскорбила совесть страны как в Ирландии, так и в Англии. Но ничто не могло спасти Кейзмента, который был повешен в Пентонвилле 3 августа. К оскорблению присовокуплялось и то, что возглавлявшим обвинение генеральным прокурором был Ф. Е. Смит, который раньше был адъютантом Карсона, а впоследствии стал лордом-канцлером.

Взгляды на восстание

Английское лейбористское движение до и после восстания сочувствовало гомрулю. Его ортодоксальная верхушка искренне

содействовала ведению войны. Она с готовностью восприняла мнение рэдмондистов, что восстание вовсе не отвечало взглядам большинства ирландцев.

Большинство придерживавшихся антивоенных взглядов социалистов из левого крыла лейбористской партии было или сбито с толку или осуждало восстание. Рамзей Мак-Дональд выдвинул мнение, что восстание было таким же «милитаристическим», как и то правительство, которое оно стремилось свергнуть. Левое крыло (глазговской оппозиции) откровенно не понимало, как такой социалист, как Конноли, мог впутаться в националистическое восстание. Не будучи в состоянии преодолеть представление, что «человек должен быть или националистом или интернационалистом», редактор «Форвард», выходявшей в Глазго, должен был признаться, что «это остается тайной».

Но это не было тайной для небольшой группы воинствующих марксистов, воспитанию которых содействовал Конноли. Они восприняли доктрину Конноли, что интернационализм не является отрицанием национализма, и особенно, когда этот национализм относится к угнетенному народу. И у них был — хотя никто из них не знал об этом — могучий союзник в лице Ленина.

Тем, кто стремился принизить пасхальное восстание до положения «путча», он отвечал, что их оценка «чудовищна по своему доктринерству и педантству»:

«Ибо думать, что *мыслима*¹ социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*¹, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета — думать так значит *отрекаться от социальной революции*².

«Несчастье ирландцев в том, что они восстали несвоевременно, — когда европейское восстание пролетариата *еще* не созрело. Капитализм не устроен так гармонично, чтобы различные источники восстания сами собой сливались сразу, без неудач и поражений»³.

Взгляды Конноли подтвердились, когда через девять месяцев после его смерти пал царизм и когда еще через девять месяцев красное знамя победно развернулось над Кремлем.

¹ Курсив Л е н и н а. — Прим. ред.

² В. И. Л е н и н, Соч., т. 22, стр. 340.

³ Там же, стр. 342.

ПЕРЕХОД К НОВОМУ КРИЗИСУ

Когда в 1914 г. вспыхнула война, общественное мнение в националистической Ирландии было внешне — в подавляющем большинстве — на стороне национальной партии Рэдмонда и сочувствовало Англии в ее военных затруднениях. В декабре 1918 г. проведенные непосредственно после войны выборы показали, какие резкие перемены произошли в общественном мнении. В результате этих выборов национальная партия была фактически устранена.

В этой главе рассматривается процесс этого резкого изменения общественного мнения.

Британское правительство в Ирландии

Часто говорят, что если бы английское правительство проявило милосердие к вождям пасхального восстания, то последующие события могли быть (и были бы) совершенно иным. Утверждать так — значит не только упускать из виду великую истину, но и создавать превратное представление.

Превратным является и представление, что будто бы правительство 1916 г. все еще было правительством, которое настойчиво довело Акт о гомруле до королевской подписи, действуя через голову палаты лордов, и провело его несмотря на угрозы торийского-оранжистского контрреволюционного заговора. Это совершенно неверно. Контрреволюционные заговорщики воспользовались особыми условиями войны, чтобы добиться вхождения в правительство на своих собственных условиях; и, как показали события, Ллойд Джордж и его последователи — радикалы — капитулировали перед ними, во-первых, из боязни социализма и, во-вторых, в силу традиционной сектантской неприязни к «папизму». Они тайне разработали план, позволяющий им делать вид, что они «предоставили» гомруль, когда в действительности они не предоставляли ничего; это был план расчленения.

Если бы война не породила необходимости добиваться сохранения своего международного престижа, то репрессии после пасхальной недели были бы еще более кровавыми, а о гомруле не было бы и речи. Эта радикальная переориентация английского правительства вместе с сознанием, что рэдмондистская партия или склонна признать эту переориентацию или слишком глупа, чтобы заметить ее, оказали сильное воздействие на резкое изменение общественного мнения в Ирландии. Обращение с заключенными, цензура военного времени и, наконец, попытка ввести воинскую повинность в 1918 г. — все это служило подтверждением того, что английское правительство стало по существу контрреволюционным и готовилось к новому покорению Ирландии.

Мертвые фении

«Великой истиной», которую упускают из виду сторонники той точки зрения, которую мы оспариваем, является то, что нормальным требованием ирландской нации со времени Тона и «Объединенных ирландцев» было и осталось требование полной независимости. Ирландцы не всегда сознавали это, и в течение долгих периодов они охотно соглашались на ограничение своих требований рамками конституционных требований вроде «отмены унии с Англией» или гомруля. Но массы ирландцев инстинктивно ценили эти стремления, поскольку они видели в них средства приближения к независимости, которая, как они интуитивно чувствовали, является единственным нормальным статусом для ирландской нации.

Вот почему народными героями Ирландии, особенно среди молодежи, всегда были «люди, которые боролись и умирали за Ирландию». Патрик Пирс выразил эту истину в речи над могилой О'Донована Росса в середине 1915 г.:

«Я считаю, как считал и О'Донован Росса, что христиану присуще ненавидеть зло, ненавидеть неправду, ненавидеть угнетение и, ненавидя их, стремиться устранить их. Наши враги сильны, и мудры, и осторожны, но... они не в силах уничтожить чудеса, сотворенные самим богом, который взрастил в сердцах молодежи семена, посеянные молодежью прошлого поколения. А семена, посеянные людьми 65-го и 67-го годов, теперь готовы принести чудесные плоды.

Правителям и защитникам королевства необходимо быть осторожными, поскольку им надо остерегаться этих плодов. Жизнь возникает из смерти, а из могил патриотов и патриотов возникают нации.

Защитники королевства энергично действовали и тайно и явно. Они считают, что они усмирили Ирландию. Они считают, что они купили половину из нас и запугали другую. Они считают, что они предусмотрели все, считают, что приняли меры против всего, но — глупцы! глупцы! глупцы!

Они оставили нам наших мертвых фениев, и пока Ирландия хранит эти могилы, пока Ирландия не свободна, здесь никогда не будет мира».

Правдивые слова Пирса стали еще более справедливыми и еще более значительными, когда и его имя вместе с именами его товарищей пополнило список мертвых фениев.

Возникновение новой партии

Массовыми арестами и высылками членов парламентской партии после восстания английские власти способствовали лик-

видации партии. Но содержались ли они в тюрьмах как «осужденные заключенные» или в концентрационных лагерях как подследственные, — результат был один и тот же. Вдохновение доблестно проведенных боев придавало узникам силы вести борьбу против всех попыток унижительного обращения с ними. Борьба породила солидарность, нашедшую себе выражение в организации. Тюрьмы и концентрационные лагеря стали многочисленными подготовительными школами для новой партии, и когда на рождестве 1916 г. были освобождены заключенные, против которых не было возбуждено судебного преследования, они разошлись по своим домам во всех уголках Ирландии убежденными республиканцами, жаждущими приняться за создание местных организаций для нового восстания.

Шесть месяцев спустя были освобождены и заключенные, осужденные по суду. Они были встречены проявлениями бурного энтузиазма народа, теперь понявшего, что подлинную волю и интересы Ирландии представляли бойцы пасхальной недели, а не их противники из парламентской партии.

Те, кто был освобожден в первую очередь, немедленно принялись за дело. Общество помощи заключенным было хорошим началом, отделения Гэльской лиги — хорошими первоначальными центрами сборов. Несмотря на все правительственные распоряжения и аресты, стали вновь возникать и маршировать отряды волонтеров в форме, — но вооружены они были только дубинками и палками. Освобожденные заключенные пользовались большой популярностью, и их приглашали как ораторов на митинги и демонстрации. Вскоре английские власти принялись арестовывать ораторов за «возбуждение недовольства», а волонтеров — за «нелегальное обучение».

Новый дух нации проявился в поведении арестованных. Они отказывались признавать юрисдикцию суда, а в тюрьме требовали режима политических заключенных, отвечая на отказ голодовкой. Смерть одного из таких заключенных, Томаса Аше (известного по пасхальному восстанию), вызвала величайшее возмущение и громадное стечение народа на его похороны, которые были проведены с воинскими почестями.

Над могилой прозвучали три залпа, и Майкл Коллинз (ставший вождем возрожденного и сильного И.Р.Б.) коротко сказал:

«Залпы, которые мы только что слышали, являются единственной речью, которая уместна над могилой мертвого фения».

Склоняясь перед неизбежным, власти предоставили заключенным статус политических. Однако борьба не прекратилась. Поскольку англичане упорно именовали республиканцев «шин-фейнерами», последние восприняли намек и возродили партию шин-фейнеров, но в совершенно новом составе и с совершенно новой программой. В октябре 1917 г. на ежегодном съезде

этой партии ее председателем был избран Де Валера, единственный из оставшихся в живых командиров пасхального восстания, пост вице-председателя занял Артур Гриффит. Решение сохранить волонтеров, негласное принятие республиканского принципа и негласное решение о том, что волонтеры должны оказывать упорное сопротивление всем попыткам ввести принудительную воинскую повинность, свидетельствовали о движении по новому пути. Гэльская лига и все другие ирландские национальные организации признали верховенство исполнительного комитета новой партии, как фактически осуществляющего функции ирландского национального правительства.

«Цирк» Ллойд Джорджа

В это время в Дублине происходили заседания конвента, устроенного Ллойд Джорджем (в то время премьер-министр), состоящего из тщательно отобранных политических деятелей и прелатов и созванного с целью достижения согласованного решения об изменении Акта о гомруле, вступление в силу которого было отложено «на некоторое время». С самого начала было совершенно ясно, что конвенту не будет дозволено прийти ни к какому иному решению, кроме значительно урезанного гомруля, распространяющегося только на двадцать шесть графств. Делегация парламентской партии дезавуировала самого Рэдмонда, когда он предложил компромисс, который мог бы предотвратить расчленение.

Измученный болезнью, разочарованием и скорбью о потере сына и брата (убитых во Франции) и глубоко уязвленный, Рэдмонд удалился, а через десять дней после этого скончался.

Конвент, наконец, представил доклад «большинства» с приложением не менее, чем семи докладов меньшинства. Результат работы конвента привел Ллойд Джорджа в восторг, поскольку этот конвент, к удовлетворению премьера, «доказывал», что ирландцы «никогда не могут договориться».

Сопротивление введению воинской повинности

Но в середине 1918 г., когда Ллойд Джордж попытался ввести в Ирландии воинскую повинность, он обнаружил, что ирландцы прекрасно могут сговориться. Потерпев по этому вопросу поражение в палате, парламентская партия решила «перейти к шин-фейнерам» и в полном составе покинула Вестминстер.

В Дублинском Мэншен-хауз была созвана конференция, на которой присутствовали представители шин-фейнеров, лейбористской партии, национальной партии и партии (Хили—О'Брайена) «Все для Ирландии», и делегаты единогласно приняли обяза-

тельство объединиться в общем противодействии введению воинской повинности. Католическая иерархия и Мэйнутский колледж присоединились к этому решению.

Таким образом, план Ллойда Джорджа (который должен был сокрушить возрождающихся волонтеров) не только потерпел фиаско: он объединил в сопротивлении все секции националистической Ирландии.

Ллойд Джордж прибегнул к трюку «раскрытия» германского заговора. Все лидеры шин-фейнеров, которых только можно было схватить, были срочно направлены в тюрьму по обвинению «в сношениях с противником». Приказ об аресте Майкла Коллинза не удалось выполнить. Он начал свою «жизнь в подполье», продолжавшуюся до перемирия в 1921 г.

Рабочий класс показал свою решительность и силу призывом к однодневной всеобщей забастовке, которая была исключительно организованно проведена во всей Ирландии, кроме шести графств. Коллинз приступил к организации главного штаба, которому предстояло руководить сопротивлением волонтеров при любой попытке разоружить их или призвать в армию. Каковы бы ни были тому причины, но введение воинской повинности под различными предлогами откладывалось вплоть до конца войны, когда необходимость в ней отпала.

Всеобщие выборы 1918 г.

- Исход целого ряда дополнительных выборов, состоявшихся после пасхальной недели, мог бы служить предостережением о предстоящих событиях, но на них смотрели как на выборы «военного времени», которые «ничего не доказывают». В Норт Роскоммон после борьбы между тремя кандидатами был избран граф Планкетт (человек неопределенных взглядов, но отец одного из семи лидеров пасхального восстания). От Лонгфорда был избран Джо Мак-Гиннесс (находившийся в тюрьме). Значительно более ярким показателем были выборы в Клэре, вызванные смертью В. Э. Рэдмонда. Большинство двух к одному был избран Де Валера (осужденный на пожизненное заключение). От Килкенни был избран В. Т. Косгрэйв (один из участников пасхального восстания, находившийся в тюрьме). В декабре 1918 г. парламентская партия вышла на выборы, напрягая все силы в борьбе за свое существование.

Двадцать пять мест были сланы республиканцам без борьбы; в числе капитулировавших были Тим Хили и Вильям О'Брайен. Остальные пали, как рожь под серпом. Лидер партии Джон Диллон перед лицом большинства двух к одному понес поражение в своем родном графстве Мейо, которое он беспрерывно представлял с 1880 г. В конечном итоге из восьмидесяти трех мест, полученных в 1914 г., партия сохранила только семь, причем

одно из них — в Англии, а четыре — в Ольстере, сохраненных отчасти благодаря предвыборному соглашению с шин-фейнерами. Из двадцати шести графств победа была одержана только в Уотерфорде, где сын Джона Рэдмонда был избран на место своего отца. Два (новых) места выиграли тори. Все остальные места перешли к шин-фейнерам (т. е. к республиканцам).

Отмечалось, что среди возгласов: «Да здравствуют мятежники!» «Да здравствует Шин-Фейн!» и «Да здравствует республика!», которыми приветствовали результаты выборов, были также слышны и возгласы: «Помните Парнелла!»

Таково было возмездие, которое понесла парламентская партия на выборах 1918 г.

Глава XXXIII

АНГЛО-ИРЛАНДСКАЯ ВОЙНА И ДОГОВОР 1921 года

Избранные в 1918 г. республиканцы собрались в Дублине и объявили себя правительственным органом «установленной на пасхальной неделе республики». Этот жест вызвал англо-ирландскую войну, которая велась с чрезвычайной жестокостью с английской стороны и с ожесточенным упорством с ирландской стороны. Перемирие (июль 1921 г.) и последовавший за ним Договор (декабрь 1921 г.) положили конец одной войне, но послужили началом другой — войне между принявшими и отвергнувшими Договор.

В этой главе мы кратко рассмотрим важнейшие аспекты этой борьбы.

Дайл Эйреанн

Победа республиканцев на выборах была еще более полной, чем казалось. Английские власти принимали все меры, чтобы предотвратить ее. Предвыборные собрания запрещались, организаторы предвыборной кампании и ораторы арестовывались, предвыборные обращения подвергались цензуре и запрещались, предвыборная литература конфисковывалась. Предостережения против избрания кандидатов шин-фейнеров рассылались по почте и сбрасывались с аэропланов. Из семидесяти трех избранных республиканцев тридцать шесть находились в тюрьме и многие, спасаясь от ареста, были или в подполье или в Соединенных Штатах. При таких обстоятельствах получение республиканцами двух третей голосов всех избирателей в Ирландии приобретало особенно большое значение.

Те, кто был избран в парламент и находился на свободе, решили созвать Ирландскую национальную ассамблею. Приглашение получили все избранные в Ирландии в 1918 г. вне зависимости от принадлежности к той или иной партии. На приглаше-

ние отозвались только республиканцы, и 21 января 1919 г. двадцать семь человек из них, оказавшиеся налицо, собрались в Дублинском Мэншен-хауз и образовали в своем лице Дайл Эйреанн (Ассамблею Ирландии). Была принята декларация, подтверждающая, что Ирландия является «суверенной и независимой нацией», что на пасхальной неделе 1916 г. была установлена республика (Соарстат Эйреанн) и Дайл создается в качестве ее наследника и продолжателя. Дайл принял «Демократическую программу», в которой сказывалось глубокое влияние Конноли и Пирса и которую некоторые члены Дайла впоследствии находили «коммунистической».

Исполняющим обязанности президента, который имел право назначения министров, был избран Катар Бруга. Подразумевалось, что пост президента резервируется для находившегося в тюрьме Эамона Де Валера. (В то время Майкл Коллинз устранил его побег.) 5 марта были освобождены все заключенные и интернированные.

Теперь создалось такое положение, что в Ирландии оказалось две «государственные» власти: Дайл Эйреанн, поддерживаемый моральным авторитетом большинства народа, а, с другой стороны, английские власти, осуществлявшие свои функции из Дублинского замка и обладающие вооруженной силой (полиция, жандармерия, армия и флот) для проведения в жизнь своих декретов. Последовавшая борьба поэтому была по существу попыткой английских властей при помощи вооруженной силы вынудить ирландский народ лишить Дайл Эйреанн той моральной силы, которую он ему дал. Результат усилий английских властей выявился в последующих избирательных кампаниях.

На муниципальных выборах (январь 1920 г.) из 126 городских муниципальных советов 72 овладели республиканцы, 26 — коалиция республиканцев и националистов и только 29 — англичане (юнионисты). На выборах в советы графств, советы сельских районов и попечительские советы (июль 1920 г.) республиканцы получили большинство в 28 из 33 графств, в 182 из 206 сельских районов и в 138 из 154 попечительских советов.

На всеобщих выборах в мае 1921 г. (о которых будет упомянуто ниже) в 26 графствах было избрано 124 республиканца и 4 юниониста, на тех же выборах в 6 графствах было избрано 6 республиканцев, 6 националистов и 40 юнионистов. Таким образом, от всей Ирландии было избрано 130 республиканцев, 6 националистов и 44 юниониста.

Проходя через эти выборные испытания, ирландский народ упорно отдавал предпочтение республике и отказывал в нем английским властям. Это тем более показательно, что с середины 1919 г. до июля 1921 г. беспощадная война между войсками короны и войсками республики ввергла всю Ирландию в состояние хаоса.

Первой фазой в этой войне была попытка англичан помешать Дайлу создать государственный аппарат. Сам Дайл и все его органы, включая и систему арбитражных судов, которые удалось создать почти во всех графствах Ирландии, были объявлены «незаконными собраниями». Заем, которого потребовал Дайл, считался «мятежническим». Газеты, публиковавшие объявления об этом займе, закрывались; хранить и распространять упоминательную о нем литературу считалось преступлением; принимались все меры для обнаружения мест (и лиц), где хранились деньги, поступившие по подписке (которая намного превысила первоначальную сумму). Фактически все, каким-либо образом проявившие себя в республиканском движении, находились в этот период или в тюрьме или в подполье.

«Военные» операции на республиканской стороне возникли в результате постоянных гонений и преследований республиканцев. Для достижения своей цели английским властям понадобился сложный аппарат, состоящий из шпионов, информаторов и «офицеров разведки». Костяком этих сил была королевская ирландская полиция, которая знала всех людей и все происшедшее в сельских местностях. В дополнение английские власти располагали обычно используемым ими слоем деградировавших элементов внизу и английскими офицерами наверху.

Задача встретить, остановить и в конце концов разбить эти силы пала на Майкла Коллинза как начальника разведывательной службы. В его распоряжении в качестве ударной силы были специально отобранные отряды волонтеров и целая сеть агентов контрразведки, столь же широкая и разветвленная, как английская. «Казни» руководящих лиц службы английского шпионажа привели контрреволюционных английских политиков и их прессу в неопишемую ярость. Коллинз оправдывал эти казни на том основании, что англичане могут заменять своих солдат почти неограниченно, но не смогут найти замену таким руководящим лицам с их исключительной осведомленностью и способностью опознать любое лицо. В конце концов Коллинзу удалось парализовать всю систему шпионажа в Ирландии.

Одновременно с войной против секретной службы противника волонтеры осуществляли целый ряд рейдов на отдельные полицейские посты и склады с целью захвата оружия, и эти рейды выливались в ожесточенные бои. В процессе этой борьбы очень скоро выяснилось, что волонтеры, которые с начала 1919 г. стали именоваться Ирландской республиканской армией, или ИРА, пользуются поддержкой населения — мужчин, женщин и детей. Когда ИРА попадала в тяжелое положение, она всегда могла рассчитывать на помощь, тогда как полиция и войска всегда могли ждать противодействия. Такое пассивное общественное давление привело к массовому отказу от службы в

полиции, что, в свою очередь, вызвало понижение эффективности королевских сил. Присланные из Англии войска, абсолютно незнакомые ни с местностью, ни с населением, не могли заменить людей, знающих каждую дорогу и тропинку, а также и каждого человека на двадцать миль вокруг. С ростом ощущения своей слабости войсковые части перерождались в банды чужеземных захватчиков, все более склоняющиеся к грабежу и насилиям.

«Чернопегие»

Все это привело (в январе 1920 г.) к введению осадного положения в городах и официального перехода к политике террора, осуществляемого «чернопегими» и «вспомогательными».

Как те, так и другие официально считались подразделениями ирландской королевской полиции. Первые были особой категорией набранных на временную службу полицейских, завербованных главным образом в Англии и преимущественно из «надежной» среды. Уголовное прошлое служило рекомендацией, люди, отбывавшие тюремное заключение за уголовные преступления, освобождались от наказания, если они соглашались служить в «специальных частях». Они получали по 10 шилл. в день (плюс пособие жене) и полное снабжение. «Вспомогательные» части состояли из «кадетов», завербованных из числа бывших офицеров армии, флота и воздушных сил. Они действовали в качестве особых «ударных» частей. Каждый кадет приравнялся по рангу к старшему сержанту ирландской полиции, и его жалованье, пособие и паек были вдвое выше, чем в «специальных частях».

Специальные части стали называться «чернопегими» вследствие смещения ирландской полицейской формы черного цвета с английской военной формой цвета хаки. Термин «чернопегие» стал распространяться и на «вспомогательных»; надо заметить, что социальный состав «чернопегих» соответствовал социальному составу войск «СА» и «СС» периода нацистского террора, а также и социальному составу фашистских дружин Муссолини. Политическое значение института этих «чернопегих» войск состоит в том, что по дипломатическим соображениям Ллойд Джордж и поддерживавшие его контрреволюционеры считали чрезвычайно важным создать видимость, что в Ирландии нужны только «полицейские мероприятия». Согласиться с требованием военных кругов и ввести в Ирландии военное положение означало бы признание того, что в Ирландии происходит всеобщее восстание, а также и того, что английские власти фактически находятся в положении иноземного захватчика, осуществляющего военную оккупацию. «Чернопегие» были по замыслу «фашистским» изобретением, впоследствии скопированным Муссолини и Гитлером, с помощью которого желали утаить тот факт, что в моральном отношении английские захватчики вновь вернулись к тому положению, в котором они были в 1169 г.

Развернувшаяся борьба глубоко поразила английский народ и вызвала возмущение во всем мире. Убийства, поджоги, пытки заключенных, изнасилование женщин и систематический разгром и ограбление целых районов были обычными методами устрашения. ИРА отражала нападения с возрастающей решимостью и в процессе борьбы выросла в мощную силу, способную останавливать отряды «чернопегих» равной численности и наносить им поражения. Вначале ИРА придерживалась тактики засад, на что «чернопегие» отвечали разгромом, ограблением и уничтожением жилищ в тех местностях, где устраивались засады. Это, естественно, давало ИРА новых сторонников, и, таким образом, борьба разгоралась. Работа, выполненная руководителем закупочными операциями Лиамом Меллоузом в отношении снабжения ИРА оружием, приобретенным за границей и контрабандным путем доставленным в Ирландию, была неоценимым вкладом в военные усилия республиканцев.

Поскольку численность полиции сократилась, полицейским частям пришлось очистить отдаленные районы. В этих районах были созданы республиканские суды, и народ подчинялся их решениям. Республиканская полиция (солдаты ИРА, выделенные для выполнения этой функции) поддерживала в этих местностях порядок и налагала наказания по приговорам судов. Эти доказательства бессилия английских властей и признания народом власти Дэйла, сообщаемые мировой прессой, приводили контрреволюционеров в бешенство. В такие районы направлялись летучие отряды «чернопегих» на бронев автомобилях, готовые грабить, жечь, громить, уничтожать, арестовывать и убивать. Поскольку они встречали сопротивление или чаще попадали в засаду на обратном пути, туда устремлялись новые летучие отряды, а результаты были точно такими же.

Когда 11 июля 1921 г. Ллойд Джордж и Де Валера согласились на перемирие в качестве предварительного условия переговоров о Договоре, «чернопегие» уже были стянуты в более крупные города и размещены по казармам (откуда они отваживались выйти только под угрозой нападения или засады среди бела дня), а тюрьмы были переполнены заключенными, арестованными за отправление правосудия в республиканских судах или просто по подозрению.

В то время, когда бушевала война с «чернопегими», произошли два события чрезвычайной политической важности: 1) был принят Акт об управлении Ирландией (декабрь 1920 г.) и 2) организованы погромы в Белфасте.

Акт об управлении Ирландией

Сталкиваясь на каждом шагу с возрастающими политическими затруднениями, Ллойд Джордж в 1920 г. сделал жест, направленный к разрешению ирландского вопроса, внеся беско-

нечно откладываявшуюся поправку к Акту о гомруле (1914). Акт об управлении Ирландией представлял собой компромисс, неохотно принятый представителями Ольстера. Этот акт представлял один вид гомруля двадцати шести графствам (названным Южной Ирландией) и вводил иной вид гомруля в шести графствах (названных Северной Ирландией). Твердолобые, которые вообще не желали никакого гомруля, приняли этот компромисс только потому, что они считали, что, вследствие ограничения экономических и финансовых ресурсов двадцати шести графств и превращения их в исключительно сельскохозяйственные районы, гомруль окажется для них неприемлемым.

В акте предусматривалось, что два парламента, если сочтут нужным, могут учредить общеирландский совет, которому каждый из них может предоставить решать общие вопросы. Таким путем они смогут достичь воссоединения Ирландии. Это было лишь жестом для отвода глаз, ибо Ллойд Джордж знал, что господствующая в шести графствах клика никогда не согласится ни на какое воссоединение, потому что полное урегулирование ирландского вопроса противоречило их интересам.

Дайл Эйреанн как таковой не обратил внимания на этот акт. Но партия шин-фейнеров решила воспользоваться выборами в качестве демонстрации национального единства. В результате единственными избранными нереспубликанскими кандидатами оказались четыре представителя колледжа св. Троицы. Никакой борьбы не было. Никто не согласился выставить свою кандидатуру против республиканца.

Белфастские погромы

В качестве сопутствующего комментария в войне «чернопегих» и манипуляции Ллойд Джорджа с Актом об управлении Ирландией Белфаст инсценировал целую серию погромов, направленных на полное вытеснение католиков из промышленной зоны. Начало погромов (21 июня 1920 г.) совпало с введением террора «чернопегих», причем им предшествовали бурные пропагандистские митинги, на которых внушалось, что католики всюду «пролезают» и «захватывают работу у протестантов». Начало послевоенного кризиса и безработицы придавало убедительность выступлениям, и нет никаких оснований сомневаться в том, что все последовавшее было организовано и подстроено вполне продуманно.

Толпу, несшую британский флаг и совершавшую нападения на кварталы католиков, грабя и сжигая дома и лавки последних, эту толпу возглавляли совершенно соответствующие «чернопегим» «особые полицейские силы», наемные правительством шести графств из хулиганских элементов в Белфасте. Все католики были изгнаны с верфей, все католики-рабочие — с тех предприятий, где преобладали протестанты; любые попытки к

самозащиты были сокрушены камнями, дубинами, ружейными и револьверными выстрелами. Военские части вмешались только через четыре дня. Из числа гражданских лиц было 22 убитых и 188 тяжело раненных.

23—24 августа погром распространился на Лисбёрн, где было разгромлено 40 домов и лавок католиков. Затем 28 августа и 1 сентября погромы возобновились в Белфасте и сопровождались такими же зверствами. Кроме десятков убитых и сотен раненых, 9 тыс. человек были изгнаны с работы, 30 тыс. доведены до нищеты, и многие тысячи лишены крова.

Циничное замечание Карсона по существу подтверждает причастность тори и оранжистов к погромам. Он заявил, что католикам «надо только принести присягу на верность королю и гарантировать свою лояльность империи, — и все волнения немедленно прекратятся». Это значило, если вообще это что-нибудь значило, что белфастских католиков намеревались использовать в качестве заложников в войне за новое покорение Ирландии.

Отставка 148 ирландских судей, мятежи в полицейских частях и восстание 300 солдат Коннаутского кавалерийского полка в Индии были красноречивыми практическими комментариями к проводимой в Ирландии политике.

Погромы вновь вспыхнули в Белфасте в июне 1921 г., после выборов в парламент Северной Ирландии, на которых, как заявил один ольстерский тори — член парламента — «было подано слишком много голосов за шин-фейнеров». Эти волнения были почти исключительно делом рук специальных частей. Десятки католиков были убиты, и еще 150 семей были лишены крова.

Эти зверства и непоколебимая солидарность националистического населения Ирландии перед лицом всех проявлений варварства оказали глубокое воздействие на демократическое общественное мнение в Англии и во всем мире.

Перемирие и переговоры

Материальные и моральные условия вынудили обе стороны к перемирию, заключенному в июле 1921 г., и к последовавшим за ним длительным переговорам. Для ирландской стороны главным затруднением был экономический хаос, в который была ввергнута страна вследствие опустошительных набегов «чернопегих» и упорного сопротивления железнодорожных и транспортных рабочих, неуклонно отказывавшихся перевозить войска и военные материалы. В результате железнодорожное движение фактически прекратилось, а поскольку при проведении оборонительных операций ИРА взорвала некоторое количество мостов и вследствие заминирования и прокладки траншей сделала непроходимыми главнейшие дороги в целых крупных районах, то возник хаос, который не мог долго продолжаться.

Кроме того, ИРА фактически израсходовала свои запасы патронов. Она никогда не могла выставить в бою более 2 тыс. человек одновременно, хотя имела в своем распоряжении в двадцать раз больше людей. Теперь становилось все более трудным сохранить в боевой готовности даже только 2 тыс. человек.

На английской стороне во всем демократическом лагере возникло бурно нарастающее требование перемирия и договора с Ирландией, причем особо активная роль в этом движении принадлежала коммунистической партии. Рядовые члены лейбористской партии и тред-юнионов присоединялись к требованиям коммунистической партии и организации ирландских изгнанников — Лиге самоопределения Ирландии, вынуждая своих партийных лидеров к действиям. Последние, в свою очередь, оказывали давление на правительство.

Назначенный командующим «вспомогательными» частями генерал Крозиер обнаружил, что его попытка привить «достойное солдата» поведение этим войскам постоянно пресекалась «вышестоящими» (т. е. Дублинским замком). В самом Дублинском замке заключенных пытали и убивали. Священник из Голуэя, которого пригласили в Америку для дачи свидетельских показаний о нападении «вспомогательных» на женский монастырь и насилиях над монахинями, был убит «вспомогательными», и тело его было брошено в болото. Был подготовлен заговор для совершения убийства католического епископа Киллало. Все расследования генерала Крозиера с целью обнаружения виновных в совершении этих деяний тормозились «вышестоящими». Когда он обнаружил, что двадцать пять кадет, уволенных им за грабеж, были в полном составе восстановлены в правах, чтобы «замазать им рты», генерал Крозиер подал в отставку. Затем в мае 1921 г. главнокомандующий войсками в Ирландии генерал Макреди сообщил, что единственным эффективным мероприятием будет введение военного положения на всей территории двадцати шести графств, с запрещением всех гражданских судов, закрытием газет и реквизированием всех видов транспорта. Для выполнения этого, заявил он, необходимы новые армейские части и замена почти всех войск, командиров и штабов.

Для английского правительства такое положение было неприемлемо. Экономические обязательства вынуждали его считаться с общественным мнением других стран и доминионов, а на общественное мнение в этих странах оказывал сильное влияние ирландский элемент населения. Политическая неустойчивость заставляла правительство считаться и с общественным мнением Англии, которое под давлением мирового хаоса и экономического кризиса быстро разделялось на два громадных лагеря: лагерь революции и лагерь контрреволюции. Попытка собрать армию для открытого покорения Ирландии военными мерами немедленно ускорила бы кризис, уничтожив финансовый кредит Англии в других странах и в доминионах.

Поэтому и были начаты переговоры с Де Валера и Дайл Эйреанн, а впоследствии с полномочными представителями Ирландской республики, возглавляемыми Артуром Гриффитом и Майклом Коллинзом, за поимку которого несколько месяцев перед этим была назначена награда в 10 тыс. ф. ст. Переговоры продолжались до 6 декабря 1921 г., когда представители обеих стран подписали Договор.

Договор 1921—1922 гг.

Неизвестно, что происходило за кулисами переговоров о Договоре. Имеются указания на то, что вначале Ллойд Джордж и некоторые лидеры английских тори были готовы предоставить Ирландии статус доминиона, из-под юрисдикции которого могли быть изъяты шесть графств или какая-либо часть последних, если они сами этого пожелают. Имеются также указания на то, что эта позиция подверглась изменению вследствие давления со стороны контрреволюционной фракции в рядах тори, — фракции, представлявшей наиболее агрессивные элементы финансово-капиталистической олигархии, которые были крайне встревожены революцией в России и готовились в то время сокрушить силы организованных рабочих в Англии. Эта фракция, со временем отстранившая Ллойда Джорджа и «умеренного» Бонара Лоу, чтобы осуществлять управление через Стэнли Болдуина и Невилля Чемберлена, видела в открытой войне в Ирландии и в создании армии для этой войны свои наилучшие шансы на совершение государственного переворота, пойти на который она уже решилась. В соответствии с этим ирландским представителям был предъявлен ультиматум — или дать согласие на предложенный договор, или через три дня начнется неограниченная ничем война. Делегация неохотно уступила.

Договор немедленно предоставлял фактически полное самоуправление двадцати шести графствам, включая передачу Дублинского замка и отозвание всех английских войск, полиции и чиновников. Он предоставлял шести графствам возможность присоединиться к данному соглашению, но не настаивал на этом. Он настаивал на принесении членами парламента и должностными лицами Саорстат Эйреанн присяги на верность (королю и империи) и в качестве уступки включал статью, предусматривающую пересмотр «границы» между Северной Ирландией и Саорстатом (буквально переводимым как Свободное государство)¹ «в соответствии с желаниями населения».

¹ По мнению лучших ученых-гэлистов, наиболее точным переводом выражения *Саорстат Эйреанн* является термин «Ирландская республика». Ллойд Джордж принял его буквальный перевод, а не первоначальное значение. В то время насмешливо предлагали именовать новое государство «Королевская Ирландская республика».

Нет ни малейшей причины сомневаться в честности, патриотизме и смелости ирландских делегатов, подписавших Договор. Самое большое, что можно сказать в их осуждение, заключается в том, что они не были профессиональными политиками и их перехитрили такие знатоки софистики, как Ллойд Джордж, Бонар Лоу, Биркенхэд («адъютант» Смит) и Остин Чемберлен.

Затяжка переговоров была выгодна английским политикам. Весь мир устал от войны, и чем больше люди — как в Ирландии, так и вне ее — привыкали к миру, тем меньше они склонялись к возобновлению войны. И на кого бы ни падала ответственность, самое возобновление войны встретило бы суровое осуждение со стороны общественного мнения. Поэтому ведущие переговоры английские политики ловко поставили ирландских делегатов — а с ними и Дайл Эйреанн — перед необходимостью принять Договор или отклонить его по чисто формальному поводу — из-за пункта о принесении присяги королю.

Вызывавший действительное возражение вопрос о расчленении не был упомянут отчасти потому, что существование Северной Ирландии было уже совершившимся фактом, а отчасти потому, что считалось, что предусмотренный Договором и честно выполненный пересмотр границы сильно сократит территорию Северной Ирландии, после чего она не сможет продолжать отдельное существование ни в политическом, ни в экономическом отношении.

После длительных дебатов Дайл Эйреанн незначительным большинством одобрил Договор.

Гражданская война сторонников и противников Договора

Дебаты по вопросу о Договоре породили чрезвычайное ожесточение, которое нашло свое выражение в расколе, завершившемся гражданской войной между силами Свободного государства и силами Республики.

Формально дебаты сосредоточились вокруг вопроса о присяге, которую казуисты считали нарушением присяги на верность республике, уже принесенной Дайлом и ИРА. Более конкретно дебаты развернулись по вопросу расчленения, которое, как утверждали, Договор признавал лишь в принципе, оставляя проблематичными шансы на его ратификацию. Возобновление погромов в Белфасте обострило возражения.

Эти причины идеологического и политического расхождения все усиливались и привели к полному расколу благодаря резкому столкновению экономических интересов вокруг вопроса о земельном голоде, явившемся побочным следствием прекращения эмиграции в Соединенные Штаты, в доминионы и в Англию — первоначально в результате вызванных войной запретов, а затем вследствие послевоенного кризиса и безработицы.

Как мы уже указывали раньше, положительные результаты Актов о купле земли обуславливались непрерывным функционированием эмигрантского корабля. Во время войны его сменила вербовка в армию. Во время войны около 500 тыс. человек из 26 графств служило в британских войсках; в условиях экономического положения в Англии и вообще в мире их демобилизация ускоряла острый кризис.

В 1919 г. на западе Ирландии возникло движение за захват земли. Действия земельных судов Дайл Эйреанн и республиканской полиции, направленные на подавление этого движения, породили чрезвычайное недовольство, способствовавшее усилению сопротивления Договору, который, в свою очередь, встречал усиленную поддержку со стороны более буржуазных элементов (включая особо ненавистных «скотоводов»). Разделение на два лагеря произошло между фактически или потенциально остро нуждающимися в земле, которых поддерживали республиканцы — интеллигенты и, революционеры из среды городского населения, с одной стороны, — и городской буржуазией, государственными чиновниками, землевладельцами и верхними слоями крестьянства — с другой. Квалифицированные рабочие и лейбористская партия вообще были парализованы разногласиями. Эта борьба включала в себя чреватый глубокими последствиями конфликт между И.Р.Б., которое под влиянием Девоя высказывалось за принятие Договора, и секцией большинства ИРА, протестовавшего против Договора. Последовавшее в результате распыление морального авторитета организации фениев резко способствовало разложению и возникновению разочарования и пессимизма в последующие годы.

Гражданская война и шесть графств

Формальной причиной гражданской войны был отказ руководимого Рори О'Коннором и Лиамом Меллоузом большинства ИРА подчиниться власти правительства Свободного государства. Подлинной ее причиной был факт расчленения и отклик правительства шести графств на Договор.

Когда условия Договора были обнародованы, оранжистские фанатики воспользовались статьей о пересмотре границы для того, чтобы поднять панику. «Узкий круг» получил частные заверения своих твердолобых сообщников в Англии, что все будет обстоять как нужно, но будет «правильной политикой» предоставить антипапистским фанатикам возможность вызвать как можно большее возбуждение.

Парламент Северной Ирландии принял закон, предусматривающий суровые наказания за владение огнестрельным оружием, не имея на то разрешения, а также за принадлежность к «мятежным» ассоциациям. Была создана и вооруженная посто-

янная специальная полиция, и численность «временных» специальных частей была увеличена. Каждый член ложи оранжистов или ассоциации юнионистов мог по первому требованию получить разрешение на владение огнестрельным оружием, но ни один католик не мог получить такого разрешения ни при каких обстоятельствах. Одно лишь обращение за подобным разрешением служило основанием для ареста и заключения «по подозрению».

Почва для погрома была подготовлена обысками, проведенными в населенных католиками кварталах Белфаста, якобы с целью обнаружить спрятанное оружие. В результате предыдущего погрома эта часть города была чрезвычайно перенаселена. Семьи католиков жили в сараях, в импровизированных лачугах, в огородах, а также в общественных залах и могильных склепах. Когда специальная полиция убедилась, что этот квартал лишен средств обороны, была подана команда. Толпа «патриотов»-оранжистов вступила в квартал с револьверами, ружьями и пулеметами и приступила к разгрому всего квартала.

Католики защищались, как могли. Группа молодых протестантов-социалистов отбила ожесточенное нападение на монастырь (который был подожжен) и помогла затушить пламя. Несколько солдат ИРА из соседних районов с боем проложили себе путь и приняли участие в защите. Тогда были вызваны солдаты, которым было приказано открыть огонь по ИРА. Военские части на время подавили беспорядок, однако, как только солдаты удалялись, беспорядки вспыхивали снова и снова. С бесстыдной наглостью апологеты оранжистов приписали все волнения «шин-фейнерским» стрелкам.

Когда же беспорядки в конце концов улеглись, оказалось, что еще 9 тыс. католиков были изгнаны с работы и что число оставшихся без крова возросло до 23 тыс. человек. Всего с 21 июня 1920 г. по 21 июня 1922 г. было убито 428 человек и ранено 1766 человек.

Возмездием, от которого торийская пресса пришла в ужас, было убийство сэра Генри Вильсона, начальника имперского генерального штаба и главного военного советника правительства Северной Ирландии, — он был застрелен на пороге своего дома в Лондоне двумя бывшими солдатами-ирландцами. По общему мнению, Вильсон являлся подстрекателем всех погромов.

Острым моментом гражданской войны между сторонниками Свободного государства и сторонниками Республики было решение Рори О'Коннора ввести ИРА в шесть графств для репрессивных операций.

О'Коннор захватил Старую крепость в Дублине под свой штаб и приступил к реквизиции грузовиков для рейда на Белфаст. Встреченное могущими произойти событиями английское правительство настаивало перед правительством Свободного

государства на необходимости удалить «анархистов». В конце концов главнокомандующий армией Свободного государства Майкл Коллинз в 4 часа утра 28 июля 1922 г. начал обстрел Старой крепости из артиллерийских орудий, предоставленных английским правительством.

Гражданская война между войсками Свободного государства под командованием Гриффита и Коллинза и «иррегулярной» ИРА под командованием Де Валера в качестве президента Ирландской республики велась обеими сторонами с чрезвычайным ожесточением; ее вели люди, озлобившиеся за период длительной борьбы с «чернопегими». На стороне правительства Свободного государства было то преимущество, что его армия состояла, главным образом, из опытных бывших солдат и оно обладало неограниченными запасами оружия и патронов. Слабостью республиканцев было отсутствие реальной поддержки со стороны народа. Трагический смысл этой борьбы заключался в том, что многие люди, отличившиеся в англо-ирландской войне, были убиты или в боевых операциях или «при попытке к бегству». Среди них оказались Коллинз, Лиам Линч, Рори О'Коннор, Меллоуз, Катал Бруга и Эрскин Чилдерс.

В полдень 30 апреля 1923 г. начальник республиканского штаба отдал приказ о прекращении наступательных операций; 24 мая последовал приказ «прекратить огонь», спрятать все оружие и патроны и разойтись. Формальной капитуляции не было, но гражданская война закончилась. Делавшиеся от времени до времени попытки возобновить ее не нашли себе опоры в среде народа, за исключением случайной поддержки возмущенного меньшинства в шести графствах.

Когда Де Валера перенес борьбу в плоскость политического спора, она принесла гораздо больший успех.

Расчленение совершилось

Когда закончилась гражданская война, правительство Свободного государства, во главе которого стоял У. Т. Косгрэйв (Артур Гриффит скоропостижно скончался вскоре после гибели Коллинза в бою), подняло вопрос о создании комиссии по пересмотру границы.

Правительство Северной Ирландии отказалось обсуждать этот вопрос. Английское правительство в конце концов назначило своего представителя и представителя от шести графств. Эти два представителя вместе с представителем Свободного государства составили комиссию по пересмотру границы.

После длительных формальных «изучений» комиссия объявила, что «большинство» решило руководствоваться в своей работе двумя принципами: во-первых, так как Северная Ирландия образована «уже давно», то изменения нежелательны, во-

вторых, никакое ухудшение экономического положения Северной Ирландии не должно быть допущено. Короче говоря, обусловленный Договором учет «пожеланий населения» игнорировался, и в итоге, если граница вообще подлежала изменению, то только под условием увеличения территории и населения Северной Ирландии. Даже английское правительство было поражено такой демонстрацией наглости оранжистов. В соответствии с этим оно воспользовалось случаем заключить сделку с правительством Свободного государства, включающую полное аннулирование статьи о пересмотре границы. Таким образом, в 1925 г. расчленение было окончательно завершено.

Глава XXXIV

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА. ВЫВОДЫ НА СЕГОДНЯ

В 1932 г. Эамон Де Валера вернулся к власти и сразу же начал работу за устранение, поскольку этого можно было достигнуть без войны, всех конституционных и финансовых уз, привязывающих Ирландию к Англии. Ответом на эту политику была экономическая война, окончившаяся в 1938 г. соглашением, которым были удовлетворены все требования Де Валера, за исключением двух чрезвычайно важных: отмены расчленения и признания независимости Ирландии.

Отказ признать эти важнейшие пункты был основной причиной нейтралитета Эйре в течение второй мировой войны; необходимость удовлетворить эти требования — и таким образом полностью отказаться от покорения Ирландии Англией — доказывается всем ходом истории, рассмотренным в этой книге.

Де Валера возвращается к власти

В 1927 г. Де Валера и республиканцы отказались от своей политики доктринерского отказа «признать» Ирландское Свободное государство и, выразив протест, принесли присягу и заняли свои места в Дайл. Не последовавшие за ним республиканцы (претендовавшие на то, что они — подлинный Дайл, старая ИРА и шин-фейнеры), отказались поддерживать Де Валера на этом пути. В результате Де Валера со своими сторонниками основал новую партию — «Фианна Файл» («Солдаты Судьбы») — и благодаря настойчивой пропаганде, отстаивающей точку зрения городской и сельской мелкой буржуазии, обеспечил себе в 1932 г. большинство в Дайл.

Став премьером, он немедленно направил английскому правительству ноту, извещающую о его намерении отменить присягу на верность и прекратить уплату ежегодных взносов земельным уполномоченным, следуемых по различным актам о выкупе

земли (1880—1909). Английское правительство не обмолвилось ни словом относительно присяги, но весьма красноречиво ответило на отказ от выплаты ежегодных платежей (фактически взносов, подлежащих ежегодной уплате в качестве покупной цены за приобретенные арендаторами держания). Министр по делам доминионов в национальном правительстве Дж. Х. Томас объявил о наложении специальных пошлин на ирландский импорт в Англию. Считалось, что это настолько подорвет торговлю Свободного государства, что оно будет вынуждено капитулировать в течение шести месяцев. В действительности же эта «война» продолжалась почти шесть лет и за этот период нанесла торговле Англии больше ущерба, чем торговле Свободного государства.

Экономическая война дала Де Валера возможность установить протекционистскую систему для ускорения роста новых отраслей промышленности в преимущественно аграрном Ирландском Свободном государстве, а этот рост в известной мере компенсировал утрату промышленного района, оторванного от Ирландии расчленением.

В январе 1935 г. экономическая война была смягчена уступками с обеих сторон, изменявшими импортные пошлины в пользу английских экспортеров угля и ирландских экспортеров скота. Полное прекращение экономической войны было достигнуто соглашениями 1938 г., переговоры о которых вел Невилль Чемберлен. Ирландское Свободное государство (ныне Эйре) выплачивало 10 млн. ф. ст. в окончательное погашение всех претензий финансового характера, а взамен ему передавались порты и военно-морские склады, которые по Договору 1921—1922 гг. оставались под контролем англичан. Важнейшие конституционные вопросы в соглашении не упоминались, в то время как государственным деятелям Эйре предоставлялось право считать «молчание знаком согласия». Факт остается фактом, что Англия формально никогда не одобряла (и не оспаривала) конституцию Эйре 1936 г.

В этом отношении конституционная позиция Англии была слаба, поскольку, согласно Вестминстерскому статуту (1931), каждый доминион Британской империи имеет право изменять свою конституцию по своему усмотрению; осуществление этого права Северной Ирландией было немедленно одобрено английским правительством¹. Согласно этому статуту, «статус доминиона» включает в себя соравенство, законодательную независимость и «свободную ассоциацию» с Британским содружеством, которая вле-

¹ Ни Эйре, ни Северную Ирландию нельзя считать «доминионом» Британской империи без некоторых оговорок. С официальной точки зрения, ирландское правительство рассматривает Эйре как «республику, внешне связанную с «Британской империей» тогда как Северная Ирландия официально является самоуправляющейся частью Соединенного королевства. Тем не менее обе они фактически «доминионы».

чет за собой право «отделения, включая право сохранять нейтралитет в войне, проводимой Англией».

В 1932 г. Де Валера начал с отмены присяги на верность королю. Затем при первом удобном случае он избавился от генерал-губернаторства посредством назначения на этот пост сторонника своей партии (Дональда Бакли, который возглавлял отряд войск из Мэйнута, с боем проложивший себе путь в Дублин на пасхальной неделе), имея в виду, что он, как официальное лицо, будет абсолютно бездеятелен.

Затем в 1937 г. была принята новая конституция, провозглашающая Ирландию «суверенным, независимым и демократическим государством», именуемым Эйре. Было объявлено, что ее территорией является вся Ирландия, но юрисдикция конституции временно ограничивается двадцатью шестью графствами Свободного государства. Конституция не упоминала о генерал-губернаторе и не содержала ссылки ни на корону, ни на Содружество наций (которое являлось лейбористским камуфляжем для Британской империи). По этой конституции президент избирается каждые семь лет прямым голосованием. Имеются две палаты — Дайл и Сенат, причем Дайл (через президента) назначает премьер-министра, который, в свою очередь, назначает своих министров. Только двое из министров могут быть членами Сената. С этого времени пост премьер-министра занимал Де Валера.

Молчаливое принятие этой конституции Невилем Чемберленом и английским правительством (хотя оно и могло скрыть свои дальнейшие стремления) во всяком случае было и остается молчаливым признанием того, что ирландский народ отстаивает свое право установить суверенное независимое государство и что осуществлению этого права препятствует и мешает существование состоящего из шести графств государства Северная Ирландия.

Зло расчленения ¹

Мы подробно доказали в этой книге, что расчленение является злом, что это зло нанесено Ирландии с явной целью пресечь национальные стремления ирландского народа. Вынужденный отказать от Акта о унии и «господства протестантов» правящий класс Англии ответил восстановлением Пэля в новых географических границах.

Оправданием для расчленения является предлог, что будто «протестанты» Северной Ирландии — Ольстера могут подвергнуться гонениям и дискриминации со стороны католического

¹ Джексон усматривает в расчленении Ольстера основное препятствие на пути к восстановлению независимости и демократического развития Ирландии. Ликвидация расчленения — только один из моментов демократического возрождения Ирландии. Подробнее по данному вопросу см. вступительную статью. — *Прим. ред.*

большинства. Что это является только предлогом, доказывается тем фактом, что среди католического большинства 26 графств проживает 6% протестантского меньшинства и что в состав населения Северной Ирландии включено 33 процента населения, составляющих католическое «меньшинство», которое с тех пор подвергается там оскорбительной и несправедливой дискриминации.

В конституции и деятельности Эйре есть многое, что заслуживает сурового осуждения с точки зрения, скажем, Джеймса Конноли, Патрика Пирса или Теобальда Уолфа Тона. Но во много раз хуже этих недостатков фальшивое представительство и едва ли не фашистское правление в Северной Ирландии.

Даже если бы это было не верно, то создавшееся во время войны положение и его плоды показывают, какими врагами английского народа и его подлинных интересов были те правящие классы, которые для увеличения своих возможностей эксплуатации народа в течение восьми столетий стремились уничтожить ирландское национальное существование и держать Ирландию, прямо и косвенно, в постоянном подчинении.

Именно потому, что английские рабочие не могут быть сами свободны, пока они соглашались с угнетением ирландского народа, с расчленением нужно покончить, чтобы создать возможность свободного и братского сотрудничества между Англией и Ирландией.

Свободная Ирландия, естественно, заняла бы принадлежащее ей по праву место в освободительной войне человечества. Расчлененная и оскорбленная Ирландия была морально вынуждена занять менее почетную, но вызванную необходимостью позицию нейтралитета.

Положить конец расчленению

Во время войны англичане столкнулись с дополнительной опасностью, которая является расплатой за преступления, совершенные в Ирландии правителями Англии (и Ирландии) в течение почти 800 лет. Если бы не это злое наследие, необходимость загладить которое признает каждый честный англичанин, мы могли бы рассчитывать на неоценимую помощь, которую нам предоставила бы свободная и объединенная Ирландия. Мы должны заплатить свой долг, хотя бы только для того, чтобы заслужить право приветствовать, как товарищей и бойцов за свободу, тех людей, чьи подвиги и борьба описаны в этой книге.

Расчленение — одновременно и преступление и оскорбление — было навязано Англией. В Англии же должна начаться и начнется работа по ликвидации этого расчленения.

Правители Англии навязали расчленение, чтобы оно служило их классовым целям. Простой народ Англии, движимый своими классовыми интересами, должен вести борьбу против расчленения,

считая эту борьбу частью процесса достижения своего собственного освобождения.

Расчленение установило особые интересы по обе стороны разграничительной линии. На той и на другой стороне их усиливает масса привитых предрассудков. Вследствие этого невозможно покончить с расчленением чисто формальным путем — путем простой отмены законов, создавших Северную Ирландию. С ним можно покончить общим соглашением заинтересованных сторон — простого народа в шести графствах, в двадцати шести графствах и в Англии.

Английская демократия должна — это ее обязанность и одновременно привилегия — настолько развить дружбу простых людей по обе стороны границы, чтобы это конкретное воплощение зла прошлого пало под общим напором трех согласованно действующих демократий.

Мы можем достойно завершить изложенную здесь историю, только вернувшись к тому, с чего она началась, но вернувшись к этому на более высокой ступени — ступени победного наступления демократии.

В этом стремлении мы можем осуществить и осуществим прощество Джеймса Конноли:

«В нашем движении Север и Юг снова соединят свои руки и снова, как в 98-м году, продемонстрируют, что гнет общей эксплуатации делает протестантских рабочих энтузиастами-мятежниками, католиков — энтузиастами, поборниками гражданской и религиозной свободы, а из тех и из других создает объединенную социалистическую демократию».

Мы также можем подтвердить истину слов Патрика Пирса:

«Пусть никто не ошибается в том, кто будет господином в Ирландии, когда Ирландия будет свободна. Господином и хозяином будет народ».

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Вступительная статья	5
Предисловие автора	39

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАВОЕВАНИЕ ИРЛАНДИИ АНГЛИЧАНАМИ

<i>Глава I. Древняя Ирландия</i>	<i>41</i>
--	-----------

Особенности географической среды. — 41. Гэльское общество — 42. Политическая структура — 45. Единство и противоречия в гэльском обществе — 46. Церковь в гэльской Ирландии — 48. Вторжение датчан (795—1014) — 49.

<i>Глава II. Покорение Ирландии (I)</i>	<i>51</i>
---	-----------

Политический и экономический фон истории Ирландии — 51. Покорение Ирландии в 1171 г. — 52. Дальнейшие результаты завоеваний — 53. Килкеннийский статут — 55. Пролог к завоеванию Ирландии Тюдорами — 57. Завоевание Ирландии Тюдорами: первый период — 58. Ирландские вожди, английские лорды — 61. Конфискация и колонизация — 62. Колонизация Ольстера — 63.

<i>Глава III. Покорение Ирландии (II)</i>	<i>65</i>
---	-----------

Общий фон; английская революция 1640 г. — 66. Роль религии в английской революции — 68. Долгий парламент; восстание 1641 г. — 70. Мятеж и гражданская война в Ирландии — 73. Левеллеры — 76. Завоевание Ирландии Кромвелем — 78. Колонизация, проведенная Кромвелем — 79. Реставрация и итоги грабежа — 82.

<i>Глава IV. Покорение Ирландии (III)</i>	<i>82</i>
---	-----------

„Революция вигов“ (1688) — 82. Ирландия и «революция вигов» — 84. „Патриотический“ парламент в 1689 г. — 86. Война Вильгельма Оранского — 87. Лимерикский договор — 88. Карательные законы — 89. Власть протестантов — 90. Ирландский народ и карательные законы — 91.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ ГРАТТАНА ДО „ОБЪЕДИНЕННЫХ ИРЛАНДЦЕВ“

<i>Глава V. Ирландия — колония Англии</i>	<i>95</i>
---	-----------

Колониальная политика Англии — 95. Ограничения ирландской торговли и промышленности — 96. Управление и парламент Ирландии — 97. Экономические условия в Ирландии (1690—1778 гг.) — 98.

<i>Глава VI. Революция Граттана</i>	100
---	------------

Волнения в городах —101. Аграрные волнения и бунты —102. Волонтеры —105. Генри Граттан как лидер —107. Флуд и конвент 1783 г. —109.

<i>Глава VII. Движение „Объединенных ирландцев“</i>	112
---	------------

Ирландия в 1790—1791 —112. Теобальд Уолф Тон —113. Права человека в Ирландии —116. Тон и католический комитет —117. Католический конвент —120. Акт об облегчении положения католиков (1793) —121.

<i>Глава VIII. Война с „Объединенными ирландцами“</i>	122
---	------------

Программа реакции —122. Законопроект о собраниях и волонтеры —123. Подавление движения волонтеров —125. Сопротивление набору милиции —126. „Объединенные ирландцы“ и „Организаторы обороны“ —128. Роспуск общества „Объединенных ирландцев“ —130. Основание общества оранжистов —135.

<i>Глава IX. „На берегу —французы“</i>	138
--	------------

Уолф Тон во Франции —138. Европейская ситуация —141. Попытки французоз вторгнуться в Ирландию (1796—1797 гг.) —143. Карательная экспедиция в Ольстере —145. В ожидании французоз —148.

<i>Глава X. Восстание „девяносто восьмого года“</i>	150
---	------------

Дело Вильяма Орра —150. Обвинительный акт, предъявленный правительству Карреном —152. Навстречу кризису —153. Контрреволюционный террор —156. Лорд Эдуард Фитцджеральд и восстание —158. „Уэксфордские ребята“ —161. Восстание в Антриме и Дауне —166. Месть победителей —167. Французские экспедиции 1798 г. —169.

<i>Глава XI. Уния. Роберт Эммет. Итоги</i>	170
--	------------

Акт об унии —171. Католики и уния —173. Заговор Эммета —175. Итоги деятельности „Объединенных ирландцев“ —177. Отпадение севера —181.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОТ О'КОННЕЛА ДО „МОЛОДОЙ ИРЛАНДИИ“

<i>Глава XII. После унии</i>	182
--	------------

Место Ирландии в экономике Англии —182. Лендлордизм в Ирландии —183. Нищета в Ирландии, ее распространение —184.

<i>Глава XIII. О'Коннел и эмансипация католиков</i>	186
---	------------

Даниэль О'Коннел —186. Оранжизм, тори и виги —187. Восстание „сорокашиллинговых“ фригольдеров —189. Клерские выборы и эмансипация —190.

Глава XIV. Война против десятины	191
---	------------

Система сбора десятины в Ирландии —191. Война против десятины. Первая стадия —192. Война против десятины. Вторая стадия —194. Война против десятины. Третья стадия —195. Томас Друммонд — 197.

Глава XV. Переход к агитации репилеров	198
---	------------

Политическая позиция О'Коннела — 198. О'Коннел и чартисты —200. „Нация“ и ее сотрудники —201. Томас Дэвис — 203.

Глава XVI. Кризис движения репилеров	204
---	------------

Массовые митинги — 204. Отклики на агитацию О'Коннела — 205. Клонтарфский кризис — 206. Суд над О'Коннелом и другими — 207. О'Коннел меняет фронт — 208.

Глава XVII. Голод и тысяча восемьсот сорок восьмой год	211
---	------------

Великий голод — 211. Кончина О'Коннела —214. Ирландская конфедерация — 215. Джон Митчел, Даффи, чартисты — 216. Восстание 1848 г. — 219.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОТ ЛИГИ ПРАВ АРЕНДАТОРОВ ДО ФЕНИАНСКОГО БРАТСТВА

Глава XVIII. Экономические последствия голода	224
--	------------

Свободная торговля и ее влияние на сельское хозяйство — 224. Доклад комиссии по Закону о бедных 1847 г. — 225. Закон о закладных на майораты — 226. Эмиграция и ее последствия — 227.

Глава XIX. Даффи и его Лига прав арендаторов	228
---	------------

Непрекращающийся аграрный террор —228. Лига прав арендаторов —230. „Духовой оркестр римского папы“ — 232. Великое предательство — 233.

Глава XX. Фенианское братство	235
--	------------

Тайное общество „Феникс“ — 235. Революционные связи фениев —236. „Выслеживание политических преступников“ — 237. Гарибальди и папа —238. Похороны Мак-Мануса —239. Гражданская война в США и фенианство — 240. „Ирландский народ“ — 241.

Глава XXI. Кризис фенианства	241
---	------------

Аресты шестьдесят пятого года —242. Суд над Луби, О'Лири, Кикгемом и Росса — 243. Восстание шестьдесят седьмого года —243. Освобождение в Манчестере — 245. Взрыв в Клеркенуэлле —246.

Глава XXII. Плоды фенианского движения	246
---	------------

I Интернационал и фении —247. Акт Гладстона об отделении церкви от государства —248. Традиции фениев —249.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ОТ ПАРНЕЛЛА ДО ПАСХАЛЬНОЙ НЕДЕЛИ И ПОСЛЕДУЮЩИЙ ПЕРИОД

<i>Глава XXIII.</i> Экономическое развитие в период 1870—1916 гг.	252
Развитие сельского хозяйства в Ирландии — 252. Положение в Белфасте — 254. Борьба за землю 1870—1909 гг. — 255. Лалор и теория аграрной борьбы — 257.	
<i>Глава XXIV.</i> Гомруль. Начало деятельности Парнелла	259
Начало движения за гомруль — 29. Партия гомруля в парламенте — 261. Умелая обструкция: Биггар и Парнелл — 262. Кризис в партии гомруля — 265. Расхождения путей — 266.	
<i>Глава XXV.</i> Девитт; земельная лига и Парнелл.	267
Голод 1879 г. — 268. Девитт, Девой и новая линия политики — 269. Парламент и борьба за землю — 272. Инцидент с капитаном Бойкотом — 275. Гладстон вводит чрезвычайное положение — 275. Земельный акт 1881 г. — 277. Килменхеймское соглашение — 278. Убийство в парке Феникс — 279.	
<i>Глава XXVI.</i> Парнелл — „некоронованный король“	279
Террор левого крыла и национальная борьба — 280. Поворот Гладстона к гомрулю — 282. „Иуда“ Чемберлен — 285. План кампании — 287. Пропаганда против Парнелла — 289. Специальная комиссия по делу „Таймс“ — 290. Английский народ и ирландская партия — 292.	
<i>Глава XXVII.</i> Парнелл предан. Смерть Парнелла	293
Треугольник О'ШИ — Парнелл — 293. Сектантская мораль — 296. Раскол партии — 297. Смерть Парнелла — 299.	
<i>Глава XXVIII.</i> Годы затишья	299
Тори подрывают гомруль — 299. Земельные акты 1870 — 1909 гг. 300. Вырождение парламентской партии — 303. Элементы национального возрождения вне партии — 305. Социалисты-республиканцы — 308.	
<i>Глава XXIX.</i> Кризис гомруля 1912—1914 гг.	309
Парламентский акт 1911 г. 309. Оппозиция тори гомруля — 311. Оппозиция в Ольстере — 312. Классы в сопротивлении Ольстера — 313. Инцидент в Кэрра — 314. Борьба рабочих под руководством Ларкина — 315. Ирландские волонтеры — 316.	
<i>Глава XXX.</i> Путь к кровавой Пасхе	319
Редмонт, Национальная партия и война — 319. Раскол волонтеров — 321. Борьба с властями — 324. Подготовка восстания — 326. Пасхальный понедельник 1916 г. в Дублине — 328.	
<i>Глава XXXI.</i> Восстание на пасхальной неделе	329
Битва за республику — 330. Кровавый разгул реакции — 331. Взгляды на восстание — 333.	

<i>Глава XXXII. Переход к новому кризису</i>	335
Британское правительство в Ирландии — 335. Мертвые фе- нии — 336. Возникновение новой партии — 336. „Цирк“ Ллойд- Джорджа — 338. Сопротивление введению воинской повинно- сти — 338. Всеобщие выборы 1918 г. — 339.	
<i>Глава XXXIII. Англо-ирландская война и договор 1921 года</i>	340
Дайл Эйреанн — 340. Война с армией — 342. „Чернопегие“ — 343. Акт об управлении Ирландией — 344. Белфастские по- громы — 345. Перемирие и переговоры — 346. Договор 1921— 1922 гг. — 348. Гражданская война сторонников и противни- ков Договора — 349. Гражданская война и шесть графств — 350. Расчленение совершилось — 352.	
<i>Глава XXXIV. Экономическая война. Выводы на сегодня</i>	353
Де Валера возвращается к власти — 353. Зло расчленения — 355. Положить конец расчленению — 356.	

Редактор *И. П. Оныщук*
Художник *М. Г. Ровенский*
Технические редакторы *А. Н. Никифорова*
и *Б. И. Корнилов*
Корректор *О. В. Малых*

*

Сдано в производство 16/VIII 1949 г.
Подписано к печати 15/XI 1949 г.
А14739 Печ. л. 22³/₄ Уч.-издат. л. 44,1.
Формат 60×92¹/₁₆ Издат. № 6/432
Цена 22 р. 50 к. Зак. 1175

*

20-я типография „Союзполиграфпрома“
Главполиграфиздата при Совете Министров
СССР
Москва, Ново-Алексеевская, 52

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
30	20 сверху	де Валера	Де Валера
55	16 сверху	Килкенин	Килкенни
96	16 снизу	отмечалась	отличалась
109	7 снизу	„им революцию“	им „революцию“
133	14 сверху	переслать ее	переслать ее
153	7 сверху	„Объединенными ирландцами“ и врагами	„Объединенными ирландцами“, и врагами
164	11 сверху	отмечалось	отличалось
233	12 сверху	Он, Седлэр, и их последователи	Он, Седлэр и их последователи
248	17 снизу	жалования, назначенным	жалования назначенным
264	8 снизу	занимательным	значительным
267	8 сверху	Йоменри	Йоменри
287	11 снизу	превратила	превратили
291	19 сверху	интересовали	интересовало
300	13 сверху	лендлордам субсидии	субсидии лендлордам
323	23 снизу	Прис	Пирс
335	23 снизу	торийского-оранжистского	торийско-оранжистского
361	11 снизу	гомруля	гомрулю

ДЖЕКСОН

БОРЬБА ИРЛАНДИИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ